

A black and white photograph of a city skyline across a body of water, with a spiderweb in the foreground. The city skyline is visible in the background, with several tall buildings and a prominent spire. The water is calm, reflecting the city. The spiderweb is in the foreground, partially obscuring the view of the city and water. The text "Zygmunt Miłoszewski" is overlaid on the image in a white, sans-serif font.

Zygmunt Miłoszewski

CAWLEW

Annotation

Третья, заключительная книга из цикла о прокуроре Теодоре Шацком. Она, в основном, посвящена проблеме домашнего насилия.

Зигмунт Милошевский

ЯРОСТЬ

Марте

Представьте себе ребенка, который должен прятаться от тех, кого он любит. Малец делает все, что делают другие дети: строит башни из кубиков, сталкивает машинки, проводит беседы среди плюшевых зверей и рисует дома, стоящие под улыбающимся солнцем. Ребенок как ребенок. Но страх приводит к тому, что все выглядит иначе: башни никогда не рушатся, автомобильные катастрофы это, скорее, столкновения, а не настоящие аварии. Плюшевые звери обращаются один к другому шепотом. А вода в стаканчике для акварельных красок быстро превращается месиво грязно-серого цвета. Ребенок боится пойти поменять воду, и в конце концов все кирпичики акварельных красок измазываются грязной водой из стаканчика. Каждый следующий домик, улыбающееся солнышко и дерево принимают тот же самый цвет злой, синей тучи.

Именно таким цветом этим вечером написан варминьский^[1] пейзаж.

Гаснущее декабрьское солнце не способно извлечь каких-либо красок. Небо, стена деревьев, дом на лесной опушке и болотистый луг различаются лишь оттенками черного. С каждой минутой они сливаются все сильнее, так что под конец отдельные элементы делаются неразличимыми.

Монохроматический ноктюрн, пронизанный холодом и пустотой.

Трудно поверить, что в этом мертвом пейзаже, внутри черного дома живут два человека. Один из них живет едва-едва, но вот второй столь же интенсивно, как и мучительно. Это вспотевшее, запыхавшееся, оглушенное барабанным боем собственной крови в ушах людское существо пытается выиграть сражение у мышечной боли, чтобы довести дело до конца как можно скорее.

Существо это не может отогнать от себя мысли, что в кино подобное всегда выглядит иначе, и что после титров создатели всегда должны помещать предупреждение: «Уважаемые господа, предупреждаем вас, что в реальности совершение убийства требует животной силы, хорошей координации движений, а прежде всего — отличного физического состояния. Не советуем повторять подобное у себя дома».

Уже даже просто удержать жертву — это подвиг. Тело бежит от смерти самыми различными способами. Сложно назвать это сражением, скорее, это нечто среднее между спазмами и приступом эпилепсии, все мышцы напрягаются, и все совсем не так, как в книжках, где описывается, как жертва слабеет. Чем ближе к концу, тем сильнее и сильнее мышечные клетки пытаются использовать остатки кислорода, чтобы освободить тело.

А это означает, что нельзя давать им этого кислорода, ибо все начнется сначала. А это значит, что недостаточно просто удерживать жертву, чтобы та не вырвалась, нужно ее еще и душить. И надеяться, что последующая конвульсия будет последней, потому что на очередной рывок просто не хватит сил.

Тем временем кажется, что у жертвы запас сил бесконечен. У убийцы — совсем наоборот. В плечах нарастает резкая боль перегруженных мышц, пальцы стынют и перестают слушаться. Он видит, как медленно, миллиметр за миллиметром, те сползают с потной шеи.

Убийца думает, что не справится. И в этот самый миг тело под его ладонями неожиданно застывает. Глаза жертвы делаются глазами трупа. Слишком много он видел их в течение своей жизни, чтобы не узнать.

Тем не менее, он не способен отнять рук, изо всех сил душит мертвеца еще какое-то

время. Он понимает, что это в нем говорит и действует истерика, тем не менее, сжимает руки все сильнее и сильнее, не обращая внимания на боль в пальцах и руках. Как вдруг гортань проваливается под большими пальцами, так что становится неприятно. Убийца, перепуганный, ослабляет хват.

Он поднимается и смотрит на лежащий у его ног труп. Проходят секунды, затем минуты. Чем дольше убийца стоит, тем больше не способен он двинуться. В конце концов, он заставляет себя взять брошенное на спинке стула пальто и натянуть на себя. Он повторяет сам себе, что если не начнет быстро действовать, то через пару минут его останки присоединятся к лежащей на полу жертве. И дивится тому, как такого еще не произошло.

Но с другой стороны, думает прокурор Теодор Шацкий, разве не этого он желает более всего.

понедельник, 25 ноября 2013 года

Ученые на мышах доказывают, что можно полностью исключить мужскую хромосому Y без вреда для способностей к продолжению рода. Так что секс-миссия^[2] становится сейчас возможной с научной точки зрения. Мир переживает за Украину, власти которой окончательно заявили, что не подпишут договор об ассоциации с Европейским Союзом. В Киеве 100000 человек выходят на улицы. Международный День исключения насилия по отношению к женщинам. Статистика говорит, что 60 процентов поляков знают хотя бы одну семью, в которой женщина является жертвой насилия, а 45 процентов проживает или проживали в семьях, где такое насилие случилось или случается. 19 процентов считают, что ничего подобного, как грубое насилие в супружество существует, 11 же процентов считают, что ударить жену или партнершу по сожителству — это не насилие. Пендолино^[3] в ходе испытаний побивает в Польше рекорд скорости на железных дорогах: 293 км/час. Краков, третий по загрязненности город в Европе, запрещает угольное отопление. Жители Ольштына высказываются за то, что им более всего нужно в городе: велосипедные дорожки, спортивный зал и крупный фестиваль. И еще — новые дороги, чтобы преодолеть заразу автомобильных пробок. Удивляет низкая поддержка трамвайной сети, флагмана городских инвестиций. Вице-президент поясняет: «Мне кажется, многие люди уже давно не ездили на современном трамвае». Продолжается варминьская осень, на улице серо и гадко, несмотря на показания термометра, все чувствуют лишь то, что везде чертовски холодно. В воздухе висит туман, морось на улице замерзает.

1

Прокурор Теодор Шацкий не считал, что кто-либо заслуживает смерти. Никогда. Никто, какими бы не были обстоятельства, не должен ни у кого отбирать его жизни, ни вопреки закону, ни в соответствии с его буквой. Он глубоко верил в это с тех пор, как себя помнил, но вот сейчас, стоя на светофоре, на перекрестке Жолнерской и Дворцовой,^[4] впервые в жизни почувствовал, что его догмат теряет жесткость.

С одной стороны крупноблочные дома, с другой — больница, *vis-à-vis* больницы какие-то павильоны, на которых громадный баннер рекламирует «ярмарку кожи». Несколько мгновений Шацкий размышлял, только ли в его прокурорской голове это звучит двусмысленно.^[5] Типичный перекресток в воеводском городе, две улицы пересекаются только лишь потому, что где-то пересечься должны, никто здесь не притормаживает, чтобы поглядеть на виды за окном, народ проезжает — и все.

То есть, не проезжает. Люди подъезжали, задерживались и стояли словно бараны, ожидая зеленого сигнала светофора, а за это время их ноги вращались в педали, седые бороды вырастали и укладывались складками на коленях, а на концах пальцев вырастали ястребиные когти.

Когда сразу же после переезда он прочитал в «Газете Ольштыньской», что тип,

управляющий движением в городе, не верит в «зеленую волну», ведь тогда народ слишком разгонится, что создаст опасность дорожному движению, он подумал, что это даже смешная шутка. Вот только шуткой это не было.

Вскоре он узнал, что в этом небольшом, что бы там ни говорили, городе, который пешком можно пройти из конца в конец за полчаса, и в котором сообщение осуществляется по широким улицам, все постоянно стоит в пробках. И — здесь следовало отдать справедливость чиновнику — им, правда, угрожала апоплексия, но, по крайней мере, они не создавали угрозы остальным участникам движения.

К тому же, этот чиновник не верил, что обитатели Олыштына могли нормально свернуть налево, вначале пропустив едущие с противоположной стороны машины. Потому, по причине заботы об их безопасности, практически на каждом перекрестке это было запрещено. Каждая улица, включенная в перекресток, получала зеленый сигнал поочередно, в то время как все остальные вежливо стояли и ждали.

Очень долго стояли и ожидали.

Потому-то Шацкий громко выругался, когда на Дворцовой, в двух сотнях метров перед его ситроеном загорелся желтый свет. Никаких шансов на то, чтобы успеть, не было. Шацкий переключился на нейтральную скорость и тяжело вздохнул.

С неба летело какое-то варминьское говно: ни дождь, ни снег, ни град. Это нечто сразу же замерзало, как только попадало на лобовое стекло, и даже самые быстро движущиеся дворники не могли победить таинственной субстанции. Жидкость для разбрызгивателя только размазывалась. Шацкий и поверить не мог, что живет в городе, где возможны подобные атмосферные явления.

Он жалел, что у Польши нет заморских колоний, вот стал бы он прокурором на каком-нибудь райском острове, и там бы он преследовал пожилых пенсионеров за то, что те склоняют официантов и преподавателей румбы к сексуальным занятиям. Хотя — зная собственное счастье — единственной польской заморской колонией наверняка был бы остров в Баренцевом море, где пенсионеров нет, поскольку никто не доживает до сорока лет, а официанты держат водку в морозильнике, чтобы та не замерзала на улице.

И для развлечения Шацкий стал представлять, что он сделал бы с олыштынским инженером, ответственным за городское движение. Каким количеством наказаний он его наказал бы, какой бы боли подверг. И вот как раз тогда его собственный догмат о смертной казни начал трещать по швам, поскольку, чем более изощренные пытки Шацкий придумывал, тем большую радость и удовлетворение он испытывал.

Он бы и проехал на красный свет, если бы не то, что, будучи прокурором, он не мог просто-напросто получить штраф, заплатить и забыть. Заловленный дорожной полицией он должен был бы, к сожалению, признаться в своей профессии, а полиция должна была выслать начальству сообщение о событии и попросить наказать дорожного пирата в тоге. Как правило, все заканчивалось предупреждением, но информация оставалась в личном деле, пятнала историю службы и, в зависимости от злорадства начальника, даже могла повлиять на пенсию. А у Шацкого складывалось впечатление, что на новой работе его и так не слишком любили, так что предпочитал не подставляться. В конце концов он тронулся, проехал мимо больницы, проехал мимо публичного дома^[6] и старой водонапорной башни и по широкой дуге въехал — отстояв свое перед светофором — в улицу Костюшко. Вот здесь уже было на что положить глаз, прежде всего, на вызывающем уважение громадном здании Административного Суда, выстроенном когда-то в качестве управления олыштынского

регентства в Восточной Пруссии. Здание было превосходное: величественное, достойное, шестиэтажное море красного кирпича на облицованном тесаным камнем паркете. Если бы это зависело от Шацкого, он разместил бы в этом здании все три ольштыньские прокуратуры. Сам он считал, что имеет значение, то ли свидетелей по широкой лестнице допускают в такое вот здание или в архитектурное несчастье семидесятых годов, где размещался его район. Клиенты должны знать, что государство — это величие и сила на каменном фундаменте, а не экономия, недоделки, временные «лишь бы как», терразит и масляная краска на высоту панелей.

Пруссаки знали, что делали. Шацкий родился в Варшаве, и поначалу его раздражало уважительное отношение жителей Ольштына к строителям из малой родины. Ему немцы ничего не выстроили. Наоборот, они превратили столицу в кучу развалин, благодаря чему его город сделался жалкой карикатурой на метрополию. Он никогда их не любил, но следовало отдать справедливость: все, что в Ольштыне нарядное, что придавало этому городу характер, что создавало впечатление — будто город красив не очевидной красотой крепкой и закаленной женщины с Севера — все это построили немцы. Все остальное, в лучшем случае, было безразличным, но гораздо чаще — просто уродливым. А нескольких случаях, гадким настолько, что столица Вармии раз за разом делалась посмешищем Польши по причине архитектурных кошмариков, которыми ее украшали с упорством, достойным лучшего применения.

Конечно, все это было ему до лампочки, но если бы был старым немцем в сентиментальном путешествии в страну детства, он бы, похоже, залился слезами.

Проехав по Костюшко, Шацкий пересек Пилсудского, свернул в Мицкевича, проехал Коперника и нашел место для стоянки на улице Домбровцаков.^[7] Высаживаясь, брюзгливо подумал, что с тех пор, как в каждом городе на Возвращенных землях улицам были даны очень национальные названия, то обнаружить где-нибудь здесь перекресток Шевской с Котлярской^[8] было совершенно невозможно.

Лицей, в который он направлялся, носил имя — а как иначе — Адама Мицкевича. Но первые его выпускники учили не про польского национального вещуна-пророка, а про Гёте с Шиллером. Прокурор вновь подумал о том, что место значение имеет, глядя на мрачную краснокирпичную домину XIX века... Это была бы обычная, оставшаяся после немцев школа, если бы не неоготические декоративные элементы — острые крыши, окулюсы^[9] и огромные окна в центральной части фасада. Все это придавало зданию суровый, церковный характер, воображение подбрасывало оформление фильма ужасов о дидактическом эксперименте, в котором все пошло вразнос. Монашенки со стиснутыми губами, дети, сидящие без единого слова в одинаковой униформе; все они притворяются, будто бы не слышат животных воплей одноклассника, которого в третий раз заловили на несделанном домашнем задании. И никто его не бьет, о нет. Просто, он должен провести время урока один, в маленькой комнате на чердаке. Ничто и никогда еще там ни с кем не случилось. Но никто и не вернулся оттуда уже таким же, как раньше. Монашенки называют это «репетиторством»...

— Прокурор Шацкий?

Какое-то время тот бессознательно глядит на стоящую в школьных дверях женщину.

Затем кивает головой, пожимает вытянутую руку.

Учительница повела его по школьным коридорам. Интерьеры ничем особенным не отличались, если не считать того, что некоторые элементы — увенчанные арками дверные

проемы, толстые стены, деревянные двери, разделенные характерным образом на квадраты и прямоугольники — напомнили ему каникулы с родителями, которые он проводил у моря, в каком-то оставшемся от немцев доме неподалеку от Кошалина. Наверняка здесь тоже можно было почувствовать тот же запах старинных кирпичных стен, если бы не щекочущая в носу смесь подростковых гормонов, дезодорантов и пасты для паркета.

Шацкий не успел подумать над тем, скучает ли он по лицейским временам и не хотелось бы ему вновь пройти преисподнюю молодости, как они вошли в актовый зал, где собравшиеся ученики аплодисментами награждали трех женщин различного возраста, которые закончили дискуссию и теперь, улыбаясь, стояли на возвышении.

— Пан приготовил какую-нибудь краткую речь? — шепотом спросила учительница. — Молодежь очень на это рассчитывает.

Шацкий подтвердил кивком, думая, что даже уголовный кодекс разрешает лгать, когда даешь показания о себе.

2

Тем временем, в окрестностях Ольштына, не слишком близко, но и не слишком далеко, в ничем не выделяющемся доме по улице Рувней обычная женщина, настолько обычная, что почти что среднестатистическая, была погружена в невеселые мысли относительно себя самой. Как раз сейчас она пришла к заключению, что была ни на что не годной уже к моменту рождения. Все потому, что ранее у нее было целых девять месяцев, чтобы отойти от совершенной себя. Она представляла себе это так, что, возможно, еще в момент зачатия, стрелочка на ее циферблате божественной распредаблицы стояла посреди зеленого сектора, а потом дрогнула и пошла совсем не в ту сторону, что следует. Не настолько, чтобы она сама была больной, калекой или дурой — вовсе нет. Просто стрелка дрогнула и переместилась с зеленого поля на оранжевое. И когда первая клетка — кто знает, возможно, даже превосходная — разделилась на две, то были две первые частички несовершенной ее. А потом все уже пошло по накатанной, и в момент рождения она состояла из такого количества несовершенных клеток, что вред был неотвратим.

Перечень несовершенств тянулся в бесконечность, и, как это ни парадоксально, ей было легче вынести все это психически, поскольку о них знала только она. Отсутствие терпеливости. Отсутствие систематичности. Отсутствие собранности. Отсутствие эмпатии. Отсутствие материнского инстинкта, вот это, похоже, было для нее больнее всего. Знакомым она все время твердила, что справится, что сможет вынести лишь собственного ребенка, только собственный не действует ей на нервы. Все смеялись, она тоже смеялась, но не над тем, что сказала, но лишь над тем, что все то была херня, а не правда — собственный ребенок действовал на нервы сильнее всего. Даже когда рядом не было зеркала, было достаточно глянуть на квадратного пацана с маленькими глазками, чтобы видеть себя, все свои паршивые гены, произведенные запаршивевшими клетками.

Ну да, маленькие глазки. Их тяжело скрыть. Волосы еще как-то можно покрасить и уложить, узкие губы увеличить, остроконечные уши спрятать. Но вот маленькие глаза? Не существовало такой косметики, которая бы превратила те глубоко спрятанные в глазницах зыркальца в прекрасные, миндалевидные глаза. Такие глаза, которые бы ее спасли, чтобы люди говорили: ну, в принципе ничего особенного, но вот эти глаза, ну вправду: *с переду*

становила, как Бозя дарила. Так что, нечего делать, с переду она не становилась.

Глаз невозможно было спрятать, фигуры — тоже, на фигуру темных очков ведь не наденешь. Эта фигура была для нее самой большой проблемой. Ничто ее не выделяло. Если бы была очень худая — у таких тоже свои фаны имеются. Очень пухлая — тоже. С громадными грудями — да толпы на нее оглядывались бы. А он мог бы говорить: эх вы, сисечки мои, сисечки любимые... Так нет же, она была квадратной, а точнее — прямоугольной. Без бедер и без талии, с ногами как у селянской бабы, на которых целый день стоять можно. Вроде как и плоской она не была, но ухватиться тоже не за что было, у толстых мужиков иногда бывают такие сиськи. И эти плечи: словно все время носила блузку с подушками, в девяностых годах подобные были модными.

Она пыталась подобрать длинную юбку и свитер, чтобы оно как-то выглядело, что у нее таки талия и бедра имеются. Для нее крайне важно было выглядеть красивее, чем обычно. Чтобы иметь что-то для него, чтобы он знал, что это не было ошибкой.

Из гостиной раздался ноющий вой. А как же по-другому, ведь уже целых четверть часа, как им никто не занимается, если бы мог, то обязательно по Голубой Линии позвонил бы. [\[10\]](#) Она бросила свитерок на полку под зеркалом и побежала к ребенку. Малой стоял на коленях у шкафа, спрятав голову в подушки, и плакал.

— Что случилось?

— Ницё.

— Чего тебе не хочется?

— Не, — показал тот на телевизор.

— Ты не хочешь эту сказку?

— Нет.

— Губку Боба?

— Не.

— Черепашку Фрэнклина?

— Не, не, не!

Теперь он уже смеялся, посчитав, что это замечательная игра. Вот только слезы на щеках еще не высохли. Вроде как с детьми так и бывает, в мгновение секунды они способны забыть неприятные эмоции. Женщина не знала, как гормон был за это ответственным, но следовало бы его выделить и продавать в таблетках. Она сама сразу бы купила ведро.

— Зебру?

— Не.

— Синего медвежонка?

— Не.

— Ёбаного хуя в желе? — тон ее голоса не изменился даже на тысячную долю октавы.

— Не. Тика.

И рассмеялся таким сладеньким голоском, как будто понимал, что та имеет в виду. Женщина потерла лицо руками. Что ни говори, мамаша из нее чудесная. В конце концов, включила канал наугад, поскольку не помнила, где диск с Кротиком; к счастью, на экране появилась реклама, которая на маленького ребенка действует, словно укол героина. Малой застыл с наполовину открытым ртом, женщина же глянула на часы и пошла забросить в микроволновку блинчики с творогом.

Она не знает, что творится с этим временем, час назад пацан должен был уже пообедать. И вообще, ей следует что-то сделать. Сама сидит в хате целый день, а как только

он вернется, она способна предложить лишь блинчики двухдневной давности из микроволновки. Даже если к ним сделает еще и взбитые сливки и разморозит малину, все равно, это будут блинчики двухдневной давности.

И что скажет? Извини, дорогой, целый день я пыталась подобрать такие одежды, чтобы ты не узнал, что у твоей жены нет талии.

Она почувствовала, как в горле паника вырастает, словно третья миндалина. С трудом сглотнула слюну... Ну почему она не сделает чего-нибудь? Почему она такая, ни на что не пригодная? Такая — он и вправду способен все облечь в слова — размазня. Все именно так — размазня, каждый слог в этом слове звучит словно пощечина: раз — маз — ня. Первая такая крепкая, неожиданная, последняя — похожая на шлепок, уже неубедительная...

Ну почему она ничего не делает? У нее есть прекрасный сынок, изумительный сын, дом на лесной опушке, работать не обязана, для полного счастья не хватает только прислуги. Так что возьми себя в руки, женщина! Возьми малого, отправься в супермаркет «Лидл» и сделай какой-нибудь приличный ужин. Именно так!

Она вытащила блинчик из микроволновой печки, сына упаковала в пластмассовый стульчик для кормления — тот сразу же расплакался, так как не любил, когда что-либо делалось резко. Женщина поцеловала его в лобик и установила стульчик передом к телевизору: ну не было у нее времени на правильное воспитание, если не хотела со всем успеть. Она порезала блинчик на кусочки и тут же помчалась к зеркалу, минут пять сын будет есть, она же за это время оденется и чуточку подкрасится.

— Не цю! — донеслось из спальни.

— Хочешь, хочешь, такой вкусный блинчик, кушай сам — как большой мальчик, а потом пойдем гулять.

Она составляла в уме список покупок. Просто, эффектно и быстро. Жареная на гриле говядина, соус из сметаны и сыра с плесенью. А к мясу — пюре. На самом деле: обычная размятая блендером вареная картошка, но можно красиво выложить, словно в кабаке. У каждого на тарелке из этого пюре она выложит первую букву имени. И малой тоже с охотой поест, все мужики любят картошку, это же просто. Какая-нибудь зелень, только не салат из пакетика, он этого терпеть не может. Зеленый горошек... горошек с майонезом. Часть горошка оставит на украшение пюре.

Уже в обуви помчалась в столовую, еще забрала комбинезончик, чтобы не бегать...

То, что застала на месте, словами описать было тяжело.

Ее сыну удалось выдавить творожную массу из каждого кусочка блинчика, а потом размазать по себе, по стульчику, по столу и, что самое паршивое, по пульта дистанционного управления. По толстому пульта, подарку на Рождество, который можно было запрограммировать и только одним уже обслуживать телевизор, декодер цифрового сигнала, DVD и аудиокomплекс. Черный дизайнерский предмет с точскрином выглядел теперь так, словно его вылепили из творожной массы. И малой целился им в телевизор.

— Тика.

В голове у нее помутилось. Женщина присела возле стульчика, колено поскользнулось на кусочке блинчика.

— Послушай меня, сынок, потому что мне нужно сказать тебе кое-что важное, — спокойно начала она. — Ты ёбаный, злой и гадкий короед. И я тебя ненавижу. Ненавижу так сильно, что желаю оторвать твою лысую башку и положить ее на полке с плюшевыми зверями рядом с ёбанным, сдающимся немцам без единого выстрела, мудаковатым Кротиком.

Ты меня понимаешь?

— Тика?

Долгое время она глядела на него, в конце концов рассмеялась. А он, что бы там ни было, понял. Женщина подняла мальчонку и прижала к себе, думая о том, что ее особый свитер из «проекта талия» годится теперь только в стирку. Ничего не поделаешь.

Он не желал находиться здесь, ненавидел подобного рода мероприятия, место прокурора было в кабинете, в судебном зале или там, где было совершено преступление. Всякая любая иная деятельность понапрасну тратила деньги налогоплательщика, который платил ему заработную плату за стояние на страже законного порядка. А вовсе не за перерезание ленточек, посещение и выступления перед лицейской молодежью. Но кто-то посчитал, что следует сделать более человечным и теплым представлением о прокуратуре, и вот в просьбе из ольштынского лицея о вручении награды за работу о противодействии насилию не было очень вежливо отказано. Нет, просьба была с энтузиазмом принята, сам же он отобран в качестве представителя учреждения. Шацкий не успел возразить, когда начальница предупредила его вопрос, говоря: «Вот знаешь, почему к нормальным людям я посылаю такого ворчливого мизантропа?». И тут же упредила и его ответ: «Потому что ты единственный из всех похож на прокурора».

Но вот о речи даже не вспомнила.

— Благодарим вас за все работы, — учительница, которая привела Шацкого в зал, обращалась к молодежи с рутиной опытного преподавателя, — и за потраченные для их создания силы. Я восхищаюсь вашей преданностью делу и альтруизмом, так как не верю злым сплетням, якобы многие из вас занимались этим только затем, чтобы потом выклянчить лучшую оценку по поведению.

Всеобщий смех.

— Надеюсь, что мой класс уже сообщил вам, что для такой оценки важно поведение в течение всех трех лет, а не разовые подвиги.

Театральный стон разочарования.

Шацкий осмотрелся по актовому залу и почувствовал укольчик ностальгии. И не обязательно по временам, когда сам был молодым. Скорее уже, по тем временам, когда он еще не был разочарованным и озлобленным. Сам он притворялся брюзгливым циником еще со средней школы, но все те, кто тогда его знал, прекрасно понимали, что это всего лишь поза. Девчонки выстраивались в очередь к впечатлительному интеллектуалу, который прятался от окружающего мира в доспехи отстраненности и цинизма. Так было в лицее, так же было и в институте. Даже во времена ассессуры^[11] и первых лет работы было распространено мнение, будто бы под тогой, безупречным костюмом и кодексом прячется чувствительный и добрый человек. Только все это в прошлом. Он сменил место работы раз, два и три, постарел, окончательно разошлись его пути с теми, кто знал его юношей и молодым прокурором. Остались те, у которых не было оснований подозревать, что за его холодностью и отстраненностью скрывается еще что-то. Да и сам он в последнее время должен был признать самому себе, что прошляпил последний шанс, тот самый момент, когда доспехи перестали быть защитным одеянием, но превратились в неотъемлемую часть

Теодора Шацкого. Ранее он мог их снять и повесить на крючок, теперь же, словно киборг из фантастического романа, просто умер бы, если бы у него отобрали искусственные органы.

В этом же актовом зале он впервые почувствовал, сколь сильно давит его собственная конструкция. Что, если бы ему дано было еще раз выбирать, он выбрал бы точно то же самое, вот только плюнул бы на выработанную позу.

— Рынок труда — дело сложное, продолжала свое выступление учительница, — и у меня складывается впечатление, что многие из вас получили бы дополнительные баллы, если бы стали искать трудоустройства в Министерстве внутренних дел или юстиции.

— В Щитно! — выкрикнул кто-то из зала.

Взрыв смеха.

— Ну ты, Мунек, и даешь — скорее уже в Барчево!^[12]

Дикое веселье.

— Я имею честь приветствовать и пригласить на сцену человека, для которого юстиция — это профессия, но и, надеюсь, призвание. Пан прокурор Теодор Шацкий.

Тот встал.

Жиденькие аплодисменты. Ясное дело, а кто аплодирует прокурорам. Представителям профессии, цель которой — лизать задницу политикам или отпускать гадких преступников, схваченных доблестной полицией, или же партачить судопроизводство или обвинительные акты. Если бы он знал о собственной профессии только лишь из средств массовой информации, то в свободное время ходил бы в суд, чтобы оплевывать прокурорам их тоги.

Шацкий застегнул верхнюю пуговицу пиджака и уверенным шагом прошел по актовому залу к трем ступенькам, ведущим на возвышение. Оно не было выше его колен, так что он мог бы вскочить на него в один миг. Но, во-первых, у него не было желания прыгать словно обезьяна, а во-вторых, хотелось пройтись маршем перед аудиторией, чтобы дети увидели, как выглядит человек, стоящий на страже закона.

На Шацком был, как он сам его называл, «бондовский набор»: британская классика, которая никогда его не подводила, когда желал произвести впечатление. Костюм серого цвета неба перед грозой, в практически невидимую светлую полоску, голубая сорочка, узкий галстук графитового цвета с тонким узором. Платочек из необработанного льна, на сантиметр выступающий из кармашка пиджака. Запонки и часы из матовой хирургической стали. Того же самого оттенка, что и его густые, совершенно седые волосы. Сейчас он выглядел устоем силы и устойчивости Польской Республики.

Шацкий чувствовал на себе взгляды девочек, которые только-только успели превратиться в женщин — большинство из них как раз открыло, что мужской мир не заканчивается на блузах одноклассников, мятых пиджаках отцов и дедовских растянутых пуловерах. Они узнали, что существует классическая элегантность, означающая мужскую декларацию спокойствия и уверенности в себе. Способом сказать: мода меня не интересует. Я был, есть и всегда останусь модным.

Когда Шацкий это придумал, еще в институте, и решил довериться британскому покрою, более близкому его сердцу, чем итальянский и американский, то принял за аксиому, что сам он никогда не сможет себе позволить ассортимент с Сэвилл-Роу и даже *pret-à-porter* с высшей полки. Пришлось как-то приспособиться к костюмам с берегов Вислы, выглядящим словно от Хантсманна или Андерсонна и Шепарда. И такой способ он нашел. Это была, похоже, наиболее тщательно охраняемая тайна прокурора Шацкого.

Сейчас его провожали сотни молодых пар глаз, не желающих поверить, что этот вот

тип, на котором тряпки лежат лучше, чем на Дениэле Крейге,^[13] работает в бюджетной сфере. Осознавая производимое впечатление, Шацкий прошел мимо скучной академической картины, изображавшей некую античную сцену, и остановился перед микрофоном.

Нужно сказать что-нибудь веселое; у него складывалось такое впечатление, что все ожидают именно этого: молодежь, учителя, парень с дредами, снимающий торжество для школьной хроники. Директриса тоже желала бы увидеть в Youtube, как она легко и красноречиво представляет прокуратуру, что ни говори, ведь настоящий мужчина, а не сухарь, читающий на память статьи кодекса перед камерами. Сам же он желал почувствовать себя на мгновение одним из присутствующих в зале, припомнить, что когда-то был даже не молодым — это его не привлекало — но свежим. Другими словами: неиспорченным.

Шацкий разыскивал в памяти какую-нибудь школьную шутку для начала беседы, но посчитал, что не может заменить одну стилизацию другой.

Молчание затягивалось, по залу пробежал шорох; наверняка сразу пару десятков человек как раз шепнуло соседу: «ты-ы, так чего он тут». Учительница сделала движение, как будто бы желала подняться с места, чтобы спасти ситуацию.

— Статистика работает против вас, — холодно произнес Шацкий. Сильный голос, натренированный в ходе сотен процессов и заключающих речей, прогремел над головами собравшихся слишком громко, прежде чем кто-то отреагировал и уменьшил уровень звука. — Каждый год в Польше совершается более миллиона преступлений. Полумиллиону лиц представляются обвинения. Что означает, что на протяжении своей жизни часть из вас наверняка совершить запрещенное деяние. Скорее всего, вы чего-нибудь украдете или станете причиной дорожно-транспортной аварии. Быть может, кого-нибудь обманете или поколотите. Кто-то из вас наверняка кого-нибудь убьет. Конечно, сейчас вы даже не допускаете подобных мыслей, но большинство убийц их к себе тоже не допускали. Они просыпались как нормальные люди, чистили зубы, делали себе завтрак. А потом что-то случалось, неудачное стечение обстоятельств, событий, эмоций. И спать они шли уже как убийцы. Кого-нибудь из вас это тоже встретит.

Шацкий говорил спокойно, убедительно, словно в зале суда.

— Но статистика лжет. — Шацкий еле заметно улыбнулся, как будто бы должен был сообщить приятное известие. — Она охватывает лишь зло открытое. На самом же деле, обид и преступлений гораздо больше. Иногда они так и не выходят на свет божий, поскольку совершенные произведения совершаются ежедневно. Иногда это вещи слишком мелкие, чтобы пострадавшие желали о них заявлять. Чаще же всего зло скрывается за двойным занавесом страха и стыда. Это насилие в семье. Преследование в школе. Моббинг^[14] в фирмах. Изнасилования. Приставания. Черное число несправедливостей, которых невозможно сосчитать. Вас это тоже встретит. Одна из пяти сидящих здесь девушек станет жертвой насилия или попытки изнасилования... Вы станете психологически издеваться над партнерами, будете воровать деньги у неспособных защититься родителей. Дети будут сжиматься в комочек в своих кроватях, слыша ваши шаги в коридоре. Вы будете использовать для этого собственную жену, считая, что в своем праве. Или же станете притворяться, что крики избиваемых и насилуемых за стеной вас не касаются, что нечего соваться не в свое дело.

Шацкий сделал паузу.

— Я не знаком с вашими работами и не знаю, каким образом вы представляете

предотвращение насилия. Я, как прокурор, знаю только один способ.

Учительница молитвенно глядела на Шацкого.

— Вы желаете предотвращать насилие? Не творите зла.

Он отошел на шаг от кафедры, давая знак, что закончил. Учительница воспользовалась случаем, быстро поднялась на возвышение и вызвала победительницу конкурса. Виктория Сендровская, класс ПЕ. Эссе под названием *Как приспособиться, чтобы выжить в семье*.

Аплодисменты.

На подиум вскочила девушка, ничем не отличающаяся от похожих на нее клонов, которых Шацкий ежедневно встречал на улице, такой же клон даже проживал с ним под одной крышей. Ни высокая, ни низкая, ни худая, ни толстая, ни уродина, ни красавица. Да, красива, точно так же, насколько красивы все девчонки-восемнадцатилетки, у которых недостатки красоты бывают, самое большее, милыми. Волосы, собранные на затылке, очки. Белый тоненький гольф — в качестве облачения для школьного торжества. Единственное, что ее выделяло, это длинная до самого пола, стекающая юбка, черная, словно вулканическая лава.

Учительница поначалу сделала движение, как будто собиралась дать диплом Шацкому, но передумала, глянула на прокурора неприязненно и сама отдала папку девушке. Виктория вежливо кивнула ей и Шацкому, после чего возвратилась на свое место.

Прокурор посчитал, что это прекрасный момент для того, чтобы исчезнуть и самому, потому выскользнул в коридор. Едва он успел пробежать под висящей над дверью актового зала картиной с античной сценой — на первом плане стояла задумавшаяся и несчастная женщина, скорее всего, героиня трагедии — в кармане завибрировал телефон.

Из фирмы. Начальница.

О, Зевс, — взмолился Шацкий, — дай мне какое-нибудь приличное дело.

— Уроки закончились?

— Да.

— Прошу прощения за то, что морочу вам голову, но не мог бы пан поехать на Марианскую? Это на одну минутку, нужно только стряхнуть пыль с немца.

— Немца?

— По причине дорожных работ обнаружили какие-то древние останки.

Шацкий глянул в школьный потолок и выругался про себя.

— А Фалька послать нельзя?

— У Пинокио слушания в Барчево. Все остальные или в суде, или же в окружной на переподготовке.

Шацкий молчал. Ну что это за начальница, которая оправдывается.

— Марианская — это там, где морг?

— Да. Вы увидите патрульную машину в самом низу, возле больницы. Можете перенести кости на другой берег Лыны,^[15] тогда это уже это будет дело южных.

Шацкий комментировать не стал. Управление посредством сердечности, дружелюбия и попыток остроумия всегда действовало ему на нервы. Сам он предпочитал просто сделать дело. А в Ольштыне с этим было исключительно паршиво, мгновенный переход на «ты» плюс шуточки, а двери в кабинет Эвы всегда были настолько намеренно открытыми, что ее секретарша должна была страдать от хронической простуды.

— Поеду, — только и сказал он, и тут же отключился.

Шацкий надел и застегнул пальто. Машину поставил вроде бы как и близко, но лед,

валящийся с неба, был словно библейское бедствие.

— Пан прокурор?

Шацкий обернулся. За ним стояла Виктория Сендровская, ученица IIЕ класса. Свои диплом она держала словно щит. Девушка молчала, и Шацкий не знал, то ли она ожидает поздравлений, то ли ждет, когда он начнет разговор. А ему ей не было чего сказать. Он присмотрелся к ученице. Та все так же ничем не выделялась, а вот глаза у нее были очень большие, светлые, с бледно-голубым оттенком ледника. И очень серьезные. Быть может, она бы и показалась ему интересной, если бы не то, что у него имелась шестнадцатилетняя дочка. Уже давно жизнь вмонтировала ему в голову некий переключатель, в результате чего он полностью перестал обращать внимание на молодых женщин.

— Эти крики избиваемых и насилуемых за стеной...

— Да?

— Вы были не правы. Несообщение о преступлении является наказуемым, но только лишь в исключительных случаях, таких как убийство или терроризм. А насиловать можно на стадионе, при полных трибунах, и для зрителей это будет, самое большее, неблагоприятным с точки зрения морали.

— Как раз в случае изнасилования можно признать, что сорок тысяч зрителей принимало участие в покушении на сексуальную свободу вместе с насильником и впаять им всем за групповое изнасилование. Так даже лучше, наказание повыше. Вы что, желаете проэкзаменовать меня на знание Кодекса?...

Девушка, смутившись, отвела взгляд. Выходит, он отреагировал слишком резко.

— Мне известно, что Кодекс пан знает. Было любопытно, почему пан так сказал.

— Назовем это заклинанием действительности. Лично я считаю, что в двести сороковую статью следует включить домашнее насилие. Впрочем, так уже сделано в законодательстве нескольких стран. И Я посчитал, что в данном случае небольшой пересол имеет учебную ценность.

Девушка кивнула, словно учительница, которая только что услышала верный ответ.

— Хорошо сказано.

Шацкий слегка поклонился ей и вышел. Замерзающая на лету морось ударила ему в лицо словно порция дробы.

Издали все это походило на обстановку модной фотографической сессии, чего-то в стиле «индастриал». На третьем плане из темноты проявлялось темное здание городской больницы, выстроенной еще немцами. На втором плане желтый экскаватор слонялся над дырой в земле, как будто бы с любопытством заглядывая в нее, а рядом стояла патрульная полицейская машина. Огни фонарей и фары полицейского автомобиля пробивали тоннели в густом варминьском тумане, отбрасывая странные тени. Трое мужчин рядом с машиной глядели на главного героя кадра: прекрасно одетого седого мужчину, стоящего в открытой двери угловатого ситроена.

Прокурор Теодор Шацкий знал, чего ожидали стоящие перед ним инженер, полицейский в мундире и неизвестный ему молодой дознаватель. Они ожидали, когда же наконец расфуфыренный чинуша из прокуратуры приложится задницей о тротуар. И правда,

он с трудом удерживал равновесие на тротуарной плитке, покрытой — как и все вокруг — тонким слоем льда. Ситуацию никак не облегчало то, что улица Марианская шла слегка под горку, а прокурорские туфли, надетые, чтобы произвести впечатление на лицеистов, вели себя словно коньки. Шацкий боялся, что позорно грохнется, лишь только отпустит дверку автомобиля.

Его присутствие здесь — равно как и полиции — было всего лишь формальностью. Прокурор вызывался в случае всех смертей, случившихся за пределами больниц, когда появлялось сомнение, а не является ли смерть результатом некоего запрещенного деяния, и нужно было принять решение: начинать ли по этой причине следствие. Это означало, что иногда приходилось беспокоиться и добираться на какую-нибудь строящуюся дорогу или гравийный карьер, где были обнаружены кости столетней давности. В Ольштыне это называлось «стряхнуть пыль с немца». Неблагодарная и занимающая кучу времени обязанность, весьма часто — поездка на другой конец повята, где нужно было бродить по щиколотки в грязи. Здесь же, по крайней мере, немец лежал посреди города.

Формальность. Шацкий мог их вызвать, чтобы ему рассказали: что да как, после чего заполнить бумажки в теплом кабинете.

Мог, но никогда так не поступал, да и сейчас посчитал, что он слишком стар для того, чтобы изменять привычкам.

Шацкий высмотрел на земле комья обледеневшей грязи; если их притоптать, они должны обеспечить более-менее сцепляемость. Он встал на один такой и осторожно захлопнул дверку автомобиля. Затем в четыре довольно странных шага добрался до экскаватора и схватился за его покрытый грязью ковш, с трудом сдерживая усмешку триумфа.

— Где останки?

Молодой дознаватель указал на дыру в земле. Шацкий ожидал увидеть выступающие из грязи кости, тем временем, в мостовой зияла черная яма, из которой выглядывал конец алюминиевой лесенки. Покрытой льдом, как и все остальное. Не ожидая дополнительных сведений, прокурор спустился вниз. Что бы там его ни ожидало, наверняка было лучшим, чем ледовая крупа с неба.

Он на ощупь спустился в самый низ, в дыре пахло мокрым бетоном, наконец встал на мокром, но твердом основании. Дыра, из которой несло замерзающим дождем, была в полуметре над ним, до потолка можно было достать рукой. Шацкий снял перчатки, провел по потолку рукой. Холодный бетон со следами опалубки. Убежище? Бункер? Склад?

Прокурор отодвинулся, давая место спускающемуся дознавателю. Полицейский включил фонарик, второй вручил Шацкому. Прокурор включил светодиодный прибор и оглядел товарища по осмотру. Молодой, около тридцати лет, с совершенно несовременными усами. Красивый провинциальной красотой здорового крестьянского сына, который выбился в люди. С печальными глазами довоенного националистического деятеля.

— Прокурор Теодор Шацкий.

— Подкомиссар Ян Павел Берут, — представился полицейский и опечалился, наверняка ожидая шуточку, которую обычно слышал в подобной ситуации. [\[16\]](#)

— Что-то не могу вас вспомнить, но я здесь всего два года, — сказал Шацкий.

— Я совсем недавно из дорожной полиции сюда перешел.

Шацкий комментировать не стал. Ротация дознавателей была головной болью для прокуроров. Туда никогда не попадали никакие желторотики, но офицеры, уже отслужившие

свое, прежде всего, как оперативники. В большинстве своем, они быстро убеждались в том, что следственная работа ни в чем не походит на похождения детективов из американских фильмов, а поскольку достаточно скоро имели право перейти на профессиональную пенсию, тут же этим и пользовались. Сегодня легче было встретить опытного участкового, чем следственного офицера.

Не говоря ни слова, Берут повернулся на месте и направился в глубь коридора. Обыкновенного бетонного коридора, который мог быть остатком от чего угодно — для Шацкого это никакого особенного значения не имело. Через пару десятков шагов боковые стены куда-то пропали, а следователи очутились в сводчатом зале в форме квадрата, высотой более двух метров, длиной метров в пятнадцать. В одном углу громоздились проржавевшие больничные кровати, столы и стулья. Берут обошел кучу и пробрался к противоположной стенке. Там стояла кровать, в некоторых местах белая, там, где не сошла краска, а в остальном оранжевая от ржавчины. На раме лежал черный от сырости кусок фанеры, а уже на фанере — старый скелет. Довольно-таки полный, насколько Шацкий мог судить, хотя кости были частично перемешаны, быть может, крысами, а часть их лежала на земле. Череп, во всяком случае, был целехонек, почти что все зубы были на месте. Образцовый немец.

Шацкий сжал губы, чтобы громко не вздохнуть. Вот уже несколько месяцев он ожидал какого-нибудь осмысленного дела. Может трудного, может спорного, может неочевидного. В любом смысле: следствия, доказательств, закона. И ничего. Из серьезных вещей у него имелось два убийства, одно разбойное нападение и одно изнасилование в Кортове. Всех преступников задержали на следующий же день после случившегося. Убийц, поскольку они были близкими родственниками. Разбойника — потому что городской мониторинг записал виновника чуть ли не в качестве НД. Насильника — потому что коллеги по студенческому общежитию поначалу его хорошенько избили, а потом доставили в полицию — уже знак того, что что-то в народе все-таки меняется. Мало того, что все преступники были сразу же задержаны, так все сразу же и признались. Они дали признательные показания со всеми подробностями, и Шацкий в четыре вечера уже мог идти домой, пульс не ускорился даже на десять ударов в минуту.

И вот теперь немец. На десерт после школьного мероприятия.

Берут вопросительно глянул на прокурора. Сам он ничего не говорил, потому что говорить было и нечего. На его лице сейчас было выражение такой печали, словно бы кости принадлежали члену его семейства. Уж если у полицейского подобное выражение было все время, то его коллеги из прокуратуры наверняка передают друг другу номерки к психотерапевту, который лечит их депрессию.

Здесь же делать было нечего. Шацкий обвел помещение лучом фонарика, то ли из рутины, то ли потому, что желал чуточку потянуть время: под землей было намного теплее, чем наверху, опять же, его не атаковали никакие атмосферные явления.

Ничего интересного. Пустые стены и выходы в коридоры; судя по архитектуре, помещение было старым убежищем, явно для пациентов и персонала госпиталя. Где-то должны находиться засыпанные входы, туалеты, возможно — еще несколько подобных зал, какие-то комнаты поменьше.

— Остальные помещения проверяли?

— Пусто.

А вот интересно, как все это выглядело, подумал Шацкий. Их эвакуировали на время какого-то обстрела под самый конец войны, потом этот здесь скончался, а остальные

вышли? Слишком много чего творилось, чтобы помнить об одном покойнике под землей? Или это уже после войны кто-то спрятался здесь, и во время сна сердце не выдержало?

Прокурор подошел к останкам и пригляделся к черепу. Никаких видимых повреждений, характерных вмятин или дыр после удара тупым предметом, не говоря уже об огнестрельных ранениях. Похоже на то, что если кто и помог немцу переселиться в мир иной, то не таким образом. Так или иначе, смерть не спасла его от военного или послевоенного грабежа.

— Одежды на нем не было, — читал в мыслях Шацкого Ян Павел Берут.

Шацкий утвердительно кивнул. Даже если предположить, что грызуны с черви съели все, что можно было съесть, все равно, должны были остаться какие-то клочья, пряжки, пряжечки, пуговицы. Кто-то должен был слямзить все сразу же после смерти, еще до того, как одежда впиталась в разлагающиеся ткани.

— Законсервируйте остатки и доставьте в университет. Я напишу постановление о передаче. Пускай немец еще разик на что-то пригодится.

Старая варшавская практика. Ни один NN (неизвестный) в земле не упокаивался. Во-первых, жалко денег налогоплательщика; во-вторых, медицинские учебные заведения способны переработать любое количество останков. Старые костوماхи обладают для них стоимостью большей, чем слоновая кость.

5

Домой Шацкий не спешил. Он еще заглянул в контору, быстро написал постановление о передаче останков для учебных целей, чтобы выкинуть это дело из головы. Из собственного кабинета в здании районной прокуратуры Ольштын-Север на улице Эмилии Плятер он почти что мог увидеть место, в котором получасом ранее спускался под землю.

Вообще-то, из его кабинета вид был неплохой. Не имеющее особых примет здание стояло на вершине откоса, под которым текла узкая Лына, от которой Ольштын взял свое имя. Понятное дело, имя предыдущее, когда реку называли *Alle*, а город — *Allenstein*. Вокруг русла тянулись дикие заросли, которые лишь без памяти влюбленные в свой город жители Ольштына называли парком. Сам Шацкий называл их черной зеленой дырой, и с парком они, по его мнению, имели столько же общего, сколько пожар с обогревом жилища. После наступления темноты он не отправился бы вглубь этих кушарей даже с сопровождением, поскольку предчувствовал, что черная зеленая дыра заселена не одними только жуликами, грабителями и лицами, желающими посягнуть на сексуальную свободу. Единственное, по причине чего нечто подобное могло сохраниться в самом центре столицы воеводства, было существование нечистой силы.

Теперь ей приходилось отступать по причине бульдозеров, поскольку дыру как раз начали возвращать к нормальной жизни. Принимая во внимание, что в Ольштыне слово «улучшение» звучало словно угроза, наверняка там все вырвут к чертовой матери с корнями, а на открывшемся месте уложат гигантскую мозаику из розовой плитки, а потом еще будут хвалиться, что то единственна в мире конструкция из польской тротуарной плитки, которую можно видеть из космоса невооруженным глазом.

— *They paved Allenstein and put up a parking lot (Замостили Алленштейн и сделали из него парковочную площадку)*, — пропел он себе под нос, прикладывая к документу печать.

Самое главное, чтобы для него не выстроили тут никаких розовых отелей, чтобы вид из

окна оставался тем же самым. Шацкий встал, надел пальто и погасил свет. За окном мрак зеленой дыры отделял его от города. Прямо напротив ярко освещенный собор высился над застройками старого города, словно громадная квочка, прижимающая к себе кучку цыплят. Справа над крышами выбивалась башня готического замка и часовая башня ратуши. Слева Ольштын спускался вниз, и это там, уже за зеленой дырой, размещались старая городская больница и убежище, которое пару часов назад перестал быть местом вечного упокоения для господина немца.

Дождь перестал, поднялся легкий туман, и боковая улочка Эмилии Плятер превратилась в мечту фотографа, готовящего альбом, посвященный меланхолии Вармии. Все было черно-серым, как оно и бывает под конец ноября, все покрыто тонюсеньким слоем льда. На тротуаре он выглядел угрозой жизни и здоровью, зато на безлистных деревьях эффект был просто сказочным. Каждая, даже самая мельчайшая веточка превратилась в сосульку, переливающуюся в мягком, распыленном туманом свете уличного фонаря. Шацкий глубоко вдохнул холодную влагу и подумал, что эта деревня нравится ему все больше и больше.

Прокурор осторожно перешел на другую сторону улицы и подумал, что им обязательно нужно будет переехать. Во-первых, до неприятности извращенным был факт, что он живет прямо напротив места работы. Как когда-то тщательно подсчитал — в тридцати девяти шагах. По дороге у него не было времени остыть, успокоить мысли, переключиться на домашний режим. Во-вторых, он терпеть не мог вот эту мрачную, оставшуюся от немцев виллу, в прошлом, дом директора частной гинекологической клиники, находящуюся по другую сторону забора, сейчас — Дом молодежи. К сожалению, директору хотелось быть человеком современным, и вместо нормальной хаты он поставил тяжелый параллелепипед, модернистское чудище, монументальное настолько, насколько может быть монументальным односемейный дом. Достаточно сказать, что вместо традиционной балюстрады у входных ступеней здесь имелась колоннада под крышей. Шацкий, вывешивая недавно флаг на День Независимости, шутил, что соседям следовало бы нанять человека, который стоял бы у входа по стойке смирно, держа в руках зажженный факел.

Опять же, в последнее время Шацкому на самом деле нужны были эти несколько минут, чтобы психологически подготовиться к тому, что его ожидало. Потому он решил чуточку потянуть время и, вместо того, чтобы сразу же зайти в дом, обошел виллу, прошел сквозь обледеневший сад и заглянул в кухню, стараясь встать за пределами падающего из окна света. В своем пальто и с папкой в руке он походил на какого-то подглядывающего в окна извращенца семидесятих годов.

Естественно, и большая оскорбленная вредина и малая оскорбленная вредина замечательно развлекались вместе, что он давно уже заметил. Большая вредина рисовала что-то на громадном листе ватмана, наверняка размещение гостей на очередной свадьбе. Малая сидела на высоком табурете, болтала ногами и увлеченно рассказывала о чем-то, размахивая руками. Большая, заинтересовавшись, поднимала голову, потом смеялась.

— Богомолки хреновы,^[17] — шепнул Шацкий.

В Ольштыне он жил уже больше двух лет, с Женей встречался немногим меньше, вот уже более года они жили вместе. Его первая серьезная связь с момента расставания с Вероникой более шести лет назад. Хорошая связь, удачная, клевая. Он даже не боялся применить слово: счастливая.

Несмотря на различные помехи и мелкие пертурбации, ему удавалось договариваться и с Хелькой, которая приезжала к ним то ненадолго, то на подольше. Шацкий очень

осторожно привыкал к мысли, что, возможно, у него еще будет нормальная жизнь, что за все эти долгие годы вовсе не было столь очевидным.

Потому, когда великий сценарист решил устроить поворот в сюжете, Шацкий чувствовал, скорее, возбуждение, чем беспокойство. Муж Вероники получил стипендию в политехническом институте Сингапура, она же решила устроить себе приключение всей жизни. Параллельно с этим Вероника посчитала, что раз ее накачанная гормонами доченька завершила гимназию, то новую образовательную ступень можно будет объединить с укреплением отношений с отцом. Сам он отреагировал на это предложение с энтузиазмом, на что его бывшая жена вначале долго молчала, после чего рассмеялась тяжким, горьким смехом опытной женщины.

И так вот под конец августа он привез заплаканную, пережившую различные стадии истерики Елену Шацкую в Ольштын, чтобы здесь она могла получать образование во Втором общеобразовательном лицее, не обладающем столь живописным зданием, как учебное заведение Виктории Сендровской, зато гордящимся званием лучшей школы во всем воеводстве. Хеля, естественно, выкопала злорадные «правильные» рейтинги, чтобы показать отцу, что «лучший» в Вармии и на Мазурах означает восемьдесят второе место по всей Польше, а перед легендарной и лелеемой здесь «двойкой» поместилось ровно двадцать пять варшавских лицеев.

А потом все уже было только хуже.

Две женщины его жизни превратились в большую оскорбленную мегеру и малую оскорбленную мегеру. Функционирующие весьма нормально, пока он не появлялся в поле зрения, и вот тогда они начинали сражаться за его виды, словно Юстына Ковальчик и Марит Бьёрген^[18] за метры снежной дорожки. Шацкий понимал, что это он где-то делает не так, вот только понятия не имел — что. И в этой эмоциональной ловушке был совершенно беспомощен.

Тут у него онемела нога. Прокурор сменил позу, и тут случилось то, что и должно было случиться: пару секунд он еще вытанцовывал на месте, после чего рухнул на замороженные кусты роз.

Окно кухни тут же приоткрылось.

— Ежи? — спросила перепуганная Женья.

Ежи когда-то был мужем Жени, после развода постоянно ее преследовал, его за это даже ненадолго забирали в полицию.

— Это я. Захотелось пройтись по саду.

Шацкий, шипя от боли, потому что колючки ранили ему ладони, выбирался из кустов.

— Ага, — страх в голосе Жени тут же сменился холодностью. — Мне как-то всегда казалось, что это у Ежи с головой не в порядке. Но, может это со мной что-то не так, раз все мои мужики по кустам прячутся.

— Да успокойся. Глянь, как на дворе хорошо. Я только воздухом хотел подышать.

— Папа? — слабый голосок неожиданно раздался из окна сверху; Хелька, похоже, туда телепортировалась, раз только что сидела на кухне.

Лицо у дочки было словно у ребенка из документального фильма об ужасах сиротских домов Третьего Мира.

— Привет, милая. Все в порядке?

— Что-то я не очень хорошо себя чувствую. Папа, мы можем поговорить? Придешь?

Не говоря ни слова, Женья захлопнула кухонное окно. Шацкий повесил пальто и прошел

на кухню обнять свою женщину. И действительно, та разбиралась со списком гостей; судя по расположению столиков, свадьба должна была состояться в каком-то нетипичном помещении.

— Где же это?

— Плоты на Вульпинском озере. Свадьба, объединенная с празднованием купальской ночи. Ужас, я все время представляю себе плывущие по воде трупы. Похоже, придется вписать в договор запрет на спиртное. Если хочешь, есть твои вчерашние макароны, остались... — тут она замялась, вроде как желая сказать, что ему оставили, но это означало бы, что они обедали вместе с Хелькой. — Для меня они слишком острые, — закончила она.

— Ставь разогреваться, а я схожу к Хеле.

— Ага, но ты вернешься к какому-то конкретному времени, или я могу отправиться в бассейн?

Тон ее не оставлял никаких сомнений, что никакой бассейн ее сейчас не интересует. Просто она так дает понять, насколько будет обижена и разочарована, если очередной вечер проведет сама.

— Я ненадолго.

В комнате Хели горел только ночник, шестнадцатилетняя дочка Шацкого лежала на кровати, накрывшись тонкой курточкой, словно это было единственное доступное ей покрывало.

— Посидишь со мной?

Шацкий присел к дочери.

— С тобой что-то не так?

— Голова болит. Наверное, это климат. А ты знаешь, что прусские солдаты получали здесь добавку за работу в трудных условиях? Сырость подрывала их здоровье. Я же из-за этого не могу сконцентрироваться на учебе.

Шацкий почувствовал раздражение. Он уже хотел ядовито сообщить, что этот живописный анекдот относится к Вроцлаву, а во-вторых, какой еще, черт подери, учебе, ведь буквально только что на кухне прекрасно развивались светские отношения. Но от открытого конфликта он предпочел уклониться. В разговорах с дочкой он никак не мог найти никакой разумной середины, когда доходило до спорных ситуаций, тем более — трудных эмоционально, которые требовали разговора серьезного и душевного. Он либо уходил в агрессию, либо же бежал в какую-то болтовню ни о чем, типа «ну как там в школе — классно — ну, супер».

— А что нужно учить?

— Нам необходимо сделать проект, презентацию о польском ученом.

— Коперник или Склодовская?

Хелена выпрямилась, даже весьма шустро для несчастной жертвы, которой три месяца пребывания в Ольштыне разрушили здоровье и заразили ревматизмом суставы.

— Ну вот как раз мне бы не хотелось. В интернете я нашла различные варшавские проекты и презентацию о Вольщане.^[19] Ну, ты знаешь, это тот...

— Я знаю.

— Впрочем, я тебе покажу.

Хеля потянулась к компьютеру.

— Только про Вольщана мне тоже не хочется. Тут есть один документ, глянь...

— Говоря по правде... мои макароны... — Не хватало еще, чтобы Шацкий начал заикаться. Если бы кто-нибудь записал эту сцену и забросил в Нэт, то многие осужденные прокурором Теодором Шацким, и теперь находящиеся в польских пенитенциарных заведениях, порвали бы себе животы со смеху.

Дочка глянула на него, несколько недоверчиво, немного вопросительно. Ее мать всегда так на него глядела.

— Мария Янион?^[20] — с вежливой заинтересованностью спросил наконец Шацкий.

— Выдающийся ученый. Женщина. И лесбиянка. Мне показалось, что здесь, на селе, немного гендера пригодилось бы. Я покажу тебе фрагмент этого фильма, хотелось бы с него начать... Я так возбуждена, но ведь в новой школе поначалу нужно выделиться. Понимаешь?

Внизу хлопнула дверь.

Прокурор Теодор Шацкий подумал, что этот вечер будет долгим.

вторник, 26 ноября 2013 года

В годовщину смерти Адама Мицкевича свой день рождения, как и каждый год, отмечает Тина Тёрнер. Ей исполнилось 74 года. Организация Human Rights Network с тревогой сообщает о масштабе насилия в Сирии, где насилие по отношению к женщинам сделалось орудием войны. Внесемейный секс запрещен, а жертва насилия считается виновной в нарушении этого запрета. Европа до сих пор надеется, что власти Украины сменят свое мнение относительно уже готового договора об ассоциации. Срок заканчивается в пятницу. Помимо того, премьер Шотландии официально прогнозирует проведение референдума, на котором шотландцы примут решение о выходе из Соединенного Королевства; папа римский Франциск критикует культ денег. В Польше продолжается дискуссия относительно ожидающего подписи президента постановления о «чудовищах», в соответствии с которым, особо опасных преступников после того, как они отбудут наказание, станут направлять в специальные психиатрические заведения. В Ольштыне, городе контрастов, темой дня стали далекое прошлое и отдаленное будущее. Археологи откопали неподалеку от Высокой Браны^[21] готическую опору, остаток средневекового моста. Похоже на то, что сотни лет назад река Лына протекала не так, как мы считаем сейчас. В то же самое время воеводские чиновники подписали договор, благодаря которому весной начнутся работы по строительству международного аэропорта в Шиманах; ольштынская улица хохмит, что после завершения работ тайных заключенных ЦРУ^[22] будут отправлять домой в комфортных условиях. По всей Польше довольно солнечно как на это время года, а вот в Вармии — туман и замерзающая в воздухе морось.

1

Прокурор Теодор Шацкий пил мелкими плоточками кофе в кухне размерами с однокомнатную квартиру и делал вид, что поглощен чтением «Газэты Ольштынской», чтобы не принимать участия в висящем в воздухе разговоре относительно эмоций. Его маскировка была далеко не первого сорта, так как не было в мире человека, которого бы «Газета Ольштынска» могла бы настолько заинтересовать. Шацкий не раз размышлял о том, кто здесь глядит власти на руки, если местные средства массовой информации занимаются — как в этом конкретно номере — плебисцитами по теме самого симпатичного почтальона. Мазнул глазами по стандартному тексту о насилии в семьях — три тысячи новых голубых карт^[23] в регионе, какой-то полицейский, имеющий хоть какие-то мозги в голове, предлагает усилить бдительность, поскольку очень редко жертвы и преступники берутся из патологических семей. На какой-то миг взгляд Шацкого привлек драматический фоторепортаж о спасении лося, застрявшего в какой-то заполненной грязью яме. Он еще подумал, что следует спрятать газету от Хели, в противном случае та снова станет выступать, что приходится жить в лесу с дикими зверями. Лося спасли охотники, что породило у Шацкого подозрение, что поначалу они сами животное туда загнали, чтобы

потом иметь возможность говорить с телеэкрана, что они, мол, вовсе не стая накачаных тестостероном придурков, которым хочется, после приличного употребления водки с бигусом, кого-то пострелять. Нет, они зверей спасают!

— О тебе что-нибудь имеется?

Шацкий удивленно глянул на Женю.

— Нет, а что?

— Аделя писала, что ты, вроде как, выступал на первом канале.

Теодор пожал плечами, пролистал газету до конца и театральным жестом отбросил ее.

— Как-то в масштабах всей страны все это выглядит гораздо лучше. Женщины, убивающие собственных детей; случаи линча деревенских бандитов; президенты, сующие подчиненным руки в трусы. Где это все?

Женя зыркнула на него через плечо, высоко приподнимая бровь. Для нее этот жест был настолько характерным, что его следовало напечатать на визитках вместо имени и фамилии.

— Ты с ума сошел? Хочешь, чтобы люди детей убивали?

— Конечно же — нет. Но раз уж им так надо. То пускай уже делают это на моей смене. Такое себе Влодово, да, все было неплохо.

— Ты болен.

— Ты смотришь на это дело слишком эмоционально. Дело по своей фабуле и с юридической точки зрения было увлекательным. А ведь что произошло? Погиб вечно пьяный зэк и бандит, который терроризировал всю округу. Особого вреда — никакого. Виновные отсидели несколько месяцев, потом президент их помиловал, так что, по сравнению с тем, что они наделали, особо и не страдали.

— И правильно.

— А вот этот взгляд можно и оспорить. Общество должно быть информировано, что нельзя решать конфликты путем забивания дрынами до смерти.

— Ты говоришь, как прокурор.

— Интересно, почему.

Шацкий встал, поправил манжеты сорочки и надел пиджак. Было без трех минут восемь. Он обнял Женю и поцеловал ее в губы. Даже босиком она была высотой с него самого, и это ему страшно нравилось.

— Во-первых, нам наконец-то следует поговорить. Ты знаешь об этом?

Шацкий нехотя кивнул. Знал.

— Во-вторых, ты же помнишь про принцип двух минут, правда?

Женя указала на следы от завтрака. Крошки, пятно от кофе, тарелки. А он подумал, что очень многие ее высказывания превращаются в вопросы. У допрашиваемого он принял бы это за проявление неуверенности, у нее же это была социотехника, которая заставляет собеседника постоянно поддакивать, благодаря чему, он же с разгона соглашался с тем, на что охоты не имел.

Потому-то он не поддакнул.

— Все действия, которые не занимают более двух минут, мы делаем сразу, так? Тем самым облегчая жизнь в семейном кругу. Теперь вопрос...

Какая неожиданность, подумал Шацкий.

— Сколько нужно времени, чтобы помыть тарелку, стакан и чашку? Больше двух минут?

— Мне пора на работу, — указал он на большие часы, висящие над дверью.

— Ну конечно же, — снизила голос Женя, — на такую мужскую, настоящую,

конторскую работу. У тебя, мой самец, даже папочка для бумаг имеется. Я же работаю босиком дома, у меня смешная такая бабская работа, собственно говоря, даже хобби, так что могу за тобой и прибраться. Эй, стукни себя по лбу, это же не семидесятые годы.

Шацкий чувствовал, как внутри нарастает злость. Сколько уже можно расставлять все по углам. Он ведь одел уже пиджак — теперь нужно было бы его снять, вынуть запонки, завернуть манжеты, помыть посуду. А для нее это ведь минутка, даже и не заметила бы.

Женя зыркнула через плечо на видимое за окном здание прокуратуры, одна бровь все так же высоко поднята.

— Ты еще скажи, что нужно бегом, так как боишься, что застрянешь в пробке.

Непонятно почему, но это замечание привело к тому, что на его глаза упал красный занавес. Может оно и не семидесятые года, но ведь каждый заслуживает хоть капельку уважения.

— У меня работа, — холодно процедил Шацкий.

И вышел.

2

Эдмунд Фальк уже ожидал под дверью его кабинета. Как только увидел Шацкого, он поднялся и протянул руку в качестве приветствия. «Добрый день» он не произнес, но Фальк вообще был малоразговорчивым, когда же его о чем-то спрашивали, отвечал вежливо, но настолько экономно, словно за каждый слог у него снимали средства со счета.

Шацкий открыл дверь и впустил молодого асессора вовнутрь. Фальк уселся на стуле для клиентов, сразу же вытащил из папки стопку листков и без слова ожидал знака, что может представить собственные дела.

Теодор знал, что весь юридический Олыштын насмехается над «королем жмуров» и «королевичем жмуров», как их называли. И действительно, была в этом какая-то доля правды, потому что если бы у Шацкого был сын, то не было бы ни малейшего шанса, чтобы этот сын, кровь от крови, плоть от плоти, был бы похож на него более, чем Эдмунд Фальк.

Молодой юрист был из первого выпуска лиц, которые должны были по-настоящему хотеть и постараться, чтобы стать прокурорами. Раньше все было наоборот: в прокуратуру шли те выпускники юридических высших учебных заведений, которым не повезло попасть на другие направления, либо у них не было достаточно волосатой руки или семейных связей. Несколько лет назад судебное и прокурорское направления в ВУЗах были ликвидированы, зато была учреждена элитарная Краевая Школа Судов и Прокуратуры.

Юристы с дипломом, мечтающие о тоге с красной или фиолетовой тесьмой, теперь должны были попасть в краковское учебное заведение, пройти через трехлетний убийственный марафон лекций, экзаменов и стажировок, но если выдержали, место в ассессуре было им гарантировано. Сражаться было за что: будучи студентами, они получали высокие ежемесячные стипендии, зарплата асессора составляла три тысячи чистыми, а районного прокурора — более четырех тысяч для начала. Может и не Голконда, но в неустойчивые времена это означало зарплату и уверенность трудоустройства в бюджетной сфере.

На теоретические и практические экзамены в Краевую Школу Судов и Прокуратуры записывались две тысячи человек. На первый, общий год принимали три сотни. Потом сто

пятьдесят вычеркивали, остальных же шифовали, чтобы сделать их неподдельными бриллиантами на правовом поле. Фальк был представителем первого выпуска, который пришел в ассессуру не после трех лет практики, то есть, заваривания кофе в районных судах, но после трех лет тяжелого труда. Кодексы и процедуры он знал чуть ли не на память, работе с пострадавшими его обучали неправительственные европейские организации, а технике допросов — инструкторы из школы ФБР в Квантико. У него за спиной были стажировки в криминалистических лабораториях, моргах, комендатурах полиции, в прокуратурах и судах самых различных уровней. У него был диплом спасателя на водах и медицинского спасателя. Английский язык он знал на уровне, который позволял ему учить этому языку других, русский он выучил уже в ВУЗе, так как посчитал это логичным решением. Для работы прокурора в Ольштыне, граничащем с калининградской областью, это умение будет очень пригодным. Восхищенная начальница сообщила Шацкому еще и о том, что Фальк был чемпионом Польши среди юниоров в парных танцах, к тому же у него имеется удостоверение инструктора по верховой езде. Шацкий подумал тогда, что это последнее было необходимо лишь затем, чтобы дополнить роль шерифа. Наверняка, он и револьвер на пальце мог крутить.

Недавно Шацкий разговаривал о выпускниках КШСиП со знакомым из гданьского апелляционного суда, крутым спецом по организованной преступности. «Через пару лет мы всех их увидим в судах, — говорил тот. — Они слишком даже хороши для обычных дел. У нашей страны редко что выходит, но на сей раз эффекты просто изумительные. Мы сформировали современные машины для наделения справедливости. Сейчас эти машины мы монтируем в своей системе. Понятное дело, что можно смонтировать двигатель от спортивного болида с турбонаддувом в «полонез». Вот только зачем?».

Эдмунд Фальк был рожденным ольштынцем. И он знал, что одно из мест в ассессуре ожидает в его родном городе. И еще ему было известно, что принципы распределения мест весьма просты. Потому заключительный экзамен он сдал лучше всех из своего выпуска. И не потому, что ему так важен был результат. Просто выбирать он хотел самым первым. То было весьма логичным решением.

А потом он приехал в Ольштын, встретился с начальницей и, вместо того, чтобы поцеловать ее перстень, признавая в ней королеву-мать, он поставил условие: он готов оказать им милость в форме присутствия в ассессуре, но только лишь в том случае, если его патроном станет прокурор Теодор Шацкий.

Таким вот образом Шацкий, впервые за всю свою карьеру, дожидая до того, что у него появился ученик. Он не спросил у Фалька, почему это условие было для того таким важным, думая, что Фальк сам ему сообщит. Но тот не сообщил.

— В Барчево я дело закончил. Больше они нас беспокоить уже не должны, — доложил Фальк. Он никогда не вступал в дискуссии о спорте и о погоде.

— Я допросил осужденного Гжегожа Ендраса и посчитал, что его заявление является частью большей проблемы, которую необходимо решить.

Шацкий вопросительно поглядел на него. Заявление Ендраса было типичным пустозвонством. Заключение заявлял, что перешел в ислам, что он глубоко верующий человек, но администрация этого не принимает во внимание и теперь еще и преследует его за веру, не желая исключить свинины из меню, а прежде всего — не соглашаясь предоставить ему камеру с окном, направленным в сторону Мекки, и не приспособившая распорядок дня к ритму исламских молитв. В последнее время обращения в ислам стали

модным развлечением среди осужденных, всегда можно было рассчитывать на смену камеры или хотя бы на несколько допросов, чтобы потом развлечь дружков рассказом о том, как он приветствовал прокурора словами «салам алейкум».

— И как же вы эту проблему решили? — Шацкий старался не проявлять своего удивления.

Он и сам был законником, но просто не мог поверить, будто бы Фальк отнесся к делу серьезно.

— Я поговорил с начальником тюрьмы, и вместе мы определили, что географическое положение пенитенциарного заведения в Барщеве, к сожалению, не позволяет никому иметь камеру с окном, выходящим в сторону Мекки. Потому, исходя из заботы о свободе вероисповедания осужденного Ендраса, он в срочном порядке будет переведен в пенитенциарное заведение в Штуме. Тамошний начальник был настолько снисходителен, что, хотя в отношении Ендраса он и не имеет оснований для применения положений статьи восемьдесят восьмой кодекса исполнения наказаний, он согласился поместить его в блоке, где камеры выходят в сторону Мекки. Из рациона Ендраса будут исключены абсолютно все продукты мясного происхождения, так как мы посчитали, что просто невозможно настолько проконтролировать кухню и работающих там заключенных, чтобы те не оскорбили, сознательно или случайно, осужденного Ендраса наличием свинины в меню.

Шацкий одобрительно кивнул, хотя он с трудом сохранял серьезность. Фальк порвал Ендраса на клочья. Он выдрал его из естественного окружения дружков, где тот, скорее всего, замечательно развлекался, и отослал в пользующуюся злой славой тюрьму в Штуме. А вдобавок, он превратил его в вегетарианца и в заботе о вероисповедание поместил в «энку», отделение для опасных преступников. То было исключительно мрачное место, где нельзя было иметь собственной одежды, тебя обыскивали при каждом выходе и входе в одиночную камеру, а дефекацию приходилось совершать под внимательным надзором камеры. Ясно, что Ендрас из всего этого выкарабкается, составляя очередные апелляции, так ведь мельницы пенитенциарной системы мелют ой как медленно. И за это время он, вне всякого сомнения, сделается воинственным атеистом.

— А вам не мешает то, что вы действуете на самой грани закона? — напрямую спросил он у ассессора.

— На бумаге все выглядит как выражение тщательнейшей заботы об осужденном. Я искал решения, которое бы не только пригасило Ендраса, но и послало четкий сигнал другим заключенным, чем может закончиться попытка тратить понапрасну прокурорское время. Налогоплательщик имеет полное право требовать, чтобы мы заботились о порядке, а не забавляли осужденного Ендраса. Это было логичным решением.

Иногда Шацкий понимал, почему все остальные в районной прокуратуре называли Фалька «Пиноккио». Он и вправду был каким-то чопорным, словно выструганным из дерева. Другим это мешало, к сожалению, естественным человеческим инстинктом было братание, установление дружеских отношений, сокращение дистанции. Но Шацкому такое отношение коллеги импонировало.

— Что-нибудь еще?

— Я временно закрыл дело Кивита.

Шацкий взглядом попросил ему напомнить суть.

— Позавчера воеводская больница уведомила полицию, что скорая помощь доставила к ним мужчину с ранениями. Скорую он вызвал сам. Повреждения здоровью не угрожали, но

были достаточно серьезными, он никогда уже не будет слышать левым ухом. Витольд Кивит, пятьдесят два года, предприниматель.

— И какая квалификация дела?

Фальк ни на мгновение не запнулся.

— Сто пятьдесят семь.

Шацкий подтвердил. Вопрос был с подковыркой; в теории предварительная статья, сто пятьдесят шестая, прямого говорила о лишении человека «зрения, слуха, речи, способности к размножению», но из комментария следовало, что то должно было быть полное лишение, а не повреждение. Разница была существенной, по 156-ой можно было получить от года до десяти, за 157-ю — от трех месяцев до пяти лет.

— Он не желал, чтобы его допрашивали, все время твердил, что обвинения не предъявляет.

— Напуганный?

— Скорее, решительный. Я объяснил ему, что у нас тут не Америка, что мы по своей службе занимаемся преследованием людей, сующих другим людям острые предметы в уши, потому что такие люди и сами плохие, и плохо поступают. А вовсе не потому, что пострадавший сам того желает. Тут он сменил показания, сказал, что это был несчастный случай. Возвращаясь домой, поскользнулся на льду и ударился ухом о столбик от ограды. Где это случилось, он не помнит, был в шоке. Явно, где-то на Рыбаках, потому что там проживает.

— Семья?

— Жена, двое сыновей: учатся в лицее и в гимназии.

— А этот его бизнес? Пансионат? Пивная?

— Брезентовые покрытия.

Шацкий покачал головой. Н-да, деятельность была, скорее всего, не совсем той, чтобы городские парни требовали свою долю. А такую возможность следовало бы обдумать в случае странных телесных повреждений. Понятное дело, мужик мог действовать и в серой зоне, брезент мог быть, по совпадению, лишь прикрытием. Ну а наличие семьи объясняло бы страх Кивита перед включением в действие правоохранительных органов.

— Я поговорил с ним спокойно. Объяснил, что если кто-то ему угрожает, то семья вовсе не будет в большей безопасности, если он сам начнет делать вид, будто бы угрозы не существует. — Фальк доказывал, что безошибочно следует за ходом мысли своего патрона. — Рассказал о правах пострадавшего, объяснил, какие средства можем применить в отношении подозреваемого нарушителя. Что при таких телесных повреждениях и угрозах арест был бы возможен. Что сам он не должен был бы бояться за детей. Я рассчитывал на то, что хоть что-нибудь из этого его тронет. Но нет.

Шацкий размышлял. Что-то тут для него не сходилось.

— Как он выглядит?

— Небольшого роста, худой?

— Да нет, здоровый мужик, широкоплечий, с пузом.

— Другие телесные повреждения?

— Нет.

Дело следовало бы автоматически закрыть, не было смысла вести следствие в случае драки, когда пострадавший не желает признаваться. Если же это была не драка, а только мужик вел какие-то подозрительные делишки, например, с русскими, тогда он сам был себе

доктор. И Фальк принял очень жизненное, логическое решение. Шацкий, похоже, сделал бы то же самое.

— Знаете что, отложите-ка решение еще на пару дней, — сказал он ассессору. Если других повреждений на теле нет, то пан Кивит ни упал на что-либо, ни принимал участие в пьяной драке. Это означает, что их должно было быть не менее трех, чтобы иметь возможность его обездвигнуть и копать чем-то в ухе. Скорее всего, его шантажировали угрозами или насилием в отношении семьи. Проверьте, откуда забрала его скорая помощь, устройте фарс с обыском в доме в плане крови, допросите жену с сыном, а потом еще раз хорошенько прижмите уже его самого. Лучше всего сделайте это на Партизанской, комната с венецианским зеркалом, камеры, пускай думает, что дело это серьезное.

Эдмунд Фальк не дискутировал. Он покачал головой, как будто понимал, что примет еще не одно жизненно важное решение. Сейчас же время на обучение. Парень собрал бумаги и поднялся с места. Он был невысоким, быть может и не настолько, чтобы возбуждать удивление, но заметно, тем более, что родом он был из поколения хорошо питающихся великанов. Либо гены, либо его мать не могла отказаться от стимуляторов во время беременности.

Низкорослый, мелкий, худощавый, с фигурой танцора. Неожиданно Шацкому сделалось не совсем приятно из-за того, что, расспрашивая о Кивите, использовал определение «небольшого роста, худой». Это как раз Фальк был низким и худым, к тому же он вечно одевался в черное или темно-серое, что создавало впечатление, будто занимал еще меньше места. Ведь он мог еще подумать, что это от взгляда на него Шацкому пришел в голову подобный вопрос.

— А вы хорошо выступили в моей старой школе, пан прокурор, — сказал Фальк перед тем, как выйти.

— Вы слышали?

— Видел. Двадцать первый век. — Похоже, слова «небольшого роста, худой» его укололи. Как правило, злорадством он никогда не отличался.

От необходимости меткого ответа Шацкого спас телефон. Фальк вышел.

— Шацкий.

— Добрый день, с вами говорит доктор Франкенштейн.

— Весьма забавно.

— Профессор, доктор наук Людвик Франкенштейн из университетской больницы на Варшавской. Это же вы подписались под постановлением о передаче нам останков неизвестного.

— Да.

— Вам необходимо как можно скорее приехать ко мне. Кафедра анатомии, такое квадратное здание сразу же за шлагбаумом.

Несколько минут он потерял из-за того, что затерялся, потому что с Варшавской в Ольштыне было точно так же, как в Варшаве с Кошиковой: улица выступала в двух несовместимых вариантах. Шацкий представлял улицу как широкую выездную магистраль в сторону университете и к Ольштынке, тем временем, у нее имелась уродливая сестра —

короткий отрезок, обставленный каменными домишками рядом со старым городом. Возле моста Яна нужно было свернуть. Больница располагалась напротив «пивной региональных сортов пива».

Шацкий показал охраннику удостоверение и нашел место для парковки между застройками. Когда-то это был немецкий гарнизонный госпиталь, можно сказать, второразрядный, здания из бессмертного красного кирпича казались меньшими и более скромными по сравнению с неоготическими строениями городской больницы. Часть зданий выглядела заброшенными, часть была отремонтирована, в глубине красовался современный корпус, замечательно встроенный в прусскую архитектуру. Здесь царила атмосфера стройплощадки, что следовало из факта, что медицинский факультет действовал в Ольштыне всего несколько лет. И за это время удалось превратить всеми забытый военный госпиталь в небольшое клиническое чудо. В прошлом году Шацкий посещал здесь мать Жени и уже тогда согласился с тем, что все сделанное выглядит, более-менее, по-человечески по сравнению с различными медицинскими монстрами, которые ему доводилось видеть в своей карьере. К тому же, тогда царила жаркая весна, растущие среди зданий каштаны цвели, а старые кирпичные стены дарили приятной прохладой.

Теперь же прохлада была последним, чего бы он желал. Шацкий плотнее укутался пальто и быстрым шагом направился к единственному квадратному зданию, в качестве исключения покрытому белой штукатуркой. Прокурор подумал, что раз кто-то носит фамилию Франкенштейн, то наверняка и выглядит нормально, и нормально себя ведет.^[24] Это было бы приятным исключением из всех безумных патологоанатомов, которых он встречал ранее. Опять же, это преподаватель, а не какой-то псих, целый день только и кроющийся трупы. Он обязан быть нормальным, в конце концов, он же детей учит.

Мечты, мечты, где ваша сладость...

Профессор, доктор наук Людвик Франкенштейн ожидал прокурора на верхней площадке лестницы у входа в Collegium Anatomicum. Что же, он сделал все возможное, чтобы стать похожим на безумного ученого из готического романа. Франкенштейн стоял, выпрямившись по струночке, высокий, худой, с удлинённым, благородным классической красотой лицом единственного хорошего немецкого офицера из американских фильмов про войну. Стальной взгляд, нос прямой, словно вычерченный под линейку, короткая светлая борода, подстриженная *à la* Реймонт.^[25] Ко всему этому: круглые очки в очень тонкой проволочной оправе и странный медицинский халат со стойкой, застегиваемый сбоку, словно офицерская шинель. Для полной стилизации не хватало лишь трубки с длинным чубуком и отрубленных рук, выглядывающих из карманов халата.

— Франкенштейн, — произнес врач, протягивая руку в качестве приветствия.

Не хватало лишь того, чтобы на втором плане грохнула молния.

Когда-то это было госпитальной столовой, — пояснил хозяин Шацкому, ведя его через интерьер лаборатории.

— Вижу, — буркнул прокурор, глядя на выставленные под стенкой бумажные тарелочки из-под торта и пустые бутылки из-под шампанского. — Привычка — вторая натура зданий.

Тут ученый открыл дверь, и они вошли в прозекторский зал, вне всякого сомнения, самый современный из тех, которые Шацкий когда-либо видел. Хромированный стол, снабженный всеми инструментами, необходимыми для вскрытия, камеры для регистрации, лампы и мощная вытяжка. Понятное дело, до конца с трупным запахом она не справлялась,

но, по крайней мере, совать всю одежду в стиральную машину после вскрытия уже не требовалось.

Вокруг стола высокими рядами размещались стулья; зал был не только прозекторской, но и учебным классом.

— Здесь, — низким голосом сказал Франкенштейн, — мы выдираем у смерти ее тайны.

Серьезные слова профессора прозвучали бы достойно, если бы не то, что в этом храме смерти на подоконниках стояли очередные бутылки из-под шампанского, под потолком сонно двигались в вентиляционных потоках шарики, а с бестеневых ламп свисал серпантин. Шацкий не комментировал ни следы пирушки, ни попыток ученого начать разговор. Он глядел на кости своего вчерашнего немца, тщательно выложенные на столе. На первый взгляд, скелет казался полным. Прокурор сунул руки в карманы пальто и сильно стиснул большие пальцы. У ученого была странная фамилия, и выглядел он псих психом, но всегда могло оказаться, что это нормальный тип с не совсем обычной внешностью, а так: деловой, конкретный и даже милый.

— Этот стол, — профессор погладил хромированную поверхность, — для трупа то же самое, что bugatti veuron для семидесятилетнего плейбоя. Трудно себе представить лучшее соединение.

Оставь надежды...

Шацкий отпустил свои большие пальцы, затолкнул подальше комментарий о том, что, в связи с вышесказанным, не следует ли ему извиняться за предоставление всего лишь старых косточек, и перешел к делу:

— Так что случилось?

— Вы, как прокурор, наверняка знакомы с основами биологии, с ее псевдонаучной версией, достаточной для криминалистических исследований. Сколько лет нужно, чтобы человек превратился в скелет?

— Около десяти, все зависит от условий, — спокойно ответил Шацкий, хотя и испытывал нарастающее раздражение. — Но вот чтобы скелет был в таком вот состоянии, когда нет каких-либо тканей, хрящей, никаких сухожилий, волос — тогда не меньше тридцати. Даже принимая во внимание, что разложение тел, оставленных на воздухе, происходит быстрее, чем в воде, и значительно быстрее, чем у захороненных в земле.

— Очень хорошо. Конечно, имеются еще всякие второразрядные факторы, но в нашем климате останки, оставленные сами по себе, требуют, как минимум, двух-трех десятилетий, чтобы достичь такого вот состояния. Так думал и я, когда складывал нашего покойника. Я даже подумал, что скелет настолько укомплектованный, что я сделаю из него головоломку: различные элементы разделю по пакетам, а студенты должны будут собрать на время. Я даже был готов сделать недостающие элементы. — Врач поправил очки и, извиняясь, улыбнулся. — Маленькое такое художественное хобби.

Шацкий быстро понял, к чему ведут слова медика.

— Но недостающих элементов не было.

— Именно. Это дало мне причину задуматься, такая вот загадка. Останки лежат несколько десятков лет, и ни одна косточка не пропала. Что, никакая мышка не забрала?

Шацкий пожал плечами.

— Замкнутая железобетонная конструкция.

— Мне это пришло в голову, но тут я позвонил знакомым, занимающимся историей Ольштына... Сами вы из Ольштына?

— Нет.

— Так я и подумал. Мы еще вернемся к этому. Я позвонил знакомым, и они сообщили мне, что то было самое обычное убежище против налетов, банальный подвал. То есть, он не должен был быть герметически замкнутым, там имелись туалеты, канализация, вентиляция. Много чего можно сказать об этом убежище, только не то, что это была замкнутая конструкция. А это означает, что крысы, сражаясь за пищу, должны были растащить эти останки по всем закоулкам. Почему же они этого не сделали?

Шацкий только глянул на собеседника.

— У тела этого имеется свои тайны. — Франкенштейн снизил голос, чтобы ни у кого не было сомнений, что сейчас он собирается открыть одну из них. — Вот знаете ли вы, что в легких у нас имеются вкусовые рецепторы, как на языке?

— Теперь уже знаю.

— Причем: горького вкуса! Легочные пузырьки реагируют на горький вкус. Что означает, что окончательным лекарством от астмы может быть не какая-то чудом произведенная субстанция, но что угодно нейтральное, лишь бы оно было горьким. Не завидую открывшему это типу. Фармацевтические концерны наверняка уже назначили награду за его голову.

— Пан профессор, прошу вас...

— *Ad rem* (к делу — лат.). Но еще одна информация на этот вечер: шейка матки тоже имеет вкусовые рецепторы. Только она, в свою очередь, любит сладкий вкус. Как вы считаете, не имеет ли это чего-то общего с тем, что сперматозоиды ради поддержания жизненной силы путешествуют на подкладке из фруктозы?

Шацкому показалось, что наилучшей защитой от безумца будет нападение.

— Любопытно, — произнес он, подражая тону Франкенштейна. — Так может быть вы пожелали бы войти в общество, производящие громадные шоколадные вибраторы? Ваши знания о людской анатомии могли бы быть в данном случае просто незаменимыми.

Франкенштейн поправил проволочные очки и поглядел на прокурора взглядом немецкого офицера.

— Я подумаю об этом. Но вернемся к костям. — Он сложил руки за спиной и стал прохаживаться вокруг стола. — Я встал перед загадкой, ключом к которой были эти вот останки. И тогда я начал к ним присматриваться. Поначалу я не обратил на это внимания...

— Это женщина или мужчина? — перебил его Шацкий.

— Ясное дело, мужчина. А внимание я не обратил, потому что, даже в результате разложения фаланги пальцев стопы не распадаются на отдельные косточки, поскольку они запекаются тонкими суставными сумками или по причине патологий. Вот поглядите.

Он взял одну кость и бросил в направлении Шацкого.

Не раздумывая и без какого-либо отвращения, тот схватил косточку, видал он трупы и в худшем состоянии, чем пан профессор.

То были две небольшие кости, одна длиной сантиметров пять, другая — три. Объединены они были тонким слоем белого, практически прозрачного суставного хряща.

— И вас ничего не удивляет?

— Сустав не подвергся разложению.

— Попробуйте пошевелить костями.

Шацкий пошевелил. Удивительно, их можно было согнуть. Ведь невозможно, чтобы у останков, пролежавших несколько десятков лет, работали суставы.

— А теперь попробуйте их разделить.

Шацкий осторожно потянул. Хватило. В одной руке он держал кость покороचे, законченную небольшой металлической плиткой с небольшим отверстием, выглядело это как подкладка под гайку. А на кости подлиннее остался хрящик, о чудо, законченный квадратным стержнем длиной около сантиметра.

— Что это? — спросил прокурор.

— Это силиконовый протез среднестопного фалангового сустава, еще его называют плавающим эндопротезом, очень современное решение в области суставных протезов. Способ оперативного решения болезни, называемой неподвижным пальцем. Штука, очень болезненная для спортсменов. И еще для женщин, поскольку нельзя ходить на каблуках. Покойнику, судя по черепным швам, было около пятидесяти лет. То есть, ни женщина, ни спортсмен. Следовательно, он любил заботиться о себе.

Мозг Шацкого работал на полную катушку.

— А на этом имеется какой-нибудь серийный номер? — спросил он.

— Как правило — да, на силиконовых — нет, но имеется лишь один центр в Варшаве, где делают подобные вещи, они специализируются в хирургии стопы. Мой давний студент зарабатывает там кучу денег, так как женщины для своих туфель-шпилек ценой в автомобиль требуют идеальных анатомических продуктов. Я позвонил ему. Просто так, ради интереса.

— И?

— Протез подобного рода и такой величины он поставил пока что только один. Пациенту из Ольштына. Который очень нуждался в такой операции, поскольку он любит длительные прогулки по своей обожаемой Вармии. А вам как, нравится в Ольштыне?

— Замечательное место, — буркнул Шацкий.

Ему были нужны фамилии и координаты.

Франкенштейн разулыбался и выпрямился, словно должен был получить орден из рук самого фюрера.

— Я так тоже считаю. А пану известно, что у нас здесь одиннадцать озер только в границах города? Одиннадцать!

— Он сообщил, когда произошла эта операция? — спросил Шацкий, думая, что пяти-семилетние останки дело не такое уже и свежее, но, что ни говори, какая-то загадка в этом имеется.

— Две недели назад. Десять дней назад пациент покинул их лечебницу и отправился домой. Чтобы сказать точно: пятнадцатого ноября. Вроде как, дождаться не мог субботней прогулки.

— Но это же невозможно, — ответил Шацкий, всматриваясь в две косточки стопы, которая более недели назад, якобы, прогуливалась по варминьскому лесу. Он соединил кости и начал сгибать, искусственный сустав работал идеально.

Франкенштейн вручил Шацкому небольшой листок.

— Данные пациента.

Петр Найман, проживающий в Ставигуде. Родился в 1963 году, неделю назад ему исполнилось пятьдесят лет. Или исполнилось бы пятьдесят лет.

— Благодарю вас, профессор, — сказал прокурор. — К сожалению, я вынужден затруднить вашу жизнь на факультете. Вы не имеете права трогать останки, никто не может сюда входить и что-либо трогать, пока полиция не заберет все это в лабораторию для

последующего анализа. Мы и так уже достаточно загрязнили доказательный материал. Выходим.

Идя к двери, он уже складывал в голове план следственных действий. Конечно, может оказаться и так, что Найман сидит сейчас в тапочках и телевизор смотрит, произошло какое-то курьезное недоразумение, просто во время пьянки в учебном заведении смешались кости. Но действовать следовало так, как будто это была наименее вероятная возможность.

— Пан прокурор... — Франкенштейн красноречиво указал на него пальцем.

Шацкий выругался про себя. Да, очень профессионально он только что представился, черт подери. Прокурор вернулся к столу для вскрытий и положил на месте косточки, соединенные искусственным суставом.

— Вижу, вы тут весело проводите свободное время, — злорадно заметил он, указывая на остатки пиршества.

— А пан что, газет не читает? Мы получили Гран При на Ярмарке Инноваций в Брюсселе. Впервые со времен Религии ^[26] с его искусственным сердцем. За проект, позволяющий в 3D просматривать модели, создаваемые на основании объединения данных томографии и магнитного резонанса. Совершенно гениальная штука!

— И вы празднуете в прозекторской?

— Всегда, — ответил профессор таким тоном, как будто это было самым обычным делом. — Мы обязаны помнить, кто сопровождает нас на каждом шагу.

— И кто же? — спросил Шацкий механически, когда они уже вышли из прозекторской и направлялись по коридору к выходу. Мыслями он был в совершенно ином месте.

— Смерть.

Прокурор становился, глянул на профессора.

— Вы можете объяснить, как от человека всего за неделю может остаться скелет?

— Конечно. В настоящее время я обдумываю пять гипотез.

— И на когда пан будет готов, чтобы о них поговорить?

Франкенштейн внезапно уставился куда-то, словно перед ним открылась безграничная даль, а не висящая на стене доска с расписанием занятий. Это не могло быть добрым знаком. Эксперт-патолог заставил бы ожидать подобного заключения месяца два-три. Ну а профессор, к тому же доктор наук?

— Завтра, в одиннадцать. Но вы должны оставить мне эти останки. Ни о чем прошу не беспокоиться. Во-первых, я учил большую часть польских патологов; во-вторых, здесь у меня имеется оборудование, по сравнению с которым ольштынская криминалистическая лаборатория — это набор юного химика.

— Я не беспокоюсь, — ответил на это Шацкий. — До завтра.

Профессор, доктор наук Людвик Франкенштейн неожиданно положил ему руку на плечо и поглядел в глаза.

— Вы мне нравитесь, — сказал он.

Шацкий даже не улыбнулся в ответ. На лестнице он глубоко вдохнул в легкие ноябрьский воздух. Коленки у него подгибались, в глазах мутилось. Коленки подгибались потому, что если бы не привычка еще из Варшавы, он попросту приказал бы закопать останки, а вместе с ними и доказательство небанального преступления. Конечно, его несколько беспокоило то, что справедливость не восторжествовала. Но при мысли, что мог бы сам себя лишиться самого обещающего за много лет дела — при этой мысли ему и вправду делалось нехорошо.

Похоже, ему не хватало действия. Сейчас следовало вернуться в контору, сообщить начальнице о новом, сложном и наверняка вскоре — весьма громком деле. Позвать печального дознавателя Берута, составить план действий. Как можно быстрее выслать кого-нибудь домой к Найману, вызвать его родных для допроса. Попросить кого-нибудь в Варшаве допросить врача, занимавшегося стопой. И ожидать результаты исследований. Как всегда в следствии. Но вместо всех этих рутинных действий он приказал Беруту установить адрес, уже через четверть часа он успел переговорить по телефону с женой Наймана и сейчас ехал по Варшавской — по той настоящей, широкой улице Варшавской — в направлении Ставигуды. Он был возле Кортова, когда с неба что-то начало падать. на сей раз это был не замерзший дождь, но — на удивление — мокрый снег. Громадные хлопья выглядели так, словно по дороге из тучи их кто-то пережевал, а потом с ненавистью выплюнул на лобовое стекло ситроена.

По сути дела, приятное различие после вчерашнего, потому что автомобильные дворники с этим справлялись.

Шацкий проехал мимо учебного заведения и сразу же потом выехал из Ольштына; по обеим сторонам дороги выросла стена леса. Прокурор никогда и никому не говорил об этом, но такой дорожный пейзаж он просто обожал. Другие крупные польские города были окружены буфером уродливых пригородов. Когда ты покидал центр, то поначалу ехал через джунгли крупноблочных домов, потом сквозь зону складов, мастерских, заржавевших вывесок, каких-то дворики, заполненных разъезженной грязью. В Ольштыне тоже имелись подобные выездные дороги — прежде всего, на Мазуры — но вот эта была совершенно другой. После центра ты попадал в университетский комплекс, бывшую прусскую психиатрическую лечебницу. Поначалу шли старые, овеванные легендой дома, затем шли современные, профинансированные Европейским Союзом постройки. Потом заправка — и все, конец города, дорога шла по дуге, через пару сотен метров после таблички, сообщавшей, что это уже конец Ольштына, никаких следов цивилизации уже не было. В этом городе ему нравилось то, что уже через несколько минут можно было оказаться в лесной глуши.

Движение было небольшое, Шацкий слегка прибавил скорости на дороге, которая деликатно шла волнами в соответствии с ритмом холмистого варминьского пейзажа. До Ставигуды было неполных два десятка километров.

Он всегда жил в городе. Никогда из его окон не открывался иной вид, чем на другие квартиры в иных домах. В течение сорока четырех лет. Если бы сейчас его колымага пошла юзом на мокрой грязи, Шацкий распрощался бы с жизнью, не зная, как оно бывает, когда становишься с чашкой кофе перед окном спальни, и взгляд задерживается только на линии горизонта.

Три года назад он возвратился в Варшаву после недолгого пребывания в Сандомире только лишь затем, чтобы убедиться в том, что и он сам и его родной город выдали из себя все, что могли предложить. Он ужасно мучился, физически чувствуя, как его гнетет и подавляет этот уродливый молох. Не успев еще толком распаковать чемодан с барахлом, он уже начал выискивать предложения должностей. И вот на Ольштыне в голову пришло, что это ведь Мазуры: озера, леса, солнце — отпуск. За всю свою жизнь он ни разу там не был, всегда ездил к морю, но именно так все это себе представлял. Что осядет тут, найдет

небольшой домик с видом на сосняк и будет счастлив, читая по вечерам спокойные книги и подбрасывая дрова в печь. В этих видениях не было никаких женщин — только он, тишина и покой. Тогда он горячо верил, что только лишь одиночество способно дать мужчине полное исполнение всех его стремлений.

Двумя годами позже реальность никак не соответствовала прежним представлениям. Он торчал в связи, во все еще свежем, но уже не страстном романе. И перебрался, конечно же, из однокомнатной квартирki в крупноблочном доме на Ярутах в дом своей женщины, настолько стоящий в самом городе, что больше «в городе» была бы только разбитая на ступенях ратуши палатка. Вроде бы как жилище в старой вилле, вроде как с садом, но из кухни Шацкий видел место работы — ирония судьбы. Ну а еще он перестал говорить «Мазуры». Он жил в Вармии, и эта отдельность ему нравилась,^[27] а Женя смеялась, что способ, каким это подчеркивает, лучше всего свидетельствует о том, что подписал фолклист.^[28]

Это правда. Место рождения перестало его определять, и это было хорошо.

Ставигуда была большим селом, хаотически разрастающимся, в большинстве своем состоящее из современных домиков на одну семью. Здесь не было никакой урбанистической или архитектурной мысли, которая превратила бы пространство в дружелюбное место: истинный просмотр проектов из каталога, отделенных один от другого стенами и заборами. Гаргамели^[29] смешивались здесь с польскими усадьбами, американскими виллами и хижинами из бревен. К тому же, амбиция каждого соседа заставляла его иметь стены выделяющегося цвета, как будто бы сам по себе адрес был недостаточен для идентификации недвижимости.

Дом Найманов был домом — насколько Шацкий увидел в наступающей темноте — выкрашенным в желто-зеленый цвет. А кроме этого ничем особенным он не выделялся. Довольно новый, выстроенный, наверняка, в течение последних семи — десяти лет. Квадратный в плане, одноэтажный, с небольшими окнами и громадной крышей, с чердаком, гораздо более высоким, чем первый этаж. Как будто именно он был самым главным помещением. Дом был отделен от соседних участков металлической оградой с солидными, каменными столбами. Подъезд вымощен плиткой, сейчас покрытой тающим снегом.

Прокурор Теодор Шацкий поставил машину в грязи перед воротами и вышел. Супруга Наймана в длинном свитере ожидала у калитки. Скрещенные руки она сильно прижимала к телу, волосы были мокрыми от снега. Возможно, ждала она уже долго.

Шацкий подумал, означает ли это что-то.

Внутри дом ничем особым не выделялся. Партер имел приличную площадь, но при этом было весьма мало окон и совершенно недостаточная высота. Салон был соединен с кухней и столовой в одно неуютное помещение.

Закрытый камин, телевизор величиной с экран кинотеатра, огромное кожаное кресло в форме буквы U, перед ним двухуровневый стеклянный столик. На нижнем уровне газеты, на верхней столешнице куча пультов дистанционного управления для всего на свете. Никаких книжек.

Шацкий молчал, он ждал, когда хозяйка сделает кофе и размышлял над тем, а что сказать. Если бы они попросту обнаружили труп Наймана в кустах, жена была бы первой подозреваемой — супруга, которая в течение недели не заявила об исчезновении. Но кто-то ведь потратил кучу усилий, чтобы человека убить, превратить в сухие косточки и спрятать в городе. А кроме того, прокурор не был на все сто уверенным, что это останки Наймана. По

телефону Шайкий установил только лишь то, что действительно, вот уже более недели хозяина не было дома.

Женщина поставила перед ним кофе. Рядом очутилась тарелочка со сладостями.

Шацкий отпил кофе. Женщина села напротив, она нервно обкусывала кожицу у ногтей. Прокурор желал, чтобы хозяйка заговорила первой.

— Что случилось? — спросила та.

— Уверенности у нас нет, но подозреваем, что самое худшее.

— Он сделал кому-то что-то плохое, — скорее подтвердила, чем спросила хозяйка.

Глаза у нее расширились.

Вот такого высказывания Шацкий никак не ожидал.

— Наоборот. Мы подозреваем, что вашего мужа нет в живых.

— Как это?

У Шацкого не было опыта в подобного рода беседах. Как правило, его собеседники уже ранее были обработаны полицией. Здесь пригодился бы Фальк, наверняка их обучали этому.

— Мы подозреваем, что он погиб.

— В аварии?

— В результате недозволенного деяния.

— Это означает, что аварию совершил кто-то другой?

— Это означает, что кто-то другой, возможно, лишил его жизни.

— Убил?

Шацкий кивнул. Моника Найман встала с места и вернулась с пакетом овощного сока. Она налила себе целый стакан и выпила половину. Выглядела она обычно, словно учительница или чиновница. Среднего роста, худощавая, с незапоминающимся лицом, с пепельными волосами до плеч. Мамаша из пригорода. Шацкий оглянулся, но никаких следов пребывания детей не обнаружил. Никаких измазюканных стен, разбросанных игрушек, карандашей в кружке. Правда, Найману было пятьдесят, ей — около тридцати пяти. Может, подросток?

— Но кто?

— Прошу вас сконцентрироваться. В Ольштыне мы обнаружили человеческие останки, их состояние не позволяло провести идентификацию. Мы подозреваем и только лишь подозреваем, что это могут быть останки вашего мужа. — Тут Шацкий почувствовал, что должен что-то сказать как нормальный человек. — Мне очень жаль, что я передаю вам подобного рода сведения. Я должен задать вам несколько вопросов, потом придет полицейский и попросит что-либо, где имеется ДНК вашего мужа, лучше всего — волосы с расчески. Это позволит нам провести идентификацию. Еще, если это возможно, я хотел бы попросить у вас его фотографию.

Женщина долила себе соку, выпила одним глотком. Вокруг губ остался красный след, словно бы она подкрашивалась без зеркала. Какое-то время сидела, не говоря ни слова, затем встала и исчезла в глубине дома. Шацкий отметил про себя, что, либо, она не носит снимок мужа в бумажнике, либо, в данной ситуации не желает именно этот, наиболее личный, отдавать. Еще он отметил, что Моника Найман не слишком разговорчивая особа. Вопрос: то ли потому, что она в шоке, то ли потому, что очень тщательно следит за словами. Прокурорский опыт был безжалостным: в случае таинственных исчезновений и убийств, в четырех из пяти случаев виновны их супруги.

Тогда он решил ее спровоцировать.

Прошло несколько минут, прежде чем женщина вернулась и вручила Шацкому отпечаток размером с почтовую открытку.

— Пришлось распечатать, чтобы была наиболее поздняя, — сказала она. — Сейчас же все в компьютерах.

Прокурор пригляделся к снимку. Летний портрет, яркий от солнца, улыбающееся лицо на фоне кирпичной стены. Мужчина ничего на вид, мужественный, выразительный, в стиле Телли Саваласа.^[30] Лысый, яйцевидный череп, толстые, черные брови, карие глаза, нос прямой, словно у римского генерала, полные губы.

Тип накачанного тестостероном мужика, который очень нравится женщинам, даже если интуиция им и нашептывает, что это знакомство может закончиться для них не самым лучшим образом.

Единственным недостатком его мужской внешности была деформированная в результате какой-то травмы раковина правого уха.

— А я не должна его опознать? — прервала женщина размышления Шацкого над фотографией.

— Останки не пригодны для идентификации, — ответил прокурор, а увидав, как кровь оттекает от лица, прибавил: — Методика ДНК более надежная, и она избавит пани от неприятных ощущений. Как правило, мы стараемся не ангажировать близких, если идентификация может быть слишком травматичной.

— Но что случилось?

Хороший вопрос.

— Его кто-то побил? Заколел? Застрелил?

Это был не только хороший вопрос. Это был еще и весьма сложный вопрос.

— К сожалению, на данном этапе нам это не известно.

Женщина, ничего не понимая, глядела на него.

— Питер лысый, — произнесла она неожиданно, показывая на снимок.

— Не понял...

— Питер лысый. Так что я никак не могу дать волос с его расчески.

У Шацкого на кончике языка вертелся вопрос о ребенке, но с детьми бывает по-разному.

— Прошу не беспокоиться, полицейский этим займется.

— Может, из электрической бритвы, там всегда остается пыль. Как вы считаете, подойдет?

Шацкий понятия не имел, но кивнул с серьезностью дающего совет священника.

— Когда вы видели мужа в последний раз?

— В понедельник, — быстро ответила женщина.

— В каких обстоятельствах?

— Он отправился на работу.

— Куда?

— У него туристическое бюро на Яротах. То есть, это не бюро, а агентство.

У него. Не «у нас».

— А пани чем занимается?

— Работаю в библиотеке в Кортове.

— В университете?

— Да.

— У вас дети есть?

— Сынок. Пётрек. Ему пять лет.

Шацкий удивился. Пятилетний пацан, который не превращает салона в игровую площадку...

— А где он сейчас?

— У моей мамы в Шонбруке.

Прокурор не слишком хорошо ориентировался, где это.

— И давно?

Женщина поглядела на него, словно ее гость был прозрачным, она же смотрела очень интересную телевизионную программу за его спиной. И застыла.

— Так давно уже? — повторил Шацкий.

— С прошлой недели. Сама я хотела отдохнуть, а мама его обожает.

— С прошлой недели в пятницу или с прошлой недели в понедельник?

— Прошу прощения, я совершенно ничего не соображаю. Это что, допрос?

— Нет, мы только беседуем.

Что-то мне кажется, что допросов у нас еще будет ой сколько... — подумал прокурор.

— Муж не говорил, что куда-нибудь выезжает?

— В этот раз — нет.

Женщина вдруг оживилась и сделала такую мину, как будто бы это только сейчас заставило ее задуматься.

— А у него уже случалось, что он выезжал на работу и исчезал на неделю?

— Вы знаете, вообще-то он много ездил. Это же туристический бизнес. Бюро часто организуют поездки для продавцов, чтобы те могли осмотреть то, что предлагают. Я и сама была в одной такой. Клиентам нравится когда кто-то может рассказать обо всем.

— И что, вот так ездил без предупреждения? Их что, каждый день в поездки забирают?

— Да нет, конечно же. А почему пан спрашивает?

— Вас не удивило, что муж не вернулся с работы и исчез?

Хозяйка закусила губу.

— Иногда он бывал скрытым.

Шацкий чуть не фыркнул от смеха. Женщина явно врет, лжет таким образом, что сразу же хочется уйти. Сейчас он попросит ее определиться с какой-нибудь версией, чтобы держаться ее, в противном случае он просто взорвется от злости. Ему было мучительно глядеть на то, как она выдумывает обманы, не хватало только, чтобы она шептала себе под нос. А вдобавок Шацкий чувствовал, что логики во всей ситуации не хватает и на копейку. Ведь о встрече они договорились еще раньше, по телефону, и если женщина как-то связана с исчезновением мужа или что-то знает об этом, у нее было достаточно времени, чтобы уложить в голове самые важные факты. Тем временем, все выглядит так, словно ситуация стала для нее полнейшей неожиданностью. И, тем не менее, хозяйка нагло врет.

Зачем?

— Откуда этот шрам? — неожиданно спросил Шацкий хозяйку.

Та глянула, не понимая, как будто ей задали вопрос на иностранном языке.

— Откуда этот шрам? — повторил прокурор.

Он нетерпеливо постучал пальцем по фотографии. Появилось решение проверить, можно ли вывести эту тетку из равновесия.

— Шрам. На ухе. Откуда он взялся?

Та разложила руки в жесте удивления, как будто бы муж все время ходил в шапке, и вот только сейчас, благодаря этому снимку, правда сделалась известной.

— Я прошу вас ответить. Ваш муж мертв. Вы понимаете? Его нет в живых.

Шацкий ждал слез, истерики, которые всегда случались в подобные моменты.

Моника Найман прищурила глаза в концентрации, прикусила губу и, наконец, сказала:

— Да, я понимаю.

Без истерики, скорее — облегченность от того, что удалось ответить как следует.

— Он был убит. Я прокурор, ведущий следствие. Вы, в качестве супруги покойного, являетесь стороной в производстве. Важным свидетелем. Как минимум, важным свидетелем, — грозно закончил Шацкий.

Он ожидал понятного возмущения и размахивания руками, которые всегда появлялись в такие моменты допроса.

— Понимаю? — произнесла женщина вопросительным тоном не подготовившегося ученика, который пытается догадаться на устном экзамене.

— Соберитесь тогда, пожалуйста, и ответьте на вопрос: откуда взялся этот шрам?

— Из прошлого. Тогда мы еще не были знакомы. Точно я и не знаю.

— Вы никогда не спрашивали?

— Ну, как-то так — нет.

— Вы звонили мужу? На работу? На мобильный? Писали эсэмэсы?

В представляемом фильме за его спиной должен был случиться драматический поворот действия, поскольку Моника Найман полностью отключилась.

— Пани звонила?

Та хотела еще выпить соку, но в пакете остались последние капли — женщина долго и тщательно их вытряхивала.

— Это смешно, когда пан вот так спрашивает, потому как мне кажется, что я и действительно не звонила. — Моника Найман глянула, словно желая извиниться. — Даже не знаю, почему.

Какое-то время Шацкий еще помучился с Моникой Найман, жалея о том, что это не допрос под протокол, что все это не регистрируется. Если у женщины имеется что-то общее с исчезновением мужа, это было бы замечательным доказательством по делу. Еще он вытянул из хозяйки информацию относительно операции стопы, которая подтвердила то, что сказал Франкенштейн, включая и варминьские прогулки. Прокурор взял медицинскую документацию и оставил ее по дороге в больнице на Варшавской. Пришлось отдать дежурному, хотя в Анатомическом театре горел свет: «Пан профессор закрылся и категорически потребовал, чтобы ему не мешали».

Покидая территорию больницы, Шацкий не мог отогнать от себя картинки, как ученый вкладывает в череп захваченный мозг и прищандоривает к нему электроды. Фамилия обязует...

Сам он был уверен в том, что в прокуратуре в такое время будет пусто, но в коридоре сидел Фальк и заполнял какие-то бумаги. Он сидел на неудобном стуле для посетителей, за небольшим столиком, скрючившись в неестественной позе. Заметив Шацкого, он вскочил на

ноги и надел пиджак.

— У вас что, нет лучшего места для работы?

— Вообще-то я пользуюсь столом в секретариате, но после работы там закрыто.

А как тогда оценивать политику вечно открытых дверей у начальницы?

— Проходите ко мне в кабинет. Я на вахте оставлю распоряжение, можете пользоваться им, когда меня нет, и когда я на месте: там имеется дополнительный письменный стол. Разве что иногда попрошу оставить меня одного. Понятно?

Эдмунд Фальк застегнул верхнюю пуговицу пиджака и вытянул негнушущуюся руку, словно он и вправду состоял из деревянных элементов, соединенных веревочкой.

— Крайне благодарен пану.

Он комично поклонился, и только тут Шацкий внезапно понял, кого же Фальк ему напоминает. Он все время чувствовал какое-то подобие, но ассоциация не приходила, так как он уже сто лет не пересматривал тех фильмов. Его ассессор выглядел ну один в один как Луи де Фюнес. Сам Шацкий этого не заметил раньше, так как Фальк был, во-первых, молодым, а во-вторых, смертельно серьезным. Тем временем, сам он актера помнил пожилым, с вечной улыбочкой на лице. Но помимо того: та же самая мелкая фигурка, удлиненное лицо, выдающийся шнобель, высокий лоб и черные, густые брови, выходящие далеко за глаза и сворачивающиеся к низу.

— Да? — вежливо спросил Фальк, поскольку восхищенный собственным открытием Шацкий пялился на молодого коллегу совершенно не элегантно.

Тот ничего не ответил, открыл дверь в кабинет и пропустил ассессора вовнутрь. Потом приказал Фальку внимательно слушать и рассказал историю скелета с улицы Марианской.

Эта профессия способна быть неблагодарной. Каждый прокурор мог по ходу назвать сто причин, по которым прокурором быть не следует. Начиная с бюрократии и идиотской статистики, через некомпетентных экспертов и строптивых полицейских, вплоть до психического бремени постоянного контакта со злом и презрения со стороны общества, с которым они встречались на каждом шагу. Не было такого прокурора, который бы дома не размышлял об адвокатуре, который на дружеских встречах не планировал тогу консультанта, и который после рюмки водки не бросал всего к чертовой матери. Что самое интересное, из профессии уходило крайне мало людей.

Прежде всего, потому, что необыкновенную силу и уверенность дает то, что ты находишься на правильной стороне. В мире, в котором большинство профессий заключается в том, что людей обманным путем заставляют приобретать не нужные им вещи и услуги, где моральный релятивизм и готовность к унижениям часто бывают столпами карьеры, прокуроры стояли на стороне добра. Один раз им удавалось лучше, другой раз — хуже, но профессия их заключалась в совершении акта правосудия, делании добра, чтобы мир был более безопасным. Сколько человек может чувствовать гордость за свою профессию?

Но стоило быть прокурором и ради таких моментов, как этот. Двое мужчин вошло в кабинет, словно актеры в пантомиме. Чопорные, словно аршин проглотили, в костюмных мундирах, выдерживающие дистанцию. Младший поначалу слушал, потом задавал короткие вопросы, но чем дальше включался в рассказ, тем сильнее он загорался. Не прошло и четверти часа, как оба уже сидели без пиджаков, подвернув рукава, над двумя кружками дымящегося кофе, и множили следственные версии.

Как здорово быть рыцарем справедливости. Но иногда здорово быть и детективом из приключенческого романа. Старший из прокурорской пары любил это сильнее, чем готов

был признать кому угодно. Младший же только без памяти влюблялся в это же.

— Этот театр их и погубит, — заявил Шацкий, застегивая манжеты сорочки; после мгновения экстатического возбуждения каждый из пары мужчин возвращался в давно выработанную роль.

— Почему «их»?

— Нужно похитить взрослого мужчину, убить, превратить в скелет и подкинуть в самый центр города. Было бы удивительно, если бы все это совершил только один человек.

— А почему театр их погубит? — Фальк допил кофе и надел пиджак.

— Это я проходил несколько раз. На самом деле, умные преступники, если хотят кого-нибудь убить, то напаивают этого типа до беспамятства, душат его и закапывают в крепком полиэтиленовом мешке где-нибудь посреди леса. Совершенное преступление: в этой стране треть площади — это леса, чтобы такое обнаружить, это должно еще повезти. Но как только кто-то начинает забавляться в театр, в игры, в странные останки, то оставляют при них столько следов, что обязательно должны попасться.

6

Шацкий вышел на покрытую тающим снегом улицу Эмилии Плятер и посчитал, что необходимо хорошенько пройтись, прежде чем возвращаться в царство двух вредин. Уж слишком он был возбужденным следствием, так что легко мог и скандал начать. Решил устроить себе прогулку вокруг здания регентства^[31] — чтобы остыть, хватит.

Он свернул налево, у мокрого снега была странная консистенция разваренной каши. Быстрый марш разогрел Шацкого и отвлек его внимание от дела; наконец-то прокурор перестал видеть перед собой скелет, уложенный на хромированном столе. За светофором, между зданием суда и виселицами — как называли здесь старый памятник благодарности Красной Армии^[32] — он думал уже о том, что ждет дома.

«Мы должны поговорить». Понятное дело, всегда нужно разговаривать. Лучше всего — много-много часов, лучше всего — без конца вести разговоры, которые не вели к какому-то катарсису, они сами засыпали под них от усталости, а на следующий день даже не помнили, о чем говорили. Но сам он вел эти беседы вежливо, небольшой частью собственного сознания, все остальное оставляя на то, чтобы не сорваться, не заорать, не грохнуть кулаком о дверцу шкафа, не выбежать из комнаты. Шацкий знал, что так надо, что женщины требуют именно того.

Потому-то он беседовал, вел переговоры, старался быть современным. Он вкладывал массу сил в то, чтобы строить партнерские отношения. Вот только, холера ясна, люди ведь не одинаковы. Можно повторять, будто бы пол никакого значения не имеет, только он всегда будет иметь значение. Это гормоны, это генетическая память, созданная посредством исполнения столетиями определенных общественных ролей. Да, они строят союз партнеров, но Шацкому легче — даже если Женя над этим и смеется — выйти на работу с портфелем. Понятное дело, это не охота на мамонта, а всего лишь символический жест: я покидаю семейный очаг, чтобы у нас было чего есть, и чтобы все чувствовали спокойствие. К тому же, сама его профессия означала: я покидаю дом, чтобы вы могли чувствовать себя в безопасности. Вот интересно, вот сколько шерифов с Дикого Запада, вернувшись после охоты на бандитов, делило с женами домашние обязанности.

Да, он понимал, что это не пятидесятые годы в Америке. Не ожидал, что после того, как переступит порог, с него кто-то стащит сапоги и наденет шлепанцы, а после обеда в его руках сами собой очутятся стаканчик бурбона и газета. А собственных детей заметит лишь тогда, когда они вернутся, получив высшее образование, и он сможет решать, пожелает ли он с ними подружиться или нет.

Шацкий даже понимал, что это не семидесятые годы, которые он прекрасно помнил, годы счастливого детства в ПНР. Что он не может ожидать того, что после возвращения из конторы его будет ожидать обед из двух блюд — которые еще предстоит нагреть — а в воскресенье из духовки будет разноситься запах пирога.

Он даже понимал, что это не девяностые годы, и что не каждая сексистская шутка смешна, а длина юбки зависит от решения женщины, но никак не от требований ее начальника.

Но, черт подери, вот с тарелкой и двумя чашками — это уже перебор. Он обязан стоять рядом с прозекторским столом. Он должен сообщить совершенно чужой женщине, что ее муж убит. Это он спускается в дыру в земле, чтобы осматривать там человеческие останки. И за все это ему следует хоть капля уважения. Капелька ёбаного уважения.

Тем временем, в окрестностях Ольштына, не слишком близко, но и не слишком далеко, под конец дороги между центром города и улицей Рувной, обычный мужчина, обыкновенный настолько, что его можно было бы посчитать статистическим, возвращался с работы, слушая «Адажио для струнных» Сэмюэля Барбера. Когда-то он считал, будто бы это что-то из Михала Лёренца, потому что фрагмент был использован в «Кролле» Пасиковского,^[33] в самом начале, когда Линда на газике едет через полигон. Эту вещь он обожал, вот и сейчас слушал по кругу, направляясь по крутой дороге в сторону Гданьска. Сегодня был хороший день, и он всегда слушал это в дороге, когда день был удачным.

Ровнехонько на повороте в Гедаятах, как по желанию, на седьмой минуте в музыке случилась краткая пауза. После поворота он прибавил газу, подняв руку в дирижерском жесте, а на руль мягко опустил ее в тот самый миг, когда заплакали скрипки. Великолепно, сегодня все было великолепно. До дома никуда сворачивать уже не нужно, Барбера хватит до самых ворот.

Хватило. Какое-то время он не выключал двигатель, чтобы не попортить турбину дизеля. Правда, так следовало делать, вроде как, после интенсивной езды, но лучше подуть на холодную воду. В данном случае, на горячий двигатель. Он глядел на дом, который выстроил, на дерево возле террасы, что сам посадил, и которое сейчас было красиво присыпано снегом. На свет в окнах, за которыми сейчас игрался его сын, а жена крутилась по кухне. Сильно замечательного она оттуда не выкручивала, но он не жаловался. Женщины — они разные, а эта принадлежала ему, именно такую он выбрал, именно о такой заботился, как только мог лучше.

Он был мужчиной и делал свое, что делать следовало. Мужчиной современным, который не требовал ни взаимности, ни благодарности за опеку, которой он окружал собственный дом и собственных близких. Он делал это из любви и — он был готов в этом признаться — ради гордости, сопровождающей исполнение его желаний.

Он вошел в дом, повесил пальто и, к сожалению, запах теплой еды в ноздри не ударил.
— Хеля! — крикнул он.

Снял ботинки, почувствовав усталость. Давненько у него уже не было такого длинного дня.

— Чего?! — крикнула та в ответ из глубины большого жилища, голос здесь отражался словно эхо.

Понятно, скорее умрет, чем придет сюда. Он прошел в кухню: расположение помещений в доме было таковым, что совершенно естественно из прихожей ты сворачивал на кухню. Довольно часто их гости даже и не попадали в остальные комнаты, вся домашняя и светская жизнь шла в громадной кухне. Он зажег свет. Тарелка, чашка из-под кофе и стакан из-под сока стояли точно в том месте, где он их оставил утром. В том числе и крошки.

— Хеля! — рявкнул он таким тоном, что на сей раз прибежала. Дочка глянула на отца вопросительным взглядом воспиталки детского сада, которой никак не могло понравиться то, что какой-то короед морочит ей голову.

— Какой у нас сегодня день? — спокойно спросил он.

Та вопросительно подняла брови. Совершенно как Женя; вот удивительно, достаточно им совсем недолго прожить вместе, чтобы начать делаться похожими одна на другую.

— Я все тебе объясню...

— Хеля, — перебил он ее ответ, подняв руку, — одно дело. Не сто, не десять, всего одно. Тебе не нужно окружать опекой троих младших братьев и сестер, помогать мне в ведении семейного бизнеса, тебе даже не нужно стирать свои трусы или мыть ванную, которая, каким-то чудесным образом, вымывается для тебя сама. Раз в неделю, по вторникам, когда у тебя только четыре урока, ты должна сделать обед. Одно дело в неделю. Одно, прописью: одно. И которое в очередной раз оказалось для тебя слишком трудным.

Понятное дело, у девушки на глаза уже навернулись слезы.

— Ты вообще не понимаешь моей ситуации...

— Ну да, естественно, бедное дитяtko из разбитой семьи, воспитываемое отцом-психопатом и злой мачехой. Прелестный цветочек, насильно оторванный от своих варшавских корней. Ты лучше не беси меня. Все ходят вокруг тебя на цыпочках, принцесса Шацкая, а ты в награду плюешь нам в суп. Извини, не плюешь. А знаешь почему? А потому что никакого чертова супа и нет!

Дочь со злостью глядела на него, губы шевелились, как будто бы она еще не решила, на какое оскорбление решиться.

— Ты еще ударь меня! — крикнула она наконец плаксиво.

От изумления Шацкий не мог сказать ни слова.

— Ты чего, совсем поехала? За всю свою жизнь даже подзатыльника не получила.

— Наверное, вытеснила. Пани педагог говорила, что такое возможно. Вытеснение травмы. Боже, что я пережила.

И спрятала лицо в ладонях.

Шацкий пытался успокоиться, но чувствовал, что внутри закипает.

— Не могу в это поверить. Просто скройся с глаз, а не то и вправду получишь травму. И

гарантирую, что вот ее ты не сможешь вытеснить в течение последующих семидесяти лет. Мотай. И мигом.

Хелена повернулась на пальчиках и ушла, вытянувшись в струнку. Вся такая гордая, несмотря на все пережитые неприятности. Шацкий не мог сдержаться, чтобы не показать спине дочери средний палец.

— А за пиццу я вычту из твоих карманных. И обещаю, что это будет очень дорогая пицца.

Совершенно обессиленный, Шацкий уселся на кухонной столешнице, прямиком в оставшуюся еще с завтрака кляксу кетчупа, и почувствовал, как на заднице увеличивается мокрое пятно.

Тут уже он не смог сдержаться и фыркнул. Затем подвернул манжеты, помыл посуду после завтрака и заказал пиццу. Вообще-то говоря, ему даже хотелось как раз пиццы. Он как раз ставил воду для своего священного вечернего кофе, когда домой вернулась Женя. А вместе с ней неожиданно прибыл запах китайщины.

Стукнули сбрасываемые в прихожей сапоги, и тут же она вошла на кухню: высокая, зарумянившаяся от холода, в довольно длинном радужном шарфике, обернутом вокруг шеи. Женя выглядела мило, словно подросток.

— Я тоже хочу кофе. А если ты мне еще и молочка подогреешь, то... — она изобразила пальцами у губ что-то типа занятия любовью.

Шацкий постучал пальцем по лбу. Но на самом деле эту девушку он любил. Любил настолько, что слово «супружество» переставало звучать у него в голове как угроза. Вот разве было бы неплохо до конца жизни сносить ее засохшие шуточки? Следовало об этом подумать.

Женя поставила на стол два больших пакета, в которых угадывались коробочки с китайскими блюдами.

Шацкий вопросительно глянул.

— А, не могла решить, так взяла побольше, самое большее, останется на завтра. Елена, — она всегда называла дочку Шацкого Еленой, что, о чудо, малой даже нравилось, — звонила мне после школы, извинялась за то, что обед не сделает, у них был какой-то там благотворительный проект. Пообещала, что завтра пожарит блинчики с яблоками. Ну, Тео, и чего ты на меня так смотришь?

Тем временем, на улице Рувнэй, извращенно обычной в своей пригородности, в ничем не выделяющемся доме, мужчина сидел за обеденным столом и вспоминал про себя, как несколько месяцев назад у них был тренинг в гостинице под Лодзью. Тренер спросил, с чем они бы сравнили собственные семьи. Больше всего смеялись над одним мужиком, который сказал: с отпуском на Балтике. Вроде как и отдых, вроде как и сами того хотели, вроде бы как и куча бабок потрачена, вот только где же солнце? Он же, в свою очередь, сказал правду, зная, что на тренинге по администрированию она прозвучит хорошо: семью он сравнил с хорошо смазанной машиной.

Хорошо быть частью такой машины. Ну, может, не столько частью, сколько инженером. Об этом он тоже сейчас подумал, когда сел обедать. Блюда выглядели просто шикарно:

стейк из говядины с каким-то соусом. И пюре, у каждого на тарелке был выложен инициал его имени из картофельного пюре. Малыш в своем креслице подпрыгивал восхищенно, как будто понимал, что там написано, все время трогал пальцем свою букву и хохотал.

— Замечательно ты это сделала, — сказал он жене.

Та улыбнулась. Она не была ни слишком красивой, ни слишком женственной, но и у нее были свои лучшие дни. И этот был один из них. И у него тоже был его лучший день. Правда. Прекрасно смазанная машина.

— Хмм, а соус просто великолепный. Из чего?

— Из горгонзолы. Тебе нравится?

— Спрашиваешь. А он не ест?

— Где-то я читала, что сыр с плесенью идет лет только с трех. Наверняка преувеличение, но на всякий случай...

— Бабки брала из банкомата?

— О Боже, извини.

Тот лишь пожал плечами. Он знал, что иногда с его женой так и бывает. Даже если запишет на листке или вытатуирует на руке, все равно, либо забудет, либо сделает не так.

— Ничего не случилось, — успокаивающе сказал он, потому что увидел, как это ее обеспокоило; а потом еще погладил по руке. — Просто, когда платишь карточкой, легче контролировать расходы. Благодаря нашей тетрадке, мы знаем: сколько, в каком магазине и на что потратили, потом можно будет подумать, а не следует ли в чем-то ограничить себя. И тогда можно будет сэкономить на еще более классный отдых.

— Я забыла, что то не Коровка.^[34]

— Но мы же там закупок не делаем.

— Да, помню, но когда ехала, то по радио кто-то рассказал глупую шутку, что скорее в «Бедронке» можно будет платить карточкой, чем что-то там, сейчас уже и не помню что. И меня настолько заклинило, что нельзя платить карточкой, что сразу же сняла из банкомата.

— О'кей, понял, но ты же знаешь, как оно с наличными...

— Знаю, — и повторила его слова: «Сотню разменяешь, и сотни уже нет».

Мужчина сделал жест, означающий: даже я бы лучше не сказал, и последним кусочком мяса собрал остатки пюре. Съел, после чего начал играть с малышом шариками зеленого горошка. Оно вроде бы как едой не балуются, но на настоящую науку время еще будет.

Хорошо смазанная машина. Он любил свою карьеру, любил свой дом и свое дерево. Но вот эта семья — эта хорошо смазанная машина — была его наибольшим жизненным достижением. И он никогда не перестанет быть горд этим.

Шацкий попытался помириться с Хелей, но та его к себе в комнату не пустила. Тогда он решил, что поговорят завтра, когда дочка чуточку остынет. Ну а что, не могла сразу сказать? Разве не было бы проще? Он знал, что сам пересолил, но до сих пор еще немного злился. На дочку, на себя, и так, вообще. Случился с ним такой вот мужской ПМС.^[35]

Хорошо еще, что Женя смилостивилась над ним и пропустила свое «нужно поговорить».

Шацкий лежал на кровати и читал Леметра.^[36] Как правило, он сторонился

криминального чтения — мало того, что все было надумано и все ходы можно было заранее предвидеть, так еще в подобных книжках обычно тщательно обходили прокуроров — но здесь следовало признать, что француз был по-настоящему хорош.

Женя вышла из ванной в длинной ночной рубашке, втирая крем в ладони. С тех пор, как Хеля поселилась с ними, она перестала бегать по дому в чем мать родила. За это Шацкий был ей благодарен, потому что раньше женщина носилась со своей наготой, словно с флагом, так что следовало понимать, чего для нее стоило подобное отречение.

Женя была из тех женщин, у которых после снятия макияжа лет становилось только больше, но вот красоты никак не убывало. Наоборот, именно такая она ему и нравилась: черты лица заострились, некоторым они могли покачаться чуть ли не мужскими, но ему подобная суровость была в тему. Вообще-то, все это действует весьма странно. Всегда, когда он видел подобных девиц: высоких, несколько неуклюжих, андрогинных, с резкими чертами лица, небольшой грудью и хриплым смехом — он думал: нет, не мой тип. А Женя глянула всего лишь раз — и готово! Сейчас он глядел, как женщина крутится по спальне, и находил во всем этом громадное удовольствие.

— Целых три часа они мне рассказывали обо всех своих приятелях и родственниках, у кого с кем и какие отношения, и почему такие. В обычных обстоятельствах я бы просто плюнула, но тут, понимаешь, я боюсь, что если неправильно расскажу на этих плотях и начнется драка, кто-нибудь обязательно утонет. Я старалась все зарисовать, расписать, весь листок выглядит словно перемещения советских войск по ходу наступления, какая-то дьявольская головоломка. Оно, вроде как, молодых гостей сажают рядом, только вот молодые с его работы не могут сидеть с молодыми из ее семьи, потому что когда-то фирма ее отца отобрала заказ у его фирмы. Ты меня слушаешь?

— Угу, — ответил он, изображая активное внимание, поскольку по ходу ее рассказа вернулся к книге.

— Так что я сказала?

— Фирма ее отца отобрала заказ у его фирмы. Ты меня слушаешь?

Женя грохнулась в кровать рядом с Шацким.

— И я подумала, что все это какая-то бессмыслица. Я порвала с медициной, поскольку не могла вынести ответственности за то, что от моих решений будет зависеть чья-то жизнь. На этом фоне, могло показаться, что вэбдинг-планирование...

Шацкий скривился. Он не любил, когда калечили польский язык.

— Ой, извини, — Женщина положила руку на бюст, выглядело это достаточно сексуально. — И на этом фоне, казалось бы, свадьбы — это самый безопасный в мире бизнес. И что? Тут меня судьбина и достала. Если кого-нибудь посажу на свадьбе не так, может случиться, что кровь будет на моих руках. В любом случае, возвращаюсь я с этой ужасной встречи, заезжаю в «Орлен» на кофе и встречаю там Агату. Ты ее помнишь? Ту самую, что ходила с мужиком, который потом был мужем Агнешки, дядя которой недолго работал с моим отцом в «Стомиле», я же рассказывала тебе про ту турбазу, где меня укусил клещ, правда? Но турбаза была не «стомилевской», а с работы моей мамы.

— Чувствую., словно сам проводил там детство.

— Дурак. Так Агата мне рассказала необычную историю собственного брата, Роберта. Ну это мои знакомые. Она говорила, что «уж если чего не идет не выходит, так не идет все», только мне это больше напомнило то кино Финчера, где все валится.

— «Игра».^[37]

— Ну да. Короче: самый обычный тип, жена, дети, домик в Пурде.^[38] И внезапно банк отзывает его кредит, самый обычный, потребительский. Причин не указывают, потому что так стоит в договоре. Бывает. Роберт думает: ну и валите себе, возьму где-нибудь в другом банке. Я же на должности. Идет к себе в отдел кадров за справкой, а там его уже ждет извещение об увольнении. Сокращение штата. Все в соответствии с законом, предупреждение и тому подобное. И угадай, что дальше.

— Налоговая.

— Откуда ты знаешь?

— В каждой истории «уж если чего не идет не выходит, так не идет все» имеется налоговая. Все просто.

— Так оно и есть. Перед этим у него была фирма, а они говорят: проверка, неправильно начислялся НДС. Ну тут он быстро фирму разделил, все переписал на жену, но и так дело было кислое. Тем более, что жена тут же с ним развелась. Она особо и не жаловалась, в этом их браке что-то было не так, все какое-то пересахаренное, как будто на показ, а под той глазурью чего-то было не так. Вроде как все и о'кей, а на самом деле... Ну, ты понимаешь.

Женя вздохнула и поглядела на его книгу. А он и забыл, что название для их ситуации весьма даже значащее: «Свадебное платье». Тут Женя начала барабанить пальцами по скрещенным коленям.

— Может небольшой перепихончик устроим? — спросила она.

— А книжку откладывать надо?

— Если получу приличный оргазм, то нет.

Шацкий отложил. На всякий случай, названием книзу.

11

Тем временем, улица Рувна уже давно погрузилась в ночь, дети заснули, свет был погашен, а хозяйева в большинстве своем отправились на покой. Многие, но не все. Мужчину все время распирала накопленная в течение дня энергия. Иногда у него появлялось впечатление такой — дурацкое слово — мощи. Будто сам он занимает больше места, чем обычно. Что слышит четче, видит резче, все чувства действуют лучше. Этот день, этот обед, эта семья, этот идеальный дом — в общем, он чувствовал себя как до краев заряженный аккумулятор. Все стрелки вибрировали в красном секторе.

Он подошел к расстилающей кровать жене и провел рукой по позвоночнику. Ему было известно, что там находятся эрогенные зоны, и что женщинам это нравится. Только вот она не выгнулась словно кошка, но лишь застыла на месте, после чего осторожно убрала спину из-под его пальцев. Деликатно, только он понял, что сегодня не тот день. Точно он не помнил, но, похоже, у нее были месячные. Это могло бы объяснить случай с банкоматом: гормоны — это тебе не пустяк.

Он был современным мужчиной, и ему никогда бы не пришло в голову принуждать жену к сексу, когда она того не желает. Понятное дело, иногда он жалел, что она уже не такая — снова дурацкое слово — темпераментная, как он сам, иногда он мечтал о безумном, диком сексе. Но что же, на практике его дикий секс через час так и кончился бы храпом в подушку. Но мужчине никогда и в голову не приходило искать приключений на стороне. А ведь не такие, ой, не такие масляным взглядом провожали его на тренингах и конференциях.

Само воспоминание этого прибавило ему еще немного энергии. И-эх, ладно уже. Семья — оно ведь не только права, это еще и обязанности.

К счастью, уже давно, еще в самом начале их совместной жизни, они научились справляться с его избытком энергии. Он мог заснуть спокойно, а она — если не желала — свою супружескую обязанность могла и не исполнять. Со временем, хотя он сам себе в этом и не признавался, его это начало устраивать настолько, что, хо-хо! может они даже были чемпионами Вармии в этой дисциплине.

Ему даже не нужно было ничего говорить, это уже стало их небольшим ритуалом, у каждой живущей вместе пары имеется такой. Женщина сама легла навзничь на кровати, свесив голову за раму. Кровать была настолько высокой, что ему даже не нужно было приседать, он лишь пошире расставил ноги.

Мужчина вошел в женщину и вздохнул. Его жена поперхнулась, но всего лишь на мгновение.

И это занятие никак нельзя было назвать любовью — только лишь олимпийским видом спорта. Они долго тренировались, чтобы женщина преодолела рвотный инстинкт, долго подбирали подходящие таблетки от болей горла. Чтобы он мог войти в нее как можно глубже, чтобы ее горло окутало его член. Иногда — вот как сейчас — он чувствовал пульсацию ее гортани, словно она пыталась его проглотить.

Мужчина глядел на женщину сверху. Та лежала, разбросав руки и ноги, свесив голову, рот широко раскрыт, глаза закрыты — словно труп, будто пьяная, что заснула в одежде, едва добравшись до кровати. Только лишь резко дергающаяся диафрагма, когда женщина боролась с рвотой при помощи специальной техники, выдавала, что жена не спит.

среда, 27 ноября 2013 года

В 53-й день рождения Юлии Тимошенко Виктор Янукович утверждает, что в декабре будет знать, подпишет ли Украина договор об ассоциации, только никто уже этого квази-диктатора всерьез не воспринимает. В Германии рождается крупная коалиция CDU и SPD, в Италии Берлускони теряет мандат сенатора и громко заявляет: «Это смерть демократии!»; в Великобритании обещают уменьшение пособий для иммигрантов, а в Польше принимает присягу wunderwaffe Гражданской Платформы — вице-премьер Эльжбета Беньковская. Пять процентов подростков 16 лет признается в том, что они раздевались догола в Интернете, а Новости TVP представляют нам темную сторону Варшавы, в том числе и трясущуюся девушку, ставшую жертвой попытки изнасилования. После ряда протестов канал TVP просит прощения за недостаток такта. В Кракове афера отзывается премьера Не-Божественной Комедии, поскольку прошла утечка с репетиций, будто бы гимн Польши там поют на мотив гимна Германии. В Олыштыне задержали мужчину, который заявил о подложенной бомбе. Он был настолько пьян, что сам сообщил сотрудникам полиции, откуда звонит. Сдана в эксплуатацию выездная трасса на Клевки и Щитно, к сожалению, незавершенная, так как не хватило средств на двести метров асфальта. Городская больница в общепольском конкурсе «Жемчужины медицины» признана лучшей больницей в категории менее 400 коек. Температура около нуля, ужасный ветер, туман. Да, и замерзающая на лету морось.

1

Чуть ли не каждый день по телевизору показывают людей, кричащих, что «с этим следует идти к прокурору». Прокурор Теодор Шацкий из собственного опыта знал, что только лишь на воплях редко когда заканчивается — такие люди и на самом деле потом идут к прокурору. И он считал, что наибольшим кошмаром этой профессии является данная серому обывателю возможность ни с того, ни с сего прийти с улицы в официальную службу и подать уведомление о преступлении, сводя роль высокообразованного стража права к деятельности городского.

Потому он с трудом сохранил профессиональное выражение лица, когда под дверь собственного кабинета увидел нервно мнущую ручки сумки посетительницу. Сегодня было не его дежурство, но швейцар сообщил, что дежурная опоздает, в пробке застряла, а все по причине ремонта на перекрестке Варшавской и Тобрука, а кроме того, пан сам понимает — Олыштын. Похоже, все эмоции Шацкого проявились на лице, потому что швейцар выглянул из своего окошечка и прибавил утешительным тоном:

— Но скоро построят трамвай, и все будет по-другому, вот увидите!

Шацкий пригласил женщину пройти в кабинет, улыбаясь и от всего сердца надеясь на то, что все это какая-то глупость, с которой сможет отослать ее в полицию. Или даже еще лучше: посоветовать, чтобы она подыскала себе юриста. Он не мог дождаться того, чтобы поехать на Варшавскую и узнать, что же открыл Франкенштейн.

— Я вас слушаю, — Шацкому хотелось, чтобы голос его прозвучал холодно и

профессионально, но произнес он эти слова словно офицер НКВД, которому какой-то рядовой морочит голову.

— Я хочу подать уведомление о совершении преступления, — механически пробарабанила женщина, как будто бы всю дорогу повторяла это предложение про себя.

— Да, конечно.

Шацкий вынул соответствующий бланк и карандаш, глядя на сидящую напротив гражданку и пытаясь угадать, с чем же та пришла. Нет, из общественных низов она не была, хорошо одетая, ухоженная, прическа простая, но, вместе с тем, и элегантная. Тип той женщины, которая предпочтет прийти в прокуратуру, а не в полицию, поскольку в подобном окружении она чувствует себя лучше. Возраст около тридцати, красота продавщицы из парфюмерного отдела: красива настолько, чтобы хорошо свидетельствовать о фирме, но и не настолько, чтобы посетительницы стыдились делать покупки.

— В общем... я хотела сообщить о том, что муж... что муж меня, в общем, я его просто боюсь.

Замечательно, для начала дня дело об издевательствах. Злорадно он представил себе содержание несуществующего предписания: «В том случае, если кто-то постоянно доводит другое лицо до перепуга и порождает в нем чувство угрозы, он подлежит наказанию лишения чувства безопасности на срок до трех лет».

— А может пани желала бы переговорить с моей коллегой-женщиной? — мягко спросил Шацкий. На кончике языке у него уже была маленькая ложь, что, в соответствии с новыми положениями, сообщения по вопросу домашнего насилия женщины обязаны делать только лишь чиновникам. Но он подавил ее, немного из чувства стыда, немного — из чувства обязанности, немного — из страха того, что ложь выйдет на свет божий.

Женщина отрицательно покачала головой.

Шацкий записал ее личные данные. Имя, фамилия, адрес. Какая-то деревня под Олыштыном, по дороге, насколько ему помнилось, на Лукту. Тридцать два года, по образованию — логопед, по профессии — инструктор верховой езды и парусного спорта.

— То есть, до недавнего времени, — поправилась просительница. — Сейчас-то я сижу с ребенком.

— Я зачитаю вам закон, который может быть здесь применен, — сказал хозяин кабинета. — Статья двести седьмая уголовного кодекса говорит о физическом или психическом издевательстве над родственником. За это может угрожать от трех месяцев до пяти лет. И даже до десяти, если запретное деяние связано с применением особой жестокости. Насколько я понимаю, пани желает заявить об издевательстве.

— Я просто боюсь его.

— А у пани имеются доказательства физического насилия? — у Шацкого не было времени на долгие беседы.

— Не поняла.

— Снятие побоев или, по крайней мере, документы после лечения переломов или травм. Если у вас их нет, мы можем извлечь соответствующие данные из поликлиники или больницы.

— Но ведь он меня никогда ни разу не ударил, — женщина произнесла это с таким жаром, словно пришла сюда лишь для того, чтобы встать на защиту мужа.

— То есть, мы не говорим о физическом насилии?

Просительница беспомощно глядела на Шацкого, облизывая губы.

— Так мы говорим о физическом насилии — или нет? Повреждения тела? Раны? Синяки? Что-то другое?

— Но я же говорю, что нет.

Шацкий сложил руки, словно собираясь молиться, и посчитал про себя до пяти, повторяя себе, что это цена за выбор профессии, заключающейся в службе гражданам. Всем без исключения. Даже таким, которые считают его контору чем-то вроде консультации по вопросам разводов.

— Следовательно — это психическое насилие. Он обзывал вас? Угрожал, что применит физическое насилие?

— Ну, если прямо, так нет.

— У вас есть дети?

— Сын, ему почти три годика.

— Он его бьет? Кричит на него? Пренебрегает им?

— С чего бы, это превосходный отец, современный. Он им замечательно занимается.

— Проще пани, — начал Шацкий, желая сказать после запятой, что просительница ошиблась адресом, и что «Газета Ольштыньска» обязательно организует плебисцит на звание мужа и отца года, но в последний момент сдержался. — Насколько я понял, муж не бьет ни вас, ни ребенка, он не ругает вас, даже не кричит. Быть может, он вас держит под замком? Никуда не выпускает?

— Да нет.

— Но вы чувствуете, будто бы вам что-то угрожает.

Женщина подняла дрожащие ладони в жесте беспомощности. Кожица у ногтей была обкусана до живого. Невроз, подумал Шацкий. Только ведь невроз — это еще не доказательство преступления. Последнее предложение следует оформить в виде вопроса, вникнуть, дать ей время выговориться. За дверью ожидал мир с реальными преступлениями, у него не было времени заниматься проблемами придуманными.

— Потому что он все так контролирует, не оставляет никакого пространства, — произнесла женщина наконец. — Например, мне нужно заплатить кредиткой, так настоящий допрос: где я заплатила, сколько заплатила. И чек необходимо приколоть в тетрадку с расходами. Оно все вроде как и мелочи. И все должно быть только так, как он хочет, все...

Она снизила голос, словно ожидая поощрения, толчка в нужном направлении.

Шацкий ожидающе глядел на посетительницу.

— Но только знаете ли, правда ведь и то, что я сама тоже немного рассеянная. Опять же, с этими деньгами, пан сам знает, как оно случается. Если сотню разменяешь, значит — сотню потеряешь. — Женщина нервно рассмеялась. — Мне очень жаль, я столько собиралась, а теперь только трачу ваше время. Я безнадежна.

— Для этого мы здесь и существуем, — ответил Шацкий таким тоном, чтобы у посетительницы не оставалось никаких сомнений, что все оно с точностью до наоборот.

Женщина качнула головой. Прокурор почувствовал, что она обязана что-то сказать.

— Прошу прощения, я понимаю, что это дело крайне деликатное, только ведь нет таких учреждений, которые станут вам помогать в принятии сложных решений. Я понимаю, что в своем брачном союзе вы чувствуете себя очень плохо, в противном случае, пани в прокуратуру не обратилась бы. Но ваш, — несколько секунд он подбирал наиболее подходящее слово, — ваш психический дискомфорт еще не свидетельствует о том, что ваш

муж совершает преступление. Он свидетельствует лишь о том, что пани, возможно, сделала неправильный выбор. А ведь никакой закон не требует жить с человеком, с которым тебе плохо.

Женщина положила сумочку на колених и стиснула пальцы на ручке. Выглядела она так, словно бы знала, что ей следует выйти, но не могла себя заставить сделать этот шаг.

— Только ведь я ужасно боюсь.

Шацкий поглядел на часы. Через час ему следовало быть на Варшавской, а еще нужно заполнить кучу бумаг.

— И я знаю, — тихо произнесла женщина и встала. — Таких учреждений нет.

Буквально через несколько секунд прокурор Теодор Шацкий выбросил незаполненный протокол в корзину и тут же обо всем забыл.

2

Тем временем, его посетительница вышла из прокуратуры и, вместо того, чтобы повернуть направо, где припарковала машину на улице Эмилии Плятер, направилась в сторону торгового центра. Самая обыкновенная женщина, ни элегантная, ни запущенная; не красавица, но и не дурнушка. Она влилась с толпу самых обыкновенных людей. И прекрасно, именно в такой толпе она чувствовала себя безопаснее всего. Женщина присела за столиком одного из не имеющих собственного лица кафе и заказала абсурдно дорогой кофе, а собственных денег у нее было немного. Взяла в долг у матери в День Всех Святых, под каким-то дурацким предлогом, ведь им с отцом прекрасно известно, что семье дочки всего хватает. И вечно еще подчеркивают, насколько они горды тем, что дочь такого кавалера нашла. Дом построил, дерево посадил, сына породил — настоящий мужчина. Насколько нужно — традиционный, насколько нужно — современный.

Женщина отпила горячего кофе и скривилась, горло после вчерашнего до сих пор саднило. Заснула она с таким сильным решением, что приедет к прокурору, наведет во всем порядок и вырвется из всего этого дерьма. Ведь даже если она и такая уж безнадежная, неблагодарная, обо всем забывающая и ничего не замечающая пизда — все равно, такого не заслуживает. У нее ведь была логопедическая практика, она работала с молодежью, обожала туристские лагеря под парусами, любила показывать малолеткам одни и те же моряцкие узлы, палить костры в тех же местах, фальшиво петь шанти, ^[39] с радостью узнавать, что по одному и тому же проливу нельзя проплыть как раньше.

И такое было всего лишь три года назад, сегодня же ей казалось, что это доисторические времена. Самое прекрасное это то, что все казалось естественным и нестрашным. С мужем она проводит много времени, ибо, в конце концов, это ее молодой супруг. Он много времени проводит на строительстве, потому что на стройке за всем нужно следить. Много времени он торчит в доме, что ни говори, но за отделочными работами нужно следить. Массу времени проводит в глуши, потому что дом, о котором они так мечтали, находится в чертовой глуши. Он следит за расходами, потому что дом — это расходы, всем известно, а тут еще ребенок появится. А она не зарабатывает, ведь кто-то же должен следить за домом, а еще и за малым. А рынок труда такой: чтобы заработать на няню и разезды, ей нужно было бы стать логопедом в Варшаве или перебраться на Канарские острова, где парусный сезон длится круглый год. В свою очередь, она даже мечтала обучать

парусному спорту где-нибудь подальше, в Хорватии, ходить по морю — дело совсем другое, чем по озерам.

Помимо тетрадки с записями расходов ей необходимо иметь и тетрадку с вещами, с которыми она облажалась. Сегодня туда следовало бы записать посещение прокуратуры. С одной стороны, тот седой лакей не был особо обнадеживающим, глядел на нее, словно на дуру, и чуть ли не выпихивал своими мыслями из кабинета. С другой же стороны, а чего она ожидала? Что прокурор умеет читать чужие мысли? Нужно было перебороть себя и заявить: «Дорогой пан прокурор, мой муж ежедневно сует свой хуй так глубоко в мое горло, что приходится глотать свою же блевотину. Как пан считает, есть ли на все это какой-нибудь рецепт?».

Изменило бы это хоть что-то? Возможно, да. Он спросил бы, имеются ли у нее подтверждение снятия побоев и телесных повреждений, а потом дал бы добрый совет, что, к сожалению, нет каких-либо учреждений, осуждающих патологии при занятиях любовью. Или, что было бы еще хуже, глуповато бы посмеивался, шутил и рассказывал, что, мол, в браке может случиться и хуже. Она уже доверилась подруге, вскоре после того, как все это началось, когда после родов ее супруг начал испытывать отвращение к ее влагилицу. Та ее только высмеяла и заявила, что подруга и так еще легко отделяется. По крайней мере, не обязана чувствовать вкуса спермы, поскольку та попадает прямоком в желудок.

Женщина допила кофе, думая о том, что в одном седой лакей прав. Никакое учреждение ничего за нее не решит. Пора с этим покончить. Раз и навсегда.

Прокурор Теодор Шацкий припарковался под «бюветом^[40] региональных видов пива», чтобы не забыть прикупить себе чего-нибудь на вечер, когда уже будет возвращаться. Пивоваренное заведение «Баклан» было весьма положительным открытием в его ольштынской эмиграции. Некоторые их изделия были слаще пирожных, но некоторые — высший сорт. Вообще-то он всегда строил из себя сноба и пил вино, но потом посчитал, что проживание в Ольштыне — это нечто вроде отпуска, а пиво с отпуском ассоциируется как-то лучше. При этом имелись кое-какие угрызения совести, что пиво полнит, но всякий раз у кассы обещал себе, что вновь начнет бегать, и так успокаивал сознание.

Понятное дело, что снова начну бегать, размышлял он, застегивая пальто, но только тогда, когда позволит погода. Скоро одиннадцать утра, но все заволкло ледяным туманом, а темные тучи висели так низко, что из всех солнечных лучей пробивался, дай бог, хотя бы тысячный. И вообще, Шацкому казалось, что уже смеркает.

Он вошел в здание «Anatomicum» и неожиданно почувствовал себя как-то уютно и приятно, его пронзила — как оно часто бывает — ностальгия по безгрешным годам, по семейному дому и счастливому детству на Повисле. Чувство было настолько сильным, что прокурор, изумленный, даже остановился. Он стоял и разглядывался, но ничего знакомого в обезличенном больничном коридоре, в лампах дневного света и анатомических плакатах на стенах не было. Дело было в запахе! В единственном своеобразном соединении вони пасты для пола с великолепным ароматом говяжьего бульона. Который, как раз, и ассоциировался с детством, потому что по субботам всегда натирали паркет, а в воскресенье был бульон. Маленькие ритуалы традиционных семей, времена ПНР.

Прокурор был рад тому, что узнал источник ностальгии. А потом пришло чувство ужасного изумления, поскольку в прозекторской — даже в такой, где еще недавно на бестеневых лампах висел серпантин — не должно пахнуть бульоном.

Он вошел в зал, скелет лежал на хромированном столе, с повернутым набок черепом, как будто тот с интересом наблюдал за тем, что же здесь творится. Профессор Франкенштейн стоял спиной к скелету возле длинного стола, с которого убрали все лабораторное оборудование, зато наставили кучу банок и склянок. Возле одного из таких резервуаров, стоящего на газовой горелке, стояла ассистентка Франкенштейна и перемешивала исходящее паром содержимое. Шацкий представил, как при каждом ее движении из булькающей жидкости в баке выплывают глазные яблоки. Он кашлянул.

Повернулись одновременно: и Франкенштейн, и его помощница. Он выглядел точно так же, как и вчера — безумный ученый из немого кино — застегиваемый сбоку халат, удлинненное лицо, седые волосы и очки в золотой оправе. Зато его ассистентка выглядела так, словно только что покинула съемку порнушки, где все трахаются в лабораторных декорациях. Женщина была красива естественной красотой живущей по соседку девушки, брюнетка с волнистыми волосами и с формами, которые нельзя скрыть, даже напялив на себя мешок из-под картошки. Ниже застегнутого халата можно было видеть только лишь черные колготки и шпильки на таких острых каблуках, что ими можно было бы прокалывать уши. Сверху из-под халата никакие фрагменты гардероба не просвечивали. Шацкому хотелось думать о чем-нибудь другом, а не о том, что наверняка под халатом ничего и нет, но он не мог.

— Прокурор Теодор Шацкий, пани Алиция Ягелло, — представил их друг другу профессор Франкенштейн. — В прошлом моя самая способная студентка, сейчас — ассистентка, пишет работу по определению даты смерти, только-только вернулась после стажировки на легендарных трупных фермах^[41] в Штатах. Производящиеся здесь эксперименты станут частью ее диссертации.

Шацкий подал руку женщине, размышляя при этом, как намеренный сексапил связан с ее работой с мертвецами. Он знал многих патологов, каждый из них отличался каким-нибудь чудачеством, спасавшим от того, чтобы не поехала крыша. Легендарная начальница Судебного Медицинского Учреждения из Гданьска пошла, к примеру, в материнство, возле прозекторской у нее была комната для кормления очередных малышей, а ее муж, в прошлом замечательный прокурор, настолько серьезно занимался домом, что, в конце концов, стал автором бестселлеров о здоровом питании для детей и бросил службу юстиции.

Аспирантка Ягелло глядела на Шацкого огромными глазами цвета бледно-голубого неба в жаркий день. Взгляд выражал пронизательность и живой ум. Женщина производила огромное впечатление в любом смысле этого слова.

— Есть какие-нибудь новости в отношении моего клиента? — указал прокурор на скелет.

— Масса, — ответила ассистентка, подходя к разложенным костям. Она явно перехватывала инициативу.

Пожилой профессор, казалось, был этим доволен. Он глядел на Ягелло ласковым взором отца, который учил дочку кататься на лыжах, а теперь с трибуны глядит на то, как она выигрывает соревнования по скоростному спуску.

— Прежде всего, я осмотрела все кости в поисках следов, которые могли бы нас навести на причину смерти. Понятное дело, это всего лишь кости, но они могли бы быть повреждены

пулей, ножом или тупым орудием. Переломы или трещины тоже дали бы нам понятие о том, что пережил покойник, еще будучи живым человеком.

Девушка натянула латексовые перчатки и взяла череп в руку, несколько мгновений держа его в жесте Гамлета.

— И я не нашла ничего, то есть, практически ничего. Наверняка, не причину смерти. На теменной кости, — повернула она череп задом, чтобы показать гостю, — имеется звездчатая трещина. Такие нам известны достаточно хорошо, поскольку часто наблюдаем их на лобной кости. Это результат удара головой в плоскую поверхность, в стену или пол; у жертв несчастных случаев это, собственно, стандарт. А вот темечком, такое случается гораздо реже. Но что-то не давало мне покоя, я осмотрела трещину через лупу. Так вот, трещины говорят нам о том, что они образовались не в результате одного, но множества ударов.

— Будто бы кто-то лупил его по голове чем-то плоским? — спросил Шацкий. — Лопатой для уборки снега? — Я думала об этом, но подобное представить очень сложно. Жертва должна была бы быть обездвижена, с головой в одном и том же положении, и кто-то должен был бить по ней мало, что чем-то плоским, например, широкой доской, так еще и с точно отмеренной, всякий раз одной и той же силой.

— Такое мало правдоподобно.

— Именно. Вы не помешаете, профессор?

Франкенштейн достойно кивнул и подошел к булькающему котелку из нержавеющей стали.

— Я думала, скорее, о конвульсиях. Таких, которые были вызваны травмой, отравлением, возможно, неврологическим заболеванием. Правда, имеется и другая теория, но о ней чуточку позже.

Она склонилась и осторожно положила череп на место. Шацкий очень внимательно наблюдал за ней при этом движении; ему хотелось увидеть краешек юбки, выпирающую под халатом пуговку или застежку пояса, бретельку бюстгальтера.

Ягелло подошла к тазу покойника и осторожно подняла средний палец правой ладони.

— На некоторых пальцах ладоней и стоп имеются странные повреждения.

— Странные?

— Ни я лично, ни в литературе никто ни с чем подобным не сталкивался. Кости выглядят так, как будто их, трудно подобрать какое-то другое слово, спилили. Как будто бы кто-то взял старую, тупую пилу для дерева и грубо отпилил кончик пальца. О хирургической точности нет и речи, кость поломана и разодрана. Вот, сами поглядите.

Девушка подсунула фалангу Шацкому под нос. Тоненькая косточка, и правду, заканчивалась осколками. А Прокурора передернуло при мысли, как можно было бы приобрести подобное ранение.

— Что самое интересное, что в случае левой руки так же выглядят и средние фаланги, а не только концевые.

— И что это означает?

— Это означает, придерживаясь сравнения с пилкой: кто-то, кто пилил палец, не закончил, когда часть его уже отделилась, но продолжал пилить дальше.

— Как могли появиться подобного рода травмы?

Алиция Ягелло глянула на прокурора взглядом женщины, которая, несмотря на возраст, в этой жизни повидала многое.

— На эту тему, к сожалению, имеется одна теория, но о ней позже. Давайте задумаемся

вот над чем: как такое возможно, что человек, который еще неделю назад ходил гулять по лесу, сегодня выглядит так, что опытный прокурор принял его за старый, немецкий еще скелет.

Девушка улыбнулась Шацкому в знак того, что да, это была подколка, но дружеская. И подошла к столу. Помимо стоящего на газу котла с бульоном там находились еще четыре резервуара: два стальных и два из серой пластмассы. И открытый ноутбук с черным экраном, стоящий в одном ряду с прямоугольными коробками, как будто желавший выдать себя за одну из них.

— Научная истина выковывается в огне экспериментов, — низким голосом произнес Франкенштейн. — И стоят за ней не бумага с карандашом, но раскаленные угли, меха и сила кузнеца.

— И, понятное дело, сила разума, — прибавила Ягелло, но, поскольку она стояла спиной к Шацкому, тот не мог видеть выражения ее лица. — Она подняла крышку стального котелка. — Вот объект наших экспериментов, — сказала девушка.

Прокурор склонился. В котелке было много красного мяса и белых костей. Он вопросительно глянул на ассистентку.

— Я и мои мопсы являемся постоянными клиентами мясника, — сообщил Франкенштейн. — Он сразу же предоставил мне все необходимое. Телячьи голени с коленными суставами, мясом и шкурой, чтобы у нас для наблюдений имелись все ткани.

Франкенштейн, мопсы и их любимый мясник. Шацкий подумал, что это звучит словно название современного романа, в котором огромную роль играет форма, а его автор изобретает язык наново.

— Вы знаете, что такое трупные фермы? — спросила Ягелло.

— На огражденной территории оставляют останки и следят, как происходит разложение в зависимости от географического положения, температуры, погоды, времени года. Полученные данные просто неоценимы для последующего определения времени смерти на месте события.

Ассистента одобрительно качнула головой.

— «Трупная ферма» — это название общеупотребительное, официально же это Центр антропологических исследований. Я полгода работала в Теннесси, где находится самая старая такого рода ферма. Самое интересное, на недостаток трупов они никогда не жаловались. Большую их часть родственники передают для научных исследований, у нас о таком и подумать невозможно. А там многие люди делают заявления о том, что желают, чтобы их останки червяки съели под кустиком ради блага науки.

Ассистентка постучала пальцем по одному из котелков, но это уже было какое-то лабораторное оснащение, из которого торчали какие-то провода и индикаторы. Крышка была плотно закрыта посредством барашковых винтов. По неизвестным для Шацкого причинам посудина слегка вибрировала.

— И с червячков мы как раз и начнем.

— С личинок, — с учительской манерой поправил ее Франкенштейн.

— С личинок мадам *lucilii caesar*, по-нашему падальницы зеленой обыкновенной, диптеры из семейства мух падальных. Наверняка вы представляете пробуждающую отвращение, громко жужжащую тварь с зеленым панцирем. Весьма полезная маленькая уборщица, которая в быстром темпе съест все, что уродует пейзаж. Экскременты, падаль, какие-то вонючие органические остатки. Да люди должны ей памятник поставить, а не

отворачиваться с отвращением на лицах. Муха откладывает яйца в падаль, из яиц появляются личинки, которые потребляют обильную пищу и превращаются в куколок, из которых, в свою очередь, выходят мухи. Но более всего нас интересуют личинки, так как это именно они пируют на мертвых тканях. И они являются гениальными гурмэ.^[42] — Ягелло рассказывала все это с неподдельным восхищением, и какое-то время Шацкий считал, будто бы это ирония, но нет, ее восхищение звучало абсолютно серьезно. — Они съедают все мертвое и гниющее, но к живой, здоровой ткани и не притронутся. Потому их применяют для очистки воспаленных ран.

— И за неделю они способны съесть человека до сухих костей? — задал прокурор вопрос, опасаясь того, что до конца дня придется выслушивать лекцию по энтомологии.

— Теоретически — так, но для этого придется потрудиться. *Lucilia* откладывает в падаль около сотни яичек, из которых через несколько часов выходят всепожирающие личинки. Но, прежде чем эти личинки превратятся в мух, пройдет десять дней. Так что, если времени у нас мало, с самого начала необходимо иметь много насекомых.

Воображение Шацкого переключило это сообщение на практический язык криминалистики.

— К примеру, месяцем ранее забрасываем куда-нибудь шмат свиньи, ожидаем, чтобы слетелись мухи, и ждем, чтобы поколения сменились дважды, в случае необходимости подбрасывая мяса. Математика простая. Даже если предположить смертность на уровне пятидесяти процентов, для начала хватит десятка мух, чтобы в следующем поколении иметь пятьсот, а в следующем — двадцать пять тысяч.

— Так точно. Если потом подкинем туда же людские останки, пожирать их станет несколько десятков тысяч личинок; этого достаточно, чтобы привести все в порядок за несколько дней. В этот резервуар, — Ягелло показала на стальной котелок, — вчера попало кило телятины с косточкой и десять мух.

Тут она прервала свое изложение, заметив выражение на лице гостя. Шацкий надеялся на то, что среди многочисленных талантов пани Ягелло нет телепатии, потому что как раз представлял, как та вместе с профессором охотится возле лесного паркинга на падальниц зеленых обыкновенных, ползая на четвереньках вокруг громадной кучи дерьма, оставленного питающимся исключительно колбасой шофером большегрузной машины.

— Мы предположили, — продолжила девушка через какое-то время, — что если кто-то не побоялся трудов, то позаботился и о соответственном климате. Чем выше влажность и температура, тем больше шансов на выживание яичек, тем более жизнеспособные личинки из них вылупятся. Поэтому, в этом котелке мы поддерживаем способствующие условия. Прошу вас поглядеть на эффект по прошествии буквально нескольких часов.

Ягелло отвернула барашки на крышке и кивнула прокурору. Тот подошел без особой охоты — он терпеть не мог всяких червяков с мухами. Ассистентка открыла крышку, изнутри тут же выползла жирная, с лоснящимся зеленом телом муха, выглядела она ужасно усталой. Она вроде бы пробовала улететь, но упала на столешницу возле котелка, потом пьяно отряхнулась и поползла дальше. В тот же самый миг ее настигла свернутая газета. Шацкий вздрогнул, подобного он никак не ожидал.

— Королева-матка нам уже не понадобится, — холодно информировал Франкенштейн, убирая газету. На столешнице осталось мокрое пятно.

Шацкий наклонился над котелком и задержал дыхание, только ужасный смрад порченого мяса и так атаковал все его обонятельные рецепторы, желудок подкатил к горлу.

Внутри сосуда все пульсировало жизнью. Сотни сероватых личинок вились в безумном танце, как будто сражаясь за доступ к падали; результат был таков, что торчащая из мяса белая кость дрожала, словно в конвульсиях. Все это в результате было и вправду отвратительным.

Ягелло сунула руку в самую глубину, халат поехал вверх по плечу, но не открыл никакого другого фрагмента гардероба. С блеском любопытства в глазах ассистентка забралась в самый клубок личинок и вытащила телятину, второй рукой отряхнула мясо от жирных червяков. Один очутился на пиджаке Шацкого. Прокурор сбил «организм» ногтем.

— Ну, и как вы считаете? — спросила девушка.

— Если кто-то и вправду потруился и вырастил в какой-то яме стада мух, в чем лично я сомневаюсь, то все так и может быть. Из килограмма телятины мало чего осталось. — И действительно, с кости свисали лишь жалкие ошметки мяса. — А что думаете вы?

— Думаю, что этот эксперимент пригодится для моей работы, но вам никак не поможет.

— Почему?

— Потому что личинки *lucilii* замечательно обгладывают кости, но вот соединительную ткань оставляют. А это означает, что если бы это они расправились с нашим пациентом, кости все так же были бы соединены суставами и сухожилиями. Вместо кучи сухих костей у нас имелся бы скелет, экспонат для выставки курьезов.

— В свою очередь, нужно будет сделать нечто подобное, как только получим труп помоложе, — вмешался Франкенштейн. — В старом суставы уже выродившиеся, они уже ни на что не годные. А так получится замечательный учебный экспонат.

Это предложение Шацкий не комментировал. Тот факт, что государство доверило образование молодежи сумасшедшим, ясное дело, беспокоил, вот только кодекс никаких санкций за это не предусматривал.

— К сожалению, по той же самой причине не удался и австралийский эксперимент, — сообщила Ягелло, забросила кость назад в котелок, а перчатку в мусорное ведро и подошла к компьютеру. — Я попросила знакомого забросить кусок телятины в муравейник огненных муравьев, *solenopsis invida*. Достаточно гадкое насекомое, пожирающее все и вся. И его не так уже и сложно достать. Признаю, что с обедом они расправились значительно быстрее и чище, чем личинки. Раз-два, даже не успело особо завоняться. Кожу тоже слопали, косточку вылизали дочиста. — Ягелло щелкнула мышкой, на экране в небольшом окне была видна не совсем качественная, в пикселях, картинка с интернет-камеры: небольшие красные муравьи крутились возле куска кости. — И все было бы здорово, если бы не то, что хрящи опять оказались для наших малышей тяжело перевариваемыми.

Ассистентка закрыла ноутбук, подошла к резервуару с бульоном, помешала.

— Гипотеза третья: *mos teutonicus*.

Шацкий вопросительно глянул на нее.

— А мне казалось, будто бы юристы знают латынь.

— Знают. — Шацкий выпрямился, он тоже желал быть производящим впечатление. — *Mos teutonicus* по-польски это «германский обычай». Только я не понимаю, какая здесь связь с разложением останков.

— Именно в данном случае я перевела бы слово «обычай» как «обряд». Германские рыцари выдумали это в эпоху крестовых походов, чтобы не хоронить благородно рожденных в земле неверных. Когда такой высокородный человек умирал, тело его разделяли на части,

варили до тех пор, пока плоть не отделялась от костей, и их забирали на север, где и устраивали погребение.

— Хроники умалчивают относительно того, что происходило с мясом, — вмешался Франкенштейн. — Но, возможно, в обозе в такой день подавали обильный ужин. Здесь стоит вспомнить, что самого короля Франции, Людовика IX Святого после смерти в Тунисе сварил, причем — в вине. Какие-то из его бульонных костей до сих пор можно осмотреть в реликвариях, вот только не помню, где...

— К сожалению, эта дорога тоже ведет в тупик. — Ягелло с помощью захвата вытащила из котелка белую телячью голень, за которую цеплялись остатки серого, разваренного мяса. — По многим причинам. Прежде всего, останки, скорее всего, не были разделены, чтобы на костях не осталось каких-либо следов, этим должен был заняться опытный хирург. А довольно сложно представить себе котел такой величины, чтобы закинуть туда взрослого мужика и варить там его несколько дней.

— Как долго?

— Чтобы хрящи растворились. Только все равно сомневаюсь, чтобы они растворились до конца. Возможно, если бы котел был герметично закрыт, если бы давление повысило температуру...

— Слишком много здесь этих «если бы».

— Вот именно. Опять же, при этом все равно что-то бы да осталось, необходимо было бы обжечь горелкой или соскрести. Так или иначе, но следы бы остались. Из черепа необходимо было бы выскрести мозг... Так что это элегантное решение нам следует отбросить.

И она осторожно вложила кость в булькающий отвар.

Шацкий подумал, что как раз сейчас пожилой профессор должен был бы подать овощной набор для бульона.

— Но у вас ведь имеются еще какие-то гипотезы? — спросил он.

— К сожалению, имеется одна теория.

— Почему «к сожалению»?

— Сейчас. А пока что мы можем вычеркнуть и четвертую гипотезу: кислота. Вы не смотрели «Реверс»^[43] Ланкоша? Там Янда растворяет Дорочиньского в соляной кислоте, по-нашему — в хлористоводородной. А косточки потом хоронит по всему городу. Как обычно, это сценаристы польского кино постарались, поскольку кислота растворяет все, включая и кости.

— А жаль, — заметил Шацкий. —оборот соляной кислоты контролируется по причине возможности ее применения в производстве наркотиков, так что покупателя можно было бы вычислить довольно просто.

— Потому-то лично я воспользовался бы, скорее, хлорной кислотой, — вмешался Франкенштейн. — Она более едкая, действует сильнее, единственная проблема — это токсические испарения.

Это замечание прокурор Теодор Шацкий не прокомментировал, ожидая продолжения. Он начинал опасаться того, что сидит здесь только лишь для того, чтобы под конец узнать, что, к сожалению, дорогие ученые понятия не имеют, как такое возможно, чтобы за неделю кто-то превратил прогуливающегося по лесу типа в распадающийся скелет.

— Вот, — сказала Ягелло и вручила гостю кусок сухой, старой кости.

— Что это? — спросил тот.

— Два часа назад это было замечательной телятиной, — пояснил Франкенштейн. — Розовой, пахучей; на котлеты, возможно, и не совсем годилась, но гуляш сделать было можно.

Войчех Фальк глядел на сына, сидящего с другой стороны стола, и никак не мог выйти из состояния изумления изза того, что как гены, так и способы воспитания не имеют ну никакого значения. Даже если бы он посвятил всю свою жизнь, планируя каждый элемент личности Мундека так, чтобы тот образовывал противоположность его собственному такому же элементу, столь тотального эффекта достичь никогда бы не удалось.

Ели они цыпленка на вертеле, которого приготовил он сам. Вкусный цыпленок, всю ночь маринованный в чили, кориандре и соке лайма. Готовить он любил, и даже заставил Мундека дать обещание, что тот через день станет делать перерывы на работе и приходить к нему обедать. Ему было жалко, что его собственный сын ест какие-то фаст-фуды в городе, завернутые в пленку бутерброды, а ведь до отца на машине из прокуратуры всего десять минут.

Так что сейчас они обедали вместе. Сам он, как обычно, довольно жадно и неопрятно, вытирая руки о немилосердно грязный комбинезон, поскольку, после мастерской переодеваться не хотелось. Стружки и древесная крошка падали на стол и на пол возле стула.

Сын же его вел себя словно клиент в парижском гастрономическом заведении, обсыпанном звездами Мишлена. Пиджак повесил на вешалку (никогда и ничего он на спинку стула не вешал), манжеты старательно подвернул, брюки прикрыл чистой салфеткой. И мясо от костей отделял настолько тщательно, как будто бы когда-нибудь собирался стать ювелиром или там нейрохирургом, а не прокурором.

Отец тихо вздохнул. Он собирался затронуть две весьма важные для себя темы, но предчувствовал, что сыну это не понравится. Войчех Фальк знал об этом, но сдержаться не мог. Сыну он желал только лучшего.

— Представь себе, сегодня у меня был Тадек. Отчасти, затем, чтобы спросить, за сколько бы я сделал его знакомому буфет под немецкий, скорее в стиле art déco. Так же, как делал тому врачу, помнишь...

Эдмунд внимательно глянул на него.

— Зная Тадека, то он пришел спросить, а не поработал бы ты для его дружка три недели только за материалы. Наверняка какой-нибудь депутат из города или сеймика.

— Но ведь Тадек почти что родня, ты же знаешь.

— А вот его знакомый — уже нет. Папа, сколько раз я тебе уже объяснял, что ты не можешь к каждому клиенту относиться, как ближайшему приятелю. Люди этим пользуются.

Отец поерзал на месте. Неожиданно старый стул показался ему неудобным. Войчеху Фальку не хотелось оправдываться, но он считал, что людей стоит узнавать получше, сблизиться с ними. В конце концов, ведь он делает предметы мебели, на которые те станут глядеть годами, а то и десятилетиями.

— И в разговоре как-то так вышло, это про тот штраф, что тебе недавно впаяли; так Тадек говорит, что если хочешь, так он его, конечно же, аннулирует. Чтобы у тебя с самого

начала не было никаких неприятностей.

Услышав эти слова, Мундек застыл и отложил нож с вилкой.

— Папа, я же тебе уже объяснял. Они у себя, в дорожном патруле, обязаны сообщить в контору, и я должен получить выговор.

— Ты так говоришь, будто для тебя этот выговор очень важен. Просто-напросто, Тадек не пошлет рапорт.

— В какой-то степени для меня это важно. Я нарушил правила, и, как каждый, должен быть за это наказан. В противном случае, все то, чем я занимаюсь, не имеет смысла. Ты же согласишься со мной.

Конечно, тот согласился, а что ему еще оставалось. Но вот другой вопрос был более важен.

— Еще Тадек говорил о том, что Ванда вернулась в Ольштын. Похоже, на постоянно.

Он старался, чтобы все это выглядело естественно, только Мундек, естественно, холодно усмехнулся.

— Сватаешь меня?

Стул сделался еще более неудобным.

— Да ты что! Просто подумал, что тебе тоже хотелось бы знать. Только и всего.

Дальше они продолжали обедать в молчании. Только долго Войчех выдержать не мог.

— Признаю, мне хотелось бы, чтобы ты был счастлив. И все осуществил. И не только по работе.

— Папа, я же тебе уже объяснял. Пока я не сдам экзаменов, и меня не назначат прокурором, нет никакого смысла даже ходить на свидания, не говоря уже о постоянной семейной связи. Возможно, я останусь здесь, но меня могут перебросить в другой конец Польши, так что я не желаю давать никаких обманчивых надежд — ни себе, ни, тем более, какой-либо девушке.

Войчех Фальк глянул на сына таким жалостным взглядом, что тот просто обязан был прочитать в нем все надежды и страхи мужчины, ставшего отцом в позднем возрасте, и который мечтает о том, чтобы единственный отпрыск одарил его замечательным семейством, которой у него самого никогда не было. Потому он решил дополнительно оправдаться.

— Да, это логичный выбор, — сказал он.

Прокурор Теодор Шацкий всматривался в показанную ему кость словно палеонтолог в останки неизвестного до сих пор науке динозавра. И слушал пояснения Алиции Яшгелло.

— Этот эксперимент я повторила несколько раз, результат в каждом случае такой же. Необходимо внимательно проследить за его проведением: если процесс длится быстро, остаются фрагменты сухожилий и хрящей; немного, но, тем не менее. Если же долго, кости, конечно, не исчезают, но делаются очень хрупкими и ломкими.

— И что же это? Какая-то кислота?

— Основание; конкретно же гидроксид натрия, другими словами: щелочь. Такая же едкая, как и кислота, только находится по другой стороне шкалы рН. Простое соединение, известное уже сотни лет, очень хорошо растворяет белки, но прежде всего — жиры, потому

используется при производстве мыла. С костями у щелочи больше проблем, поскольку те содержат кальций. Она справится и с ним, это и вправду агрессивное соединение, но легко отметить момент, когда белков и жиров уже нет, а вот скелет все еще сохраняется очень хорошо. Я вам продемонстрирую.

Рядом с лабораторным столом стоял пластиковый пакет. Ягелло извлекла из него бутылку средства для прочистки канализационных труб и пенополистироловый подносик, на котором под пленкой были ровнехонько уложены куриные крылышки. Ассистентка профессора вынула одно крылышко и уложила в хирургическом подносе в форме почки рядом с блестящим резервуаром из нержавеющей стали.

— Со щелочью дело такое, достаточно заглянуть в десяток магазинов и приобрести такое ее количество, что можно лошадь растворить. Собственно говоря, любой препарат для прочистки труб, несмотря на громкое название и дурацкую упаковку, это всего лишь гидроокись натрия, чаще всего в виде гранул. Это достаточно безопасная форма хранения, чтобы он превратился в едкую щелочь, необходимо гранулы растворить в воде.

Всю упаковку она засыпала в котелок и перемешала стальной лопаточкой. Раствор шипел и пенился, словно брошенный в стакан аспирин,^[44] наконец успокоился и превратился в жидкость цвета сильно разведенного молока. Ягелло подхватила пинцетом куриное крылышко и осторожно уложила его в раствор. Шацкий ожидал каких-то особых эффектов, но нет, курятина просто опустилась на дно.

— Ничего не происходит, — сказал он.

— Подождите несколько минут.

— В последнее время, преподавание темы относительно гидроокиси натрия тоже подлежит некоторым ограничениям, возможно, не столько юридическим, сколько этическим, — заявил профессор, выглаживая идеально гладкий халат.

Произнес он данную сентенцию тоном, который не оставлял сомнений в том, что это начало какого-то анекдота. Шацкий с тоской заглянул в сосуд, но до сих пор все там выглядело довольно обыденно: словно тайский суп с кусочком сырой курятины.

— Мы опасаемся, как бы студентки не начали свои вареные на пару овощи запивать щелочью, узнав, что та растворяет жиры. Ведь это могло бы привести, сами можете представить, к самым печальным последствиям.

Шацкий молчал. Но профессору поощрение к продолжению и не требовалось.

— И вообще, весьма любопытная проблема — диетическая таблетка — священный Грааль нашей фармацевтической промышленности. Попытки найти ее весьма любопытны. Довольно скоро был открыт гормон сытости, который выделяется, когда мы уже наедемся — чтобы мы перестали лопать. Нет ничего более простого, чем подать такой гормон в таблеточке. Идеальный, натуральный метод для успокоение голода. К сожалению, оказалось, что перечень отрицательных последствий будет толщиной с телефонную книжку, и на первом месте там будет бесплодие. Так что, кто-то сдался? А вот и нет. Кто-то заметил, что толстых наркоманов не бывает. Интересно, правда?

Ну, и что тут было делать; Шацкий с заинтересованностью покачал головой, в конце концов, должен он был что-то за эксперименты.

— Можно было бы заявить: так что здесь удивительного?! Наркоманы — люди бедные, спят, где придется, украденные деньги тратят на наркотики, а не на продукты, богатые питательными веществами. Но ведь наркомания — это же не совсем отбросы общества. Совсем даже наоборот — белые воротнички носом втягивают дорожку, а через рот лопают

полукилограммовый стейк с жареной картошкой.

Он вновь глянул в котелок. Крылышко цыпленка не изменилось ни на йоту.

— Похоже, ваш «крот» просроченный, — буркнул он Ягелло.

— Не думаю, — ответила та и взяла крылышко пинцетом, несколько раз пошевелила, и покрывавшая кусок мяса светлая кожа расплылась, осталось только красное, словно ошпаренное мясо на тонких косточках. — Шкура цыпленка, прежде всего, это жировая ткань, она растворяется быстрее всего, — пояснила ассистентка.

— И прошу себе представить, — продолжал Франкенштейн, — что в исследованиях добровольцев для которых наверняка хватало, был выделен белок *CART, Cocaine Amphetamine Regulated Transcript*, который отвечает за понижение стресса, повышение уровня эйфории, а прежде всего — за понижение желания наедаться. Вы понимаете, что означало бы, подать кому-либо такую амброзию без эффекта наркотической зависимости.

— И что, из него сделали таблетку? — разрешил втянуть себя в беседу Шацкий.

— Пытались. Слишком уж много побочных эффектов для кровеносной системы, а ведь сложно кому-либо объяснить, что самым лучшим лекарством от полноты является коронарная болезнь. Это во-вторых. А во-первых, что же, человек слаб. Вот что бы вы сделали, если бы вам дали таблетку, после которой вы станете худощавым, свободным и счастливым? И который не вызывает никаких побочных эффектов?

— Лопал бы горстями, как фисташки, — ответил Шацкий.

— Вот именно. Теоретически, субстанция не вызывала бы физической зависимости. Но практически, уже через пару дней люди бы на стены забирались, лишь бы получить очередную порцию. Похоже, человек еще не дорос до современной медицины, — поучительно закончил свой доклад Франкенштейн и засмотрелся на лежащий на столе скелет, как будто бы тот один мог бы его понять.

Ягелло подцепила крылышко, помешала им осторожно раствор, чтобы клейкая субстанция, в которую превратились мягкие ткани, растворилась в щелочи. Потом она извлекла крылышко: не прошло и десяти минут, а от того остались лишь сероватые кости, на суставах, правда, осталось еще немного ткани.

— Отлично. У нас имеется победитель, — заявил Шацкий.

У следствия появился новый элемент, а конкретно: промышленные количества средства для очистки канализационных труб. Что ни говори, какая-то зацепка. Средство нужно где-то купить, перевезти, приготовить место преступления, растворить труп. Забрать скелет, все убрать, выбросить комбинезон. Другими словами: масса okazji оставить следы.

Ягелло его энтузиазма не разделяла. Она опустила остатки крылышка снова в раствор.

— К сожалению, — тихо начала она, — я не химик, а судебный медик. А это означает, что все эти данные мне пришлось объединить в одно целое, чтобы получить картину смерти жертвы.

Атмосфера сгустилась. Теодор Шацкий натянул на лицо маску прокурора и застегнул верхнюю пуговицу пиджака. Он был готов.

— Слушаю.

— Покойный не был растворен в щелочи после смерти, но еще при жизни, — спокойно сообщила Ягелло. — Об этом свидетельствуют повреждения костей. Где бы его ни закрыли, он пытался оттуда вырваться в приступах чудовищной боли и истерии, не смотря на то, что сдирает себе кости пальцев до второй фаланги. Когда же понял, что все напрасно, он пытался покончить с собой или, по крайней мере, потерять сознание. Отсюда и трещины

череп. Потому-то они такие равномерные. Никто не бил его по голове, он сам молотил его по полу, на котором, скорее всего, лежал связанный.

Все эмоции Шацкий отпихнул куда-то в подсознание. Он сконцентрировался на том, чтобы представить сцену в самых различных вариантах. Где-то там же имелись следы, улики, доказательства. От того, какие вопросы задаст сейчас, будет зависеть многое.

— Известно ли нам, где это было? Ванна? Заводской ковш? Бетонированный подвал?

Ягелло погасила свет. Жалюзи задвигать не было смысла, пополуденные часы в ноябрьском Ольштыне были темнее, чем июньской ночью.

— Поглядите на кости в ультрафиолетовом излучении.

Ассистентка включила переносное устройство.

Череп и пальцы на руках и ногах, а так же колени засияли голубым светом, как будто их покрыли флуоресцентной краской.

— Это кровь? — спросил Шацкий; подобного рода картинки он неоднократно видел на местах преступлений.

— Не в этот раз, все органические следы были вытравлены щелочью. Кровь на месте преступления светится в ультрафиолете, потому что содержит гемоглобин, а гемоглобин содержит железо. Эти же следы свидетельствуют о том, что покойник был замкнут в каком-то стальном или, к примеру, в чугунном резервуаре. Что кажется логическим выбором. Щелочь не взаимодействует с железом, опять же, фрагмент трубы легко перенести или убрать. Бетонированный подвал был бы местом преступления, которое невозможно было бы убрать.

Шацкий заставил себя увидеть эту картину со всеми подробностями. Старый сарай в оставшемся еще от немцев хозяйстве, возможно, бывший пегееровский^[45] склад или разрушенная мельница посреди леса. Отрезок старой чугунной трубы диаметром в несколько десятков сантиметров и длиной в пару метров. Один конец заварен.

— И как это произошло, по-вашему? Кто-то залил раствор в резервуар с покойником?

Ягелло отрицательно покачала головой. Было видно, что, в отличие от Шацкого, она делает все, лишь бы оттолкнуть от себя все эти картины.

— Тогда смерть была бы мгновенной. Моментальный всего тела и дыхательных путей, шок — это, скорее, доли секунды, чем несколько секунд.

— Так как же все это случилось?

Девушка не спешила с ответом. На помощь ей пришел пожилой профессор:

— Как вам уже известно, гидроокись натрия хранится в сухом виде. В такой форме его легче всего купить. Мы подозреваем, что покойник был засыпан гранулами. Поначалу он не знал, в чем дело. Что это? — думал он. — Нафталин? Пенополистирол? Стеарин? Если какой-нибудь шарик не попал в рот или в глаза, не происходило ничего.

— После чего прибавили воды? — спросил Шацкий.

— Зачем? Тело всеящего восемьдесят килограммов мужчины содержит около пятидесяти литров воды. Засыпанный гранулятом покойник, закрытый в металлической трубе, испуганный, наверняка начал потеть. И чем сильнее он потел, тем в большей степени белые шарики превращались в едкое основание. Пот достаточно быстро сменился кровью, лимфой, физиологическими жидкостями. Покойник был съеден живьем щелочью. Лично я оцениваю, что с момента первого ожога до смерти прошло с четверть часа.

Прокурор Теодор Шацкий пытался вообразить картины того, что происходило в течение этих долгих пятнадцати минут. Он знал, что это крайне важно. Только воображения ему не

С Яном Павлом Берутом он договорился встретиться в Статойл, у самого главного ольштынского перекрестка, точно на середине короткого отрезка между университетским госпиталем и местом обнаружения останков. Он еще собирался осмотреть немецкий подвал, но перед тем желал переговорить с полицейским. Прежде чем Берут продрался через пробки и опоздал на полчаса, удалось выпить два кофе, съесть хот-дог и загрызть все это каким-то химически выглядящим рогаликом. Да если бы Берут пошел пешком, то и то: добрался бы за пятнадцать минут.

Для начала полицейский поделился информацией о результатах исследования ДНК. Лаборатория окончательно подтвердила, что кости принадлежат Петру Найману, если только, конечно, сосед или любовник жены не пользовался его электробритвой. Шацкого эти сведения весьма обрадовали, они придавали следствию конкретное направление. И он приказал Беруту, во-первых, вызвать супругу Наймана на допрос, во-вторых, определить, работал ли покойный в своем туристическом агентстве сам; в-третьих, поискать свидетелей, которые помогли бы установить, когда и где видели его в последний раз.

После этого он кратко изложил открытия патологов, не щадя чудовищных подробностей. В какой-то момент Берут жестом попросил сделать перерыв и встал с места. Шацкий был уверен, что перегнул палку с описаниями, так что полицейский взял несколько минут для передышки. Но тот всего лишь отправился за запеканкой, рогаликом с малиной и горячим шоколадом. И ел он спокойно, поддакивая в знак того, что до него все доходит, когда Шацкий описывал безлюдное место и чудовищную, неопишемую, невообразимую смерть человека, плоть которого пожирается щелочью.

— Похоже на то, что он до самого конца сохранил сознание, — закончил прокурор.

Ян Павел Берут отряхнул от крошек свою форменную куртку, на три четверти из искусственной кожи — с таким же успехом он мог иметь на себе отблесковый жилет с надписью ПОЛИЦИЯ — и отправился к автомату с кофе.

— А может, все-таки, соблазнитесь шоколадом? — спросил он, нажимая на кнопку. — Замечательный!

Шацкий лишь отрицательно покачал головой.

— Так вы можете себе представить нечто такое?

— Конечно, вы описали это весьма живописно. — Берут попробовал шоколад на вкус, засыпал два пакетика сахара и возвратился с пластиковой ложечкой к их месту у окна. Отпил глоточек, на довоенных усах осталась полоска коричневой пены. — И какие у нас приоритеты?

За окном становилось темно, хотя только-только пробило три часа дня. Туман уплотнился, подъезжающие к бензоколонке машины, казалось, вываливались из другого измерения. Шацкий глядел на все это отсутствующим взглядом, тасуя в голове различные пункты плана следствия, переставляя их в очередности исполнения.

— Два, — ответил он наконец. — О последнем дне мы уже говорили. Я допрошу вдову; сотрудников, если у него такие имелись. А имелись наверняка, раз часто выезжал. Его автомобиль необходимо проверить через городскую службу мониторинга. Доехал ли он до

места работы, когда выехал, до какого места мы можем его проследить. А кроме того: Найман как таковой. Все, что у нас имеется на него в базах данных. Наказывался ли когда-нибудь и за что, налоговые декларации, предыдущие места проживания, бухгалтерская отчетность, контрагенты. Обыски в доме и в бюро.

Берут все тщательно записывал в небольшом, собственноручно изготовленном блокнотике. Шацкий подумал, что это очередное чудачество, но не комментировал.

— Ну а щелочь? — спросил полицейский. — Магазины проверить?

— Жалко времени. Такое убийство на раз не приготовить. А уж если кто-то и готовился, то достаточно было в течение месяца за пару раз в неделю в различных супермаркетах собрать нужный запас «крота». Давайте сфокусируем свое внимание на людях. И начнем собирать информацию о всех местах, связанных с покойником. Он любил долгие прогулки, любил лес, любил Вармию. И где-то на этом долбаном безлюдье его и растворили.

Ян Павел Берут гордо выпрямился.

— Пан, похоже, не из Ольштына?

— Восьмой смертный грех, знаю, ^[46] — буркнул тот. У него уже начиналась аллергия на местных патриотов.

— Все больше народу приезжает к нам, в Вармию, — продолжил Берут, как будто предыдущие слова его совсем не обескуражили. — И меня это совершенно не удивляет. Вот вы знаете, что только в границах Ольштына имеется одиннадцать озер?

— Потому-то ревматизм здесь убивает чаще, чем коронарные заболевания. Пошли уже.

Туман должен был обладать сознанием, потому что окружил его не бессмысленно, но хитро протек под пальто, протиснулся между пуговицами пиджака и сорочки, чтобы охватить Шацкого холодным и сырым обручем. Тот поежился, как будто бы неожиданно его забросили в слишком холодную воду. Похоже, что здесь меня скорее прикончит термический шок, чем ревматизм.

Вместе они прошли от заправки до головного ольштынского перекрестка. Хотя такое казалось просто невозможным, но светофоры для пешеходов представляли еще большую сложность, чем для автомобилей. Поочередно запускаемые на перекресток машины должны были получить возможность ехать во все стороны, а это означало, что пешеходам приходилось ожидать часами, чтобы потом бросаться в спринтерском темпе, потому что зеленый сигнал начинал мигать практически сразу после того, как зажигался. Им даже удалось добраться до полосы, разделяющей направления мостовой, когда загорелся красный. Шацкий собрался было рвануть, но Берут стальной хваткой перехватил его плечо и завернул.

— Красный, — пояснил он, даже не глядя на прокурора.

Тот посчитал, что скандал устраивать нет смысла.

Когда, в конце концов, они покинули перекресток и направлялись слегка под горку по улице Независимости, то как раз шли мимо небольшого скансена немецких общественных зданий. Сначала был живописная пожарная часть, с покрашенными красной краской старыми воротами в гаражи; затем средняя школа, собранная из того же красного кирпича, что и все остальное.

Когда они свернули на Марианскую и добрались до места временно приостановленных дорожных работ, слева от них были живописные постройки старой больницы, а на холме справа — очередная оставшаяся от немцев школа, так, по крайней мере, идентифицировал архитектуру Шацкий.

Вход в подземелья был тщательно закрыт пленкой.

— Зайдем через больницу, — сказал Берут.

Он повел через сад и дальше, к лаборатории, в которой делали анализы; там должен был находиться один из боковых входов. Шацкий ожидал необычных неоготических интерьеров, но здесь была банальная больница, с линолеумом на полу, подвесными потолками и выкрашенными зеленой краской стенами, с деревянной панелью на высоте пояса, чтобы кровати и носилки не отбивали штукатурку. Прокурор с полицейским прошли немног по коридору и спустились по ступеням в подвал. Он уже выглядел не столь опрятно, подвесной потолок сменился сводчатым, но, все равно, это не был оставшийся после немцев подвал, какого ожидал, с кирпичными стенами и названиями помещений, выписанными готическим шрифтом.

Берут сорвал полицейскую пломбу с самых обычных дверей, и они прошли в подвальное помещение.

— Так чем же все это было?

— Противовоздушным убежищем, выстроенным во время войны для пациентов госпиталя и богадельни.

— Богадельни?

— Здание с другой стороны улицы, сейчас это интернат школы для медсестер, но сто лет назад его выстроили в качестве *Armenhaus*, богадельни для тех, кто нуждался в постоянной помощи, а семьи не имел. Замечательный пример заботы государства об отверженных.

— Рейх заботился о собственных подданных.

Они вошли в середину, и Берут щелкнул выключателем, темноту прогнал яркий свет полицейских прожекторов. Как правило, Шацкий видел их подключенными к жужжащим генераторам, здесь же светильники подключили к больничной электросети.

— Тогда это была еще Германская Империя, — поправил полицейский.

— Ну да, так называемый Второй Рейх. — Шацкий не собирался сдаваться перед местным патриотом. — А мне казалось, будто бы вы знаете историю своей малой родины. Малого Рейха, можно сказать.

Он ожидал старой песни, что здесь Вармия, а не Мазуры, Королевская Пруссия, дв разделов^[47] — священная польская земля, и так далее, но Берут просто прошел в помещение.

Убежище не было огромным, сразу же за входом находились санитарные помещения, за тем зал — точно такой же, в котором обнаружили скелет.

— И много здесь таких залов? — спросил Шацкий у Берута.

— Этот и второй, в котором мы были ранее. Четыре входа. Один в больнице, второй в интернате, и два аварийный, на случай разрушения зданий. Их уже давно засыпали.

— Выходит, кто-то должен был зайти через здания.

— Я понимаю, о чем вы думаете. К сожалению, в интернате у поста администратора имеется только одна камера, и, теоретически, мимо нее вроде как нужно пройти, только никто в здравом уме через интернат заходить бы не стал. Там все время кто-то да крутится, вроде как ночная тишина, но с молодежью, мы же знаем... — Берут произнес это таким тоном, будто сам молодым никогда не был. — В свою очередь, в больнице мониторинг получше, но это несколько зданий различного времени постройки, больше десятка входов, проходы, соединительные отрезки — настоящий лабиринт. И все время движение, ежедневно новые лица. Легче лишь на вокзале раствориться в толпе.

Шацкий подумал, что, в конце концов, сотрудничество с желторотым новичком,

который еще недавно хватал пьяных водителей и выслеживал, наверняка со страшной заядлостью, государственных служащих, переходящих улицу на красный свет, будет выглядеть не так уже и паршиво.

Они прошли по знакомому коридору, под накрытой полиэтиленовой пленкой дырой, из которой доносились отзвуки городской жизни, и добрались до зала, в которой были обнаружены кости. В последний раз, при свете фонариков, было в нем нечто таинственное, ожидание приключений родом из молодежной книжки. Теперь же ярко освещенное помещение выглядело обычным, серым и уродливым; прожекторы изгнали из углов тайну, заменив ее пылью, плесенью и крысиными экскрементами.

— Следы? — спросил Шацкий.

— Все собраны, но, похоже, нет ничего, если не считать обычного дерьма, накапливающегося в таких свалках. Отпечатков рядом с местом обнаружения останков нет, на дверях — тоже нет. Но не надо забывать, что на дворе конец ноября, все ходят в перчатках. Да, немного нанесенной грязи, но никаких следов обуви, которые бы позволили сделать хоть какой-нибудь вывод.

— Мешок? Сумка?

— В чем бы кости не принесли, это что-то забрали с собой.

Шацкий размышлял.

— А грязь: со стороны больницы или со стороны интерната.

Берут выгладил усы. Характерным жестом: большим и указательным пальцем прошелся от носа к уголкам губ, под конец резко выпрямляя пальцы, как будто желая что-нибудь стряхнуть с растительности на лице.

Шацкий посчитал эт жестом озабоченности.

— Пан прокурор, с самого начала никто из нас не рассматривал это место как место преступления. Ну, старый немец, всего-то дел. Вошли, рутинно проверили помещения, погода такая же, какая есть.

Шацкий покачал головой. Он не собирался кому-либо предъявлять претензии, поскольку и сам поступил идентично. Сейчас же глядел на ржавую кровать и думал о вчерашней беседе с Фальком. Какой-то сумасшедший тратит массу сил на то, чтобы Найман умер в мучениях, где-то в отдаленном месте растворяет того живьем в препарате для прочистки труб.

И теперь вариант первый: некто плохо посещал уроки химии и страшно удивлен тем, что у него осталась куча костей. Что делать? Закопать, ясное дело. Выкопать полутораметровую яму, забросить туда кости в пластиковом мешке, и дело с концом. Почему он так не сделал? Быть может, не мог. Потому что убил на каких-нибудь промышленных территориях, а там все забетонировано и заасфальтировано. Но, возможно, потому, что не хотел. Испугался, что кто-то выкопает. Так или иначе, но кости с места преступления забирает. Почему оставляет их здесь? Если знает, что подобное место существует, то ему известно и то, что сюда никто не заглядывает. Действует он под давлением, в напряжении, при нем мешок костей, доказательство совершенного преступления. Ему кажется, что старое убежище будет хорошим местом, пока не придумается чего-нибудь лучшего. Поначалу он просто бросает сумку, но в последний миг решает кости высыпать. Если каким-то чудом пацан из интерната даже и обнаружит их в ходе забавы по лапанию девиц, все подумают, что это какой-то старинный немец. И так почти что и случилось.

И вариант второй: наш некто изучал химию очень даже хорошо, для него было важно,

чтобы от Наймана остались только кости. Вполне возможно, что на свет выйдут какие-нибудь мафиозные делишки, гангстерские разборки, что объясняло бы странное поведение жены. Вполне возможно, это должно было бы стать посланием конкурентам: поглядите-ка, мы способны за несколько дней превратить мужика в наглядное пособие для студентов-медиков. Так что нечего заступать нам дорогу. Но тогда бы они выслали его сообщникам Наймана в коробке с бантиком, ну или подбросили в каком-нибудь смешном месте, в замковых подвалах, чтобы средствам массовой информации было чего трубить. Оставлять сообщение в месте, где ни у кого нет шанса его прочитать, лишено всякого смысла.

То есть, второй вариант отпадает. Своими выводами Шацкий поделился с Берутом.

— Мы разыскиваем кого-то из больницы, — сказал он под конец. — Кого-то, кто здесь работает, постоянно или временно, кто, возможно, делал ремонт или прокладывал электрические кабели. У кого имелся интерес быть в больнице, кто знал о старом убежище, и кто мог сюда попасть.

— «Множество А».

— Правильно. — Шацкому нравились логические выводы полицейского. — А вот «Множество Б» — это лица из окружения Наймана. Семья, знакомые, сотрудники, клиенты.

Берут потер конец уса. Это, в свою очередь, было жестом задумчивости.

— Оба множества тяжело точно обозначить, они по определению неполные, и общего пересечения может и не быть. Хорошо было бы каким-то образом сузить.

— Во-первых, создадим профиль. Преступление настолько придуманное, что психолог сможет чего-нибудь сказать. Я знаю одного психа из Кракова, один раз уже помог мне.

— Профайлер у нас и свой имеется...

В голосе Берута промелькнула оскорбленная гордость местного патриота. Как это так? Кто-то не пожеоает воспользоваться услугами варминьского специалиста?

— Помимо того, мне бы хотелось, чтобы вы отредактировали сообщение для прессы: В ходе дорожных работ найдены останки, принадлежащие недавно исчезнувшему жителю Олыштына. Следствие продвигается вперед, преступник на месте преступления оставил множество следов, его задержание — вопрос нескольких дней, мы ожидаем результаты лабораторных исследований.

Берут вновь стряхнул невидимые остатки с уса. То есть, ему хочется не согласиться, но тут имеется проблема, так как сам он следователь только начинающий, а вот о славе прокурора ему наверняка известно. Потому чувствует себя не в своей тарелке.

— А разве мы не собирались поначалу сузить число подозреваемых?

— Неизвестно, сколько все это продлится, а преступник находится в состоянии страшного стресса. Могу поспорить, что сейчас он сидит где-то, приклеившись к радио, и слушает все местные новости. Из них он узнает, что дело, собственно, решено, что следователи идут, куда следует. Вот что бы сделали вы?

— Каким-то образом прикрыл себя.

— Как?

— Исчезновение всегда будет выглядеть подозрительным. Каждый заметит, во время допроса каждый припомнит, что Генек неожиданно не пришел на работу. Выдумал бы причину: заболел кто-то из близких, но не похороны, такое легко проверяется. Пошел бы к начальнику взять срочный отпуск на пару дней, на месте притаился бы. А потом нормально вернулся бы, если бы ничего не случилось. Я бы посчитал, что следствие блефовало.

— Да, все именно так. И мы ничем не рискуем, после подобной информации

преступник за границу не сбежит. А завтра в отделе кадров больницы мы выясним, не просил ли кто дать отгулы или отпуск. Не взял ли кто-нибудь командировку на симпозиум, на который и не должен был ехать. Интуиция мне подсказывает, что это кто-то их тех, что здесь работает. Необходимо хорошо знать здание и его историю, необходимо знать анатомию, химию, иметь понятие о теле и смерти.

— Врач?

— Было бы удивительно, если бы преступник оказался уборщицей. Мы можем выйти с другой стороны?

Берут кивнул, и вместе они отправились в противоположную от больницы сторону. Здесь коридор закончился лестничной клеткой, они преодолели несколько десятков бетонных ступеней, после чего полицейский пропустил Шацкого через массивную дверь в интернат. При это пришлось включить фонарик, выключатель находился с другой стороны небольшого помещения, которое годами служило свалкой всякого старого барахла. От выхода в коридор мужчин отделяла куча стульев без сидений, коробок, старых матрасов и, что удивительно, полтора десятка старых унитазов и умывальников.

— Пан считает, что это серийный? — спросил Берут. — Как тот пастор Панди.

Шацкий задумался. Андраш Панди^[48] был бельгийским сумасшедшим, который вел половую жизнь со своими дочерьми, убивая остальных членов семейства, остатки которых растворял в какой-то кислоте или щелочи. Сдала его дочка, тридцать лет жившая с отцом.

— Понятия не имею, — ответил Шацкий в соответствии с правдой. — Надеюсь, что нет.

Никакой дорожки через завалы не было, чтобы пройти несколько метров, необходимо было балансировать на кучах барахла. Поначалу Шацкий беспокоился о пальто, но через пару шагов забыл о гардеробе, думая лишь о том, чтобы не свалиться в какой-то из старых горшков и не поломать ноги. Когда же, в конце концов, тяжело дыша и ругаясь, он добрался до конца помещения, только сейчас до него дошло, что Берут все время стоит в двери, ведущей в убежище.

— Все в порядке? — спросил полицейский тоном, совершенно исключавшим какую-либо заботу.

Шацкий успокоил дыхание и сказал, что весьма сомнительно, чтобы в подземелье кто-то прошел именно здесь.

— Разве что кто-то, занимающийся спортом, — прокомментировал все это Берут. — Здешний. А знаете, Рейх всегда уделял внимание физическому состоянию. Не то что в Конгрессовке.^[49]

Он очень серьезно глянул на прокурора и исчез в темноте. Взбешенный Шацкий отряхнул пальто, вышел в подвальный коридор, а оттуда — на первый этаж старинной богадельни. Вестибюль интерната выглядел практически идентично с вестибюлем лица на Мицкевича, то ли их проектировал один и тот же архитектор, то ли немцы строили по одной и той же схеме. Ненадолго он остановился у витрины с историей здания. Из собранных там материалов следовало, что Рейх и вправду построил для изнуренных жизнью граждан прекрасный приют с садом и парком, но, в основном, ради того, чтобы успокоить общественное мнение, разъяренное возведением громадной ратуши со своей башней, походящей, скорее, на дворец.

Как же, как же, фыркнул Шацкий, государственная забота. Это лишь мы дуричь можем, а нас не проведешь.

В рамках учебной деятельности, после возвращения в прокуратуру он еще побеседовал с Фальком и поручил тому предложить следственные версии. Способный ассессор мгновенно выложил сами собой навязывающиеся на данном этапе следствия решения: мафиозные разборки, мазурский Ганнибал Лектер^[50] (и, естественно, Фальк и мысли не допускал, чтобы псих-убийца был родом из Священной Вармии), а еще личная месть.

Шацкий слушал его и размышлял над тем, что это же надо кого-то так ненавидеть, чтобы растворить того живьем. Тут дело не в разбитом сердце или просроченной задолженности, как долго необходимо культивировать в себе ненависть, чтобы приготовить кому-то подобную смерть? За такой ненавистью должна стоять громадная несправедливость. Кто-то утратил все, что у него было? Все, что он любил? Все, что с его точки зрения, и складывалось в жизнь? И утратил настолько окончательно, что совершил эту небанальную, кровавую месть?

— Все ответы находятся в прошлом Наймана, — сказал он в конце.

— Возможно, не в этом случае, — ответил на это Фальк.

Шацкий вопросительно глянул на ассессора.

— Понимаю, что это выстрел на слишком дальнюю дистанцию, но покойник вел бюро путешествий. Или агентство; так или иначе, он высылал людей в поездки.

— Серьезно? Вы считаете, будто бы кто-то растворил его в щелочи, потому что поехал в Таиланд, а там в гостинице окна выходили на свалку, а не на бассейн с девицами-подростками в бикини?

Фальк напрягся, явно оскорбленный ироничным тоном своего патрона.

— Я считаю, что в экзотических райских местечках происходят странные вещи. Люди подхватывают страшные болезни, дети теряются в джунглях, всякое случается. Могу представить такую вот ситуацию: ребенок получает отравление, поскольку гостиница находится на заднем дворе фабрики удобрений. После возвращения клиент требует компенсации, ему нужны деньги, чтобы лечить ребенка в Швейцарии. Бюро отказывает, клиент, по причине показаний Наймана, дело в суде проигрывает, ребенок после длительной болезни умирает. Это к примеру.

Шацкий скривился.

— Слишком надумано.

Эдмунд Фальк поправил манжеты сорочки, чтобы те выступали из рукавов пиджака на предписанный один сантиметр. С этим жестом было как с зеванием: поэтому Шацкий тут же поправил и свои, которые выступали на сантиметр длиннее, поскольку были с запонками. Действительно, и король и королевич жмуров меру перебрали.

— Надумано, — согласился ассессор. — Но его профессия была настолько небанальной, что стоило бы проверить и надуманное. Экзотика, выезды, масса контактов, много случайных личностей.

Шацкий пожал плечами, и они вернулись к своим занятиям. Фальк, словно секретарша, молотил по клавишам своего ноутбука. Шацкий заполнил несколько квитанций и ожидал приезда супруги Наймана, пялясь в черно-зеленую дыру за окном, убивая время размышлениями. С изумлением он отметил, что испытывает беспокойство. Не только возбуждение, вызванное интересным следствием, но и беспокойство. То ли чертова

варминьская погода так действует на его психику, то ли он совершает какую-то ошибку.

Вроде бы как все и сходилось, вроде бы как все их версии были логичными, и преступник обязан был соответствовать одной из них. Вроде как. Преступление обладает неким внутренним порядком, своей гармонией, которую можно сравнить с хорошо написанной симфонией. Следствие походило на нахождение очередных музыкантов и экспозицию их на сцене. Поначалу имеется всего лишь одна флейта, отзывающаяся один раз в пять минут, и ничего из этого не следует. Потом приходит очередь, допустим, альты, фагота и валторны. Они играют свои партии, но очень долго слышен лишь невыносимый шум. В конце концов, появляется некая мелодия, но лишь обнаружение всех элементов, нахождение всех ста музыкантов и назначение дирижера — только это приводит к тому, что правда начинает звучать так, что у слушателей мурашки по коже бегают. Здесь имелось всего лишь несколько элементов, какая-то кучка музыкантов, глядящих один на другого исподлобья, но уже что-то не играло. Что-то уже звучало паршиво, как будто бы фаготиста заменил его брат-близнец, по профессии лесоруб, и вот теперь он либо делает вид, что дует, либо фальшивит. И на данном этапе это вроде как и не имеет значения — балаган и только, но все же в ушах как-то и режет.

Неожиданно Шацкий почувствовал, что ему ужасно хочется спать. Подобное в это время дня случалось с ним все чаще, с каждым очередным днем рождения он все больше жалел, что в Польше нет традиции сиесты. Опять же, вид за окном совершенно не побуждал к действию, строительные машины двигались в тумане на дне черно-зеленой дыры словно некие создания на дне океана: лениво, с достоинством, с крайне усыпляющим эффектом для зрителя.

— А чем бы вы вообще хотели заниматься в прокуратуре? — неожиданно спросил Шацкий Фалька, чтобы вырвать себя из сонливости. Неожиданно даже для самого себя, но было уже поздно аннулировать висящий в воздухе вопрос.

Ассессор застыл с пальцами на клавиатуре. Он выглядел не сколько таким, кого застали врасплох, сколько разочарованным тем, что Шацкому захотелось поиграть в болтовню, словно какой-то представитель офисного планктона, которому надоело перемешивать кофе в чашке. Оба казались в одинаковой мере смущенными ситуацией. Шацкий ожидал, когда же Фальк произнесет «ОПГ»,^[51] поскольку всякий ассессор желал преследовать крупных, страшных мафиози, которые в багажниках машин никогда не возили чемоданчиков с подштаниками и дрова для каминов, а только лишь трупы, автоматы или же наркотики в оптовых количествах.

— ОПГ, — ответил Фальк в соответствии с предположениями.

Шацкий испытал разочарование. Он надеялся, что Фальк другой. Исключительный. Что каким-то образом он выделяется из толпы молодых прокуроров. Разочарование было иррациональным, ведь его ассессор, о Фальке он думал именно как о «своем ассессоре», прекрасно подытожил возможные следственные версии, все они следовали оценки ситуации с точки здравого смысла и логического мышления. Но, может быть, следовало бы прибавить еще одну концепцию.

— А может и так, что весь этот театр — только дымовая завеса, — сказал он. — А речь идет, как обычно, о бабках, или о том, что кто-то увел чью-то жену. Такое маловероятно, но возможно. Люди могут быть излишне впечатлительными относительно своей собственности.

Господи Иисусе, подумал он, только что я высказался о «женах» как о «собственности».

Фальк перестал стучать по клавишам и откашлялся.

— Возможно, я и стал излишне чувствительным после обучения в феминистических НПО^[52] в плане насилия относительно женщин, — заявил он спокойным тоном. — Но я считаю, что мы обязаны избегать сексистских комментариев даже в разговорах друг с другом. Язык имеет свое значение.

— Конечно же, вы правы, — покаялся Шацкий, хотя замечание Фалька повысило в нем уровень раздраженности. — Очень жаль, что вас не было утром. Была тут у меня псевдопанда, в самый раз для вас.

— Псевдопанда?

Шацкий выругался про себя. Сначала «собственность», теперь же инстинктивно применил идиотский сленг мусоров,^[53] который он презирал, но который слышал столько раз, что тот, в конце концов, впечатался ему в память. Он ожидал того, когда же Фальк поймет соль, но тот лишь глядел на него удивленными черными глазами Луи де Фюнеса.

— Иногда полицейские называют «пандой» избитую женщину, — пояснил он в конце концов. — Понимаете? — Пальцем он обвел кольцо вокруг глаза.

— То есть, псевдопанда, — медленно произнес Фальк. — Наверняка, жертва психического насилия?

Его патрон подтвердил.

— Очень интересно, сколько сексистского презрения можно заключить в одном слове. Я крайне разочарован тем, что именно из ваших уст услышал нечто подобное.

Шацкий потерял дар речи. Давно уже он не встречался со столь открытой критикой, и понятия не имел, как отреагировать. Эдмунд Фальк не был подозреваемым, не был свидетелем, не был он и его ребенком или учеником. Скорее уж, коллега по работе, только с несколько низшим статусом, но не настолько низшим, чтобы призывать его к порядку. Шацкий внутренне собрался, слова сами укладывались в резкие отповеди и агрессивные реакции.

Но он их все проглотил.

— Прошу прощения, мне не следовало так говорить.

Фальк покачал головой с миной, четко говорящей о том, что, по его мнению, следует, скорее, вести себя так, чтобы потом не нужно было бы и извиняться. Логический выбор.

— А о чем конкретно шла речь? Если можно спросить...

Шацкий вновь пожал плечами.

— На самом деле — ни о чем. Вы поработаете немного и сами увидите, что некоторые приходят сюда, словно к психотерапевту. Ей лично никто ничего не делает, ребенку никто ничего не делает, а она боится. Но, на самом деле, она рассеянная. А он фантастичен. И он же ее терроризирует, потому что заставляет записывать расходы. А у нее другое в голове, так что, может оно и лучше.

— Типичный случай, — покачал Фальк головой.

— К сожалению.

— Типичное поведение жертвы насилия. Либо женщина слишком рано отреагировала, либо не говорит всего. Скорее всего, второе. Вы отослали ее в «Лучик»?

— Куда?

— Центр помощи семье на Независимости, в пяти сотнях метрах отсюда. Красивая такая вилла, если проезжать мимо.

— Нет.

— Так что же вы сделали?

— Ничего. Она пошла домой.

— Это такая шутка?

Шацкий пожал плечами. Он не понимал, в чем дело. Правда и то, что он никогда в жизни ни над кем не издевался, всегда эту деятельность удавалось спихнуть на кого-нибудь другого.

— Знаете, если верить всем моим преподавателям на тренингах, это и есть типичное поведение жертвы насилия в семье? Не несчастной жены, не рассеянной женщины, а именно жертвы насилия. Она отчаялась настолько, чтобы прийти к прокурору. Но при этом ей настолько стыдно, что всего она не скажет. С одной стороны, она говорит, будто бы что-то не так, с другой — все время талдычит, что это ее вина. Если бы женщина пришла со снятыми побоями в руках, записанными на диктофон криками и календариком, с занесенными туда всеми случаями насилия, тогда нам следовало бы насторожиться. Но в данном случае — все ясно.

— Так что я обязан был, по-вашему, сделать?

— Повести себя как прокурор, а не как бронзовый женоненавистник из прошлого времени.

— Вам прекрасно известно, что без признания жертвы у нас связаны руки, — сказал Шацкий, с трудом сохраняя хладнокровие.

— Почему? Это же не преступление по запросу информации. Наша задача — исключить преступника из общества, даже если преследуемая жена будет рыдать, вцепившись в наши пиджаки, чтобы не делали ее мужу ничего плохого.

— Без показаний доказательный материал не имеет смысла.

— Ну конечно же, имеет. Хороший эксперт примет ее поведение за типичное для психологии жертвы.

— Ваша позиция — это лишенное хотя бы капли реализма эстетство.

— А ваша — это цинизм.

Зазвенел телефон на столе Шацкого. Полиция привезла Монику Найман. Эдмунд Фальк поднялся, закрыл ноутбук и положил его в кожаную папку.

— Мне придется уведомить начальство о вашем поведении.

Он даже не прибавил из вежливости, что сделает это с неприятностью.

— Вы на меня донесете?

— Конечно. Именно в данном случае действует принцип общей превенции. Мы же образованные юристы, если другие узнают, что такая, как вы, звезда была наказана за пренебрежение домашним насилием, это заставит их задуматься. Заверяю вас, ничего личного в этом нет.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ. Моника Найман, девичья фамилия: Бро родилась 25 марта 1975 года в Олыштыне, проживает в Ставюгуде на ул. Ирисовой 34, образование высшее (польская филология), заместитель директора по вопросам дидактики Университетской библиотеки Варминьско-Мазурского Университета в Олыштыне. Отношение к сторонам: супруга жертвы. За дачу фальшивых показаний не привлекалась.

Предупрежденная об уголовной ответственности согласно ст. 233 УК, показала следующее:

Со своим мужем, Петром Найманом, я познакомилась в феврале 2005 года, тогда я как раз получила в университете тринадцатую зарплату и решила купить на нее поездку в теплые края. Других расходов у меня не было, а зима стояла ужасно отвратительная. Петр был весьма милым и сердечным, произвел на меня исключительное впечатление, он предложил мне такие скидки, что, хотя собиралась в Турцию, в конце концов приобрела тур на Канарские острова, я всегда о них мечтала. Через месяц он пришел в библиотеку с букетом цветов, как раз на мой день рождения. При этом он страшно извинялся, что запомнил дату моего рождения с PESEL^[54] и умолял, чтобы я не донесла инспектору по кадрам. Это было весьма забавно, конечно же, я с ним договорилась, встречались мы всегда, как бы сказать, по-дружески. В апреле я полетела в свой тур, он встречал меня в аэропорту Фуэртевентуры. После того мы стали встречаться уже серьезно. В октябре 2006 года мы поженились, в декабре 2007 года родился наш сын, Петр-младший, как раз на день святого Николая. Жили мы в Яротах, одновременно ставили дом на моем участке в Ставигудзе; туда мы перебрались в начале 2009 года. Совместная жизнь складывалась хорошо.

В последний раз своего мужа Петра я видела утром в понедельник 18 ноября текущего года, когда он выходил на работу. Прямо с работы он должен был ехать в Варшаву, а из Варшавы лететь в Албанию. И, если я правильно помню, еще и в Македонию. Сейчас Албанию сильно рекламируют в качестве нового направления, страна становится на ноги, цены низкие, Адриатика красивая. Подобного рода выезды всегда проходят вне сезона, бюро показывают своим лучшим агентам гостиницы и новые места. Выезд должен был продлиться десять дней, но тут я не совсем уверена, это у меня может ассоциироваться с тренингами в Варшаве по новинкам на других направлениях.

Могу признать, что лучшего момента для выезда Петра нельзя было и придумать, причем, по нескольким причинам. С какого-то времени в библиотеке осуществляется отбор фонда, реорганизация каталогов по новым европейским принципам; даже если бы приходилось жить на работе, все равно бы мы не успевали. Опять же, последние недели перед его выездом были мучительными. Петр сам по себе ипохондрик, по причине своей операции на пальце вел себя словно смертельно больной человек. Он отправился на работу, я отвезла сына родным в Шонбрук. В течение всей недели я собиралась работать, а по вечерам смотреть телевизор, и ни о чем не заботиться, кипятя разве что воду на кофе.

Несколько раз мы обменялись с Петром лаконичными эсэмэсками, что все в порядке. Помимо этого, никаких других контактов с мужем у меня не было. Эти десять дней прошли в мгновение ока.

Методы протоколирования были различными; собственно говоря, у каждого прокурора они были свои. Некоторые, например, записывали слово в слово, каждую запинку и каждое ругательство, превращаясь в диктофоны с авторучками в руке. Шацкий подобный метод использовал крайне редко, только лишь в случае, наиболее агрессивных подозреваемых и свидетелей. Из собственного опыта он знал, что потом, в суде, это производит прекрасное впечатление, когда спокойно прочитывает все эти «*а-хрен-вы-мне-чего-сделаете*» и «*я-вас-бля-изничтожу*», а обвиняемый при этом все сильнее съезживается. Как правило, он слушал и синтезировал, ограничивая признание самыми важными сведениями и деталями, которые могут иметь значение.

В случае Моники Найман свою методику синтеза он не применил, так как не было и

нужды. Женщина пришла, уселась и уверенным голосом надиктовала ему все, не нужно было менять и запятой. Она была настолько хорошо подготовлена, как будто бы свое выступление готовила неделю. Теперь же она глядела на хозяина кабинета и ждала, что тот сделает.

А прокурор Теодор Шацкий не делал ничего. Он щелкал ручкой и размышлял. Вопреки модным теориям, за которые Фальк позволил бы себя порезать на кусочки, он считал современные методы допросов глупым шаманством, единственная цель которого заключалась в трате государственных средств на никому не нужные тренинги. Как-то раз его затащили на подобный, так он чуть от смеха не помер. Теоретически все заключалось в том, что поначалу следовало вести беседу о заднице Марыни, чтобы проверить, как станет вести себя свидетель — на тренинге это называлось «подстройкой внутреннего детектора лжи» — чтобы потом неожиданно атаковать вопросом, связанным с делом, и наблюдать за реакцией.

В перерыве он подсел к тренеру, они пили кофе, болтали о погоде и политике, вели псевдопрофессиональную беседу о том, какие машины лучше: с автоматической или ручной передачей. И внезапно Шацкий спросил у тренера: так как оно было, когда ты засадил жене нож в ухо и провернул там несколько раз. Она кричала? Сопротивлялась? И была ли теплой кровь, стекавшая по его ладони?

Мужик подавился бутербродом настолько капитально, что пришлось применять прием Геймлиха.^[55]

Правда, с занятий тренер Шацкого выгнал, но прокурор доказал свою правоту. Любой станет реагировать, когда с разговоров о погоде переходишь на убийство жены. И настройка внутреннего детектора лжи не имеет с этим ничего общего.

Точно так же Шацкий не верил в доброго и злого полицейского. Все эти подлизывания и запугивания казались ему дешевой, он испытывал стеснение, когда видел ведущих себя подобным образом полицейских. Да, люди тупы, но не настолько, чтобы сказать что-то такое, чего говорить они не хотят, для того, чтобы соврать, диссертацию защищать не нужно. А чтобы с ними вести какую-то игру, необходимо иметь что-то в запасе. То, чего они хотят, или то, чего боятся.

Моника Найман врала так, что детектор лжи (обычный, а никакой не внутренний) уже искрил бы во все стороны, а под конец попросту бы взорвался. Вот только у Шацкого на эту женщину не было абсолютно ничего.

Только это его не беспокоило. Люди — профаны, они кажутся себе такими ловкими и хитроумными, тем временем — машина следствия вертится. У него будут содержания всех ее эсэмэсок, записи камер наблюдения возле работы, все разговоры с мобильного телефона, признания сотрудниц из библиотеки, людей, работавших с Найманом в бюро путешествий. Он еще успеет поговорить с пани Моникой, когда тома дела чуточку набухнут, а для надлежащего следствия были нужны не штучки-дрючки, а доказательства.

Шацкий глядел на посетительницу. Женщина сидела напряженно, одетая и подкрашенная как для беседы по вопросу приема на работу. Все опрятно, скромно, с офисной элегантностью. Белая блузка, застегнутая под самую шею, темный жакет, туфли на невысоком каблуке. Волосы собраны в кок, очки заменили контактные линзы. Хорошие адвокаты советуют обвиняемым женщинам выглядеть в судебном зале именно так.

Прокурор перевернул протокол и указал место, в котором женщине следовало подписать.

Та удивилась.

— Так допроса не будет?

— Вы ведь все уже рассказали.

— И никаких дополнительных вопросов уже не будет?

— А вы желаете что-то добавить? — ответил хозяин кабинета вопросом на вопрос.

Супруга Наймана размышляла так интенсивно, что был слышен скрип вращавшихся в ее голове шестеренок.

— Вы мне не верите.

— А если я скажу, что нет, вы признаете правду?

Та закусил губу и уставилась на ноябрьский вечер за окном, на какой-то миг превратившись в женщину, которой была вчера.

— И будут нужны какие-то дополнительные допросы?

— Думаю, мы еще успеем надоесть один другому.

— Так вы меня в чем-то подозреваете?

— Откуда подобная мысль?

— Вчера я совершенно была не в себе.

Шацкий подумал, что ему и вправду не везет, если говорить о женщинах, посещающих его кабинет. Если бы не то, что прокурорам нельзя подрабатывать на стороне, он потребовал бы платить себе по восемьдесят злотых за каждый час подобного рода признаний.

— Мне жаль, — в конце концов, безразлично заметил он. — Но не желали бы вы прибавить что-либо, что может иметь связь с исчезновением и смертью вашего мужа?

— Только лишь то, что лично я со всем этим не имела ничего общего.

— С чем?

— Ну, с этим.

— То есть? — Шацкому хотелось, чтобы она сама сказала.

— Я его не убила?

— А вы рады, что его нет в живых?

Женщина сморщила брови и глянула так, словно бы у него за спиной пассажирский самолет только что приземлился на крыше собора. А потом подписала протокол и поднялась, полностью готовая к выходу.

Шацкий подумал, что в следующий раз запишет ее на пленку.

Прокурору Теодору Шацкому не везло с начальницами. Но когда попал в Ольштын, поначалу облегченно вздохнул. Эва Шарейна казалась достаточно типичным продуктом данного учреждения. Хороший юрист, не особенно заинтересованная экспозицией на первой линии фронта, она быстро попала в окружную прокуратуру, а оттуда, после нескольких лет работы в надзоре, ее отослали назад уже как районную начальницу. Зная динамику прокурорских карьер, можно было предположить, что она либо вернется в округ на более высокую должность, либо попадет в апелляционный суд. В последнем Шацкий сомневался; Шарейна, как и все здесь, была психопатической местной патриоткой, и скорее в приступе печали утопится в одном из одиннадцати ольштыньских озер, чем выедет в Белосток или Гданьск.

Солидная, трудолюбивая, порядочная, собранная, специалист, скорее, в теории, чем в практике, но это имело и свои плюсы — все, включая и Шацкого, относились к ней, как

ходячей энциклопедии по юрисдикции.

Возраст: около сорока, чуть моложе Шацкого, худощавая, спортивная, она занималась бегом по пересеченной местности. Что было источником множества кулуарных шуточек, поскольку на стенах ее кабинета висели фотографии с соревнований, на которых она, вспотевшая и покрытая грязью, мало походила на человеческое существо.

Но если бы кого-либо спросить про Эву Шарейну, на первом месте никто не указывал ни ее должность, ни юридические знания, ни даже странное хобби. Всегда говорили так: Эва? Просто замечательный человек.

Когда Шацкий услышал это в первый раз, он обеспокоился. О его матери тоже так говорили. А он, лучше, чем кто-либо, знал, что его мать хорошей не была. За своим теплым, лучащимся эмпатией и пониманием фасадом она была агрессивной, вечно обозленной мегерой, выстраивающей очередные стены доброты, чтобы скрыть за ними бешенство и претензии ко всему свету. Она была словно аллигатор, скрытый в плюшевом комбинезоне. Всякий желал к ней прижаться, но если кто знал ее так же хорошо, как собственный сын, то знал, что состоит она, в основном, из когтей и клыков.

Эва Шарейна была точно такой же. Шацкий довольно быстро в этом удостоверился, она же знала, что подчиненному это известно. Потому-то особенно они друг друга не любили, пряча нелюбовь за маской холодной вежливости. Его маска была минималистичной, ее — преувеличенно сердечной.

Вызванный к начальнице, Шацкий даже не брал с собой бумаг; после бесед с Фальком и Берутом в голове у него все было замечательно разложено — словно пазл по цветам, оставалось все только собрать.

Шарейна никогда не принимала посетителей за своим столом, обязательно за небольшим столиком, где сама она могла присесть рядом, понимающе улыбаться и создавать атмосферу дружбы и доверия. Вот и теперь она сидела на привычном своем месте возле окна, рядом с незнакомым Шацкому мужчиной, на глаз — лет тридцати, несколько закоренелого в своей спортивной варшавской эlegantности. Тут же Эва Шарейна сорвалась с кресла, словно бы увидела близкого родича, который после множества лет отсутствия вернулся из эмиграции.

— Пан Тео! — воскликнула она. — Как замечательно, что вы уже здесь!

Замечательно-сенько, подумал тот. В самом начале их знакомства начальница спросила: обращаться к нему «Теодор» или же он сам предпочитает Тео или Тедди. Шацкий, который из принципа ни с кем не переходил на «ты», ответил, что предпочел бы обычные формы служебной любезности. Шарейна взорвалась таким внутренним бешенством, что ее плюшевый комбинезон чудом не свалился. И заверила, что да, конечно же, она все понимает, после чего начала обращаться к нему «пан Тео», выговаривая данное словосочетание без паузы — «паньтео» — благодаря чему, его имя в ее устах звучало словно название итальянского десерта или марка освежителя воздуха для сортира.

После этого прокурор поздоровался с женщиной, который энергично представился Игорем и, несмотря на вопросительный взгляд Шацкого, своей фамилии не сообщил. В связи с этим, Шацкий перевел взгляд на начальницу в надежде чего-нибудь узнать.

Шарейна вздохнула и тут же одарила обоих мужчин улыбкой.

— У вас замечательная начальница, — признал Игорь.

Шацкий ожидал.

— Пан Игорь... — начала было Шарейна, но тот не дал ей закончить:

— Игорь, никаких «пан Игорь», дорогая Эва, мы же договаривались.

Та рассмеялась и погладила мужчину по руке. Честное слово, именно так и сделала.

— Игорь... — акцентируя слово, произнесла Шарейна, глядя мужчине в глаза, а тот покачал головой с деланным одобрением.

Шацкому сделалось нехорошо.

— Игорь, может ты сможешь объяснить пану Тео...

Игорь пригладил на себе синий пиджак. Потом выгладил на себе же хипстерский [\[56\]](#) галстук, выглядящий так, словно его вытащили из шкафа пижона на пенсии. В модном журнале наверняка посоветовали: «*Стоит, чтобы ты определил собственную личность, вводя в классический костюм элемент безумия*». В конце концов, он пригладил светлые волосы и поправил очки.

Сейчас я его уебу, подумал Шацкий. Еще один невротический жест, и я его уебу, даже если через мгновение окажется, что это новый генеральный прокурор.

— Как пан считает, какими общество видит прокуроров? — спросил Игорь.

Шацкий вздохнул про себя, размышляя над тем, какая стратегия приведет к тому, что сам он потеряет здесь как можно меньше времени. Решил ответить.

— Они не имеют понятия, чем мы здесь занимаемся. Люди считают нас некими чиновниками, которые бессмысленно крутятся между полицейскими и судьями, мешая всем им работать. А мы как раз и не мешаем, мы затушевываем различные аферы по частному заказу политиков всех уровней, иногда можем высказываться перед камерами, выглядя при этом дубье дубьем, и пытаемся закамуфлировать собственные ошибки непонятным юридическим жаргоном. Ну это так, коротенько.

— И что можно с этим сделать?

Что это еще за непонятная теоретическая беседа? Шацкий пытался не проявлять раздражения.

— Лично я считаю, что информировать общественное мнение о следствиях так, как это делалось раньше — является ошибкой.

— И я не мог бы согласиться более, — искалечил литературный язык Игорь. — Какие-то конкретные идеи?

— Конечно. Со средствами массовой информации вообще следует перестать общаться.

Игорь с Шарейной обменялись обеспокоенными взглядами.

— Почему?

— Это логичный выбор, — не зная того, процитировал своего асессора Шацкий. — Общество видит нас плохими, поскольку именно так оно видит нашу службу в средствах массовой информации. Из этого уравнения невозможно вычеркнуть общества, поскольку оно попросту есть. Нельзя вычеркнуть прокуратуры, поскольку наши действия обществу необходимы. Из этого здорового организма необходимо вырезать опухоль, то есть, средства массовой информации, которые вредят вдвойне. Во-первых, они сознательно обманывают общество, а во-вторых, мешают нам вести следствия, следовательно, действуют во вред обществу.

— Пан Тео, как вы желаете информировать граждан о наших начинаниях без средств массовой информации? — спросила у Шацкого начальница.

— Непосредственно. На дворе у нас двадцать первый век. Мы размещаем на интернет-страницах округа информацию о самых важных следствиях, вот и все. И это не обязательно должны быть лаконичные сообщения. Но пускай их пишет человек, знающий польский язык.

А тот, кто способен лишь подобрать пиджак к галстуку, записывает свои мнения и выкладывает их в «Ютубе», — выразительно глянул прокурор на Игоря. — Здесь нет никакой философии. Давайте сделаем сами из себя шерифов, за нас этого никто не сделает.

Игорь таинственно усмехнулся.

— Любопытно, что вы как раз упомянули о шерифе.

— Любопытно то, что пока что вы мне ничего не объяснили, лишь задали пару не имеющих никакого значения вопросов. К тому же вы не представились.

— Меня зовут Игорь.

В ответ Шацкий одарил его одним из собственных холодных и презрительных взглядов.

— Поневаш.

— Шацкий ожидал продолжения.

— Не ваш, что? — спросил он наконец.

— Поневаш. Просто, Поневаш.^[57]

Прокурор укрыл лицо в ладонях. Он почувствовал себя ужасно усталым.

— Вот, поглядите.

Шацкий глянул. Перед ним лежала визитка: Игорь Поневаш. Исполнительный директор. Бюро Коммуникационных Услуг «Картотека».

Прокурор кивнул, с трудом сдерживая смех.

Генеральная Прокуратура обратилась к нашей фирме, чтобы улучшить образ вашего учреждения в глазах общества. Признаю, довольно быстро мы поняли, насколько катастрофична ситуация. Иногда мне кажется что легче было бы убедить людей в том что Гитлер просто вел спорную зарубежную политику. В варминьско-мазурском воеводстве после Влодово и Олевника^[58] у вас исключительно черный пиар. Коротко скажу, в чем заключаются действия по исправлению ситуации. Во-первых: оценка предыдущих пресс-атташе на уровне районных и окружных прокуратур. Во-вторых, либо переподготовка людей, ранее занимавшихся коммуникацией, либо назначение новых и их обучение.

У меня нехорошие предчувствия, подумал Шацкий. У меня, блин, совершенно хреновые предчувствия.

— И речи быть не может, — сказал он на всякий случай.

— Пан Тео, как раз поэтому люди нас и не любят. Сразу отрицание, сразу «и речи быть не может», сразу жесткая позиция. Давайте побеседуем.

Игорь Поневаш постучал ногтем по своей визитке.

— Это моя фирма. Я ее придумал, создал и раскрутил. Жилы себе порвал, чтобы дойти до этапа, когда можно сказать, что это наиболее эффективная имиджевая фирма в Польше. Три десятка моих сотрудников ездит сейчас по прокуратурам во всей стране. Я должен сидеть за столом в своей штаб-квартире на Саской Кемпе^[59] и считать банкноты. И знаете, почему я побеспокоился прибыть в эту деревню?

— О-о, простите, — Шарейна отшатнулась вроде как и шутливо, но челюсти у нее резко сжались. — Я понимаю, Игорь, что ты здесь ненадолго, но это исключительное место. Вот известно тебе, что только в городских границах здесь имеется одиннадцать озер? Одиннадцать!

Поневаш вежливо глянул на начальницу.

— Ты и правда, дорогая Эва, считаешь, будто это свидетельствует о столичности данного места? Количество озер, болот и непроходимых лесов?

Шарейна застыла, словно столичный гость ее ударил, а вот Шацкий посчитал, что

шутка получилась первоклассной. Прокурор даже испытал какую-то тень симпатии к этому плохо одетому человеку со странной фамилией и никому не нужной профессией.

— Потому и побеспокоился. — Поневаш вынул из папки iPad в бордовом футляре. — Потому что, как только до меня дошло, что мы должны сделать из вас шерифов... — он поставил планшет перед Шацким, — я начал искать, а может кто-то у нас уже воспринимается подобным образом. Я разыскивал фильм, сериал, возможно, детектив, любую зацепку. Потом я забил в Гугл «прокурор — шериф» и узнал, что не нужны мне никакие романы, что такой человек существует на самом деле.

Гость включил планшет. Шацкий увидел перед собой результаты поисков.

Все эти заголовки были ему прекрасно известны. «Шериф в костюме ловит преступника», «Коломбо из Келецкого воеводства», «Улица Коселы 221Б», «Шериф на государственной службе», «Шериф и толика правды».^[60]

Эти фото ему тоже были известны. Он на пресс-конференции. Он на фоне сандомирского собора. Он в тоге в зале суда в Кельцах. К сожалению, но снова же он в различных бабских журналах. Один раз в качестве самого сексуального, второй раз — в качестве лучше всего одетого государственного служащего. Ну да, его личный список причин не любить средства массовой информации был практически бесконечным.

— Не может быть и речи, — повторил он.

— Пан Тео, — с идущей от самого сердца экзальтацией произнесла Шарейна, и прозвучало это словно молитва, обращение к самому Господу. — Мы не можем быть массой анонимных чиновников, повернувшихся спиной к людям. Существуют причины, по которым шерифы всегда носили золотую звезду. Прикрепленную на груди, видимую издали, извещающую всем и вся, что в этом месте соблюдают закон. Вы будете золотой звездой Ольштына!

До самого конца Шацкий все еще надеялся, что речь, возможно, идет об одноразовом выступлении, зачитании речи на дне безопасности города или дожинках,^[61] и ли что там организовывает воеводство. Но эту мысль пришлось отбросить еще до того, как та толком сформировалась у него в голове.

— Говоря же официально, с нынешнего дня пан является пресс-атташе Районной Прокуратуры Ольштын-Север, ответственным за коммуникации и контакты со средствами массовой информации.

— Поздравляю, — улыбнулся Поневаш.

Шацкий тонул и потому решил схватиться за бритву.

— Вам ведь наверняка сообщили, — обратился он к начальнице, — что я ненавижу средства массовой информации. И что никогда хорошо к ним не относился, и тут я не имею в виду простое отсутствие уважения, но о прямо выражаемом презрении.

— Но они и так вас любили. Думаю, что ваша выразительность и бескомпромиссность лишь прибавит вам обаяния, пан Тео.

Бритва практически отрезала ему пальцы, тем не менее, Шацкий стиснул ладони еще сильнее в отчаянной попытке удержаться на поверхности.

— Закон гарантирует мне независимость, — солгал он.

Шарейна послала ему волшебную улыбку, которую все восприняли бы выражением тепла и эмпатии, но Шацкий видел в ней лишь ледовый триумф. Он и сам знал, какое же это прекрасное чувство удовлетворения: прихватить юриста на явном незнании законодательства.

— Пан Тео, закон, естественно, гарантирует вам независимость при проведении производства, что понимается как самостоятельность предприятия процессуальных действий. Тем не менее, этот закон прямо говорит о том, что прокурор обязан выполнять распоряжения, директивы и указания своего начальства.

Тот ничего не сказал, да и что было говорить. Эва Шарейна от счастья настолько расклацалась клыками под своим плюшевым комбинезоном, что не смогла отказать себе дополнительно пнуть лежачего:

— Статья восьмая, параграф второй.

Игорь Поневаш вытащил из папки пачку листов, сшитых красной пружинкой. На обложке была напечатана пятиконечная желтая звезда, каждый луч которой заканчивался кружком. Посреди обложки шрифтом, словно из вестернов, была сделана надпись: «ОПЕРАЦИЯ ШЕРИФ».

Прокурор Теодор Шацкий даже не вздохнул.

10

Бешенство, фрустрация и раздражение настолько распирала его, что после четверти часа нервного кружения по кабинету Шацкий решил сменить окружение. Он боялся, что у него перегорит какой-то предохранитель или лопнет какая-то, что ни говори, сорока с лишним летняя жилка.

Поначалу он думал о том, а не пойти ли просто прогуляться, но погода была настолько паршивой, что он решил проехаться.

В пяти сотнях метрах далее и четвертью часа позднее, он слушал невообразимо солнечную в условиях Ольштына песенку «Агаду»^[62] и весь трясся от бешенства. На улице Костюшко пробки не было, вся улица Костюшко залегла в коме, пространство-время было пленено в квантовом желе, в этом фрагменте вселенной воцарилась абсолютная неподвижность. Сквозь морось Шацкий видел, как в двухстах метрах перед ним огни светофора меняются в постоянном ритме: сначала бесконечно долго светит красный, потом — на момент — зеленый, вспышка желтого — и снова красный. Если на стоящую в пробке Независимости удавалось въехать трем машинам — это уже был грандиозный успех. Шацкий глядел на ссутулившихся прохожих, пробегающих по тротуару, и представлял, что один из них — это инженер, ответственный в Ольштыне за городское движение. Он придумал, как приглашает его в автомобиль. Инженер приятно удивлен, погода паршивая, он не ожидал такой сердечности со стороны водителя автомобиля с варшавскими номерами, огромное вам спасибо и так далее. Да нечего и говорить, мы обязаны помогать друг другу, сплошной тебе Версаль. Он даже позволяет гостю выбрать радиостанцию, расстегнуть пальто, расслабиться, похвалить стильную машину.

Одновременно он незаметно вынимает из бокового кармана крестовую отвертку. И когда инженер уже расслабился и блаженствует, сам он блокирует дверь и изо всей силы вонзает тому отвертку в бедро, как можно глубже, и злобно проворачивает. Шацкий глядел, что на сей раз ни одной машине перед ним не удалось свернуть на зеленый, и улыбался, слыша в голове вопли боли, изумления и испуга. При этом он даже не осознавал того, что правая ладонь сверлит дыру в кожаной обивке.

Через двадцать минут он почувствовал себя чуточку получше. все потому, что решил,

что вместо того, чтобы торчать в пробке на Яроты, съедет к заправке «Статойл» возле КФС, а там попьет кофе, просмотрит газету, чуточку расслабится. Сотню метров он проехал по тротуару, чтобы добраться до съезда и, вздохнув с облегчением, припарковался у станции.

Шацкий уселся за маленьким столиком в углу, между щетками для уборки снега и едва-едва прикрытыми порножурналами, с «Газетой Ольштыньской» и большой чашкой черного кофе. С какого-то времени он пил исключительно черный кофе, так как ему казалось, что это как-то больше по-мужски.

Он чувствовал себя хорошо у кассы. Просто замечательно чувствовал себя у кофемашины. Превосходно чувствовал, направляясь с чашкой к столику; он никогда не накрывал чашку крышечкой, пускай все знают, что настоящие крутые парни не стыдятся своего выбора. А уже за столиком чувствовал себя паршиво, поскольку вкус черного кофе просто ненавидел, после пары глотков начинало крутить в желудке, во рту появлялся кислый привкус. А что было делать? Возвращаться за сливками, тайком сыпать сахар?

Ему так хотелось отдохнуть и расслабиться, а вместо этого раздраженно просматривал «Газету Ольштыньску». Темой номера были оскорбительно низкие ставки за час работы; в регионе наибольшей безработицы работодатели безжалостно пользовались людской бедностью и отчаянием. Шацкий просмотрел текст глазами, правое дело было ему до лампочки: раз на первой странице поместили такие общие рассуждения, значит, что абсолютно ничего не случилось. Понятное дело, что был прав, дальше все уже было только хуже. В Шиманах чиновники выставляли памятник своей мегаломании в виде никому не нужного аэродрома, в Голдапи опасались волков, в старом городе обнаружили какие-то археологические останки, плебисцит на лучшего учителя, плебисцит на лучшего почтальон, плебисцит на лучшего спортсмена, скука, скука и снова скука.

Он уже собирался отложить газету и, воспользовавшись тем, что в помещении было совершенно пусто, украдкой налить себе молока в кофе, как вдруг с образовательного приложения на него глянуло знакомое лицо. В первый момент ему не удалось свести человека и ситуацию, Шацкий глядел на бледно-голубые глаза какой-то девушки, а шестеренки в голове крутились на холостом ходу.

Щелк. Виктория Сендровская, класс ПЕ, *Как приспособиться, чтобы выжить в семье*, ему запомнилось название ее работы, поскольку оно показалось ему любопытным.

Шацкий вытащил приложение и прочитал интервью с девушкой. Довольно разумно она отвечала на бессмысленные вопросы, журналистка обращалась к ней, как к ребенку, она же вела себя словно зрелая женщина.

Журналистка спрашивала, что склонило ее заняться столь серьезной темой.

Ученица отвечала, что сама она домашнего насилия не испытывала, у нее счастливый дом, у родителей престижные профессии. Но ей знакомы люди, которые возвращались домой, словно в ад. Которые сутулились, слыша шаги в коридоре. Которые гораздо сильнее боялись возвращаться домой, чем выезжать оттуда. Она знала таких ребят, которые мечтали о том, чтобы кто-нибудь пришел за ними и забрал их в детский дом. И она посчитала, что об этом следует говорить.

К счастью, такие экстремальные примеры случаются очень редко, парировала журналистка.

Шацкий скривился, читая это. Еще один гражданин, уверенный, что все случается только с другими, да и то, нечасто, так что на самом деле не о чем и беспокоиться. Прокурор просмотрел интервью дальше, ученица лица рассказывала о насилии в семьях, похоже, она

потратила много времени, собирая материалы для своей работы. Ну ладно, семьи разные бывают, прокомментировала журналистка представляемые девушкой примеры патологий среди школьных знакомых.

Виктория на это: Я отказываюсь называть семьей группу, в которой применяется какое-либо насилие, покушение на личную или сексуальную свободу. Мы оскорбляем настоящие семьи, называя этим словом патологические системы, которые должны быть как можно скорее размонтированы.

Журналистка: Это звучит страшно. Я начинаю представлять, как дети доносят на своих родителей...

И Виктория: А что в этом страшного! Если родитель — это злой, обижающий тебя, агрессивный психопат, то на него следует донести как можно скорее. Мы должны знать, что мы не беззащитны. В школе нас окружает болтовня, предупреждающая нас перед выдуманными проблемами. Мы же знаем, что нам грозит наркомания, торговля живым товаром, вырезание органов, изнасилование в темном лесу, а вот о том, что делать, когда тебя лапает пьяный дядя, когда отец пропивает карманные деньги, а мать ежедневно вопит на тебя и обзывается — об этом в школе я не слышала ни слова. А ведь пригодилось бы. Диктаторы обязаны знать, что они не безнаказанны.

Что правда, то правда, подумал Шацкий; у него самого о родителях, как об общественной группе, мнение было самое нехорошее. Он зевнул и отпил совершенно остывшего кофе, отвратительного, словно жидкость для прочистки канализационных труб. Девушка казалась ему в одинаковой степени агрессивной и собранной. Он надеялся, что если по дороге ее ничто не испортит, если страсть к общественной деятельности в ней не ослабеет, то через пару лет будет за нее голосовать.

— Успеха, — буркнул он про себя и выбросил газету в мусорную корзину.

Движение было уже минимальным, и Шацкий посчитал, что сможет поехать на Яроты, не рискуя получить приступ апоплексии. Через четверть часа он свернул в улицу Вильчинского, одну из основных в ольштынском спальном секторе, проехал мимо костёла, настолько уродливого, словно его выстроило Товарищество Приятелей Люцифера, чтобы отталкивать народ от веры, и начал осматриваться в поисках нужного адреса. Припарковался он под пятиэтажкой из девяностых годов, печального десятилетия, когда строили быстро и без какой-либо идеи, не говоря уже о проектировании. Здание было уродливым, неприятным свидетельством того, что достаточно чуточку удалиться от немецкого центра, чтобы тут же начать закрывать глаза, чтобы не видеть царящего вокруг убожества. В этом отношении Ольштын, правда, не отличался от других городов, и Шацкий подумал, что это просто ужасно — даже если в Польше все изменится, если люди станут относиться друг к другу хорошо, политики начнут реагировать на народные обиды, автострады будут выстроены, а поезда будут чистыми, то все равно этим милым людям придется жить на трехстах тысячах квадратных километрах урбанистического ада, замусоренной самой гадкой в Европе архитектурой.

На первом этаже здания размещалась линейка магазинов и предлагающих различные услуги заведений; туристическое бюро «Таурис» было клетушкой, втиснутой между ветеринаром и магазином зеркал. Вопреки опасениям Шацкого в фирме Наймана горел свет, внутри небольшого помещения сотрудница крутилась у задней стены, укладывая каталоги: сверху пальмы, снизу заснеженные вершины. На стене плакаты с лазурными морями и белыми песками. Сам Шацкий всего лишь раз поехал в такую поездку: с одной стороны

имелась теплоэлектростанция, с другой — шоссе, через пляж из бурого гравия переливались валы бледного целлюлита, так что он пообещал себе: больше ни в коем случае.

Он проглядел объявления в витрине. Альпы на самолете, Словакия на автомобиле, экзотика, Италия, турне плюс могила папы, уже ведем запись на церемонию канонизации. Никаких сообщений относительно перерыва в деятельности, отпуска или вообще прекращения деятельности.

Щацкий прошел вовнутрь, в запах кофе, мелованной бумаги и восточных курительных палочек. А даже и приятная смесь. Женщина отвернулась от полки с каталогами и улыбнулась. Щацкий быстро представился, чтобы та не начала соблазнять его пальмами и горными вершинами. Женщина кивнула, словно ожидала подобного визита, и представилась Иоанной Парульской.

— Кофе выпьете?

Тот хотел было отказаться, но посчитал, что находится здесь по службе.

— Почему бы и нет. Черный, без молока, без сахара.

Даже если и произвело на женщину впечатление, по себе она не дала этого знать.

— Полиция со мной сегодня уже беседовала! — крикнула она из служебного помещения.

— Я знаю, — ответил на это Щацкий. — Но мне хотелось увидеть место работы покойного.

Парульская не ответила, вернулась с двумя чашками растворимого кофе, для себя с молоком, для него — с черным. Горячая жидкость отдавала резиной, немного есть вещей более отвратительных, чем крепкий растворимый кофе без каких-либо добавок.

— У меня всего лишь несколько вопросов.

Иоанна кивнула, закинула ногу за ногу и отпила кофе. В ней была энергия владелицы небольшой фирмы. Женщины со сложившейся семейной жизнью, которая любит работать, любит готовить и выпить вина с приятелями, одними и теми же за двадцать лет. Она умеет красиво и с выдумкой танцевать, а уж если выезжает с мужем в гостиницу на уикенд, то обязательно берет кружевные чулки. Возраст где-то под пятьдесят; наверняка о ней всегда говорили, что есть в ней «что-то такое». Несмотря на все видимые старания, это «что-то такое» старело и исчезало, но наверняка, когда в ноябре под вечер она закрывала свою контору, мужчины на нее еще оглядывались. Сапожки-козаки, изящные ноги между сапогами и юбкой, женственные формы, длинные черные волосы, макияж, классные очки бирюзового цвета с Карибских островов. Можно было бы подумать, что это женщина, полностью согласная со своей судьбой и возрастом, прекрасно чувствующая себя в своей шкуре. Но Щацкий готов был поспорить, что если в пятницу она выпьет вина, а в субботу с утра солнечно, тогда она стоит перед зеркалом, глядит на свою кожу и не чувствует себя в ней комфортно. Он и сам довольно часто испытывал то же самое чувство.

Слишком много людей он допросил, чтобы не знать, что все они делятся всего лишь на десятка полтора типов, а если не обращать внимания на мелкие различия, в рамках категории их характеры и судьбы, как правило, весьма одинаковы. Ему не нужно было спрашивать, чтобы знать, что с Найманом ее никогда ничего не соединяло помимо профессиональных вопросов. А даже если тот и пытался ухаживать, тут же получал по лапам. Что, когда он смаковал мартини в Тунисе, она упорядочивала счета, и клиенты предпочитали иметь дело с ней, а не с шефом, даже тот собственными глазами видел цветных рыбок, играющих в водах кораллового рифа.

Но одно для него никак не сходилось. Шацкий много раз видел такого типа женщин, и это никак не был тип наемной работницы.

— А как так случилось, что вы работали на Наймана?

— Никогда я не работала на Наймана. Мы являемся... являлись компаньонами. Практически одновременно мы открыли бюро по двум сторонам одной и той же улицы, он открыл совершенно новое, я переехала из центра. Через два года мы посчитали, что нет смысла паяться друг на друга и делать вид, будто бы являемся конкурентами. И мы объединили силы. Одно помещение, одна отчетность, и каждый привел своих собственных клиентов. Я — школы и детские лагеря, он — семьи, мечтающие о солнце.

— Супруга Наймана говорила о вас как о наемной сотруднице.

Женщина пожала плечами.

— Я знаю, что он представлял меня сотрудницей, какое-то время даже пытался ко мне так и относиться. Очень короткое время. Такой себе патриарх из патриархального окружения, но вообще-то мы хорошо договаривались.

Женщина глянула на стену, Шацкий проследил за ее взглядом. Между райскими пляжами висела забавная фотография Наймана и Парульской. Снимок был сделан зимой, на какой-то из рождественских ярмарок на ольштынском рынке, вокруг стояли статуи зверей из льда. Между этими ледяными фигурами, прямо на снегу, они установили зонтик из тростника и два пляжных лежака, и легли на них в зимних куртках и солнечных очках, в руках у них были сказочно-разноцветные напитки. Они довольно улыбались в объектив.

— Нам показалось, что это замечательная идея для рекламы: показать, что мы можем забрать людей прямиком из польской зимы куда-нибудь под пальмы.

— И дело крутится? — спросил Шацкий.

— Нормально. Понятно, предугадать рынок невозможно, то какие-то паломничества, то летние лагеря, у нас был такой год, когда, похоже, половина района выехала в экзотические туры высшего класса: Маврикий, Караибские острова. В общем, все шло все лучше и лучше, мы даже думали о том, чтобы открыть филиал в Оструде.

— А кризис?

— Да вздор этот ваш кризис. Его придумали в крупных корпорациях, чтобы в течение десяти лет не давать никому повышения.

Процветающий бизнес, виды на будущее, деньги. Шацкий размышлял над тем, достаточный ли это мотив для убийства. Скорее всего — нет. Разве что какие-то личные долги, азарт, шантаж. Один компаньон дает другому компаньону в долг, начинаются дразги. Один из них гибнет, так мало того, что о долгах все забыто, так остается еще и бизнес. И он отметил про себя такую вот следственную версию.

— И как вы делили работу?

— По-разному. Мы много ездили, и по службе, и приватно, так что иногда в конторе оставался только один человек. Но в часы пик мы сидели вдвоем. После стольких лет практики было достаточно кому-нибудь войти, а мы сразу же знали, кто должен обслужить клиента. Если энергичный мужчина в пальто — это к Петру. Конкретный разговор в стиле: «напускать туману не буду, у арабов видал разные вещи, но это место по-настоящему хорошее», парочка шуток в стиле тех, что поездка с женой, это, на самом деле, командировка. К молодому семейству шла я, полная понимания к тому, что они желают как можно больше солнечного счастья по самой меньшей цене. К двум приятельницам после пятидесяти — естественно, Пётр, было в нем нечто от массовика на танцах, и такой подход

срабатывал.

— А кто бы обслужил меня?

— Вероятнее всего — я.

— Почему: вероятнее всего?

Иоанна Парульская одарила Шацкого улыбкой опытной продавщицы.

— Потому что вам не нравится общение с мужчинами, похлопывание по плечу. Мне кажется, посещение «Касторамы»^[63] или автомастерской для вас хуже, чем визит к стоматологу.

— Что пани выигрывает на смерти Наймана? — Шацкому не хотелось признавать, что диагноз был весьма точен.

— Ничего. Пока же что мне приходится вести фирму самой, надеяться на то, что клиентов Петра не потеряю. Его долю наследует жена. Сейчас Моника говорит, что пойдет мне навстречу, но поглядим потом, когда закончится вопрос с наследованием.

— Навстречу, это как?

— Она продаст мне долю по разумной цене.

— Вы уже с ней говорили?

— Час назад. Моника была очень мила. Мы даже какое-то время рассуждали о том, а не вести ли дело совместно.

— А вам бы этого хотелось?

— Хотелось. Конечно, не будет того, кто бы очаровывал пенсионерок на экскурсию в Марокко, но вообще-то с женщинами работается легко.

Шацкий подумал, а не означает ли это замечание то, что с мужчиной ей работалось нелегко. Он сделал заметку.

— В прошлый понедельник он выехал из дома на работу и уже не вернулся. Вы его видели?

— Как вас. Встретились мы утром. Пётр приехал с чемоданчиком, проверил почту, оставил на меня несколько текущих дел, прежде всего — крупный лыжный лагерь в Словакии, около полудня вызвал такси, чтобы поехать в Кортон и там сесть в состав «Радекс» до Варшавы. С Balkan Tourist он должен был лететь в Албанию и Македонию. Албанию сейчас сильно продвигают в качестве нового направления, страна встает на ноги, цены низкие, Адриатика красивая. Выезд должен был занять десять дней, после возвращения Пётр должен был позвонить, остается ли он в Варшаве на тренинги по новым направлениям.

У Шацкого сложилось впечатление, что от супруги Наймана он слышал то же самое, слово в слово. Обе женщины были одинаково холодными, в одной и той же степени лишены эмоций, точно так же говорили лишь то, что следует. И ни слова более.

— Вы контактировали друг с другом?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Сейчас самый пик мертвого сезона, все уже выкупили новогодние туры в Египет или на горнолыжные курорты; сейчас вся Польша настраивается на встречу Рождества. Я могла бы закрыть контору на пару недель, и никто бы не заметил. Мне даже было на руку, что он уехал, я могла спокойно поработать над предложениями на лето. Мы хотим хорошо продать Украину, все-таки название обязывает. Надеюсь, их брожения там со дня на день закончатся.

Шацкий, не говоря ни слова, поднялся, чашку взял с собой. Пётр Найман постоянно был связан с двумя женщинами: женой и компаньонкой. Его исчезновение ни одну из них не удивило, смерть его ни одной не обошла. И единственное, что они способны сказать по этой

теме, это те же самые три-четыре совершенно лишенных эмоций предложений, словно заучили их на память.

Прокурор огляделся по помещению, только сейчас он заметил висящую на стене у двери репродукцию, понятное дело, в меньшем масштабе, античной жанровой сцены из актового зала лица Мицкевича. Он подошел к академическому ландшафту: печальная женщина в белом одеянии глядела на разбивающееся о скалы море. Картина удивительно соответствовала рекламным снимкам пляжей, морей и голубых небес.

— А туда можно поехать? — наполовину в шутку спросил Шацкий, указывая чашкой картину.

— Естественно. Это Таврида, по-латыни «Таурис». Отсюда и название нашего бюро.

— И где это находится?

— В Украине. «Таврида» — это старинное название Крыма.

Шацкий не имел об этом понятия.

— А эти персонажи что-то означают?

— Это Ифигения, дочь Агамемнона. А сзади ее брат Орест и его приятель, Пилад.

Все это тоже ничего не говорило Шацкому. Только компрометировать себя ему не хотелось, так что он только покачал головой.

— Столько лет я пялилась на эту картину, и сама только недавно прочла, в чем там дело. Агамемнон принес Ифигению в жертву, чтобы выпросить у Артемиды попутные ветры для кораблей, плывущих в Трою. Богиня сжалилась и пощадила девушку, но о том, что дочка была спасена, не знала жена Агамемнона.

— Электра? — наугад предположил Шацкий, что-то мелькнуло в голове из давних лет.

— Клитемистра. Когда он вернулся, она его за это убила. За что, в свою очередь, она была убита собственными детьми, то есть, родственниками Ифигении. Что, вообще, было частью большего проклятия, в соответствии с которым всякое очередное поколение жестоко убивало членов собственной семьи.

— Наследие насилия, — буркнул Шацкий, скорее себе, чем Парульской.

— Абсолютно верно. Что самое интересное, на Жене все и закончилось.

Шацкий вздрогнул.

— Почему на Жене?

— Ну, понимаете, Ифигения — это же как Евгения, сокращенно: Женя. Так мы ее ласково называем; клиенты часто спрашивают, так мы рассказываем им всю эту историю.

— Малопривлекательная история, — сухо заметил прокурор. — Это же греческая трагедия. Под конец все лежат на сцене в лужах крови.

— А вот и нет. Конечно, вроде как сводится к такому, но Женя убеждает всех в необходимости снять проклятие, прекратить делать друг другу зло. И ей это удается. Никто не умирает.

— И никакой трагедии.

— Возможно — и так, только, знаете, я всегда верила в счастливые концы.

Сам Шацкий не верил в счастливые концы, в счастливые срединки и начала верил не особенно, но сохранил эти сведения при себе. Между прокурором и хозяйкой бюро повисла стеснительная тишина; тогда он жестом спросил, можно ли пройти в служебные помещения; женщина кивнула и пошла за ним.

За комнатой для приема клиентов находился небольшой коридор, из которого можно было пройти в туалет и небольшую каморку с окном во двор. Там стоял шкафчик с чайником

и большой банкой растворимого кофе, небольшой холодильник, заваленный бумагами письменный стол с компьютером. На пробковой доске были приколоты счета, аварийные телефоны страховых фирм, адреса польских консульств. На другой доске было множество снимков из поездок Наймана и Парульской, отпечатки открыточного размера напользали один на другой. Традиционные туристские темы, такие как портреты на фоне Эйфелевой башни или же египетских пирамид смешивались с фотографиями, снятые на раутах спецов в туристической отрасли, где было полно румяных от спиртного щек и глаз, сделавшихся красными от вспышки. У Парульской было больше зимних фотографий, у Наймана — среди какого-нибудь африканского или австралийского бездорожья. Его рожа Коджака неплохо гляделась в тропиках. Никакой не турист, а опытный путешественник, ветеран нетоптанных путей.

— Любил он экзотику, — то ли подтвердил, то ли спросил Шацкий.

— Как никто другой. И он по-настоящему в ней разбирался, до такой степени, что наиболее честные люди из других бюро присылали клиентов к нам. Он мог посоветовать: что, все-таки, лучше: Африка или Южная Америка; знал, какой оператор обманывает, а с кем можно ехать спокойно. Был у него такой любимый номер, когда он показывал свою руку и говоил: «Не хотите же вы совершить ту же ошибку, что и я, и выбрать плохого проводника». Клиент бледнел и спрашивал, а что случилось, ну а Пётр, в зависимости от настроения, рассказывал, что то был лев, пума или заражение после укуса скорпиона. Черт, все-таки мне будет его не хватать, — сказала женщина, но как будто устыдилась собственных слов, потому что тут же прибавила: — По-своему.

— А его и вправду что-то укусило, — безразлично спросил Шацкий, чувствуя, что время здесь он тратит напрасно.

— Да что вы, пальцы он потерял в каком-то пожаре, только он устраивал из этого шоу для клиентов.

Шацкий застыл.

— Не понял?

— Подробностей я не знаю, лишь раз спросила, так он вспоминал, что, то ли пожар, то ли током ударило. Мне показалось, что для него это какая-то не слишком приятная история, может, заснул по пьянке перед камином или...

— Не в том дело, — перебил женщину Шацкий. — Я спрашиваю, это был какой-то дефект, или у него на самом деле не было пальцев.

Иоанна изумленно глянула на него, как будто бы об этом в Олыштыне знали все. Плюс одиннадцать озер, минус два пальца, добро пожаловать в Вармию.

— Не было. — Она подняла правую ладонь вверх, а второй сильно согнула два пальца так, что их не было видно. — Мизинца и безымянного пальца на правой руке не было совсем, вот так. Обручальное кольцо он носил на среднем.^[64]

Иоанна глядела на прокурора, не понимая, почему это сообщение произвело на ее гостя столь сильное впечатление. Она не могла знать, что побочным эффектом растворения Петра Наймана в щелочи был возврат утраченных пальцев. Потому что, если верить Франкенштейну, в скелете все косточки были в комплекте.

четверг, 28 ноября 2013 года

Албания, Мавритания и Панама празднуют свой День Независимости. У Агнеши Холланд и у Эда Харриса сегодня день рождения. 95 годовщина предоставления женщинам избирательных прав Юзефом Пилсудским в 1918 году; в первом Сейме было уже восемь депутаток. В Вильнюсе начинается встреча на высшем уровне «Восточное Партнерство», печальная и бессмысленная, после того как украинский диктатор заявил, что не подпишет договор о сотрудничестве с Европейским Сообществом. В Украине продолжаются протесты. В Египте военная хунта добилась осуждения двадцати молодых девушек на одиннадцать лет тюрьмы за участие в мирной демонстрации. А во Франции, уходящий глава фирмы «Пежо» после громкого скандала отказывается от своей корпоративной пенсии, составляющей 310 тысяч евро в год. На берегах Вислы, в день премьеры российского военного блокбастера «Сталинград» вице-министр обороны подает в отставку, так как его подозревают в поддержке одной из фирм, желающей продать Польше беспилотные летательные аппараты. В Варшаве католический Костёл и православная Церковь плечом к плечу объявляют совместной борьбе с гендерной идеологией. В Ольштыне администрация воеводства объявляет тендер на колокол «Коперник» для собора; по мнению властей это будет замечательная коперниканская реклама для города и ценная памятка для грядущих поколений. На колоколе будут выгравированы имена папы римского, митрополита и маршала ^[65] воеводства. Имени президента Ольштына там не будет, поскольку город не вложил средств в этот ценный сувенир. Помимо того: концерт дает Меля Котелюк, открывается новая пивная, стилизованная под времена ПНР, а в полицию обратился дорожный пират, из-за которого патрульные двумя неделями ранее протаранили автомобиль городского советника во время ночной погони. Температура днем: около семи градусов, сплошная облачность, туман, утром и вечером — замерзающая на лету морось.

1

Солнышко встало уже давным-давно и светило сверху на покрытую тучами Вармию, но, хотя оно и светило изо всех сил, все равно, ему не удавалось пробиться на улицу Рувну. Здесь не хватало как света, так и воздуха; все пространство было заполнено грязной, мрачной серостью. Самая обычная женщина глядела через окно и думала, что окружающее выглядит так, словно кто-то напилал водой из придорожной лужи кусок ваты, а потом наклеил его на стекла снаружи.

Пейзаж за кухонным окном высасывал из нее остатки жизненных сил. Чем дальше глядела она на черный туман, на их дворик, который должен был превратиться в садик, но пока что был озером грязи, в которой клетками плавали комья земли, тем более все это ей осточертевало.

Малыш еще спал, большой мужчина выходил на работу. Женщина заварила кофе, пожарила на завтрак тосты с камамбером, выдавила немного сока из апельсина. Муж

вежливо поблагодарил. Женщина ответила, что совершенно не за что, думая о том, что отдала бы лет десять жизни, лишь бы хотя бы месяц побыть в таком отпуске, как он.

Сейчас поедет машиной, музыку послушает, потом купит на бензозаправке шоколадный батончик. После того посидит с другим народом в конторе, постучит по клавиатуре, ответит на пару десятков очень важных электронных писем, выйдет на ланч. Вернется, немножко пофлиртует, обменяется шутками на собрании. Позвонит домой, что вернется на часик позже, потому что сегодня «еще нужно ознакомиться с проектом» — голосом болящим, усталый, чтобы сразу стал ясен масштаб отречений и жертвований.

Она же в это время пойдет за покупками, сварит обед, поставит две стирки, уберет пару какашек, раз пятнадцать прижмет и пожалеет, один раз приклеит пластырь, раз пять вытащит из мест, в которых нельзя ходить, три раза помоеет пол и стол после еды, все время на ногах, слегка запыхавшаяся, с липким от пота лбом, под аккомпанемент воплей малого, который вечно будет желать чего-то не того, что как раз делает. Если повезет, то он уснет дома, и тогда ей удастся съесть какой-нибудь бутербродик, второй рукой помешивая супчик. Но, как правило, засыпал он только на прогулке. Он, закутанный в одеяльце, закрытый от дождя и ветра, розовенький и похрапывающий. Она — толкающая коляску, озьябшая, запыхавшаяся, мокрая от дождя, потому что на грунтовой дороге невозможно одновременно вести коляску и держать над собой зонтик.

Женщина глядела, как муж ест приготовленные ею тосты, с печальным взглядом человека, жертвующего всего себя ради семьи, и думала, что если бы ему пришлось пахать по-настоящему, как ей, то уже через несколько недель искал бы санаторий, где мог бы прийти в себя.

Супруг поел, потянулся, встал, оставляя на столе крошки, пятно от кофе и посуду. Она, не говоря ни слова, все убрала, встала со своей чашкой кофе у окна и мысленно выпихивала его из дома. Имеется шанс, что если муж не задержится, а малой еще чуточку поспит, у нее будет с четверть часика для себя. Целые четверть часа! Ей нужны эти пятнадцать минут, чтобы собрать мысли, обдумать, как все разыграть, как выбрать наилучший момент для того, чтобы он ничего сделать не мог.

В прихожей зашумело надеваемое на костюм шерстяное пальто, затем вжикнули молнии кожаных штиблет, стукнул снятый с полки и прислоненный к стене зонтик.

Женщина закрыла глаза, сильно сжимая веки, ожидая металлического щелчка замка. Но вместо того слышала приближающиеся шаги. Про себя она выругалась многоэтажным, отборным матом. Даже ее отец был бы впечатлен.

Женщина стояла, опираясь о кухонную столешницу, лицом к окну, в оконном стекле он видел отражение ее лица и закрытые глаза. Мужчина улыбался. Он понимал, что ей глупо было снова засыпать, возвращаться в нагретую постель, когда он постоянно крутился по дому, готовился выйти в эту ноябрьскую мерзость, натягивая пальто, словно неудобные доспехи, специальный комбинезон, который должен был бы защитить его от варминьской погоды.

Ему не хотелось выходить. Сам он предпочел бы остаться, наслаждаться ленивым теплом, пить кофе в кухне, чувствовать запах готовящегося обеда, глядеть на играющегося на ковре сына, прерывающего раскладывание кубиков лишь затем, чтобы улыбнуться папе и маме. Мужчина почувствовал разливающееся внутри тепло, эта сцена была ну просто нереальной. За окном серый ад, а здесь — рай. Неяркий свет, запах слегка пригоревших тостов, милый цвет кухонной буковой мебели, его жена в спортивной блузе с капюшоном, с

прикрытыми глазами, добрая и спокойная, словно богиня домашнего очага в своем сонном пока что еще королевстве, черпающая силы из гармонии мира.

Мужчина деликатно обнял ее, сунул лицо в разлохмаченные волосы.

Женщина вздохнула.

И мужчина понял, что именно эта гармония, вот что никогда ему не надоест. Что он может иметь ее больше, как можно больше, сколько можно будет. Что семья — это наркотик, дозы которого никогда не превысить. И он был настолько уверен в этом решении, что вновь его переполнил радость и сила.

Он взял руку жены в свою руку.

— Знаешь, какая добрая весть имеется? — мягко спросил мужчина.

Та отрицательно тряхнула головой, не открывая глаз. Мужчина поглощал ее тепло и запах, он подумал о сырой весенней земле, о набухшем, готовом расцвести бутоне.

— У нас будет большая семья. Над нами будут смеяться, что мы завели детский сад, а мы сами будем смеяться над ними и будем очень счастливы. Хочешь такого?

Женщина повернулась к нему. Глаза ее были широко раскрыты, только муж не видел в них домашней богини, готовности плодородной земли. Он увидел издевку и решительность.

— Очень хочу, — прошептала женщина. — Очень хочу тебе кое-что сказать. Сейчас, здесь, немедленно.

2

Она посильнее сжала его ногами, обняла и толкнула в бок. Им удалось перевернуться, не разъединяясь, и теперь она была сверху. Она выпрямилась, прижалась к нему как можно плотнее и быстрыми рывками стала двигаться вперед и назад, издавая стоны — как он считал — более громкие, чем того требовала ситуация. Он и сам подумал над тем, а не повздыхать ли и ему самому, чтобы потом она не насмеялась, утверждая, что оба занимаются сексом глухонемых, но посчитал, что на данном этапе ей и так до лампочки, так что, вместо стонов, схватил ее за жесткий, худощавый зад и сильно сжал, она громко вскрикнула, что, в свою очередь, возбудило его настолько сильно, что кончили они практически одновременно. Превосходно.

Женя еще немного шевелилась на нем, урча и смеясь попеременно, а прокурор Теодор Шацкий подумал, что завидует женщинам, когда у них случается оргазм. При этом он воспользовался okazji, чтобы проверить, сколько времени, и прочитать эсэмэску от доктора Франкенштейна.

— А я вижу, — пробормотала Женя, не открывая глаз.

Он не очень-то знал, что сказать, потому отложил телефон и заурчал таким образом, чтобы это, по его мнению звучало словно сексуальное исполнение. Чтобы было ясно: он испытывал громадное удовлетворение, но не понимал, почему это должно было стать причиной опоздания на работу.

Жена вздохнула в последний раз и скатилась с него.

— Мне просто необходимо трахнуть тебя в тоге, — заявила она.

Голос ее, всегда немного гортанный, после секса делался еще более хриплым.

— Лучше всего — в суде. Не знаю, почему, но меня это ужасно возбуждает. Как ты считаешь, нас пустят туда после работы?

Шацкий лишь выразительно глянул на женщину и встал с кровати.

— Ну что? Чего ты на меня так смотришь? Это же не сутана. Впрочем, и то, и другое, в какой-то мере — всего лишь кусок материи. Опять же, сутана меня совершенно не возбуждает, бе-е-е, для меня она ассоциируется с мужчинами, которые не пользуются одеколоном. — Женя и сама встала с постели. — То есть, не думай, будто бы у меня имеется какой-то опыт в этом, об этом не может быть и речи, но я никогда не чувствовала, чтобы священник чем-то пах, когда я проходила мимо него в магазине или как-то так. Ну, не то, чтобы я специально нюхала, ты меня слушаешь?

— Не то, чтобы я специально нюхала, ты меня слушаешь? — ответил Шацкий, надевая сорочку. В шкафу его всегда ждали три готовых комплекта: отглаженный костюм с сорочкой, начищенные туфли, галстук, запонки в полиэтиленовом мешочке, закрепленном на вешалке. Женя вечно смеялась над этим мешочком, но если бы запонки он держал в кармашке пиджака, ткань могла бы деформироваться.

— А перед тем?

— Чем-то пах, когда я проходила мимо него в магазине.

— Вот не знаю, как ты это делаешь, но это просто шутка какая-то, ты же меня не слушаешь вообще.

— Слушаешь вообще.

— Ха-ха-ха, благодарю. — Женя поцеловала его в губы. — Ой, давно уже хотелось повыступить. А у нас в последнее время — только секс глухонемых, если вообще хоть какой-то.

— Мне не хотелось бы, чтобы... ну ты же понимаешь... — сделал Шацкий неопределенный жест рукой.

— Ну да, конечно же, ты прав, было бы ужасно, если бы твоя дочка узнала, что ее отец занимается сексом.

— Давай не будем говорить про Хелю и про секс, когда вот так вот стоим, — указал он на стоящую в чем мать родила Женю и на собственный член, болтающийся под рубашкой в том же ритме, что и галстук.

Женщина недоверчиво покачала головой и направилась в ванную.

— Ты боишься ее, даже когда ее нет. А это уже патология.

Шацкий почувствовал, как нарастает в нем раздражение. Снова что-то не так.

— Начинается. Ты не можешь ревновать к моей дочери.

— Может, не стоит говорить о ревности и твоей дочери, когда мы стоим вот так, — поддела его Женя.

Шацкий посчитал про себя от пяти до нуля. С какого-то времени он уже обещал себе предлагать какие-то конструктивные решения, прежде чем начинать злиться.

— Если ты считаешь, что в наших отношениях что-то не складывается, — медленно, подбирая слова, произнес он, — то, возможно, нам всем стоит сесть и поговорить об этом.

— И как ты это себе представляешь? Ты признаешь ее правоту еще до того, как она откроет рот. Она же будет смущена тем, как легко можно тобой манипулировать. А кроме того, у меня к Елене нет никаких претензий, это нормальная, умная девушка.

— То есть, к кому-то претензии у тебя все же имеются? — совершенно не в тему спросил Шацкий.

Женя приподняла бровь в фирменном жесте. По-настоящему высоко; Шацкий подумал, что это, должно быть, вопрос тренировки соответствующих мышц головы.

— Ну, не знаю, курва, а ты как считаешь?

Женя очень легко употребляла мат; Шацкий считал это очень милым в ней.

Женя завернула в спальню и подбоченилась, нацелив в Шацкого небольшие остроконечные грудки в качестве дополнительного аргумента.

— Ты поступаешь в отношении нее очень плохо, Тео. Ты относишься к ней, словно к ребенку, потому что у тебя нет ни малейшей идеи в плане отношений взрослого отца с взрослой дочерью. У нее ее тоже нет, но она и не обязана. Сейчас она дезориентирована и, не имея понятия, как себя повести, просто-напросто пользуется твоей слабостью. Но, чтобы было ясно, я ее и не виню. Мне об этом неприятно говорить, Тео, но то время, когда она была нуждавшейся в отце девочкой, уже прошло. Я понимаю, тебе это неприятно, тогда у тебя в голове было совсем иное, только... что упало, то пропало.

Шацкий ничего не сказал. Во-первых, не хотелось взорваться, а во-вторых, он знал, что Женя права. Что ему нужно было сделать? Он любил Хелю, хотел, чтобы ей было только хорошо. Да, он допускал мысль, что балует дочку, поскольку этим глушит угрызения совести после расставания с Вероникой.

— И чтобы было ясно, — прибавила Женя. — Чтобы ты не считал, будто это как-то связано с твоим разводом, бла-бла-бла, психологические бредни из ящичка для плачущих над собою. Хрен это, а не правда. Твоя дочка храбрая, современная, сильная и уверенная в себе. Ты же оскорбляешь ее, ничего не требуя и относясь к ней, словно к любимой доченьке. Ты делаешь то же самое, что и твой сексистский отец, что и твой сексистский дед. Ты боишься красивых женщин и пытаешься втиснуть дочь в форму, которая ей совершенно чужда.

— Откуда ты знаешь, что мои отец и дед были сексистами?

Женя глянула на него и хрипло расхохоталась, и смех ее был более громким, чем недавние стоны.

Проснулся он точно так же, как и всегда. Без того, чтобы ворочаться с боку на бок, без досыпа, без раздумий над тем, а может еще чуточку полежать или пора браться за дело. Просто-напросто открыл глаза, обнаружил, что уже светло, и тут же встал, словно бы не хотел уронить ни мгновения нового дня.

Спальня была пустой, такое редко случалось в это время, но случилось. Он вышел в коридор, огляделся. В доме было тихо, он не слышал суеты, не слышно было и радио с телевизором. Ему хотелось пойти в туалет, но вместо этого остановился у ведущих вниз ступенек и засомневался. Он глядел вниз, размышляя над тем, то ли позвать кого-то, то ли незаметненько спуститься и поглядеть, а что там происходит внизу. Десяток с лишним деревянных ступеней искушал. И он решил тихонечко спуститься.

Он уселся на самой высшей ступеньке и несколько секунд ожидал, что будет дальше. Ничего не случилось, в связи с чем он сполз на ступеньку ниже и снова застыл. И опять ничего не произошло. Он огляделся, но ничто не нарушало пустоты и тишины. Он решил воспользоваться случаем и, применяя ту же технику, сползая на попке с очередных ступенек, очутился внизу.

Перед этим у него был план, чтобы заглянуть в котельную, самое таинственное в доме место, но спуск по ступенькам слишком возбудил, так что котельная просто вылетела из

головы. Мало того, что дверки возле лестницы были открыты, так что, наконец, он мог спуститься сам, впервые в жизни, так он еще и помнил, как следует спускаться. Он был горд собой!

— Мама, я сам ду! — крикнул он. — Мама, день! Сам ду по тупенькм, на попе. Не кричи, — добавил он на всякий случай, если бы оказалось, что, все-таки, он сделал чего-то такое, чего делать как раз и нельзя.

В доме на Рувней было пусто и тихо.

Даже для Вармии это был уже пересол. Подумалось, что именно так будет выглядеть ядерная зима, не обещающая ничего хорошего и мрачная. Начало десятого утра, а фонари до сих пор горели, и солнечного света сквозь тучи продиралось столько лишь, что прокурор пожалел о том, что не взял фонаря. Ему представилось, что весь Ольштын с высоты птичьего полета должен выглядеть словно прикрытым толстым слоем темно-серого фетра, крайне потасканого, оторванного от сильно изношенного вселенского резинового сапога.

Прокурор Теодор Шацкий и не предполагал, что подобная погода вообще возможна.

Он быстренько пробежал несколько шагов, чтобы как можно скорее очутиться в освещенном помещении, кивнул портье и, не снижая скорости, взобрался на второй этаж, где столкнулся со стоявшей в коридоре начальницей. Шацкий кивнул в качестве приветствия, уверенный на все сто, что женщина только что вышла из туалета. Но нет, она ожидала именно его. В бежевой кофте на фоне бежевой стены, она выглядела так, словно бы специально натянула маскировочный мундир.

— Ко мне, — повелительно произнесла она, указывая в сторону секретариата.

Шацкий снял пальто и вошел в кабинет. Начальница не стала играть в какое-либо открытое и сердечное руководство — едва мужчина переступил порог, женщина закрыла дверь.

— Пан Тео! — начала она тоном, который никак не свидетельствовал о том, будто бы она собирается быть в отношении него «ах, каким замечательным человеком, воплощенной добротой». Один вопрос: почему ваш ассессор, наглый, съехавший с катушек урод, который еще недавно чуть ли не силой вынудил меня согласиться, чтобы ему дали возможность работать с вами, сейчас подает официальное заявление о вынесении вам выговора?

Шацкий поправил манжеты.

— Впрочем, я меняю собственное мнение. У меня нет никаких вопросов, меня не интересуют какие-либо ответы. Даю вам час, чтобы все устроить. До полудня Фальк обязан прийти ко мне, отозвать заявление, извиниться за недоразумение и вежливо сделать книксен.

Шацкий поднялся и поправил перекинутое через спинку стула пальто, чтобы не было заломов.

— Не знаю, будет ли такое возможным, — сказал он.

— Час. А потом я напишу просьбу в окружную, чтобы они взяли на себя ваше следствие по делу Наймана в связи с запутанностью. О том, как оно будет расследоваться, вы прочитаете потом в «Газете Ольштынской», сами же будете, в силу своего положения, гоняться за покуривающими травку студентами из Кортова.

Шацкий повернулся и, не говоря ни слова, вышел. Он хотел уже прикрыть двери, когда его догнал радостный, переполненный жизненным оптимизмом щебет:

— Пан Тео, оставьте, будьте добры, двери открытыми; не хочется, чтобы кто-нибудь подумал, что меня еще нет.

В отличие от папы и мамы, в каком-то смысле являющимися апостолами среднестатистичности, мальчик с улицы Рувней над среднестатистическим уровнем выделялся. Ему хватило десятка с лишним минут, чтобы превратить свой родной дом в луна-парк. Поначалу он полез руками и ногами в кошачий лоток, о чем всегда мечтал; там он повторял всякие кошачьи движения, разбрасывая во все стороны розовую крошку. Затем он воспользовался приоткрытыми дверьми в прачечную, чтобы перевернуть пылесос, сбросить на пол несколько бутылок с таинственными жидкостями с полочки и столько раз нажать на самые разные кнопки на стиральной машине, что та начала высвечивать сообщение «error».

Из прачечной, до сих пор никем не побеспокоенный, он перебрался в кухню, где увидел на столешнице возле микроволновой печи синюю бутылку с минеральной водой. Ему удалось — держась за рукоятки газовой плиты и духовки — сбросить бутылку, после чего он уселся на кухонном полу. Бутылка с водой находилась у него между ног. Хотелось пить, но его кружечки нигде не было видно. Пацан постанывал и попукивал, пытаясь свернуть пластмассовую крышку, но сил было маловато. К тому же, он не был даже уверен, в правильную ли сторону крутит. Пытался в обе, но, хотя изо всех силенок напрягал мышцы не только рук, но и всего тельца, пробка и не дрогнула.

— Не полуцзя! — крикнул он, но пустой дом не отвечал. — Памаги, памаги, а то меня не полуцзя, знаешь?!

Рассерженный, он отбросил бутылку, надеясь, что это поможет ее открыть, но бутылка лишь подскочила и покатила к стене. Тогда он поднялся с пола и отправился за ней, но, проходя через прихожую, краем глаза заметил свой трехколесный велосипедик, и тут же потерял интерес к бутылке. Каждая очередная деятельность вовлекала его на все сто процентов, все, что было до того, а так же все, что будет после нее, было несущественным.

Он вытащил велосипед из-под лестницы, переставил, что было ой как нелегко, передом в сторону кухни. Снял перевешенный через руль шлем, надел его задом наперед и направился в сторону кухни и столовой. Выглядело это словно игра, но на самом деле пацан реализовывал собственный план: хотелось доехать на велосипеде до холодильника, встать на сиденье, открыть дверцу и вытащить молоко. Каждое утро он получал теплое молоко из кружки с утконосом и с соломкой с голубыми полосками.

Он разогнался и за кухонным уголком свернул направо, где в углу помещения стоял холодильник.

Неожиданно велосипедик обо что-то ударился, остановился, мальнишка полетел вперед, ударившись животом в руль; не застегнутый шлем сполз на лицо.

— Не-не, — сказал мальчонка, сражаясь со шлемом.

Когда же он наконец-то его стащил, то увидел, что велосипед остановила мама, лежащая поперек столовой.

— Мама, низя! — с упреком крикнул он. — Я тут ездю.

Он вновь натянул шлем на голову, отступил, объехал кухонный уголок с другой стороны и припарковал возле холодильника. Снял шлем и повесил его на руль, потом забрался на сидение и открыл холодильник только лишь затем, чтобы удостовериться в том, что до молока не дотянется.

Пацан становился на цыпочки, выпрямляя ноги и вытягивая туловище, насколько можно, но до нижней полки с молоком все равно несколько сантиметров не хватало. Стопроцентная вовлеченность не давала ему позвать на помощь, вместо того, мальчонка пробовал различные положения тела, лишь бы только достать повыше, в конце концов, ему удалось одной ногой встать на спинке седла, подтянуться и схватиться за полку, на которой стояли две бутылки с молоком — с нормальной жирностью для него, с меньшей жирностью для кофе.

Полка нагрузки не выдержала. Пластиковая загорodka выскочила, бутылки с грохотом упали на пол, сам же он сполз вниз и, в силу счастливого стечения обстоятельств, попой плюхнулся на маленькое сидение. Больно не было, но настолько неожиданно, что, возможно, он и расплакался бы, если бы не белая лужа. Стекло бутылки разбилось, и молоко залило кухню.

Белое пятно увеличивалось, когда же оно добралось до красного пятна вокруг мамы, то начало творить совершенно невообразимые узоры, превращая серый кухонный пол в сказочный ковер с восточным узором, сотканный из ниток розовой и алой краски самых различных оттенков.

Мальчонка глядел на все это, словно зачарованный, но только теперь испытал беспокойство. Что-либо подобное никогда не прошло бы для него безнаказанным.

— Я токи молоцька попить хотел, — тихо сказал он, уже предвидя близящийся скандал. Огромные карие глаза налились слезами; одна из них, круглая, как в мультике, стекла по щеке. — Молоцька хотел попиць, знаешь?

Но ничего не происходило, в связи с чем он сошел с велосипеда, влез в лужу молока и крови и встал возле мамы.

— Мама, узе день! — крикнул он. — П'осьпаца, п'осьпаца! Ставай!

Мать даже не пошевелинулась, а он почувствовал себя страшно одиноко. Ему очень хотелось к маме. Очень хотелось, чтобы та его прижала и поцеловала, и чтобы потом он почувствовал себя хорошо и уютно.

— Каки хоцю, — сказал он сквозь слезы.

Но ничего не произошло, так что он сам побежал в туалет, оставляя за собой мокрые, розовые следы; открыл дверь, снял пижамку и записанный после ночи памперс, уселся на горшке.

— Какки не будут твёдые, знаешь? — крикнул он в глубину квартиры, делясь мыслями, что всегда приходили в голову во время сидения на горшке. — Потому цто я не ел шоколада. Яблоцько кусал. А от ф'уктов кака мякая.

— Узе! — крикнул он.

Этот утренний маневр всегда действовал. Даже если мама не вставала вместе с ним, даже если каким-то чудом не отреагировала на сообщение о желании сделать «а-а», но на «узе» она всегда прибегала с влажными салфетками в руках.

— Мама, узеее!

И ничего не случилось. Пацан посидел еще какое-то время и поднялся, уже совершенно дезориентированный. Снова он побежал в кухню, маленькие ножки шлепали по полу.

— Ма, я уже а-а, знаешь? Ставай!

Он поскользнулся в луже из молока и крови, потерял равновесие и больно шлепнулся. Как обычно, в одном месте боли он не почувствовал, больно сделалось во всем теле, которое высылало в мозг оглушающий сигнал о страшной обиде, угрозе и необходимости в помощи. В ту же наносекунду он зашелся в рёве — сигнал тревоги, который во всем мире уже десятки тысяч лет сообщал взрослым, что маленькому человечку нужна помощь.

Только в этот раз маленькому человечку на помощь никто не пришел.

6

Телефонный разговор с доктором Людвиком Франкенштейном был коротким и практически бесплодным. Ученый самым холодным тоном сообщил о том, что в человеческом теле находится двести шесть костей, и если пан прокурор считает, что они возьмут образцы тканей из них всех и сделают сравнительный анализ ДНК в течение одного дня, то ему следует обратиться в неврологическую консультацию. И что это, как раз, никакой проблемы не представляет, на Варшавской имеется замечательное отделение неврологии и нейрохирургии, они охотно придут на помощь. Единственное же, что им пока удалось — это подтвердить, что и вправду, кости двух пальцев правой руки никак не соответствуют ДНК Наймана.

После этого Шацкий связался с Берутом и приказал составить список пропавших без вести из близкой округи в течение года и взять от их родственников образцы ДНК для сравнительных исследований. Никогда еще в собственной карьере он не сталкивался с серийным убийцей в стиле американских фильмов, с сумасшедшим, который разыгрывает со следователями странные шутки. Например, такие, что ему хочется дополнить костный набор покойника, чтобы не испортить эффект.

Шацкий решил, что прошлым Наймана займется впоследствии, сейчас же необходимо было как-то разобраться с Фальком. Он и сам себе удивлялся, но, говоря по правде, претензий к ассессору не имел. И прежде всего потому, что аргументация молодого юриста его убедила.

Он поразмышлял пару минут, глядя на пейзаж за окном, на перемещающиеся в темном тумане огни строительных машин. И посчитал, что нет иного пути, как поехать ко вчерашней «псевдопанде», и, кстати, и что его дернуло дать именно такое определение... Поедет, проведет осмотр на месте, извинится, расскажет о том, что может сделать для женщины Жечпосполита.

В поисках адреса он пересмотрел лежащие на столе бумаги, но вчерашнего протокола найти нигде не мог. Он его писал? Наверняка ведь писал. А что сделал с ним потом? Тогда он спешил в больницу на Варшавской, так может взял с собой? Нет, в этом нет смысла, подобного он не сделал бы, в папке всегда поддерживался идеальный порядок, а в карманах никогда ничего не держал. Для него карманы вообще могли бы и не существовать. Выходит, выбросил.

Он присел на корточки и вытащил из-под письменного стола проволочную корзинку. Находящийся в середине мешок из полиэтилена был пуст, словно домашний бар алкоголика.

Шацкий тяжело вздохнул.

У каждого поводка всегда имеются два конца. У капитана крупнотоннажного мореплавания Томаша Шульца совершенно не было желания вытаскивать вторую руку из теплого кармана, так что он воспользовался той, в которой держал поводок, чтобы до конца тянуть молнию непромокаемой куртки и тем самым лучше защититься от погоды. Этим движением он потянул за шею своего глупенького лабрадора, который радостно дернулся, из-за чего капитан Шульц поскользнулся и чудом не рухнул в разъяренную грязевую реку, названную каким-то чиновником-юмористом улицей Рувней.^[66]

Жена успела придержать мужа за локоть в самый последний момент.

— А вот знаешь, о чем я думаю? — спросил тот.

— К сожалению, моя жизнь бедна на этот фрагмент знаний.

— Я думаю о том, в скольких местах на свете мы были вместе.

— Если верить нашей карте, то в двадцати восьми странах.

Томаш Шульц кивнул. Он считал вчера, и у него вышло именно столько же. Их карта была чем-то вроде светского домашнего алтаря; на огромном эллипсе с политической картой мира шпильками с цветными головками они отмечали все посещенные ими места. Красная головка — это там, где они были всей семьей, с детьми; оранжевая — если отправились туда вдвоем; синий цвет был зарезервирован для него, зеленый — для нее. Когда дети подросли и уже начали ездить самостоятельно, они прибавили шпильки с белыми головками для дочки, и с желтыми для сына. Шесть цветов с кубика Рубика.

— А хоть где-нибудь видели бы мы место, чтобы дома ставили в чистом поле? Где обложенные песчаником дворцы с коваными оградами и гранитными подъездными дорогами стоят вдоль реки из грязи?

Супруга отрицательно покачала головой.

— И вот скажи мне, ну что в этой чертовой стране не так? Что это вообще за грязеленд, в котором разрешают строить дома, подключать воду и электроэнергию, а дорогу вечно оставляют на следующую декаду? Это что, какой-то заговор? Что, тянут взятки с фирм, производящих машины-внедорожники? Или с мастерских, ремонтирующих подвески? С автомоек? С химчисток?

— И не забудь про ортопедов.

— И зачем мы вообще выходим в такую погоду?

Шульцу тяжело было перестать бурчать, когда уже начал.

— У нас собака.

Это правда, собака у них имелась. В связи с чем, сейчас они бродили по грязи своей малой родины, в самый уродливый, самый отвратительный, наиболее паскудный день в году. Потому что у них имелась собака. По кличке Бруно.

Пара отошла от дороги. Томаш спустил Бруно с поводка. Сейчас они находились в новой части поселка, в это время суток такой же безлюдной, как Припять. Жители пытались заработать на выплату очередного взноса по кредиту, а если дома и остались дети с матерями или бабушками, то наверняка тщательно укрытые перед кошмарной погодой.

Бруно носился по покрытым грязью ямам, разбрызгивая стоячую воду, при этом меняя свой шоколадный окрас на кремовый, потому что грязь в этой части Вармии имела как раз такой оттенок. В какой-то момент пес остановился и залаял.

Пара его хозяев тоже остановилась, обменялась взглядами. Бруно практически никогда не лаял. Хозяева даже спросили у ветеринара, все ли в порядке с голосовыми связками. Врач только посмеялся над ними и сообщил, что лабрадоры бывают малоразговорчивыми.

А вот теперь он остановился перед чьей-то оградой и лаял.

Томаш подошел, успокоил пса, похлопывая его по голове. Он глянул на стоящий за оградой домик. Новый, ничем не выделяющийся. Первый этаж, чердачные помещения жилые с окнами на крыше, вместо гаража — навес. Понятное дело, гораздо больший, чем их старенькая прусская халупка.

Планировка дома была классической, через окно рядом с входной дверью была видна кухня, открытая в сторону столовой и салона. Томаш заметил, что холодильник распахнут. Лампы горели как в кухне, так в спальне наверху.

А еще ему казалось, будто он слышит монотонный детский плач.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Слышишь? — спросил он.

— Ничего не слышу, у меня уши замерзли.

— По-моему, ребенок плачет.

— Из моего опыта следует, что дети, в основном, этим и занимаются. Пошли, а не то я вся замерзну.

— Но ведь он все плачет и плачет.

— Потому что у него лопнул шарик, или ухо болит, или мама выключила сказку, или не дала сникерс на завтрак. Ты так говоришь, словно у тебя самого никогда не было детей.

Томаш погладил Бруно по голове. Пес все так же глядел на дом, но уже не лаял и не ворчал. Может он, и правда, излишне восприимчив.

— Я позвоню, — казал он, положив палец на кнопку переговорного устройства.

— Да успокойся ты, женщине нужна всего лишь минутка покоя. — Жена ласково взяла супруга за руку, оттянула от калитки. — Вопящий короed и сующий нос не в свои дела сосед — лично для меня этого было бы слишком много.

Тогда Томаш сунул в карман собственную руку вместе с рукой супруги и подумал, что, возможно, он и вправду излишне чувствителен. Всегда он был немножко таким вот папой-квочкой, вся семья над ним смеялась. Ничего его не волновало, только дети и все.

Они прошли мимо трех участков, когда заметили, что Бруно так и не тронулся с места. Пришлось трижды свистеть, чтобы непослушный пес прибежал к хозяевам.

Этот день на улице Рувней случился не таким, как все остальные. Это был такой день, когда все может или начаться, или закончиться. А чем больше времени проходило, тем более она соглашалась с тем, что все неотвратно кончается, сознание же неожиданно возвращалось и исчезало. Когда оно вернулось в первый раз, она еще ничего плохого не предчувствовала, в основном, испытывала злость на того хуя, который, понятное дело, оказался еще и дамским боксером. Мало того, что надавал по морде, так еще и пихнул так, что она ударилась головой и потеряла сознание.

Злость довольно скоро сменилась страхом, когда оказалось, что она не может даже пошевелиться, похоже, неприятность с головным или спинным мозгом. Она вообще не

чувствовала собственного тела, если только не считать чудовищной, пульсирующей боли в голове. Ей еще удалось пошевелить веками, но вот извлечь из себя голос — уже нет.

Она подумала, что это чрезвычайно паршиво, и потеряла сознание.

Обрела она его, чувствуя себя ужасно слабой, когда возле самой головы упала молочная бутылка. Кусок толстого стекла, с донца, пролетел так близко, что коснулся брови. Она глядела на мир через это доньшко словно через толстые очки, все было не совсем резким и несколько искаженным. Сердце остановилось от испуга, когда она увидела, как сквозь белую молочную лужу, между острыми осколками, пробегают толстенькие ножки сыночка. Капли молока полетели ей прямо в лицо. До нее дошло, что этот кретин оставил ее одну дома с ребенком, и тут нахлынула волна испуга. В мгновение секунды ей вспомнилось все, что когда-либо она читала или слышала о несчастных случаях в доме. Мокрый пол в туалете. Ведущие наверх лестничные ступени. Электрические розетки. Печь в котельной. Ящик с инструментами. Нож на столешнице. Хозяйственная химия.

Это вчера она заливала «крот» в трубы? А поставила ли бутылку на самую высокую полку? Закрутила ли ее так, чтобы раздался щелчок предохранителя пробки? И вообще, спрятала ее или просто поставила возле мусорного ведра?

— Узееее! — донеслось до нее из туалета.

Она напрягла всю волю, что имелась в ней, но удалось лишь мигнуть правым веком. Что он сделает, если она не придет? Наверняка встанет, попробует самостоятельно вытереться, размажет какашки по попке, ничего особо страшного. Спустит воду. Потом захочет помыть руки. Он любит чувствовать себя самостоятельным. Залезет на раковину, чтобы достать до умывальника. А закроет ли крышку? А если не закроет, не упадет ли в унитаз? А если мыл свалится в тот же унитаз? Ведь наклонится же, желая его вытащить.

У нее началось головокружение. В панике женщина во все стороны водила глазами. И тут краем глаза увидела духовку. Неизвестно когда включенную на всю катушку, в середине ходуном ходил разогретый воздух, от оставленного вчера бисквита исходил пар.

И тут она уплыла.

В реальный мир ее вернул лай. Крупный пес, с басовым голосом. Лаял он, похоже, возле калитки, близко, только лишь лай и детский плач пробивались сквозь окутывающий ее туман. Он был причиной того, что мир потемнел и утратил контуры, звуки тоже размазывались. Женщина чувствовала, что все от нее уплывает, но, по крайней мере, голова перестала болеть.

А потом лай прекратился, а она поняла, что помощь не придет.

Не пойдет она на выпускной в детский садик, не отведет малого первый раз в школу, не прихватит его с куревом, не познакомится с приведенной домой девушкой, не возьмет внуков на выходные, чтобы сын мог отдохнуть с женой; никогда не проведет она Рождества так, как помнила по дому, когда за столом встречались представители четырех поколений и все говорили одновременно.

В поле зрения появилась какая-то тень. Миллиметр за миллиметром ей удалось переместить глазное яблоко так, чтобы увидеть, как ее мальчик хватается за ручку раскаленной духовки, чтобы достать стоящий на столешнице пятилитровый пакет с яблочным соком.

До нее дошло, что ее смерть — это еще не самое худшее, что может случиться в этот день. День настолько не такой, как все остальные, что, казалось, вообще не

Он чувствовал себя самым распоследним кретином. Выходя из дома, на всякий случай натянул на голову капюшон толстой, хлопчатобумажной блузы, чтобы никто, случаем, его не узнал. Быстрым шагом он направился вниз по Эмили Паркер, не глядя в окна прокуратуры, а когда дошел до угла здания, тщательно огляделся по сторонам, словно шпион из криминальной комедии и свернул в сторону черной, зеленой дыры. Которая в это время года была попросту черной дырой, без малейшего оттенка зелени, безлистые ветви на фоне серой мглы выглядели декорацией для фантастического фильма ужасов, странной паутиной на чужой планете ожидающей неосторожного пришельца. Хотя — нет — находился здесь один зеленый элемент. Мусорный бак.

Прокурор Теодор Шацкий подошел к баку, огляделся еще раз, поднял крышку и запрыгнул вовнутрь.

Конечно же, в прокуратуре имелась специальная машинка для уничтожения документов, но обычный мусор, собранный под рабочими столами, то есть, огрызки, банки из-под колы, бумажные салфетки, использованные в качестве носового платка, смятые заметки и рабочие протоколы допросов долбаных жертв домашнего насилия — все это попадало в самый обычный контейнер, который, наверняка, опорожняли или к вечеру, или рано утром.

Шацкий стоял посреди одинаковых черных мешков, сверху завязанных на одинаковые узлы, и размышлял над тем: а имеется ли какой-нибудь способ, узнать среди них нужный. По объему? Вчера он кинул туда несколько бумаг, пустую бутылку из-под томатного сока и коробочку из-под деревенского сыра.

Он ощупал несколько мешков. В одном почувствовал небольшую бутылку. Он разорвал мешок и осторожно заглянул вовнутрь. Чекушка «Ржаной» — любопытно.

Отложил.

Тут он нащупал очередную бутылку. Он поднял мешок, который, да, сверху был завязан, зато снизу разорван. На брюки сначала выпала бутылка из-под энергетического напитка, затем не до конца — к сожалению — съеденный йогурт, потом фильтр, забитый кофейной гущей, затем громадная клякс чего-то, выглядящего словно сперма, но оказавшегося всего лишь майонезом, когда, в конце концов, изнутри выпали остатки треугольного бутерброда из тех, что продают на бензозаправках. Бутерброд отскочил от брюк и высадился на туфлях, понятное дело, майонезом вниз.

Шацкий громко и гадко выругался, подумав, что коллеги по прокуратуре должны лучше заботиться о собственном питании.

— А ну пиздуй отсюда, а не то вызову полицию!

Шацкий вздрогнул, слыша эти слова чуть ли не под самым ухом. Он повернулся к охраннику, который, должно быть, увидел его похождения на мониторе в дежурке, а теперь прибыл навести порядок.

— Пан прокурор? А что вы здесь делаете?

— Процессуальный эксперимент.

Охранника, похоже, это не убедило. Он стоял и подозрительно поглядывал на Шацкого.

— Так я могу вернуться к своей работе? — тот указал на разложенную у его ног смесь пищевых отходов, словно то были материалы по крайне важному делу.

— Ну да, конечно, — неуверенно буркнул охранник. — Приятного дня, пан прокурор.

Бдительный мужчина вернулся в помещение, а Шацкий вернулся к ощупыванию мешков. Из интересных вещей он обнаружил еще молитвенник и бело-зеленый шарфик AZS Ольштын. Все это уже начинало его небезопасно втягивать, когда, наконец-то, не напал на свой томатный сок, и тут сердце забилось живей. В коробочек от деревенского сыра его ожидал протокол допроса, свернутый в элегантный шарик.

Он проехал мимо парочки, прогуливавшейся с покрытым грязью лабрадором, и после очередных нескольких сотен метров поездки по чему-то, что должно было служить трассой для квадроциклов, обнаружил дом с номером семнадцать, табличка была стилизована под парижскую, с зеленой рамочкой. В полукруглом поле сверху шла надпись: «Авеню Рувна».

Прокурор Теодор Шацкий переставил рукоять коробки скоростей в положение «стоянка», но двигатель не выключил. Во-первых, ему не хотелось выходить в страну льда и грязи, а во-вторых, следовало подумать над тем, а что сказать. Прежде всего, что скажет, если в доме женщина вместе с мужем, или же если в доме один только муж. «Простите, буду чрезмерно обязан, если вы передадите своей преследуемой жене информацию о том, как следует оформить синюю карту».

Он вздохнул и поглядел в сторону дома. Свет горел в кухне и в спальне наверху. После этого Шацкий выключил двигатель и вышел из автомобиля, пришлось схватиться за дверь, чтобы не поскользнуться на том чем-то, что здесь называли улицей Рувней.

Шацкий позвонил.

Тишина.

Шацкий подождал, снова позвонил. Постоял несколько минут; подумал, а вдруг она переодевает ребенка или укладывает к дневному сну.

Прокурор прошелся вдоль ограды, поднялся на цыпочки, заглянул в кухню. Холодильник был широко распахнут, были видны уложенные внутри параллелепипеды масла, творожки, детские йогурты в ярких чашечках. Шацкий заметил, что бордюр нижней полки с одной стороны оборван, он висел на ручке словно сломанная рука.

Шацкий почувствовал беспокойство. И хотя знал, что это иррационально, и что через пару минут придется смущенно перед кем-то извиняться, он вскарабкался на забор, неуклюже спрыгнул с другой стороны. Он уже не стал звонить или стучать, сразу же рванул дверную ручку на себя. Дверь была открыта. Тогда он вошел в маленькую прихожую, не спеша приоткрыл дверь в холл.

Воняло горелым.

— Э-эй! Па-ани? Это я, прокурор...

Он замолчал, увидав засохшие следы маленьких ножек на полу. Маленьких ножек, оставивших следы чего-то розового, что это могло быть... Йогурт? Клубничное молоко?

— Мы вчера разговаривали вчера, — громко произнес Шацкий, открывая двери. — Вы меня слышите?

Он неуверенно пошел в сторону кухни и салона, каждая клеточка его тела вопила, что

что-то здесь ну совсем не так.

И так оно и было.

Труп лежал на полу, лужа крови и молока образовывала вокруг головы покойной двухцветный ореол. Шацкий почувствовал, как он отклеивается от реальности, мир вокруг него закружился. Он потерял бы сознание, если бы не картинка розовых следов маленьких ножек, которые привели его к лежащей на полу женщине.

Шацкий огляделся по сторонам. Из духовки шел дымок, именно оттуда воняло горелым. Маленький мальчик в пижаме химически-бирюзового цвета присел на корточки в углу комнаты, сгорбившись и отвернувшись спиной. Чем-то он был занят. Шацкий подошел и опустился на корточки рядом. Мальчишке было около трех лет. Сейчас он соединял два элемента пазла: какую-то машинку и улыбающегося персонажа из сказки. Потом он разделял эти элементы и вновь соединял тем же автоматическим движением.

— Привет, ты меня слышишь? — мягким тоном произнес Шацкий, перемещаясь так, чтобы мальчик мог его видеть. Поначалу малыш никак не отреагировал, потом глянул на чужого дядю черными, лишенными эмоций глазами. Весь перед пижамки был в молоке и крови.

— Давай-ка я возьму тебя на руки, хорошо? — Шацкий присел, улыбнулся и протянул мальчишке руку.

Мальчик с пустыми глазами обнял его за шею, втиснулся в воротник пальто и застыл так.

Шацкий медленно поднялся, вытащил из кармана телефон.

И тут увидел, что женщина мигнула.

11

Он стоял возле дома на Рувней, промокший и замерзший, глядя, как автомобиль, на котором сотрудники социальной опеки приехали за мальчиком, подскакивает на колдобинах. В тумане загорелись стоп-сигналы, затем указатель поворота, старенький «ниссан» свернул в сторону Ольштына и пропал из вида. Скорая помощь забрала мать четвертью часа ранее. Следователи собирали в доме улики.

Ему же здесь делать было совершенно нечего.

Он просто стоял.

Шацкий услышал, как за ним останавливается автомобиль. Двигатель замолк, хлопнула дверь.

Ассессор Эдмунд Фальк, чтобы заглянуть Шацкому прямо в глаза, ему приходилось задирать голову.

— Если она не выживет, я вас уничтожу, — заявил он.

Шацкий не ответил. Это был логичный выбор.

понедельник, 2 декабря 2013 года

*Международный День Памяти Отмены Рабства. День рождения у Нелли Фуртадо и Бритни Спирс. Ровно 22 года с того дня, когда Польша, первое государство в мире, признала независимость Украины в 1991 году. Тем временем после закончившегося фиаско саммита Восточного Партнерства в Вильнюсе, на киевском Майдане все время продолжаются протесты, оппозиция накапливает силы, раздаются призывы к революции. В то время, как украинцы желают в Европейский Союз, британцы хотят оттуда выйти. Только лишь 26 процентов подданных королевы оценивают ЕС положительно. Ученые заявляют, что открыли ген алкоголизма. Мыши, как правило, не пьющие, после модификации гена *Gabrb1* полюбили водку. Со временем животные начали выполнять самые сложные задания, лишь бы получить очередную порцию спиртного. Суды сегодня работают весьма эффективно: в Рава-Мазовецкой 49-летний ксендз осужден на 8,5 лет тюрьмы за педофилию. В Страсбурге целый день продолжается рассмотрение по вопросу тайных тюрем ЦРУ на Мазурах. В Ольштыне начинается процесс членов жилищного кооператива «Поезеже», которые организовали хеппинг против злоупотреблений в кооперативе, на скамье обвиняемых, среди прочих, 84-летняя женщина. Ночью заморозки, днем — плюс два, пасмурно, и, конечно же, туман с замерзающей моросью.*

1

«Анатомикум» на медицинском факультете на сей раз не походил на пещеру шекспировских ведьм. Исчезли все кипящие котлы, исчез, правда, и домашний запах бульона. Исчезла и аспирантка Алиция Ягелло. Остался профессор, доктор Людвик Франкенштейн, остался и покойник, до недавнего времени известный как Петр Найман, предприниматель, занимавшийся туристским бизнесом. До недавнего времени, потому что, с тех пор как было подтверждено, что в его скелете находятся не только эндопротезы, но и чужие кости — вопрос с тождеством скелета несколько запутался.

Кости покинули стол прозектора, на котором отдыхали ранее, и попали на пол, где их разложили на большом куске ткани. Все они были разделены, описаны и обозначены этикетками. Шацкому все это напомнило фотографии с исследований авиакатастроф, когда найденные фрагменты самолета раскладывают в ангаре. Да любой человек в Польше подумал бы то же самое, смоленская катастрофа обучила весь народ в плане следствий об авиационных катастрофах.

К Найману с компанией отнеслись подобным образом. На белой ткани черным маркером был очерчен контур человеческой фигуры, неестественно большой, как будто надутый, в высоту она должна была быть метра два с половиной. В контуре все кости и косточки были разложены по своим местам, стоящий над останками задумавшийся Франкенштейн походил на учителя, который размышляет над тем, как оценить работу студентов, желающих сдать анатомию.

— Двести шесть — это, конечно же, некоторое упрощение, — сказал он.

— Простите? — Шацкий не понял. Его разум изо всех сил боролся с мыслью, что скелет

сложен из костей, принадлежащих двумстам шести различным жертвам. Это означало бы следствие, которого бы он не закрыл до самой пенсии.

— По телефону я сказал вам, что костная система человека насчитывает двести шесть костей. Так вот, в этом имеется некое упрощение. У новорожденного двести семнадцать костей, у человека взрослого — как правило — двести шесть; пожилой человек может иметь их меньше, потому что с временем кости срастаются, соединяются в одно целое. Вы знаете, я обучил множество патологов, по-настоящему выдающихся, но сам редко когда проводил осмотры, по результатам которых необходимо было писать заключение. Потому я и не научился криминальному способу мышления, той одержимости, чтобы повсюду искать проявления зла, какое-то преступление.

Франкенштейн заложил руки за спину, выпрямился.

— Вы это к чему ведете? — спросил у него Шацкий.

Ему не хотелось подгонять профессора, но он с удовольствием перешел бы к конкретным вещам.

— Меня должно было заставить задуматься, что в тех пазлах, полученных благодаря вам, присутствовали совершенно все элементы.

— Почему? Мы же установили, что кто-то принес кости в мешке вскоре перед их обнаружением. Просто не было времени, чтобы ими занялись какие-то там крысы или студенты-медики.

— Вы так говорите, поскольку вы дилетант. Вот вы думаете о скелете и видите бедренную кость, череп, ребра, позвонки. А ведь это всего лишь небольшая часть из всей костной системы. Нужно обладать приличными знаниями, чтобы где-то там, в каком-то странном месте, где совершилось преступление...

— Это вы сейчас говорите как дилетант. Убийства не совершаются под пролетами виадуков и в подвалах заброшенных домов. Совсем даже наоборот, большинство из них имеет место в ухоженных и хорошо освещенных интерьерах, то есть — в семейных домах.

— Так или иначе, но это не стерильные помещения, специальным образом приготовленные к этому. А здесь кому-то удалось убить, растворить труп, после чего из останков выловить все кости. Некоторые из них действительно мелкие, например, фаланги пальцев или копчик, а некоторые вообще микроскопические. Вот, поглядите.

Франкенштейн присел на корточках возле черепа Наймана, жестом пригласив Шацкого, чтобы тот присоединился. Извлеченным из кармашка карандашом он коснулся косточек, лежащих на ткани на уровне уха нарисованного контура.

— Это слуховые косточки, они переносят колебания барабанной перепонки во внутреннее ухо, благодаря чему вы и слышите то, что я говорю. Молоточек, наковальня и стремечко. Очень любопытная конструкция, вам следует знать, что это единственные кости в человеческом организме, которые не меняют свою величину с рождения индивидуума. В ходе развития плода они формируются на все сто процентов, к тому же — достаточно необычным образом, что является одним из доказательств правоты эволюционной теории, поскольку у рыб и пресмыкающихся точно так же...

— Профессор, пожалуйста.

Франкенштейн гордо выпрямился. Даже если он и приготовил какой-то меткий ответ, он оставил его при себе.

— Вот это стремечко. Видите?

Прокурор кивнул. Ему всегда казалось, что название условно, тем временем, маленькая

косточка и вправду выглядела будто миниатюрное стремя, элемент конской сбруи гнома.^[67]

— Величина этой косточки — три миллиметра, ее ответвления не толще одной четвертой, возможно, одной третьей миллиметра. Во-первых, скорее всего, нет ни единого шанса, чтобы столь небольшая структура пережила ее обработку щелочью. Во-вторых, я просто не верю, чтобы той магме, в которую должны превратиться растворенные гидроокисью натрия останки, отыскать что-либо такого размера.

Шацкий внимательно слушал. Ему не нравилось то, что слышал, благодаря собственным стремечкам, неизменным от рождения. Не нравилось, потому что заключения профессора сводились к тому, чтобы сделать вероятным тезис о безумном серийном убийце.

— Пан профессор, — сказал он, — я все понимаю, но что это: теоретические размышления, или же мы говорим о данном конкретном случае?

— Пан прокурор, — Франкенштейн поглядел на гостя над оправой очков, — и я, и мой коллектив, не спим уже несколько дней, анализируя и подвергая перекрестному анализу генетические данные из всех двухсот шести костей по вашему указанию, а единственной поддержкой и признанием, которые мы получаем взамен, становится ваше растущее раздражение. Неужели я не имею права попросить у вас потерпеть несколько секунд?

Шацкому следовало заткнуться и одарить собеседника вежливой улыбкой, в конце концов, эта пара минут никого не спасет. К сожалению, именно такие образцы поведения получались у него хуже всего.

— Прошу понять, что имеются профессии, где время играет большое значение, а целью является нечто иное, чем публикация в научном журнале, который читает четверо коллег.

Франкенштейн деликатно усмехнулся.

— Ну конечно же, справедливость, чуть не забыл. *Misstraut allen Denen, die viel von ihrer Gerechtigkeit reden.*

— Извиняюсь, но я сам из Польши.

— Как говорил философ, «будьте недоверчивыми в отношении всех, кто слишком много говорит о справедливости».

— Пока что о справедливости я не проронил ни слова.

Профессор снял очки, вынул из кармана кусочек замши, тщательно протер стекла. Похоже, пауза была его любимейшим риторическим ходом.

— Кто-то потратил массу сил, чтобы собрать идеальный скелет, — сказал он. — Так, чтобы всего хватало. Вы получите от меня отчет со всеми подробностями, но самые главные определения будут следующими: большая часть костей принадлежит Найману. Но не все. Часть костей обеих ладоней имели другого хозяина, мужчину.

— Вы можете установить пол на основе ДНК? А возраст? Другие данные?

— Цвет глаз, цвет волос. Возраст, к сожалению, в очень и очень приблизительных границах, да и то, после сложных тестов. Я могу продолжать, или вы предпочитаете теоретические размышления?

На сей раз заткнулся Шацкий.

— Но, что интересно, в скелете имеется еще двенадцать костей, не принадлежащих Найману, и ни одна из них не была обработана щелочью. Помимо отбора ДНК, я распорядился выполнить химический анализ.

Шацкий вопросительно глянул на Франкенштейна.

— Шесть из них — это слуховые косточки. Два набора по три косточки. Один набор принадлежал мужчине, а второй — женщине.

— Этот мужчина — владелец ладони?

— Нет, это три различных человека.

— А оставшиеся шесть?

— Похоже, что это просто декорация.

— Потому что?

— Это несколько мелких косточек из различных мест. — Франкенштейн спрятал карандаш, а вместо него извлек раздвижную указку. — Копчик, другими словами — хвостовая кость, на самом конце позвоночника. Мечевидный отросток, вот тут, на самом конце грудины. И четыре самых маленьких фаланги различных пальцев на обеих стопах. Все эти кости, во-первых, по-настоящему старые, во-вторых, они не обрабатывались щелочью, в-третьих, они принадлежали женщине.

Какое-то время Шацкий анализировал эту информацию.

— То есть, уже после убийства кто-то сложил пазл из костей, проверил, чего ему не хватает и недостающие элементы выкопал из какой-то старой могилы.

— Именно такая гипотеза и приходит сразу же в голову.

— Почему?

— К счастью, на этот вопрос ответ я искать не должен.

А я должен, подумал Шацкий. В голове пронеслось несколько следственных версий, одна хуже другой. И в каждой возникал некий мрачный псих, который сидит в одной из варминьских гаргамелей, ^[68] среди кучек рассортированных костей, и вот он подсчитывает, чего ему еще не хватает, чтобы произведение было завершено. Чтоб он сдох!

— То есть, здесь кости пяти человек? — спросил прокурор, чтобы профессор подтвердил. — Наш покойник в главной роли, на вторых ролях: владелец руки, уха и владелица другого уха, ну и в качестве кордебалета — симпатичная мадам-донор не хватающих деталек.

Франкенштейн слегка кивнул.

— А где тут у вас отделение нейрохирургии? — спросил Шацкий.

— Новое здание в глубине, слева, третий этаж.

Прокурор Теодор Шацкий на прощание протянул руку профессору, после чего он вышел из прозекторской. Только лишь в коридоре ему пришло в голову, что следовало бы как-то поблагодарить. Он чуть было не повернул назад, но посчитал, что нет времени. А кроме того, помощь органам следствия — это обязанность гражданина, не хватало еще каждому отсылать цветочки.

Выйдя из здания «Анатомикума», он огляделся по сторонам. «В глубине» должно было означать подальше от улицы, и действительно, из-за прусской застройки выглядывало новое здание. Шацкий направился туда через больничный двор. Летом это наверняка был очень даже приличный сад, сейчас же он представлял собой несколько пересеченных аллеями скопищ грязи и старой травы, из которой выстреливали черные стволы старых деревьев.

Добравшись до новой части комплекса, он с удовольствием отметил, что проектировщики больницы были не только первыми в послевоенной истории города, которым удалось достичь чего-то большего, чем просто блевануть в публичное

пространство. Они же были первыми, которым удалось довольно-таки толково соединить характерные прусские постройки из красного кирпича с современной архитектурой. В результате чего новый комплекс создавал и современное, и профессиональное, но еще и симпатичное впечатление — больницы, в которой бы хотелось поболеть, раз уж где-то надо.

Шацкий прошел автоматически открывающиеся двери и приемный покой, на лифте поднялся на третий этаж. Как обычно во всех больницах, на первом этаже царил кавардак и говор, а в отделениях царило спокойствие, коридоры были пустые, пахло дезинфекцией и кофе, перешептывания смешивались с шорохом медицинской аппаратуры.

За стойкой дежурки никого не было, Шацкий встал рядом и ожидал. Вообще-то, он искал предлога, чтобы отсюда улетучиться. Потому он даже не искал зрительного контакта с женщиной-врачом, которая вышла из одной из комнат и с папкой в руке направлялась куда-то быстрым шагом. Он был уверен, что та пройдет мимо, но она глянула на него, наморщила брови и резко остановилась.

— Вы кого-то ищите? — спросила она.

Прокурор глянул на женщину. Сорок плюс несколько лет, мелкого сложения, темные волосы, очки, челка. Тип отличницы. Папкой заслонялась словно щитом.

Он назвал имя и фамилию.

Женщина-врач, вместо того, чтобы ответить, повернула голову так, словно над чем-то интенсивно раздумывает. Характерный жест показался Шацкому знакомым. Кто это так же делал? Женя? Начальница?

— А кем вы являетесь для больной?

— Прокурором. Теодор Шацкий.

Услышав эти слова, хранившая профессиональный холодок женщина заулыбалась, как будто встретила почтальона, принесшего возврат НДС.

— Ну конечно же, прокурор Шацкий собственной особой! А я всю думала, ну откуда я вас знаю. Очень, очень рада, что могу с вами познакомиться. Прощу прощения, я бы с удовольствием еще побеседовала, но уже опаздываю на консилиум. Может быть в другой раз, хорошо? — и она улыбнулась, но теперь уже ободряюще.

Тот покачал головой, не имея ни малейшего понятия, как объяснить собственную славу в нейрохирургии.

— Последняя дверь по правой стороне! — крикнула женщина, прежде чем скрыться в лифте.

Шацкий поблагодарил вслед, подождал, пока лифт закроется, постоял еще минутку, но под конец посчитал, что необходимо как можно скорее покончить с этой встречей. Быстрым шагом он направился вперед, прошел мимо нескольких больничных палат, пустых или наполовину пустых, и наконец очутился в палате, где на единственной кровати лежала молодая женщина.

И выглядела она довольно-таки обычно.

Сознание приходит и уходит совершенно неожиданно, как будто бы кто-то баловался головным рубильником, так люди иногда щелкают авторучкой.

Щелк.

И темнота сменяется белой ватой, которая потом превращается в молочное стекло, за которым перемещаются различные нерезкие пятна, но потихоньку и они начинают обретать резкость. Она с трудом концентрируется на них.

Щелк.

Темнота.

Щелк.

И темноту заменяет белая вата, появляется какая-то мысль, летучая, слабенькая, достаточная лишь для того, чтобы подтвердить, что она — это она, позволяя ей определить себя сознательным существом. Она концентрируется на этой мысли и выстраивает вокруг нее последующие; раз уж ей известно, кто она такая, теперь пытается вспомнить, где находится и почему. Ей кажется, что каждую из мыслей нужно догонять. А это ужасно мучительно.

Щелк.

Сражение она ведет уже долго, но имеются и первые успехи. Несколько раз она удерживает сознание настолько долго, что понимает: она находится в больнице, с ней что-то случилось. Один раз она приходит к ужасному выводу, что прожила в коме тридцать лет и теперь уже никого не знает. Но сразу же после того уплывает — щелк — а когда приходит в себя, этого заключения уже не помнит.

Несколько раз мир становится резким настолько, что она видит незнакомые лица. Она пытается заговорить с ними, но напрасно.

Щелк.

Довольно быстро она вспоминает, что у нее имеется ребенок. Вроде как мальчик, но уверенности не было. Имени в памяти отыскать не удалось. Но маленький. Ей вспоминается чувство любви и чувство страха. Разве с ним что-то случилось? Он умирает, как и она сама? Слишком много эмоций.

Щелк.

На этот раз вместе с сознанием приходит боль. Она думает, что это, возможно, и хороший знак, что если уцепится за эту боль, то дольше сохранит сознание. Она нуждается в том, чтобы извлечь из себя больше сведений о ребенке, которого она так любит, и за которого так боится.

Мальчик. Она почти что уверена, что мальчик. Волосы темные. А глаза? Она видит образ ребенка в пижамке, лежащего навзничь, похрапывающего; на пижамке у него мотоцикл. Синий мотоцикл с надписью: «Vrrrrr». Он спит, так что глаз не видно. Она пытается призвать какой-то другой образ, но ей этого не удастся. Как на зло.

Щелк.

Она открывает глаза. На сей раз вместо ваты сразу же молочное стекло, уже прогресс. Наученная опытом, она не подгоняет чувств, ожидает спокойно, отключится или нет. Через какое-то время картинка делается резче; женщина видит, что перед ней стоит мужчина.

Ей хотелось бы подумать над тем, а кто это такой, но она не способна контролировать собственные мысли; вместо этого она размышляет над тем, а возможно ли, что в результате... в результате того, что с ней случилось, чем бы это ни было, она утратила цветное видение. Потому что мужчина одноцветен. Белые волосы, бледное лицо, черное пальто; пиджак, сорочка и галстук различных оттенков серости. Он стоит в двери, потом подходит к ее кровати. Выпрямленный, руки опущены вдоль туловища.

Она понятия не имеет, кто это такой; пытается выловить подходящие к нему эмоции.

Любовь? Дружба?

— Я пришел, чтобы попросить у вас прощения, — говорит мужчина негромко. — Но я понимаю, что этого прощения могу никогда и не получить. Потому что вы не могли бы его дать, а может, что более вероятно, вы и не захотите его давать.

Она видит, что мужчина что-то говорит, вот только до нее из всего этого ничего не доходит. Она фокусируется на эмоциях, ей уже известно, что через эмоции намного легче дойти до фактов, до образов.

Печаль?

— Но мне бы хотелось, чтобы вы, по крайней мере, приняли к сведению мои извинения. — Он смотрит ей в глаза. У него холодный взгляд, ей этот мужчина не нравится. — В жизни я совершил много ошибок, но эта — самая худшая из всех них. И я никогда не перестану из-за этого стыдиться.

Сожаление?

— Я обещаю вам, что люди, виновные в том, что произошло, понесут наказание. Конечно же, это ваш муж. Пока что мы его не имеем, но это вопрос нескольких дней, даже часов.

Ненависть?

— Сам я поддамся действию дисциплинарного разбирательства и уйду из прокуратуры. Обещаю вам, что по моей причине никто уже страдать не станет.

Гнев. Да, это было именно это чувство.

Вместе с эмоцией приходит и образ. Спина ее сына, склонившегося над чем-то. Струйка дыма, непонятно откуда. Ужасный страх. А потом шаги, полы черного пальто, мотающиеся у нее перед глазами. Это этот вот мужчина. Он наклоняется, берет малыша на руки. Мальчишка доверчиво утыкается в воротник пальто, покрытого пылинками мороси. Они одновременно смотрят на нее. Ледяные глаза мужчины и карие, все в слезах глаза ее ребенка. Они карие! Какое облегчение!

Гнев. Она решила держаться этой эмоции, поскольку именно она, как до сих пор, смогла предложить ей более всего.

Щелк.

Холодный воздух отрезвил, но Шацкий до сих пор чувствовал слабость; чтобы прийти в себя, он присел на лавку под зданием больницы. Он, вроде бы как и знал, что увидит в палате, но одно дело знать, а другое дело — видеть. Ему не удавалось выбросить из-под век лежащего на больничной койке тела, более похожего на труп, чем на живого человека. Лица, изуродованного расслабившимися мышцами, обнаженными зубами, видимыми из-под опустившейся нижней губы. Глаз, которые наверняка пытались передать ему какие-то эмоции. Орала ли она на него про себя, когда он сбегал? Ругала? Сухо и по делу обременяла виной за все случившееся?

А самым ужасным был синяк под глазом. Громадный, черно-фиолетовый синяк.

Он сказал то, что должен был сказать, но лучше себя не чувствовал. Скорее всего, потому, что не сказал ей всей правды, всего лишь пару банальных сообщений. Он не сказал, чем на самом деле было вызвано его прибытие на белом коне. Поскольку за этим не стояла

ни забота, ни даже самое обычное приличие. А всего лишь чиновничий страх, отчаянная попытка спасти собственную задницу. И что он, к тому же, сделал по принуждению и без всякой охоты.

Шацкий испытывал стыд, что не сказал всего этого, и обманывал себя, что обязательно сделает это когда-нибудь в другой раз. Ведь не было же смысла сообщать женщине, которая чудом увернулась от смерти, что если бы не стечение обстоятельств, один обязательный ассессор и начальница, которая в обязательном порядке хотела это дело прикрыть, то вот прямо сейчас ее мать размышляла бы над тем, во что одеть внучка на похороны.

Но этот визит помог ему принять самое важное за всю предыдущую жизнь решение. О нем он размышлял уже несколько дней, но только лишь в больничном коридоре мысль превратилась в бронзовую уверенность.

Он уже не будет прокурором. Данный этап его жизни дошел до конца. Он еще посвятит несколько дней или даже недель на то, чтобы решить загадку Наймана или же передать ее кому-нибудь другому. Еще убедится в том, что Фальк контролирует дело палача с Рувней. Эти два следствия станут последними, которыми он занимается в качестве прокурора.

Шацкий поднялся с лавки и решил пройти до прокуратуры через старый город. Но на полпути струсил, подумав, что там может встретиться с Фальком или начальницей. Под влиянием импульса повернул рядом со старой ратушей и вошел в свое любимое с недавнего времени кафе. В своей излишней стилизации заведение было удивительно варшавским, и Шацкий чувствовал себя здесь как у себя дома. А помимо того, здесь была превосходная выпечка, а больше всего — безе. Третьей причиной его привязанности к «СиСи» было то, что с того времени, как он махнул удостоверением и злорадно спросил относительно выплаты авторских отчислений, в кафешке выключали музыку сразу же, как только видели его в дверях. Тем самым освобождая его от ужаса польской развлекательной музыки.

Четверть часа спустя, возбужденный кофеином и сахаром, Шацкий склонился над записной книжкой, пытаясь упорядочить галопирующие в голове мысли. Малыш, играющийся возле тела избитой матери — вот что ужасно потрясло прокурором. Чудовищное, давящее чувство вины совершенно разбило его и не позволяло вернуться к прокурорской рутине. А ведь нужно было взять себя в руки, поскольку сенсационные сведения Франкенштейна вызывали то, что дело перестало быть просто любопытным убийством. Оно сделалось приоритетным следствием национального значения.

Шацкий силой заставил себя быть систематичным, написав на странице записной книжки слово «Рувна». Независимо от сопровождающих эмоций — это следствие Фалька, сам он будет ангажирован в него в качестве патрона, но никаких правовых вызовов здесь нет. Как только найдут того перца, Фальк пройдет по нему словно асфальтовый каток, и у него будет первый замечательный обвинительный приговор.

В книжке он записал: *«Рувна — Фальк 100 %, возм. консультации, а так — КОНЕЦ».*

Ладно, что бы там ни было, идем вперед. На следующей странице он написал: «Вторая лига». Под надписью он сделал перечень всех своих дел, проверил по календарю сроки арестов, официальные сроки завершения следствий, дни, когда ему следовало быть в суде. Картина выглядела даже ничего: до января нигде не нужно было никого обвинять, не нужно было ничего срочно заканчивать. Когда он объявит о своем уходе с должности, его обязанности будут легко распределить. Теперь ж он попросит у Шарейны передать другим людям три следствия, в которых необходимо быстро провести кое-какие мероприятия. Ничего особенного: эксперты и осмотр на месте. Коротенький список и слово «КОНЕЦ»

Шацкий снова перевернул страницу.

Тут он какое-то время сомневался: написать «Говно» или «Головная боль в заднице». В конце концов, каллиграфически вывел слово «Пресс-атташе», посчитав, что нечего поддаваться эмоциям. Полностью похерить это дело никак не удастся, пока не будет объявлено его решение об уходе. Если захотят, чтобы он выдал чего-то относительно собственного следствия — конечно же, это сделает. Это, как раз, он сможет. Если захотят чего-нибудь другого, попытается быть милым. И обещать, что уже через минутку, на все сто, именно этим и займется, но вот пока что, ну вы же понимаете, важное следствие, серийный убийца, мне очень жаль.

Ну да, именно, серийный убийца. Шацкий перелистнул страницу, слегка согнул блокнот, чтобы тот не закрывался, и написал печатными буквами «НАЙМАН». Прямо поперек обеих страниц.

— Закрой на мгновенье глаза! — рявкнул прямо над головой человек с дефектом дикции. Шацкий вздрогнул, кусочек безе свалился с вилочки. — И не думай, ты боишься или нет. [\[69\]](#)

Звучание чудовищной польской музыки прекратилось. Тишину заполнили быстрые шаги, перед Шацкий встал бармен с перепуганной миной.

— Пан прокурор, я ужасно извиняюсь, новая сотрудница... Обещаю, что подобного не повторится. Может кофейку за счет заведения?

Шацкий поблагодарил и отказался, он до сих пор не справился с чашкой крепкого как тысяча чертей черного. И даже неплохого, но он опасался, что если все выпьет, может прицепиться аритмия.

С левой стороны он записал все ему известное. Немного, принимая во внимание, что с момента идентификации останков прошла почти что неделя. Удалось подтвердить, благодаря записям с различных камер слежения и показаниям свидетелей, что Петр Найман в понедельник утром выехал на своей мазде на работу. Машину он оставил на ул. Сикорского в мастерской для осмотра. Логично, если он должен был выехать на несколько дней. Вот только ничего подтверждало того, чтобы он планировал выехать на несколько дней. По словам работников автомастерской, багажа у него не было. Туроператор из Варшавы не знал ни про выезд на Балканы, ни про какой тренинг. Ни одна из ольштынских корпораций, предоставляющих услуги такси не получала заказа приезда в понедельник под его бюро на улице Яроты. Он не покупал билет на свою фамилию на автобус до Варшавы, возможно, сел прямо на остановке, только сотрудники перевозчика такого не подтвердили.

Только лишь жена и компаньонка согласно показали, что он должен был выехать. И вот тут имеются две возможности. Первая: обе женщины лгут. Вторая: Найман обманул их обеих. Если предположить, что первая версия правдива, это означало бы, что обе женщины принимают участие в убийственном заговоре, что казалось маловероятным. Тем более, что биллинги мобильного оператора подтвердили версию Моника Найман. В течение недели отсутствия мужа она дважды пыталась до него дозвониться, выслала три эсэмески, что у них все в порядке. Ладно, может она и не была самой заботливой супругой, но это еще не преступление. А может привыкла к постоянным выездам мужа, некоторым даже экзотичным, и к тому, что с ним нет контакта.

То есть, переходим ко второй, достаточно вероятной версии. Мужик пользуется работой, связанной с постоянными выездами, чтобы наврать жене, наврать совладелецу фирмы и провести недельку с любовницей в одной из мазурских гостиниц для изменщиков.

С правой стороны Шацкий написал: «любовница». Подчеркнул. Если женщина существует, то даже если и не имеет с убийством ничего общего, мужик погиб во время поездки к ней или от нее, или в перерыве между постельными играми, когда выскочил за бутылочкой вина, так или иначе, но она может быть их самым важным свидетелем. Нужно будет проверить компьютеры Наймана, биллинги, допросить приятелей и найти девицу. Еще проверить выезды, может быть познакомились они на каком-нибудь экзотическом инструктаже.

Еще Шацкий записал: «щелочь». От этого слова провел две стрелки и написал еще два слова: «мотив?» и «псих?». Лысого Петра Наймана из Ставигуды убили не так, как большинство его земляков: по пьянке и шпакетником. Жизни он был лишен весьма изысканно. Почему? Может быть, потому, что дал кому-то повод ненавидеть себя. Может быть, когда-то он переехал кого-то, возвращаясь с пьянки. Или трахнул чужую жену (Шацкий провел стрелку к слову «любовница»). А может, как утверждает Фальк, навлек на себя чей-то гнев, дав гостиничный номер без балкона. А это означает, что сумасшедший, растворивший Наймана, ранее имел с ним какой-то контакт. Под словом «мотив» Шацкий написал слово «прошлое» и подумал, что сейчас необходимо будет установить с Берутом рамки поисков.

А существовала возможность, по мнению Шацкого, делающаяся все большей и большей, что Найман здесь не самый главный. Что ключевой является личность преступника, серийного убийцы, который убивает и растворяет трупы для собственного удовольствия, выбор же жертв — дело десятое или вообще не имеет значения. К сожалению, за это говорило все больше и больше. Подкидывание останков в странном месте (рядом со словом «псих» он написал «Марианская»). Дополнение скелета костями других людей (он написал: «дополнительные жертвы», а еще рядом: «исчезновения / ДНК»).

Шацкий подумал немного, вздохнул, дописал рядом: «Клейноцкий»^[70] и несколько раз зачеркнул. Вот не веорил он в психологические шаманства, и этот краковский чудак не слишком ему нравился, но его необходимо привлечь, прежде чем ему самому дадут какого-нибудь здешнего спеца, способного пересчитать ольштынские озера.

После этого он решил ехать в полицейское управление к Беруту и тут же вызвал по телефону такси.

Полицейский вернулся с двумя бутылками газировки и поставил их перед Шацким с такой миной, словно то был бокал с растворенным в нем цианистым калием. Прокурор подумал, что как-то не везет ему на сотрудников, неужели подмокшая варминьская земля не рожала радостных и оптимистичных сыновей? Фальк свой негибамостью способен был устыдить мужскую звезду порно, ну а Берут своей мрачностью рекламировал варминьскую погоду, как бы в обязательном порядке желая довести до состояния, когда атмосфера с этой стороны окна будет такой же угрюмой.

Подкомиссар тяжело вздохнул, словно врач перед тем, как сообщить неприятную новость.

— Я коротко, — начал он.

А жаль, подумал Шацкий, я уже надеялся, что эта веселая встреча хоть немножко протянется.

— Начнем с того, что ни один врач из городской больницы не пропал, не взял отгула, равно как и не выехал в командировку. Одна акушерка оправилась в турпоездку, но та была запланирована еще полгода назад.

— И где она ее приобрела?

— В центре. Я позвонил ей в Египет, раньше она тоже выезжала на отдых за границу, но никогда через бюро Наймана и Парульской. И вообще, не через ольштынские бюро, она недавно перебралась из Эльблонга. Оттуда все выезжают, — добавил он таким тоном, словно причиной эмиграции была эпидемия чумы.

— Так или иначе, но от больничного варианта отказываться не будем, — заявил Шацкий. — Тем более после того, как оказалось, что наш поозерский вампир^[71] сложил Найман из нескольких разных трупов. А это требует медицинских знаний. Что там с ДНК остальных костей? Вы их уже пропустили через базы данных?

— Ничего не выскочило.

— Нехорошо. Нужно проверить так и не выясненные исчезновения за последние, ну, я знаю, пару лет. Взять образцы у тех семейств, которые до сих пор их не сдали, сравнить.

Ян Павел Берут приподнял брови.

— Из города?

— Из региона. Это же не Нью-Йорк, что серийный попользуется, так еще и другим останется. Я вот тут думаю, а не расширить ли поиск на соседние воеводства, только начнем с подмокших территорий, а там посмотрим. А вдруг и повезет.

Даже если Берут и собирался защищать свою родину, тут он сдержался.

— Ага, вышлите в главное управление запрос, а не ведутся ли где-нибудь в Польше следствия по делу трупов без ладоней или без рук. Сейчас для нас крайне важно идентифицировать владельцев остальных костей, прежде всего — пальцев рук.

Шацкий размышлял обо всем этом словно о математической задаче. Любую улику и каждое доказательство он представлял себе в виде окружности определенного радиуса. Окружности накладывались одна на другую, и в перекрытиях прятался виновник: логика была безжалостной. Пока что они пилились в одну окружность, подписанную «Петр Найман». Крупное множество. Не бесконечное, но большое. Если они идентифицируют владельцев остальных костей, тогда наложат другие окружности на окружность Наймана и поищут общих частей, что значительно ограничит рамки поисков.

— А теперь мне хочется услышать про историю, происхождения и опыт Петра Наймана, — сказал Шацкий, отпил газировки, закинул ногу на ногу, поправил стрелку на брюках и прибавил: — Сеньора родом из Ставигуды, которых в печати он объявлять никогда не намеревался.

И глянул на Берута. Даже если творчество Диккенса и было тому близким, полицейский не дал этого по себе узнать. Только пошевелил довоенным усом.

— К сожалению, для человека пятидесяти лет, походов этих не так уже и много. Родителей в живых уже нет, отца давно, мать скончалась несколько лет назад. Братьев, сестер нет, один ребенок. Мы нашли одного дядю в Легнице, но про племянника ему известно только то, что таковой где-то существует. Жена, ребенок шести лет.

— От жены так больше ничего и не узнали?

— К сожалению. Вы думаете, она что-то скрывает?

— Возможно. Но возможно и то, что от нее что-то скрывали. Через минутку скажу. Друзья?

— Компаньонка такая же малоразговорчивая, что и жена. Варшавские коллеги расспросили для нас его деловых партнеров из туристических фирм. И не узнали ничего. Мы переговорили с соседями, как по месту проживания, так и по месту работы. Ничего интересного. Я лично разговаривал с двумя его конкурентами, вы же знаете, как оно бывает, такие всегда склонны написать донос в налоговую, чтобы очистить рынок, всегда с охотой будут сплетничать и поливать грязью. Но не в этот раз. Более того, они хвалили Наймана, в особенности, как они сами говорили, за знание «экзотики».

Берут какое-то время перебирал заметки.

— Я пошел и врачебным путем. Я подумал: раз уже он оперировал тот палец в Варшаве, то сначала искал помощи здесь. И правда, он был на паре консультациях в воеводской больнице, я переговорил с ортопедом, тот ничего сказать не мог, за исключением чисто медицинских вопросов. Опять же, ему уже семьдесят лет, так что он, скорее всего, отпадает как автор изысканного преступления, в ходе которого необходимо упаковать взрослого мужика в чугунный гроб.

— А ваши базы данных? — спросил Шацкий.

— Откуда, — горько ответил на это Берут. — Вы же знаете, что в наших базах никто и никогда не появляется.

Это точно, прокурор Теодор Шацкий знал, что в официальных базах данных ничего и никогда не появляется. У полиции имелась своя НСПИ или же Национальная Система Полицейской Информации. У прокуратуры имелась собственная система, Libra, потому что ни одна из умных голов как-то не скумекала, сто органы правосудия должны иметь единое информационное кровоснабжение. Но, скорее всего, какая-то умнейшая голова выдумала, что чем больше систем и взаимной торговли, тем меньше вероятность того, что свой срок на должности закончишь с пустыми карманами. К тому же, все эти системы были до странности расчлененными, несовместимыми и неподключаемыми. Если бы природа была столь же глупой, тогда у каждой человеческой конечности имелись бы свое сердце, легкие и желудок; каждую из них нам приходилось бы кормить отдельно, запихивая куски котлеты в локти и коленки. Хорошо еще, если в окружных прокуратурах удавалось объединить районные системы в единое целое, но иногда даже это было несбыточной мечтой. А это означало: если серийный убийца после каждого преступления перебирался в другое воеводство, никто и никогда эти преступления бы не связал.

Понятное дело, как полиция, так и прокуратура делали все возможное, чтобы ввести в собственные системы как можно больше информации, и они использовали все возможное, чтобы эти сведения не удалять и бесправно удерживать как можно дольше. К сожалению, Шацкий подозревал, что Генеральный инспектор по защите персональных данных и Верховный Суд еще схватят их за задницу еще до того, как система начнет действовать настолько эффективно, чтобы имелась возможность ею пользоваться на всепольском уровне. Вечно бросают бревна под ноги, а потом возмущаются, что прокуратура ничего не знала, поскольку пана учителя, который тогда был стажером и проживал на другом конце Польши, допрашивали по делу хождения с учениками под душиком...

— Я тут вот как подумал... — перебил Берут задумчивость Шацкого, который вместе с тем боролся с чувством сонливости, — ...что, может, плюнуть пока на прошлое Наймана. Масса усилий, расходов, а похоже на то, что там ничего и нет. Самый обычный тип. У него довольно интересная работа, много ездит, бизнес крутится, он находит себе жену, строится в пригороде. Сидит дома, телевизор смотрит, летом мясо на гриле жарит. Биография, каких

миллионы. А копать в ней — это тупик.

Шацкий жалел, что не курит. Тогда, может, у него были бы спички, чтобы подпереть ими опадающие веки.

— Еще я напишу письмо в банк и в налоговую инспекцию, — сказал он. — Мы не можем пропустить версии, что это какие-то мафиозные расчеты. Быть может, что-то станет ясно из налоговых деклараций или от передвижения средств по счетам. — Тут он резко остановился. Одна из мыслей, что протискивалась сквозь сонный разум, словно сквозь желе, по дороге куда-то пропала. Еще мгновение назад он думал еще об одной базе данных. О какой? Никак не мог вспомнить, а вместо того сказал полицейскому о своей теории, что у Наймана имелась любовница. Это объясняло бы те враки, которыми он кормил жену и напарницу.

— И пан считает, что она имела бы с этим что-то общее?

— Думаю, что не обязательно. Только мне кажется, что это важный след.

Берут разочарованно глянул на прокурора.

— Так что* Нам еще раз допросить всех, на сей раз расспрашивая про любовницу? Если не сказали нам с первого раза, со второго тоже ничего не скажут.

Да, так было бы лучше всего, но Шацкий понимал, что требовать этого было бы жестоко. Ян Павел Берут был бы против, его начальство начало бы устраивать скандалы его начальству. А ему лично этого было не нужно.

— У Парульской, его компаньонки, в календаре наверняка имеются даты его выездов. Я не говорю об отпусках, а про те профессиональные сходы, когда их всех возят по пятизвездочным гостиницам. Возьмите, скажем, три последние, потом из организаторов выдайте списки участников. Проверим, а не повторяется ли какая-то фамилия. Экзотические местечки, гостиницы, спиртное, я бы удивился, если бы любовницу себе он нашел где-нибудь еще.

Какое-то время они сидели молча. Шацкий пытался выловить мысль, которая перед этим сбежала от него. И он почти что уже поймал ее, как вдруг Берут спросил:

— А пан и вправду считает, будто бы это серийный? Настоящий псих? Безумец, желающий поиграть с нами в шарады?

— Надеюсь на это, — буркнул совершенно разозленный Шацкий.

— Надеетесь?

— Легче выловить такого кретина, чем мужика, который задушил жену в спальне, а потом прикопал на соседском участке. Когда кто-то заводит подобные игры, он просто обязан сделать ошибку и оставить сотни следов. Опять же, сама придумка такого преступления — это уже улика. Вот поглядите, сколько всего у нас уже имеется. Кости четырех человек, исключительный *modus operandi* (способ действия), ограничивающий количество возможных мест совершения преступления, и идентифицированный способ убийства. Если это и вправду сумасшедший, то никак не могу дождаться, пока он не начнет присылать нам таинственные письма, написанные кровью недавно вступивших в брак женщин.

Вот оно! Замужние женщины! Что-то для него было связано с замужними женщинами. Ему хотелось проверить...

Он уже улыбался, довольный тем, что схватил непослушную мысль за хвост, как вдруг в двери кто-то громко постучал и тут же их раскрыл. Это был прокурорский ассессор, Эдмунд Фальк.

Прокурор Теодор Шацкий никогда не говорил о прокуратуре и полиции: «мы». «Мы» — это прокуратура, а полиция — это «они». Четкое деление на две институции, обязанные вместе стоять на страже законного порядка, но не плечом к плечу. «Мы» были начальством, которое, с момента обнаружения трупа, через судебный процесс и вплоть до выпуска осужденного после отбытия наказания, контролировало дело. А полиция выполняла приказанные ей действия на начальном этапе расследования, который должен был привести к аресту преступника. Так много и только и того.

Но он понимал, почему Фальк воспользовался множественным числом первого лица. Почему, при всей своей заученной негибкости молодой ассессор не был устойчив к тому адреналиновому удару, который сопровождает захват преступника. Почему он желал быть частицей этого триумфа. Если сравнить практическую юстицию с искусством, то полицейские играли роли рок-звезд, а прокуроры — литераторов. Мусора выходили на сцену, и если номер удавался, возбужденная публика носила их на руках. Незамедлительный отзыв, чуть ли не сексуальное исполнение, чуть ли не наркотический кайф. Прокурор же горбился над доказательным разбирательством месяцами, а то и годами, и когда, в конце концов, получал свою большую награду в форме осуждения преступника, дело в его памяти уже потихоньку затиралось. Нет, что ни говори, дело это было приятное, но от рок-н-ролла в нем было мало чего.

Шацкий и сам завидовал полицейским в отношении этой порции адреналина. И неоднократно слышал упрек, что в ходе следствия ведет себя, скорее, как исследователь, а не как прокурор, что слишком уж он лезет на первый план. Но от Фалька его отличало то, что он никогда не применял множественное число первого лица.

Глядя сквозь полупрозрачное зеркало на сидевшего в комнате для допросов мужчину, он подумал, что триумфом по меркам голливудского кино это никак не было. Мужик попросту вернулся в собственный дом на улице Рувней, еще с четверга находившегося под наблюдением. В полицейскую машину он сел, вроде как, без сомнений, не проявляя ни удивления, ни страха, ни даже раздражительности, столь свойственной для домашних палачей.

В ходе задержания он не произнес ни единого слова. И ничто не говорило о том, чтобы это состояние как-то изменилось.

— Должен ли я понимать, что вы пользуетесь своим правом отказа от дачи показаний? — в очередной раз спросил Фальк. К удовлетворению Шацкого, несмотря на странный оборот дела, голос ассессора не выдавал каких-либо эмоций.

Мужчина даже не шевельнулся, глядя прямо перед собой недвижимым взглядом.

— Прошу позволить себе еще раз пояснить вашу ситуацию. Вам предъявлено обвинение в попытке убийства вашей супруги. И это обвинение в любой момент может быть заменено на обвинение в убийстве, поскольку ваша жена находится в очень тяжелом состоянии. В настоящее время вы задержаны, а в суд направлено заключение о временном аресте. Вы это понимаете?

Ноль реакции.

Фальк произнес вслух имя и фамилию мужчины.

— Кивнув головой, подтвердите, что это вы.

Ноль реакции.

Фальк выпрямился, поправил манжеты сорочки. Он глядел на подозреваемого и ждал. Стандартная тактика, не нужно проходить тренингов ФБР, чтобы знать: мало кто способен вынести продолжающееся молчание.

Под конец говорить начинает каждый.

Только сидящий напротив Фалька мужчина, казалось, плевать хотел на всяческие методы допросов, в том числе и под маркой ФБР. Он просто сидел и не двигался. Как и все домашние мучители, выглядел он на все сто процентов нормальным. Никакой демонической усмешечки Джека Николсона, никаких взглядов искоса жулика из пригорода, внешности наемного убийцы, шрама поперек лица, фиксы, даже брови у него не были кустистыми. Самый обычный мужик, который после пяти вечера выходит из конторы, положив галстук в папку, садится в собственную шкodu, по дороге на станции покупает себе хот-дог. Если бы среднестатистичность желала бы себя рекламировать, этого типа следовало бы взять на работу, чтобы выступать на бигбордах.

— Да хватит уже с ним цацкаться, — произнес один из стоявших рядом с Шацким полицейских. — Прижать надо.

Шацкий повел глазами. У него была аллергия на мусорской тестостерон, еще немного, и он расчихается.

— Прокурор, ведущий надзор за производством, допрашивает подозреваемого, — бесстрастно произнес Шацкий, когда полицейский уже собирался открыть дверь. — Только попробуйте ему помешать, и у вас будут огромные неприятности.

Температура в помещении снизилась на полтора десятка градусов. Шацкий почти пошатнулся, физически ощутив сконцентрированную ненависть, которой одарил его полицейский. Одарил, но пальцы с дверной ручки убрал.

— Как правило, я стараюсь не использовать подобного рода аргументов, — сказал Фальк таким тоном, словно это был его миллионный допрос, — но прошу представить, что вы едете на автомобиле, понемножечку ускоряясь, вы глядите, как стрелка спидометра перемещается по часовой стрелке. Видите? А теперь прошу себе представить, что на циферблате не километры, а годы. От восьми и до бесконечности. С каждой секундой молчания, вы сильнее жмете на газ. Восемь лет, двенадцать, пятнадцать, двадцать пять. Как раз сейчас вы доходите до пожизненного. Можете не признаваться, вы не обязаны с нами сотрудничать — все это понятно и законно. Но то, что вы строите из себя дурака, вредит вам гораздо больше, чем вам это кажется.

Ноль реакции. Мужчина даже не вздохнул.

— Я дам вам пару минут, чтобы обдумать это, и сразу же вернусь.

В тот же самый момент Шацкий вышел в коридор. Он понял, что Фальк желает поговорить с ним один на один.

— И что теперь? — спросил он ассессора, считая, что поле сражения более всего пригодно для учебы.

— Честно? Я сильно сомневаюсь в том, что предъявление обвинений имеет какой-то смысл. Этот человек ведет себя словно кататоник, не выходя из роли даже на мгновение. Может, это он притворяется, но, может, и вправду отключился. Если так, тогда он не понял ни обвинения, ни информации о собственных правах. А это означает, что мы не можем

посадить его за решетку.

— Так что вы предлагаете?

— Подадим ходатайство о направлении его на психиатрическое обследование, объединенное с наблюдением. Его изолируют в психбольнице, мы же получим восемь недель для сбора доказательств, а потом будем вести процесс в зависимости от заключения эксперта.

Шацкий согласно кивнул. Это было самым лучшим решением, он подумал об этом уже в тот момент, когда мужчина не пожелал ответить на вопрос о фамилии и имени. Видали мы таких хитрожопых.

Они договорились о том, что Фальк заполнит документы для суда, а Шацкий войдет в комнату для допросов. Быть может, новый человек заставит задержанного заговорить.

Сомнительно, но попробовать стоит.

Шацкий вошел в помещение. Мужчина как раз осматривал себя в зеркале, за которым стояли полицейские. Он никак не отреагировал на появление прокурора, даже не шевельнулся, когда тот подошел к столу, уселся, пододвинул стул и положил сплетенные пальцы рук на столешнице.

Прошло, как минимум, пять минут полнейшей тишины, когда мужчина наконец-то повернул голову в сторону прокурора. Совершенно обычное, даже механическое движение, в нем не было ни грамма решительности. Шацкий вздрогнул, когда глаза мужчины встретились с его. Он понял, что мужчина молчал не потому, что такой была его стратегия. Он молчал, потому что был до смерти перепуган.

Никогда еще прокурор Теодор Шацкий не видел такого страха в чьих-либо глазах.

Возможно, Ольштын не был таким же шустрым, как Варшава, где в торговых центрах рождественские колядки заводили уже тогда, когда еще догорали лампадки, зажженные на День всех святых,^[72] но здесь, в первый декабрьский понедельник праздничная атмосфера уже чувствовалась. В ресторане «Старомейский» висели рождественские украшения, на рынке за окном уже стояла половина елки, в «Газете Ольштынской» шустро было отмечено, что уже спилили самую важную варминьскую елочку, которая через мгновение украсит площадь перед ратушей. Шацкий поглядел в окно и почувствовал непреодолимое, детское желание, чтобы пошел снег. Оно не следовало из ностальгии по безгрешным годам, по санкам, снежкам и беззаботностью, но от памяти прошлого года. Ольштын для него был еще новым, Женя была новой, его переполняла эйфория новой жизни. Эйфория совершенно фальшивая, в возрасте сорока трех лет новыми могут быть исключительно иллюзии да болезни, а жизнь — уже как-то не слишком. Тогда, понятное дело, он этого не чувствовал, эйфория не оставляет места здравому рассудку. Тогда Ольштын подарил ему сказочный фон для собственного возбуждения. Выпал прекрасный снег, в старом городе продолжалась предпраздничная ярмарка, пахло зимой и глинтвейном. Женя сунула руку в карман его пальто, словно подростки они играли собственными пальцами, хихикая, бродя вместе с толпой среди ледяных скульптур на небольшом рынке и ярко освещенных домов. Женя рассказывала о своих ольштынских приключениях лицейских годов, он же, благодаря этому, чувствовал себя молодым, новым и счастливым.

И ему очень хотелось, чтобы в этом году тоже пошел снег. Хотя бы ненадолго.

— Ну, папа, если тебе хотелось поразмыслить в одиночестве, так и надо было сказать.

Шацкий поглядел на дочку, сидящую по другой стороне ресторанного столика. У него уже был готов вырваться резкий ответ, что он никак не мог предусмотреть, что у нее разрядится телефон, и по этой причине она не сможет писать эсэмэски, и, в связи с чем, неожиданно потребует контакта с отцом. И что он с удовольствием выскочит за зарядкой, чтобы с ним она могла проводить свое время именно так, как ей более всего нравится.

— Извини. Я размышлял, что хотелось бы, чтобы выпал снег.

— Ой, здесь это опасно. Вчера я читала, что волки из округи подбираются под самые усадьбы, охотясь на домашнюю скотину. Не дай бог еще в город придут, мне бы опасно было брести в школу через сугробы, обходя подальше орды диких зверей...

— Прекращай. Жени здесь нет.

Вместо ответа Хелена скорчила мину, которая весьма четко выражала мысль, что в данный момент наблюдается весьма исключительная ситуация, когда ей не приходится делить времени собственного отца с его раздражающей избранницей. Сообщение Шацкий прочитал на все сто процентов верно и протянул руку за меню, чтобы сделать, то, что всегда делал в подобных ситуациях: сменить тему и притворяться, будто бы все в порядке, а сам он понятия не имеет, в чем тут дело.

Ему вспомнились повторяемые до полной стертости слова Жени, что, да, для него это не имеет значения, но он обижает Хелю, убегая от каждой сложной темы, относясь к дочери как к самостоятельной, не требующей повышенного внимания женщине, или же как к маленькой девочке, в зависимости от того, что сейчас было для него выгодно, и что позволяло избежать конфронтации.

Шацкий отложил меню на стол.

— Просто скажи.

— Не поняла.

— Вместо того, чтобы красноречиво глядеть на меня, просто скажи это словами. Ты же наверняка слышала, что иногда люди применяют подобный способ общения.

— Не понимаю. Что я должна сказать словами?

— Что хотя и испытываешь невысказанное облегчение от того, что здесь нет Жени, ты все равно не в состоянии позволить мне забыть о том, что такие мгновения чрезвычайно редкие, когда я заставляю себя посвящать внимание тебе и исключительно тебе.

Девушка закусила губу.

— Боже, ну зачем же сразу быть таким агрессивным.

— Я не агрессивен, — спокойно ответил Шацкий. — Мне бы только хотелось облегчить разговор на интересующие тебя темы.

— Меня не интересуют разговоры на эти темы.

— Зато меня интересуют.

— Тогда поговори о них с кем-то другим. С Женей, а еще лучше — с каким-нибудь специалистом.

«Вот сейчас как приложу писюхе», — подумал Шацкий, «и на этом кончатся все попытки серьезного к ней отношения».

— Ты когда-нибудь боялась меня?

— Не поняла.

— Боялась когда-нибудь, что я тебя ударю? Или толкну, дам пощечину, физически

наврежу тебе.

— Вот сейчас я побаиваюсь, что у тебя шарики за ролики заехали.

— Я серьезно спрашиваю.

Хеля поглядела на отца. Ему показалось, что впервые за очень долгое время — нормально. Не отталкивая, не с деланой, фальшивой нормальностью. Обыкновенно, попросту, как один приятель глядит на другого во время разговора.

— Вы уже выбрали? — Официантка с блокнотиком в руке появилась у столика.

— Два раза колдуны^[73] в бульоне? — спросил Шацкий, глядя на дочку.

Хеля кивнула. Официантка забрала у них меню и исчезла.

— Я серьезно спрашиваю, — повторил он. — Я сейчас веду дело, впрочем, нет, осуществляю надзор, короче, неважно. Обычная семья, в деревне по дороге на Гданьск. Ну, ты же знаешь, как оно бывает. Поселок на утопанной глине, маленькие квадратные участки, дома новые, на подъезде тачка, за домом гриль и качели для ребенка, дома на стенке плазменный телевизор. Он, она и ребенок трех лет. Она сидит дома с малым, он чего-то делает в Ольштыне, чтобы иметь возможность выплачивать кредит. Во время отпуска наверняка на пару недель едут на море. Стопроцентная нормальность, один день похож на другой. Вот только она боится. Теоретически ничего не происходит, но она боится, с каждым днем все сильнее. Он наверняка традиционный, возможно — властный, гордящийся домом, деревом и сыном. А она боится. В конце концов, больше уже она выдержать не может и говорит ему. Удар чем-то острым. А потом я их нахожу. Его нет. Она лежит с дырой в голове, в луже крови и разлитого молока. Ребенок играет возле нее, все время соединяя один с другим два фрагмента паззла.

Хеля глядела на отца, онемев от ужаса.

— А ты знаешь, что впервые рассказываешь мне о своей работе?

— Серьезно?

Девушка подтвердила, кивнув. Странно, об этом он понятия не имел. Ему всегда казалось, что они разговаривают обо всем.

— И вот я размышлял: а способен ли я на что-то подобное. Каждый ли мужчина лелеет в себе физическое превосходство, готовность к насилию, такую, понимаешь, невысказанную угрозу, что ладно, пока что все нормально, но, ежели чего, не забывайте, кто весит на тридцать кило больше, и у кого более мощные скелетные мышцы. Потому и спрашиваю.

Хеля какое-то время молчала.

— А ты ничего мне не сделаешь, если ответ будет не таким, каким бы тебе хотелось?

— Очень смешно.

— Я никогда не боялась того, что ты меня ударишь. Даже когда выкинул Милюся в окно.

— Только не говори, что ты это помнишь.

— Как будто бы это случилось вчера.

— Да, тогда я сорвался, но ведь это было же наполовину в шутку. И я же сразу его принес.

— Знаю, знаю. Но вот тогда я боялась. Не того, что ты меня ударишь, а просто это было очень страшно. Ты кричал, размахивал руками и вообще.

Шацкий не знал, что и сказать. Для него это было забавным анекдотом, иногда он его рассказывал, чтобы развлечь компанию. И ему казалось, будто бы это конец, что все обойдется одним-единственным событием. Но Хеля продолжала.

— Иногда я боялась, что ты начнешь кричать. Каким-то образом, боюсь до сих пор.

— Ну, это да — я же холерик, — попытался перевести все в шутку Шацкий.

— Ты же не знаешь, как это выглядит с другой стороны. Когда кто-то склоняется над тобой таким огромным лицом и издает громкие звуки. В злости человеческое лицо делается таким... звериным. И я помню ту твою гримасу, так близко, что даже видела, как под вечер у тебя на щеках отрастает щетина, микроскопические такие волоски. И шум. Помню, что слов я не слышала, только шум, как будто те звуки на меня нападали, хватили за все, не позволяли сбежать. — Все это она излагала спокойно, бесстрастно, слегка задумчиво, тщательно вылавливая воспоминания. — Вот чего я боялась. Иногда я ожидала по вечерам, когда ты вернешься, и, с одной стороны, страшно скучала по тебе, хотела, чтобы мы что-нибудь поделали вместе. Вот помнишь, как мы складывали картинки из пластмассовых бусинок? Но когда слышала открывающиеся двери лифта и твои шаги, испытывала и легкое беспокойство. И я думала, не будешь ли ты злым.

Шацкий молчал.

— Нет, «злым» — это неправильное слово. Ты же не злой, знаешь, ведь ты очень добрый человек? Честное слово. — Хеля похлопала отца по ладони. — Только ты... — Она искала подходящее определение. — ...ну как бы это сказать, не раздраженный, не агрессивный... Вот, знаю, яростный.^[74] Быть может это результат твоей профессии, но если бы мне нужно было выбрать единственную черту, которая бы идентифицировала моего отца, я бы сказала, что это ярость.

К счастью, в тот же самый момент официантка поставила перед ними две исходящие паром тарелки бульона с колдунами. Глазки жира сталкивались на поверхности с нарезанной зеленью петрушки, а самих вареников было столько, что название «колдуны в бульоне» казалось более обоснованным, чем традиционный «бульон с колдунами».

Хеля, как будто разговора и не было, с аппетитом приступила к еде. А вот Шацкий был просто раздавлен.

— Извини, не знал. Я не хотел.

— Боже, папа, ты выглядишь так, словно вот-вот расплачешься, — заметила Хелена с полным ртом. — Ты спрашивал у меня, боялась ли я, вот и я ответила. Если бы ты спрашивал про классные вещи, я бы тоже ответила. У тебя какой-то кризис или что? Может, найдешь себе кого-нибудь помоложе. Тогда у меня дома была бы ровесница, а так ведь Женя старше меня. Ненамного, но все же...

Шацкий про себя заплодировал. Сначала она его размягчила, после чего выдала прямой в лицо. И с сожалением пришлось признать, что в ней это было не от матери. Его гены, на все сто. Принимая во внимание, что от матери она тоже взяла свое, то до конца вечера обязательно еще отработает одну литанию и один эмоциональный шантаж. Ну почему не пошли в кино? Тогда не нужно было бы разговаривать.

— Ты несправедлива.

Хеля пожала плечами. Какое-то время они ели молча.

— Меня одно интересует, — сказал Шацкий под конец. — Спрашиваю я не из злорадности, не хочу ссориться, так что не воспринимай этого как нападение. Я же не слепой, вижу, что в принципе вы договариваетесь, может даже и дружите. Но почему, как только я появляюсь, так сразу попадаю на поле битвы? Или же слышу замечания, как эта сейчас?

— Ешь, холодный бульон ни на что не годится.

Шацкий вздрогнул, те же самые слова, высказанные идентичным тоном и голосом, он слышал от матери Хели в течение десятка лет. Ешь, холодный бульон ни на что не годится.

— Раз уж мы разговариваем откровенно, — начала Хеля через минуту, — то скажу, что Женя мне нравится. Не могу сказать, чтобы она была привлекательной, какой-то особенно сообразительной ее тоже назвать трудно, зато она очень мудрая. Глубинно мудрая.

— Тогда зачем весь этот театр?

— Это не театр. Как только вижу вас вместе, не могу этого вынести. Это физическое чувство, словно меня кто-то гладит колючей проволокой. И этого я не понимаю. И не проси, чтобы я это объяснила.

Шацкий и не попросил.

— А самое паршивое, временами, это такие мелкие вещи, такие вот, совсем несущественные.

Шацкий вопросительно поглядел на дочь.

— Ты будешь смеяться.

— Не буду.

— Когда вы смотрите «Пряателей»,^[75] мне хочется сбежать. Вот честное слово, накинуть куртку, выйти через окно и сбежать.

Вот этого Шацкий никак не ожидал.

— Это старье? Мы смотрим, потому что это любимый сериал Жени. У нее все сезоны на DVD, я ради хохмы взял с полки. Ты вообще не должна знать о существовании этих ископаемых.

— Папа, а ты знаешь, что я засыпала под эту музыку?

Этого он не знал.

— Я засыпала, а вы с мамой смотрели телевизор. Наверняка, вы всякое смотрели, но именно это я как раз запомнила. Не сериал, ни этих персонажей, а только музыку. И та музыка — это мой дом, мое детство, моя безопасность. Я знала, что мама и папа рядом, что они смотрят телевизор, и все в порядке, и что так уже будет всегда.

— *So no one told you life was gonna be this way,*^[76] пам, пам, пам, — весело пропел Шацкий себе под нос.

Хеля опустила голову и всхлипнула.

— Извини, — пробормотала она и убежала в туалет.

А прокурору на сердце сделалось тяжело. Он ел и раздумывал над тем, по чему же Хеля так по-настоящему тоскует. Даже если его и вправду определяла ярость (с этим он как раз склонен был согласиться), то вторым столпом прокурора Теодора Шацкого была печаль ухода. Он холил и лелеял ее в себе словно красивое, редкое и требующее постоянной опеки растение. И это было, сколько он себя помнил, с самых ранних лет. Похоже было на то, что он передал дочери ген этой единственной в своем роде, никогда не исчезающей до самого конца печали.

А потом они беседовали еще где-то с час, долго и откровенно. Шацкий посчитал, что теперь просто обязан праздновать годовщины этого дня, когда он впервые по-настоящему побеседовал с замечательной женщиной, оказавшей ему честь бытия его дочкой. Сидели они так долго, что им удалось даже съесть десерт. Как правило, у них на это не было охоты, так как означало стирание с вкусовых сосочков воспоминаний о колдунах.

— Прошу прощения за все сцены, — сказала Хеля, когда они уже вышли из «Старомейской». — Ты никогда меня не ударил, и вообще, а вот я тут ною.

Шацкий поцеловал ее в лоб.

— Не говори глупостей. Лучше застегнись.

На удивление, Хеля послушалась. Температура, похоже, упала ниже нуля, плотный туман замерзал на тротуаре, покрывая его блестящей пленкой. В такую погоду застегивались даже подростки.

— Иногда я думаю: а буду ли я искать себе мужа, похожего на тебя?

Об этом он тоже иногда думал. И он от всего сердца надеялся, что дочка не станет. Но считал, что высказывать это вслух было бы не к месту, и вообще, он как-то не знал даже, как это прокомментировать.

— Ты великолепная, мудрая женщина. И я горжусь, что ты — моя дочь.

— А означает ли это, что завтра я могу...

— Э-э, нет, — продолжил он невысказанное пожелание Хели. — Вторник — дело святое. Так что ожидаю двух блюд и десерта.

вторник, 3 декабря 2013 года

Международный День Инвалидов, в Польше еще — День работников нефтяной и газовой промышленности. Сегодня день рождения у Адама Слодового^[77] (90 лет) и Адама Малыша^[78] (36). Исполнился ровно 21 год, как была послана первая «эсэмэска». В Украине оппозиции не удается заставить правительство уйти в отставку, уличные протесты набирают силы. После того, как Беркут избил дубинками протестующих, их количество на киевском Майдане только увеличивается. В рейтинге коррупционности «Трэнспэрэнси Интернейшнл» Польша перебралась с 41 на 38 место, опережая, например, Испанию и Грецию. А вот польские подростки в международных исследованиях компетентности заняли первое место в Европе в плане как математических способностей, так и чтения. В Ольштыне обвинитель требует выплаты 300 злотых штрафа от трех художников, которые на офисе депутата Тадеуша Иваньского приклеили табличку «Воеводский комитет Польской Объединенной Рабочей Партии в Ольштыне — тов. секретарь Ивиньский». Медицинский факультет Варшавского университета объявляет набор профессиональных больных, которые будут симулировать перед студентами; требования: хорошее здоровье и актерские способности. Холодно, в регионе увеличивается количество преступлений, совершаемых людьми, которые желают провести зиму в теплой тюремной камере. Какой-то отчаянный тип поджег двери монастыря в Щитно. По техническим причинам запаздывает украшение ольштынской елки номер один, той самой, что стоит на площади перед ратушей. Помимо стеклянных шариков и светящихся гирлянд, на ней будут висеть связанные снежинки. Но вот настоящего снега еще нет, вместо него имеются туман и замерзающая на ходу морось.

1

В каждом городе имеется своя Прага.^[79] Район меньший, худший, более уродливый, мелко-мещанский, как правило, прячущий собственные комплексы за выпяченной напоказ гордыней отличий. Повсюду имеется свое какое-нибудь Заречье, Залесье, Замостье или Заозерье, территория, отделенная четкой границей, и жители которой обязательно говорят, выбираясь в центр, что едут «в город».

Ольштын был разделен железнодорожными путями, так что территория за путями называлась попросту Запутье, никто даже не попытался выдумать более романтическое наименование.

Прокурор Теодор Шацкий выехал из дому темным, словно полночь, утром, протиснулся через городской центр, проехал мимо ратуши, театра и, в конце концов, преодолел железнодорожные пути, пользуясь недавно отремонтированным виадуком.

Затем он проехал несколько перекрестков и перед мрачным парком свернул в улочку, которая — если верить карте в его мобильном телефоне — называлась улицей Радио. Прокурор с любопытством осматривал место, в котором очутился впервые в жизни. Улица сворачивала мягкой дугой, справа был парк с большим, сейчас замерзшим, прудом, слева

стоял рядок очень красивых вилл. Перед войной, похоже, это был исключительно представительский район, виллы выглядели просто роскошно по сравнению с остальными застройками, возведенными уже после немцев.

Еще несколько сотен метров, и Шацкий доехал до конца улицы и до своей цели. Это здание являлось совершенно неприятным уродливым пятном в красивой округе, псевдосовременный, пластмассово-стеклянный кошмарик: частично синий, частично красный, до странности ассиметричный, как будто бы архитектор страдал редким соединением дальтонизма с астигматизмом.

Шацкий припарковался и выключил двигатель. Выходить никакого желания не было. В сиденье было тепло, уютно и безопасно. По радио некий тип все время пел, что он здесь остается. Шацкому показалось, что это некое мрачное предсказание, словно бы судьба желала подтвердить его подозрения, что остаток жизни он проведет в этом городе одиннадцати озер, тысячи моросей и миллиона туманов.

— Как мы уже слышали, Лукаш Загробельный никуда не уезжает,^[80] и это замечательно, ведь нам было бы скучно, поскольку это исключительно хорошая польская музыка, — сообщил ведущий, а Шацкий так фыркнул, что заплевал руль. — Через несколько секунд — новости, а потом нашим гостем будет Теодор Шацкий, единственная в своем роде звезда юстиции, а с недавнего времени, еще и пресс-атташе нашей прокуратуры.

— Ну-у бля я ебу,^[81] — только и произнес прокурор Теодор Шацкий.

2

Эдмунд Фальк не любил менять чего-либо в собственных процедурах. И не потому, что он страдал невротами или какими-то навязчивыми расстройствами. Просто он достаточно хорошо знал вот что: достаточно один раз дать волю, через мгновение он сделает это же еще раз, и от процедуры останутся рожки да ножки. Он столько раз испытывал это в своей жизни, что, в конце концов, воспринял правило быть самому себе самым строгим опекуном. В противном случае, все, за что он не берется, закончится точно так же, как и его танцевальная карьера. А начинал он как молодой и талантливый, один из многих в знаменитом своими профессиональными танцовщиками Олыштыне, после того его выдвинули в «надежду танца», пришли успехи в конкурсах для юниоров, а потом, между выступлениями и влюбленностями, за несколько месяцев все развалилось в пыль.

И не то, чтобы он жалел своей танцевальной карьеры, совсем даже наоборот, но было время, когда он считал, что ничего более ужасного в своей жизни он уже не встретит. Потому и изменился. Люди смеялись над его одержимостью, в то время, как в его поведении одержимости совершенно не было. Только лишь логичный выбор.

Потому-то сейчас, как всегда, через день в это время, какая бы ни была погода, он бежал в ровном темпе ста сорока ударов сердца в минуту через городской лес. Четыре километра он уже пробежал, оставалось еще шесть.

Во время бега Фальк не слушал ни радио, ни музыки, но на сей раз взял с собой телефон с подключенными наушниками. Ему хотелось знать, что Шацкий скажет после новостей на «Радио Олыштын» в качестве свежее испеченного пресс-атташе.

Но пока что на радиостанции все время играла музыка, а он размышлял над тем, встретиться с Вандой или нет. Теоретически, он уже вроде как договорился, практически —

можно было и все отменить. Теоретически он сделал это ради отца, практически же ему самому было весьма интересно, осталось ли что-нибудь из того, что было когда-то между ними. А было много чего.

Теоретически он понимал, что в его случае о помолвке не могло быть и речи, это логичный выбор. Практически же, он схватился бы за любую отговорку, лишь бы увидеть девушку.

Фальк выбежал на аллею Войска Польского и решил, что, вместо того, чтобы, как обычно, пересечь ее, он немного пробежится по улице. Молодой асессор испытывал странное беспокойство, и огни цивилизации казались ему более манящими, чем пустые тропы в сыром лесу.

Он бежал в сторону центра, справа был парк и здание радио, слева — психиатрическая больница. Он глянул на светящиеся окна больницы, а потом на указатель пульса: 160 ударов в минуту.

Не следует тут бегать, подумал Эдмунд Фальк.

3

Перед микрофоном «Радио Ольштын» Шацкий уселся весь на нервах, беспокоясь о том, что неверно проведенная беседа относительно Наймана может привести, как минимум, к истерии в средствах массовой информации... Одно неосторожное слово, и дело серийного убийцы из Вармии выскользнет из-под контроля и превратится в медийный ураган.

К счастью, оказалось, что местное радио точно так же не заинтересовано спорными темами, как и местная пресса. Шацкий ответил на несколько общих вопросов, касающихся криминальной специфики города. Прижатый к стенке по вопросу локального патриотизма, он вывернулся шуткой, что собирается сделаться варминцем на все сто процентов, когда зима чуточку попустит, и когда он научится ходить под парусом, ведь сейчас пока что все одиннадцать озер представляют собой одиннадцать катков. От политического вопроса о конфликте в верхах между генеральным прокурором и премьером удалось откrestиться, заявив, что, в качестве обычного следователя он видит проблему с иной перспективы.

Шацкий радовался тому, что его первое официальное столкновение в медийном пространстве идет как по маслу, но несколько скучал. У ведущего передачу был низкий радио-голос гипнотизера, что в соединении с хорошо работающими калориферами в студии привело к тому, что у прокурора слипались веки. Ему срочно нужно было кофе.

— Слушатели в текущем режиме комментируют нашу беседу, — сообщил журналист, глянув на экран монитора. — Несколько замечаний в отношении функционирования системы вообще, скорее, критических. Но вот вижу еще, как какой-то остроумец спрашивает, а не шастает ли в Ольштыне серийный убийца.

Журналист улыбнулся. Шацкий тоже улыбнулся, понимающе кивнув. В эту улыбку он вложил столько сочувствующей снисходительности, сколько только в нем нашлось, лишь бы только не отвечать на этот вопрос. Солгать он не имел права, а выражение «на данном этапе я не могу поделиться информацией о конкретных следственных шагах» поставило бы все средства массовой информации Польши в состояние боевой тревоги.

— И еще один телефон от слушателя. Вы разрешите?

Шацкий кивнул. Наверняка кто-нибудь сейчас выльет ему на голову ведро помоев за то,

что его коллега с другого конца страны признал свастику индусским символом счастья, но лучше уж это, чем разговоры о серийном убийце.

В трубке слышался только шум, и когда уже казалось, что соединение сорвалось, он вместе со всеми, стоящими в утренних пробках слушатели «Радио Ольштын» услышали неуверенный голос пожилой женщины:

— Доброе утро, я звоню, чтобы все узнали, что не каждый прокурор сидит за своим письменным столом и перекладывает бумажки. Пан прокурор Шацкий сам об этом не скажет, но несколько дней назад он спас жизнь одной женщине. Не параграфами, а вот так, просто, он вошел к ней в дом и спас жизнь. Одну замечательную жизнь. Большое спасибо, до свидания.

Журналист с изумлением глядел на своего гостя.

— Это правда, пан прокурор?

Какое-то время Шацкий колебался. Он представил Шарейну и Поневаша, который как раз сейчас сидят возле приемника и сжимают кулаки в жесте триумфа или же бьют пять, или как там нынешний офисный планктон выражает радость. Они таки были правы, урра, успех и еще раз успех, прокурор Теодор Шацкий будет лицом их учреждения, шерифом нового поколения, прокуроры пожелают вешать его портрет рядом с государственным ореликом. Достаточно было лишь подтвердить.

— Это неправда, — произнес Шацкий. — Действительно, утром двадцать восьмого ноября я отправился... — Журналист скорчил настолько перепуганную стилем гостя мину, сто тот резко замолчал. — Если говорить коротко, в четверг утром я отправился к женщине, которая днем ранее искала у меня помощи. Я обнаружил ее умирающей, ее сильно избил муж. Рядом с ней игрался маленький ребенок. Еще пять минут, и он уже игрался бы возле трупa матери.

Воцарилась неловкая тишина. Журналист с тем же изумлением пялился на Шацкого. Звукорежиссер в своей кабине отчаянно давал знаки, чтобы они хоть что-то сказали.

— Остается лишь поблагодарить вас, — в конце концов очнулся журналист.

— Это лишнее. Женщина до сих пор находится в критическом состоянии. Ребенок находится под государственной опекой. Если бы я не был тупым чинушей и выслушал эту женщину днем ранее, а не пропустил ее зов о помощи мимо ушей, спасение было бы ненужным. Если бы я повел себя как следует, этой женщине — жертве домашнего насилия — и ее ребенку была бы обеспечена правовая и психологическая помощь. Ей не нужно было бы возвращаться к мужу, ей не нужно было бы потом умирать на полу в кухне. Я бы хотел воспользоваться случаем и публично извиниться перед этой женщиной, ее сыном и ее родными. Мне очень стыдно, если бы было возможно, я бы перевел время назад. Прошу прощения.

— Все мы совершаем ошибки, — поучительным тоном произнес радиожурналист и указал на часы, тем самым давая знак, что время передачи заканчивается.

Раз уж Шацкий проснулся, он вновь почувствовал, как нарастает в нем раздражение. Ярость, как определила это Хеля. Ему это слово нравилось, оно придавало агрессии черты благородства и справедливости.

— Ну да. Но если ошибку совершите вы, то в большегрузе, направляющемся в Августов, вместо Рианны запоем Бейонс. Когда же совершу ошибку я, если замечу угрозы или не исключу виновника угрозы для общества, тогда может прерваться чья-то жизнь.

— Я понимаю вашу точку зрения, — журналист поправил модные очки, беседа —

наконец-то — заинтересовала и его, — но в таком мышлении таится ловушка. Человеческий фактор это наиболее слабый, наиболее аварийно-опасный элемент любой системы. Но, как правило, неизбежный. Если принять ваш способ мышления, то страх перед ошибкой может стать настолько парализующим, что никто не захочет быть прокурором, судьей или нейрохирургом. Полностью ошибок исключить не удастся, ведь невозможно исключить человека.

— Удастся, — ответил на это Шацкий. — Достаточно лишь отключить автопилот и тщательно обдумывать любое из решений, которые мы принимаем ежедневно. Благодаря этому мы и сможем избежать ошибок. — Шацкий усмехнулся и решил сделать подарок своему ассессору: — Это логичный выбор.

Режиссер подавал знаки, известные всем зрителям баскетбольных матчей: время.

Шацкий же сделал вид, будто этого не замечает.

— Раз уж мы об этом говорим, мне бы хотелось затронуть такую существенную проблему. Я обращаюсь ко всем вам, как к соседям своих соседей. Помните, что если за стенкой или за забором происходит нечто плохое, вы можете стать для той женщины или того ребенка последней спасательной доской. Наверняка вы сидите вечером и считаете, что это не ваше дело, ведь у этих людей имеется семья, работа, что кто-то да заметит. А так соседка грамотная, может и в полицию обратиться. Это как раз не так. Жертвы насилия не отправляются в полицию, ведь они чувствуют себя виноватыми. По причине стыда они рвут контакты с собственными родными. Эти женщины — мастерицы маскировки, чтобы на работе никто ничего не заметил. Тот момент, когда вы сидите дома и обманываете себя, мол, маленький ребенок плачет, потому что у него снова воспаление уха — это тот самый момент, когда вы можете спасти кого-нибудь, чье-то здоровье, чью-то жизнь. И прошу вас, не забывайте, никто другой за вас этого не сделает, и что это исключительно ваша ответственность и обязанность.

— Выходит, мы завершаем похвалой доносительству, — пошутил журналист.

Шацкий почувствовал, что перед глазами у него падает багровый занавес.

— Пан называет доносительством информирование служб правопорядка в правовом государстве, о том что кто-то кого-то обижает? — рявкнул он.

Его собеседник тут же поднял руки, защищаясь.

— Это был прокурор Теодор Шацкий, у нас через минуту региональные новости, а перед ними мы еще успеем послушать чего-нибудь радостного: на «Радио Ольштын» группа «Эроусмит» и песня в самый раз для тех, кто еще не до конца проснулся: «Дженни схватилась за ружье» — *Jenny's got a gun!*

Красная лампочка погасла, Шацкий положил на стол наушники, из которых доходили характерные первые аккорды вечно популярного хита парня со слишком большим ртом.

Прокурор быстро попрощался и выбежал из радиостанции.

Далеко он не отъехал. На аллее Войска Польского застрял в пробке и, глядя на красные стоповые огни стоящего перед ним «ниссана», он думал о том, что Ольштын — это маленький город. И что, раньше или позже, тропы лиц, ответственных за организацию дорожного движения в несчастной варминьской метрополии, скрестятся с его собственными. И вот тогда-то он, прокурор Теодор Шацкий, превратится в ужасного ангела мести.

А в двух сотнях метрах от места, в котором застрял Шацкий, Тереза Земста^[82] ужасно хотела принять ксанакс.^[83] Боже, как же ей хотелось принять ксанакс. И она решила, что вот попросту примет его, без каких-либо раздумий о возможности привыкания или зависимости. В свои годы и со всем своим опытом она прекрасно знала, что если бы и должна была получить от чего-то зависимость, это давно бы уже случилось. И хотя в ее компании это не было популярным, наоборот, это высмеивалось, сама она верила в продвигаемые некоторыми центрами теории, что если и получить от чего-то зависимость, это что-то необходимо иметь. Может быть ген, возможно, какой-то там белок, может на четверть капли какого-то гормона больше. Тереза Земста этого чего-то не имела. Потому-то ее жизнь была подчинена только лишь и исключительно ей самой. В бог она не верила, уверенная, что любовь — это умная дружба двух людей, а не какое-то там мистическое соединение душ, популярную же субстанцию, изменяющую сознание и носящую химический символ C_2H_5OH она употребляла исключительно в рекреационных целях.

Всего лишь один раз в ее жизни зажглась красная лампочка. Всего лишь раз в жизни она почувствовала страх, что какая-то эмоция и субстанция способны перехватить контроль над ее жизнью. Этой эмоцией было спокойствие, а субстанцией алпразолам, производное бензодиаземина, психотропное лекарство, прописываемое от тревожных неврозов, лучше всего известное под бестселлерным наименованием «ксанакс». В своей жизни она пробовала различные наркотики с научными целями, но после принятия ксанакса впервые в жизни почувствовала себя словно святой Павел на дороге в Дамаск. Она познала просветление, ей хотелось пасть на колени, заплакать от умиления и отправиться в мир, чтобы распространять новую веру, обучать людей с помощью барочных метафор, что покой и счастье находятся на расстоянии вытянутой руки, что у них горький вкус и овальная форма таблеток. Ко всему этому она прибавила бы щепотку сексизма и ксенофобии, без которых ни одна из религий не достигнет успеха, и — аллилуйя! — она могла бы стать пророчицей бога Пфицера.

Именно поэтому, после весьма краткого периода увлеченности, ксанакс она отставила, и с тех пор — уже два десятка лет — воспользовалась им всего несколько раз, в ситуациях крайнего напряжения и стресса. Этим достижением она ужасно гордилась, поскольку, если чего в шкафчиках, ящиках столов и халатах и хватало, так это ксанакса. Они раздавали его пациентам словно яблоки, принимали сами, прописывали знакомым, его лопатами можно было грести, в здании труднее было найти бутылку минеральной воды, чем таблетку ксанакса.

Сейчас же она согласилась с тем, что по-другому не получится. Тереза отправилась в комнату врачей, нашла упаковку в ящике стола, плотнула таблетку 0,25, на компьютере врубила «Сапера», ожидая, когда бензодиазепин свяжется с рецептором GABA, благодаря чему у нее перестанут потеть ладони.

Тереза щелкула выключателем приемника, услышала вопли Стивена Тайлера в *Jane's got a gun* и сразу же выключила. Знаменательным здесь было то, что когда рок-музыканты брались за тему домашнего насилия, у них сразу же кто-то хватался за вольту и строго наказывал виноватых, только такое развитие соответствовало резким гитарным соло.

Хорошо еще, что как ординатора отделения никто ее не может наругать ее за

использование компьютера в нерабочих целях. Тереза запустила браузер и нашла на Ютубе *Can I Hold U Tonight*.

Немного помялась, в конце концов, нажала. Смысла нет, тут же слезы встали в глазах. Сколько раз уже прошла это, ее супервизор^[84] от этой темы наверняка уже блевать хотела. А как только что приходит, она раздирает этот струп, сыпет соль на рану и копается в ней вилкой. До конца дней своих вместе с Трейси Чепмен^[85] она будет размышлять, а закончилось бы все иначе, если бы у нее нашлись другие слова. Тот ключ, которым его можно было бы открыть.

Песня закончилась. Тереза Земста вытерла глаза, послушала еще несколько песенок темнокожей дивы и вдруг почувствовала, что в легких для воздуха прибавилось места. И она несколько раз глубоко вздохнула.

И ее охватило спокойствие.

Земста взяла паку с письменного стола, повесила на шею магнитную карточку от дверей и решила, что начнет с нового пациента, чтобы как можно быстрее покончить с этим. Тереза постучала в комнату санитаров.

— Пан Марек, — сказала она. — На всякий случай, о'кей?

Пан Марек отложил свой завтрак и без слова пошел за Земстой. Он был совершенной противоположностью того, как мы себе представляем санитаря психиатрического отделения. Вовсе не мускулистый амбал с глуповатой улыбочкой, которому мама делает на работу бутерброды с зельцем, и который едва-едва попал на эту сторону баррикады, отделяющей здоровых от больных. Пан Марек был интеллигентным человеком, его личная жизнь была прекрасно устроена, переполненным эмпатией, спортивным. Будучи инструктором израильских боевых искусств, он не нуждался в избытке массы, чтобы справиться с агрессивными пациентами. Тереза Земста считала, что из него получился бы замечательный терапевт, возможно, даже врач. Но он был родом из таких глубоких варминьских сельских низов, что, несмотря на громадные усилия, ему удалось вскарабкаться лишь на должность бригадира санитаров. История пана Марека для Земсты являлась коронным доказательством того, что не каждый является кузнецом собственного счастья. А даже если и так, очень многое зависит от того, получишь ли ты с самого начала современную кузницу со всем оснащением, или необходимо украсть первый молоток.

Не говоря ни слова, они преодолели длинный коридор, изолятор находился в самом его конце. Вообще-то, психиатрическое наблюдение за преступниками осуществлялось в специальных отделениях мест предварительного заключения. На сей раз ситуация была исключительной, как объяснял ей молодой прокурор с внешностью Луи де Фюнеса. Сейчас речь не шла об исследовании вменяемости подозреваемого. Следовало выяснить, а знает ли их подозреваемый о том, кто он такой, в какой ситуации находится, понимает ли выдвигаемые против него обвинения.

— На первый взгляд, все функционирует, — говорил прокурор. — Он ест, пьет, посещает туалет; чистит зубы и раздевается перед сном. Но все остальное — отключено.

Тогда Земста впервые почувствовала, как у нее мурашки пошли по спине. Она начала спрашивать о подробностях.

— Он не устанавливает ни малейшего контакта. И когда я говорю «ни малейшего», то имею в виду именно это. Он как будто бы живет в пространстве, в котором никого нет. С момента задержания он не произнес ни единого слова. Ни единого слога.

Земста потратила массу сил, чтобы никто не заметил, чего стоит ей эта беседа. Она

спросила, а не считают ли они, что задержанный симулирует.

— Надеюсь на это, — холодно ответил на это прокурор. — Только лишь тогда мы сможем изолировать его.

Земста задала вопрос: а что тот наделал.

— Домашний палач. Издевался над супругой, а когда та решила уйти, он почти что убил ее. Оставил без сознания на полу в кухне, одну, с ребенком, которому не исполнилось и трех лет. Даже неизвестно, выживет ли женщина.

Терезе сделалось плохо. Чтобы сохранить внешность профессиональной беседы, она сообщила, что с подобным сталкивается впервые. Что виноватые в домашнем насилии, скорее, гордятся совершенным. Ей не известны случаи, чтобы кого-нибудь из них мучили угрызения совести, не говоря уже о погружении в мутизм.^[86]

Прокурор согласился с этим. Несмотря на молодость, он казался хорошо подготовленным.

Земста встала перед дверью, отделявшей последний отрезок коридора от остальной части отделения.

— Пани доктор, — спросил пан Марек, — это не будет серьезной проблемой, если бы я на завтрашний вечер, на ваше дежурство, привел малую?

— Снова миндаины?

— Похоже, что так, но мы хотим, ну, вы понимаете, проверить, все ли в порядке с ухом. Чтобы не получилось так, как весной.

— Ну конечно. — Врач мило улыбнулась. Ей совершенно не мешало то, что многие из сотрудников по отделению, а иногда даже семьи пациентов «пользовались» ее второй специализацией отоларинголога. После пережитого кризиса она забросила психиатрию и занялась более позитивной работой в семейной поликлинике, пользуясь репутацией хорошей специалистки по уху и горлу. Потом вернулась к клинической психиатрии, поскольку та была ее страстью и призванием, тем не менее, Терезе часто случалось давать консультации в качестве лора, и это ей даже нравилось. Обычные инфекции обычных людей, которые можно было вылечить одним антибиотиком, представляли собой приятное отклонение от того, чем она занималась обычно.

Тереза Земста приложила карту к считывающему устройству.

Эдмунд Фальк не забрал свое заявление о том, что Шацкого необходимо наказать выговором. Что сам Шацкий, впрочем, даже поддерживал, не делая ничего, чтобы младший коллега поменял свое мнение. Их начальницу это доводило до бешенства, так как она воспринимала это как личное оскорбление; сегодня она уже провела две милые симпатичные беседы с «дорогим Эдмундом» и «уважаемым паном Тео». С теплой улыбкой, ссылаясь на профессиональную солидарность, профессиональную дружбу и обычную человеческую эмпатию, она склоняла нашу парочку решить это дело между собой. В ее речах появлялись народные пословицы, буддийские рассуждения о карме и христианское требование милосердия.

Все это отскакивало от безупречных костюмов Шацкого и Фалька словно резиновые мячики от бетонной стены. Фальк верил, что поступает верно. Шацкий тоже в это верил.

Парадоксально, но это непонятное для иных согласие по вопросу, который должен был их окончательно рассорить и отдалить один от другого, привело к тому, что между мужчинами установилась ниточка симпатии.

— Следует признать, что ваше решение меня несколько разочаровывает, — произнес Фальк, размешивая в чашке растворимый кофе.

Они сидели в кабинете Шацкого и ожидали появления доктора, надкомиссара^[87] Ярослава Клейноцкого. Полицейский психолог, занимающийся созданием психологических профилей преступников, из Кракова уже приехал, но, как оказалось, должен был устроить что-то необходимое в городе. Шацкий не протестовал, в ходе своей карьеры он встречал огромное количество чудаков, а Клейноцкий еще был достаточно обычным по сравнению, к примеру, с Людовиком Франкенштейном или сидящим напротив ассессором.

— Мне крайне неприятно, что в очередной раз не могу соответствовать вашим высоким стандартам. А кроме того, я считал, что как раз этим вы будете вдохновлены. Ведь это же ваши учителя из ФБР выдумали профилирование и вообще бихевиоральный анализ.^[88]

Эдмунд Фальк отпил кофе и скривился. Трудно сказать, то ли по причине кофе, то ли слов Шацкого.

— Профилирование с самого начала казалось мне подозрительным, — ответил он патрону. — Уж слишком хорошая штука, чтобы быть правдивой. Мужик читает материалы дела, анализирует, а потом говорит: преступника вы найдете в баре, там он будет есть гамбургер с двойной порцией сыра и читать спортивную колонку, а в портфеле у него будет лежать подарок для матери. Если существует нечто, настолько выдуманное, что замечательно представляется в книжных детективах, то это «нечто» уже должно быть подозрительным. Но я решил не руководствоваться эмоциями, а только лишь исследовать проблему.

— И?

— Был проведен ряд исследований, которые должны были доказать эффективность профилирования. Материалы уже завершенных дел были даны профилерам, но кроме них: студентам с различных факультетов, обычным полицейским следователям и психологам. Их всех попросили создать на основе материалов профиль преступника, который потом сравнили с реальным виновником, прекрасно известным, поскольку, как я уже говорил, все загадки были решены, виновные осуждены.

Запищал мобильный телефон Шацкого. Тот глянул и наморщил брови. Это был эмэмэс от Клейноцкого. Изображение походило на снимок неработающего фонтана на рынке перед «Старомейской». Без какого-либо комментария.

— Результат? Ни в одном из исследований профили профессионалов не были более точными, чем попытки других, включая сюда и любителей криминалистики. И что знаменательно, прекрасный результат дали студенты, изучающие химию и биологию.

— Знаменательно, но совершенно не удивительно, — прокомментировал Шацкий. — В мире науки имеется место логике, здравому смыслу, выводы делаются на основе твердых доказательств, после чего выводы снова проверяются.

— Ну а профилирование — это мошенничество. Я пришел именно к такому выводу, и посчитал, что сам в профилирование не верю. Это был логичный выбор.

Эдмунд Фальк замолчал. Какое-то время оба мужчины сидели в тишине.

— И мне не хотелось бы верить, будто бы вы верите.

— Конечно же не верю, — спокойно ответил Шацкий. — Я считаю, что психология —

это псевдонаука, а профилирование преступников — это всего лишь красивое название для того, чем занимается ясновидящий Яцковский.^[89] Когда кто-то повторит раз десять, что видит труп в лесу, то раза три просто обязан попасть, ведь одна третья этой страны — это леса, и труп там закопать легче, чем на шоссе.

— В таком случае, зачем мы встречаемся с профилиером?

— Это человек весьма умный. Станный, по-настоящему умный. И он прочитал больше материалов дел, чем вы когда-либо увидите своими глазами. Как и все ему подобные, он гонит пургу, но иногда говорит что-то такое, что имеет смысл.

— Что-то? — Фальк не смог спрятать презрения в своем взгляде.

Комментировать Шацкий не стал. По-своему Фальк был прав, но некоторые вещи начинаешь понимать лишь после полутора десятков лет практики. Например, то, что следствие похоже на головоломку: ночной пейзаж волнующегося моря, состоящий из десяти тысяч фрагментов. В какой-то момент все эти кусочки уже лежат на столе, вот только их никак не удастся соединить. И вот тогда-то ужасно нужен кто-то такой, кто поглядит и скажет: «Эй, но ведь это же не Луна, а только ее отражение в волнах».

6

Ксанакс привел к тому, что она была в состоянии войти в изолятор, вместо того, чтобы трястись от страха перед дверью. Зато он не мог отключить эмоций. Печаль, вызванная воспоминаниями о тех событиях, боролась с отвращением, физическим неприятием бледного типа, сидящего на кровати. Тереза Земста понимала, что ее презрение — это проявление непрофессионализма, только ничего с собой поделать не могла.

Мужчина не навязывал какого-либо контакта. Врач быстро признала, что это не результат отсутствия возможности, но отсутствия желания. Это не его мозг, как в случае большинства пациентов этого отделения принял решение за него отключиться от мира. Выглядело так, что это полностью осознанное решение. Наблюдения это подтвердят, а потом уже от прокуратуры зависит, что с ним сделают. Не она будет проводить наблюдения, но лично позаботится о том, чтобы ни у одного суда не было сомнений в отношении вменяемости подозреваемого.

Врач задумалась над тем, а что могло стать причиной отсутствия контакта. Железная последовательность мужчины по ее мнению указывала на то, что здесь речь должна идти о чем-то большем, чем обычная симуляция, тактика, рассчитанная на то, чтобы избежать наказания. Угрызения совести? Тогда это был бы первый известный ей случай, когда быстро пускающий в ход руки дамский боксер обрел нечто такое, как совесть. На этом она могла бы диссертацию написать. Шок? Возможнее. Травма? Но какая? Как и все домашние мучители, этот мужчина наверняка был жертвой насилия в детстве. Быть может, вернулось некое вытесненное воспоминание, какой-то пережитый ужас.

Возможно, к нему и удастся достучаться, если только его вообще вскроют.

Тереза обдумала последнее предложение, услышала его, и ее залила волна печали. Она собрала всю свою силу воли и опыт тридцатилетней работы, чтобы не расплакаться при пациенте. Точно так же и тогда она сидела на табурете, точно так же укладывала мысли в голову и искала способ раскрыть пациента.

Ей удалось взять себя в руки.

— Не забывайте о том, что мы не работаем на полицию или прокуратуру, — сообщила Тереза. — Мы врачи, и, не смотря на то, почему вы здесь очутились, мы хотим помочь. Вы окружены благожелательно настроенными к вам людьми. Мы будем приходить, расспрашивать, не будем останавливаться в попытках установить контакт. Но если бы вы сами посчитали, что вам хочется поговорить, то мы в вашем распоряжении в любое время дня и ночи. Все для того, чтобы с пониманием и доброжелательностью выслушать и помочь. В чем только вы будете хотеть. Лишь бы это принесло вам облегчение и позволило почувствовать себя легче. Мы с вами приятели. Вы это понимаете?

Тереза рассчитывала на то, что трюк подействует. Что ее мягкий, бархатный голос опытного психотерапевта в соединении с положительным посылом приведет к тому, что тот забудется и кивнет. Это был бы приятный шаг в сторону полной вменяемости и в сторону безусловной отсидки в пенитенциарном заведении.

Мужчина даже не дрогнул. Земста отметила, что он был болезненно бледным, как будто страдал анемией или потерял множество крови. На листке она записала: морфология.

Врач глянула в сторону коридора. Пан Марек стоял, опершись о стену, и наблюдал за тем, что происходит в изоляторе. Бдительно, но терпеливо. Тем не менее, она понимала, что наверняка у него есть более срочная работа, чем пялиться на разговор с типом, который даже не отзывается. Тереза кивнула в знак того, что сейчас заканчивает.

— Ладно, я уже ухожу. Приду еще после вечернего обхода, хорошо? Вполне возможно, у вас будет желание поговорить. Больше, чем к еде. — Она заставила себя улыбнуться и указала на оставшуюся после завтрака посуду. Какао было выпито до дна, но вот бутерброд с сыром был нетронут. — Вы кушайте, хорошо? Такой крупный мужчина на какао далеко не зайдет.

Земста поднялась и подошла к двери, когда мужчина затрясся в кратком приступе сдавленного по причине закрытых губ кашля. Странно, это в чем-то было похоже на кашель, немного на рвотный рефлекс. Врач обернулась. Подозреваемый сидел на кровати в той же позе, взгляд уставлен в стену, но пальцы стиснуты на постельном белье. Тереза понимала, что он затрачивает массу усилий на то, чтобы сдержать приступ, но глаза сделались стеклянными.

Врач подошла поближе. Мокрый бронхиальный кашель, легкие пытались избавиться от скопившихся в них выделений, в поликлинике она слышала такой сотни раз. Попытка сдержать такой кашель не имела смысла, во многих случаях тело в борьбе за здоровье бывало умнее человека.

В глазах мужчины появилась паника. Как будто бы несчастный приступ кашля представлял собой угрозу. Как мог он сражаться со своими бронхами; если бы не обстоятельства, все это могло бы показаться комичным.

Сотрясаемый спазмами, мужчина быстро начал выходить из своей роли. Он глянул на Земсту с истерией в глазах, самое мгновение от доли секунды, но этого хватило, чтобы Тереза укрепилась в уверенности, что ни о какой невменяемости нет и речи.

В конце концов кашель сделался легче. После приступа мужчина тяжело дышал носом. Что-то здесь было не так.

Земста кивнула пану Мареку, который сразу же вошел в помещение изолятора и вопросительно глянул на нее.

— Подойдите, пожалуйста, с пациентом к окну.

Из ее голоса улетучились всяческие нотки сочувствия и эмпатии, сейчас она была пани

ординатор. Ну еще и отоларинголог. Одноразовых перчаток у нее не было, не было зеркала и шпателя, но Тереза посчитала, что в горло может заглянуть и так. Что-то в этом кашле ее беспокоило.

Мужчина послушно встал с постели, пан Марек взял его за плечо.

Только сейчас Земста заметила, что кровать была застелена очень странно. Изголовье было покрыто покрывалом очень тщательно, настолько тщательно, что в ногах выступало полметра одеяла и простыни. Так постель никто не стелил.

Тереза подошла и решительным движением сорвала покрывало. Ничего. Подушка накрыта одеялом. Она подняла одеяло, снова ничего. Подушка на простыне. Она уже собралась отложить одеяло на место, но заглянула еще под подушку.

И она со свистом втянула воздух. Простынь под подушкой и вторая сторона подушки были напитаны кровью, словно мужчина исходил кровью целую ночь.

Что-то здесь было не так.

— Откройте рот, — сказала Земста, подходя к окну.

Мужчина трясся и крутил головой, в глазах его стояло такой граничный испуг, что, несмотря ни на что, Терезе Земсте сделалось неприятно.

— Не надо, пора прекратить эти дурацкие игры. Все мы знаем, что с вами ничего не случилось, и что заключение я могла бы написать прямо сейчас. Я врач и только хочу вас обследовать. Так что не глупите и откройте рот.

Она склонилась вперед, а мужчина открыл рот.

Тереза Земста заглянула в кровавую яму и тут же об этом пожалела.

Из куколки доктора надкомиссара Ярослава Клейноцкого вышла бабочка. Предыдущий Клейноцкий со стеклами очков толщиной с противотанковую бронебойную пулю, борода и трубка были взяты из учебника примером эксцентричного интеллектуала, который все свои высказывания делит на проницательные, иконоборческие и заставляющие задуматься.

Клейноцкий образца 2013 года от Рождества Христова производил впечатление пятидесятилетнего академического ученого, который после многих лет счастливого и наполненного счастьем союза с собственной библиотекой влюбился в грудастую студентку. Он сбрил бороду, очки поменял на контактные линзы, твидовый пиджак — на блузу с капюшоном, а практичную прическу новобранца — на питательный гелевый ежик. И при этом о, наверняка, был уверен, что эти операции омолодили его лет на двадцать.

Он ошибался.

— Господа наверняка не знают, разве что вы проследите за мной на фейсе, — Клейноцкий одарил собравшихся вопросительным взглядом, когда же те отрицательно покачали головами, вернулся к заключению. — Моей малой страстью является проследивание польскости в польском языке. И я считаю, что где-то в мрачных лексических буреломах находятся слова, являющиеся ключом польской тождественности, которые лучше всего определяют специфическое надвислянское отношение к себе, к ближним и ко всему миру вообще.

От кофе он отказался, вытащил из спортивной сумки бутылку воды без газа и пластиковый контейнер с проросшими зёрнами.

— Таким словом является «паждерж».^[90] Обратите внимание, во-первых, фонетически это слово просто не может быть более польским, любому иностранцу придется потратить неделю, чтобы научиться это слово выговаривать. Благодаря чему, оно становится элитарным, эндемически^[91] польским, уже своими фонемами оно защищает от чужаков доступа к скрываемым в нем значениям. Во-вторых, в своем первоначальном значении оно означает деревянные части сухих стеблей льна или конопли, отделившиеся от волокон посредством трепания. Вы чувствуете, господа, в этой сцене повеяло чем-то из Реймонта.^[92] Солнце заходит над полями, а крепкие мужички переминают и треплют стебли льна. Ибо нужно избавиться от паждержи, чтобы иметь возможность соткать сорочку на эти великолепные бюсты.

Шацкий был уверен, что Клейноцкий видит сейчас перед глазами свою новую невесту. Та бежит к нему в льняной сорочке, и уже издали видно, что ее старопольская, похотливая душа не признает бюстгальтера.

— Но паждерж в ходе трепания не умирает, — прибавил Клейноцкий, драматически снизив голос. — Его жиизнь в качестве отходов только начинается, когда он становится частью ДСП.^[93]

Он глянул на слушателей, но Шацкий с Фальком сидели тихо и неподвижно, словно статуи.

— Этот вид отходов здоровой народной культуры в постсовременной Польше обретает новое значение. После превращения в ДСП паждерже становятся желанными, их разыскивают в качестве необходимого элемента всяческой национального временного замещения, всяческой дешевки, вещи «лишь бы как» и «на, только отвяжись». Паждерж, уважаемые мои господа, во всех своих значениях являются не только строительным материалом, но и фундаментом Жечипосполиты. Ведь именно из ДСП был изготовлен стол, за которым в восемьдесят девятом году были приняты роды новой Польши. Да, его оклеили дубовой фанерой, только ведь правда такова, что Светлейшая^[94] родилась на паждержах.

Клейноцкий сделал движение, как будто бы собирался прочесать волосы пальцами, но, похоже, в последний момент вспомнил про гель и руку убрал. Вместо этого он съел несколько проросших зерен, типичное импульсивное поведение человека, который совсем недавно бросил курить.

— Я прислал вам эмэмэску, — произнес он с полным ртом.

— Фонтан?

Клейноцкий кивнул.

— Потому-то я и принял ваше предложение. А так не было бы и речи целый день пилить на автобусе в эту страну вечных туманов и замерзающей мороси.

Фальк беспокожно дернулся, а Шацкий, к собственному удивлению, почувствовал себя обиженным.

— А мне казалось, что отъезд из страны смога, духоты и ужасного мещанства пойдет вам на пользу. Ведь даже вы, похоже, иногда должны дышать чем-то иным, чем пылью занавесей и запахом британской блевотины.^[95]

Клейноцкий с изумлением поднял глаза.

— Одиннадцать озер только лишь в административных границах города, — произнес Шацкий, хотя только и не верил, что именно он говорит эти слова. — Два месяца туманов — это совершенно невысокая цена за проживание на курорте. Вам так не кажется?

— Лично мне кажется, что ревматизм — это ужасные страдания. Но в этом вы убедитесь сами.

— Тогда, может, перейдем к делу, — предложил Фальк.

— Именно, так вот, фонтан! — Клейноцкий либо не понял, либо не желал понимать. — Я обязан был его увидеть, поскольку, разыскивая различные применения слова «паждзерж», я напал на такой вот фрагмент из ольштынской прессы, касающийся ремонта фонтана. — Он вынул из кармана айпэд и разблокировал экран. — Послушайте, пожалуйста: «Ни вчера, ни сегодня игры воды мы не увидим. Дело в том, что фонтан закрывает кожух из ДСП, а под ним сохнет бетон. И созревать он будет еще несколько дней».

Он отложил устройство.

— Вы слышите это, господа? К сожалению, игры воды не будет, поскольку под паждзержем^[96] созревает бетон. Я сто лет бы раздумывал и не выдумал бы лучшей метафоры для описания нашей родины. Ну а теперь *ad rem*.^[97]

Он вновь протянул руку к айпэду. С разблокированием экрана он тянул достаточно долго, чтобы собравшиеся могли увидеть фото пухлой блондиночки в блузке на узеньких лямках. Ну что же, Марлен Дитрих это не была, но в трепании льна и конопля она наверняка не имела бы себе равных.

— Я ознакомился со всеми полученными мною материалами, и у меня имеются несколько гипотез, которые могут вам помочь. Но тут я должен задать несколько дополнительных вопросов.

Последующие полчаса Шацкий тщательно уточнял все полученные до сих пор результаты следствия, иногда ему помогал Фальк, который умел проявить свое аналитическое мышление. И до такой степени, что Шацкий почувствовал зависть от того, что в возрасте ассессора сам не был таким способным.

Когда они закончили, Клейноцкий задумался и, вместо того, чтобы закурить трубку, съел несколько проросших семян. Он заглянул в коробочку с миной курильщика, у которого в пачке осталась всего одна сигарета, и отодвинул остатки исключительно здоровой закуски на потом.

— Мой ответ — это костер, — сказал он.

Прокуроры вопросительно глянули на него.

— Вы, насколько я понимаю, родом из этих, не тронутых цивилизацией краев? — обратился приезжий к Фальку, а когда тот кивнул, продолжил: — Тогда папа с мамой наверняка показывали вам замок в Решле, это километрах в шестидесяти отсюда, в сторону Калининграда. Показывали?

Фальк подтвердил.

— Так вот, именно в этом замке в начале девятнадцатого столетия прусские власти, известные своей просвещенностью, в течение четырех лет держали под замком в ужасных условиях некую Барбару Здунк, похоже, склоняя ее к сожительству направо и налево, чтобы сделать себе приятнее ожидание приговора. Окончательно приговор был принят в Кёнигсберге, где наиболее просвещенные судьи Восточной Пруссии осудили женщину к сожжению на костре. Да-да, уважаемый мой пан варминец, последний костер в Европе задымил в Святой Вармии. — Клейноцкий нашел в коробочке маленький росток и съел его. — Почему я об этом говорю? Поскольку считаю: то, что случилось с вашим покойником, это нынешнее соответствие костра. Современный такой костер, химический, без дыма и огня. Если мы примем подобную гипотезу и поглядим на историю сожжений на

кострах, тогда мы можем *per analogiam* делать какие-то заключения относительно вашего преступника. Вы успеваете за мной?

— Да, — ответил Шацкий.

— Что вовсе не означает, будто бы мы согласны, — прибавил Фальк.

Клейноцкий улыбнулся с сожалением.

— Ну вот, пожалуйста, князь разума^[98] в собственной особе. Вы наверняка верите в железные доказательства, анализы ДНК, бесспорные признания и отпечатки пальцев, оставленные на фрамуге. А мой домен считаете шаманством, выдумками психа, которому не хотелось работать в больнице, а для частной практики он слишком стукнутый, в связи с чем ему пришлось найти свою нишу. Я прав?

Фальк изобразил некий вежливый жест, говорящий о том, что иного выхода, как только согласиться с предыдущим оратором, у него нет.

— Сожалений у меня нет, мало кто думает иначе. Но попрошу дать мне закончить, раз уж налогоплательщики заплатили за мою поездку из Кракова.

Шацкий решил, что если Фальк хотя бы раз еще спровоцирует Клейноцкого на длительные размышления не по делу, он выбросит говнюка за двери.

— Отнеситесь ко всему этому как к интеллектуальному упражнению, — заметил ученый, все еще хмурясь, похоже, в его компетенции столь откровенно сомневались крайне редко. — Только и всего. Это не больно, но, вполне возможно, поможет вам обнаружить важный след.

— Пан доктор, — не сдержался уже Шацкий. — К делу, пожалуйста.

— Я нашел несколько аналогий. Первая из них, это такая, что те, кто поджигал костры в Европе, были уверены в верности своих действий. Понятное дело, все они были нестабильными, жаждущими убийств психами, как и ваш преступник, в этом нет никаких сомнений. Но в этом расстройстве их психики имелась логика. А еще идеологическая, правовая и процедурная база. Прокуроры и судьи отправлялись спать с чувством прекрасно исполненной обязанности, утром же радуясь тому, что помогут обществу очистить мир от колдовской заразы.

— Как в «Семи»,^[99] — прокомментировал Фальк.

— Именно. В этой версии не ищите Ганнибала Лектера и ему подобных, убивающих ради наслаждения причинения страданий. Ищите кого-то такого, кто верит в то, что он единственный праведник. Вообще-то он предпочел бы сидеть на участке и жарить шашлык, но что тут поделаешь, раз мир требует очищения.

— Это значит, что Найман заплатил за какую-то собственную вину?

— Да, вот только мы не способны предвидеть масштаба расстройства психики «праведника». Быть может, покойник незаконно перегородил доступ к озеру на участке, а наш преступник является экологическим левым экстремистом? Не забывайте, что все время мы движемся в рамках психического расстройства. Причем, расстройства серьезного.

Клейноцкий достал очередное пророщенное зернышко. В коробочке оставалось их несколько.

— Другая аналогия — это публика. Ведь даже если само, хмм, предварительное разбирательство инквизиции проходило в подвалах, то экзекуции проводились публично, к утехе и предостережению черни. А так же ради рекламы палачей.

— Нет здесь никакой аналогии, — пожал плечами Фальк. — Найман, скорее всего, умер в каком-то глухом месте, его останки были спрятаны в забытом уже несколько

десятилетий бункере. Ну а виновник, к сожалению, не стоит на рынке и не ждет аплодисментов.

— Вот тут, пан ассессор, я считаю, что вы ошибаетесь, — ответил Клейноцкий. — Останки не были спрятаны, они нашлись уже через несколько дней.

— Случайность.

— Вы верите в случай? Вы, человек разума? Но не будем обмениваться злобными замечаниями, — прибавил он, видя убийственный взгляд Шацкого. — Даже в самом начале, когда вы верили, будто бы останки принадлежат одному человеку, было маловероятно, чтобы их там кто-то хотел спрятать. С тех пор, как вам стало известно, что скелет был тщательно собран из костей нескольких лиц, это вообще неправдоподобно. Никто не затрачивает столько усилий не имея какой-то выгоды. Этот скелет должен был быть найден. Причем, быстро. Если бы не прошло с дорожными работами, преступник наверняка нашел бы другой способ.

— С этим я могу согласиться, — холодно прокомментировал Фальк, — только это все еще никак не может быть аналогией к экзекуции. Деяние было осуществлено в укрытии, и кроме нас о нем практически никто ничего не знает. Так что вы ошибаетесь.

Шацкий под столом стиснул ладони так сильно, что ногти больно впились в основание большого пальца.

— Прошу прощения, но на дворе двадцать первый век, наш эпигон инквизиции обязан действовать в укрытии, в противном случае вы бы его посадили под замок, и как бы тогда он восстанавливал справедливость? Что же касается публичной экзекуции, дайте ему шанс. Не надо слишком многого, чтобы на это набросились все средства массовой информации, вы ведь прекрасно об этом знаете. Сегодня сложнее управлять машинкой с помощью пульта, чем средствами массовой информации.

— Но почему тогда он до сих пор этого не сделал? — не сдавался Фальк и, в конце концов, перехватил взгляд своего патрона, потому что прибавил, уже для Шацкого: — Это даже не теория, а какая-то фантазмагория. Боюсь, что мы дадим себя уговорить и повести себя по этому следу.

— Можно сказать, что пламя пока что недостаточно высокое, — продолжил Клейноцкий. — Преступник желает, чтобы его деяние было отмечено во всей красе. Вы нашли останки. После этого узнаете, что они совершенно свеженькие. После этого открыли страшную смерть, ставшую уделом покойного. После этого, что останки взяты от нескольких лиц. Вскоре наверняка вы обнаружите нечто такое, что сделает данное деяние еще более зрелищным. И вот тогда-то мы увидим это на новостной ленте во всех телевизионных каналах. Это оптимистический вариант.

— Оптимистический?

— То, что откроете нечто произошедшее. Пессимистический вариант таков, что он подбросит вам новый труп, а то и несколько, перейдет в количество, а не в качество. Это же сумасшедший, не забывайте.

Шацкий подумал о том, что заключения Клейноцкого ему ужасно не нравятся. И он откровенно надеялся на то, что живописная гипотеза ничего общего с действительностью не имеет.

— *Tertio*: это не охотник-одиночка...

— Чушь, — снова вмешался Фальк. — Бихевиоральные анализы однозначны: серийные убийцы всегда действуют в одиночку.

— Вы меня оскорбляете, ставя наравне с теми мошенниками из ФБР, которые притворяются, будто бы способны предвидеть, в каком галстуке он будет во время задержания, и в какой дырке носа он будет колупаться. — Ученый разозлился. — То, что делаю я, это не бихевиоральный анализ. Это попытка параллельного мышления, которое должно вытолкнуть вас из колеи, открыть ваши мелкие прокурорские умишки на нечто иное, кроме того, что вы уже надумали.

— Если данная беседа стоит вам уж столько эмоций, — ледяным тоном обратился Шацкий к Фальку, — то смею напомнить, что вы в этом разбирательстве не принимаете участия, и ваше присутствие обязательным не является.

Какое-то мгновение могло показаться, что Фальк вот-вот взорвется, но, в конце концов, застегнул вернюю пуговицу пиджака и кивнул в знак того, что он извиняется.

— *Tertio*, — повторил Клейноцкий, — в этой саге виновник не является охотником-одиночкой. Костры пылали лишь потому, что за ними стояло могущество учреждения. А еще закон, как я уже упоминал. Вы не рассматривали существование некоей секты?

Шацкий отрицательно покачал головой.

— Я прекрасно понимаю, что это фантастическая гипотеза. Но мы живем в переломное время. Кризис, общественные неравенства, релятивизм, отход от веры, безумный Путлер за недалекой границей. Это традиционные времена, когда появляются различные ворожеи, пророки и шаманы, чтобы жировать на людской неуверенности. Кроме того, если примете во внимание, что преступник не действует в одиночку, гораздо больше вещей по данному делу удастся объяснить. Для одного человека похищение, рафинированное убийство, подкидывание останков — это громадный труд, как на одного гения. А когда для помощи имеются еще несколько человек, гений не нужен, хватает оборотистого менеджера.

— Я понимаю, — с деланным спокойствием заметил Фальк, — но мне бы хотелось, чтобы где-то было зафиксировано, что я с этим не согласен. Убийство Наймана и других — это дело рук психа, ну а безумие делить с другими невозможно.

— Скажите это Священной Инквизиции и своим мазурским предкам из Гитлерюгенд.

— На что вы намекаете? Я варминец уже много поколений.

— Да? Ну а как ваши деды голосовали в плебисците?^[100]

— Нельзя задавать таких вопросов без понимания ментальности населения и тогдашних исторических реалий.

— Ясно, — злорадно усмехнулся Клейноцкий.

Шацкий посчитал про себя от нуля до пяти, чтобы не сорваться.

— Господа, — он говорил очень медленно и спокойно, — как по мне, впоследствии можете спорить часами. А сейчас закончим.

— *Quatro* и последнее. — Клейноцкий поднял ладонь с четырьмя растопыренными пальцами. — Такая следственная версия предполагает, скажем так, системную мотивацию. Для преступника приоритетным является очищение общества, так что своих жертв он выбирает в соответствии с этим ключом. При этом он руководствуется неким кодексом и известными нам из теории права принципами конкретной превенции и превенции общей. То есть, он желает покарать виновника и выслатить сигнал потенциальным виновникам, что он и его кодекс не спят, и чтобы они были начеку, поскольку его методы, скажем так, несколько более суровые, чем используемые органами преследования и органами юстиции. В этой версии мы должны предположить, что личные мотивы здесь не имеют значения. Ангел справедливости не руководствуется столь низкими побуждениями как семейные

ТОКСИНЫ.

— Мы возвращаемся к тому же сомнению, — сказал Шацкий. — Если должен применяться принцип общей превенции, то дело должно сделаться громким. Если общество о нем ничего не знает, то действия не имеют смысла.

— Мы возвращаемся к тому же самому ответу. Вполне возможно, что через мгновение дело и сделается громким. Подумайте вот над чем: а не предпочтете ли вы объявить о нем сами, и уже на своих условиях. Опережающий маневр, вставка палки в колесо. Наш псих похож на невротика, на таких людей плохо действует, когда их планы будут перечеркнуты. Возможно, он сделает какую-нибудь ошибку.

Какое-то время прокурор Теодор Шацкий обдумывал это предложение. Это имело смысл. Дело было слишком уж исключительным, их же начинания слишком рутинные, их легко было предвидеть. Неожиданный ход мог бы принести положительный результат.

— На кострах сгорали женщины, — поделился Фальк результатами каких-то своих размышлений. — А наша жертва — это мужчина. К тому же мужчина в повышенной степени.

— У равноправия два конца, — пожал плечами Клейноцкий.

— А если бы вы должны были попробовать типовое профилирование, — сказал Шацкий, — создание портрета преступника в соответствии с представленной вами следственной версией. В этом варианте он, как вы уже сказали, невротически тщательный, все планирующий и уверенный в правильности собственных начинаний. Что-нибудь еще?

Психолог съел последнее проросшее зеньшко. Немного подумал.

— Блондин с волосами до плеч, — уверенным голосом заявил он. — Пара детей, у старшего — астигматизм. Жена работает в бюро по смешиванию красок. Сам он страдает гефиροφοбией, это редкое психическое заболевание, проявляющееся в паническом страхе перед переходом мостов. Потому все жертвы будут найдены по одной и той же стороне реки.

Шацкий и Фальк, не говоря ни слова, глядели на него.

— Я шутил.

Те двое даже не моргнули.

— Господи Иисусе, ну вы и нудные, — буркнул Клейноцкий. — Я думал о двух вещах, которые практически обязаны были иметься при подобном профиле преступника. Во-первых, виновник, вне всякого сомнения, пережил личную несправедливость. Но, внимание, со стороны не только лишь другого человека, но еще и системы, которая, по каким-то причинам, не сработала. Потому-то наш псих принял решение выручить систему. Во-вторых, такая деятельность требует знаний о людях, об их жизни, об их поступках. Нужно каким-то образом выискивать тех, кто заслуживает наказания. Если речь не идет о затруднении доступа к озеру или трахание кого-то на стороне, о наказуемых деяниях, нужно знать настолько много, чтобы добраться до этого человека перед следственными органами.

— И у кого такие знания имеются? — спросил Фальк.

— Священник. Терапевт. Полицейский. Прокурор, чтобы далеко не ходить. Врач.

Шацкий бдительно глянул на Фалька. Но тот смотрел совершенно в противоположную сторону, в окно.

— Вижу, что врач вам подходит, — не мог скрыть удовольствия Клейноцкий.

Он еще не закончил предложения, как раззвенелась мобилка Фалька.

— Кстати о враче, — буркнул ассессор, глянув на экран. — Прошу прощения, мне нужно ответить.

Он вышел в коридор, закрыв за собой дверь, но Шацкий с Клейноцким не успели перемолвиться и словом, как Фальк вернулся. Шацкий только глянул на молодого коллегу, как сразу понял, что встреча подошла к концу.

Доктор Тереза Земста излучала спокойствие. В мире нервничающих, с повышенной возбудимостью, охваченных стрессами и фрустрацией людей она казалась оазисом натурального успокоения. Прокурор Теодор Шацкий очень хорошо чувствовал себя в ее компании, и сейчас он размышлял о том, что ее покой был результатом терапии, медитативным упражнением, или, возможно, она столько уже видела в своей жизни клинического психиатра, что даже увидав горящий за окном «Гинденбург», врач лишь тихо улыбнулась бы и сунула пачку попкорна в микроволновку.

— Я не все понимаю, — сказал он, выслушав ее краткий рапорт. — Так он, в конце концов, не может говорить или не хочет?

— Давайте я подойду к этому по-другому. Он не желает с вами общаться. Если бы хотел, наверняка бы нашел какой-то способ. Ведь можно написать на листке, настучать что-то на мобильном телефоне. Предварительно можно заявить еще и то, что нежелание общения с его стороны является результатом сознательного решения, а не болезненного состояния. Но даже если бы он захотел с вами пообщаться, вербально он сделать бы этого не мог. Поскольку его речевой аппарат не столько был ликвидирован, сколько разорен.

— Какие элементы конкретно? — спросил Фальк.

— Если конкретно: все. Нужно будет сделать УЗИ и провести магниторезонансные исследования, чтобы надлежащим образом оценить масштабы разрушений, но сама я ничего подобного раньше никогда не видела. Выбитые и разбитые зубы, практически оторванный язык, голосовые связки — в клочья.

— Сорваны?

— Вы уж простите, но прокурор просто обязан иметь какие-то знания по анатомии. Голосовые связки — это не струны, которые можно сорвать, они представляют собой размещенные в гортани тонкие мышцы, они немного похожи на срамные губы. Их легко повредить, потому что природа их хорошенько спрятала.

Шацкий поглядел на Фалька. У него были вопросы, но он посчитал, что выступает в роли патрона, и что ассессор сам должен задавать вопросы в своем следствии.

— А у вас имеются какие-нибудь теории относительно того, каким образом появились такие ранения?

— Я много езжу на велосипеде, — сказала врач, и Шацкий подумал, что, возможно, это физические упражнения являются источником ее спокойствия, — и частенько останавливаюсь перед переходами. Понятно, это же Олыштын, вечно красный свет. И чтобы не сходить с велосипеда, я хватаюсь такой бело-красный столбик, который устанавливают перед переходами. И это было моей первой мыслью, когда я заглянула в горло этого человека. Что кто-то взял такой вот металлический столбик и его этим вот столбиком, прошу прощение за выражение, орально изнасиловал.

Все молчали. За окнами кабинет Земсты было уже темно, за мрачным пятном парка Шацкий видел огни в окнах дома радио, в котором утром давал интервью. Он узнал здание

по характерным — очень узким и высоким — окнам.

— А возможно ли такое, чтобы он сделал это сам? — спросил Фальк. — Устроил себе увечье, поскольку пожелал наказать себя за то, что делал своей жене. Я видел разные вещи, на которые толкали людей угрызения совести.

— Я уже сотни раз повторяла различным людям, но повторю и вам: у домашних насильников нет угрызений совести, поскольку в их мире эти деяния не являются плохими. Они применяют собственное священное право на наведение дисциплинарного порядка, на воспитание, на наказание, на то, чтобы призывать к порядку. Они управляют своими двуногими недвижимостями таким образом, который посчитают самым правильным. Как правило, они этим горды, так что нет и речи об угрызениях совести или о стыде. Понятное дело, некоторые держат где-то в сознании то, что мир окончательно пошел псу под хвост, и что за побои жены могут быть неприятности. Но это ничего не меняет, просто теперь они бьют так, чтобы не было следов, или физическое насилие заменяют на психическое, вместо побоев устраивая сеансы унижения. Понятно?

Мужчины кивнули.

— Здесь срабатывает специфический механизм дегуманизации. Я не люблю сравнивать какие-либо явления с нацизмом, так как всегда это окончательный аргумент, но как и дискриминация национальных меньшинств, так и являющийся основой для домашнего насилия сексизм всегда назначен для системного насилия, разрешенного в результате идеологической пропаганды. Немцы, убивая евреев, никакого убийства не совершали, поскольку евреи не были людьми, а всего лишь евреями. Их научили этому и освободили от ответственности. Виновные в домашнем насилии тоже научены тому, что женщины — это не люди, а некий подвид, и представители этого вот подвида являются их собственностью. Потому, как психиатр, я гарантирую вам, что ни о каком самоувечии здесь не может быть и речи. Но даже если бы мы приняли фантастическое предположение, что это все он сделал себе сам, то сомневаюсь, чтобы он сделал сам себе перевязку.

— Перевязку? Вы же говорили, что у него все время кровотечение.

— Ну да, кровотечение имеется, кровь собирается и в легких, но по сравнению с масштабом поражений — это мелочь, порез. Ваш клиент не истек кровью до смерти, поскольку все наиболее важные сосуды были сшиты. Возможно, и не настолько профессионально, чтобы автора швов сразу же устроить в клинику пластической хирургии, но экзамен в институте засчитать можно.

Шесть часов вечера.

Он вошел в дом, повесил пальто и, к сожалению, в ноздри не проник запах горячих блюд. Шацкий направился в кухню и выкопал в холодильнике пакет томатного сока. Потряс. Полный или почти полный. Черт, он не помнил, открывал его или нет.

Теодор поставил стакан на столешницу и отвернул пробку, под ней цвела пушистая белая плесень. Выходит, открывал.

Он вылил сок в раковину, налил себе воды и уселся за кухонным столом.

И почувствовал себя голодным, и только тогда понял, что не чувствует запаха горячей пищи. Наученный опытом прошлой недели, Шацкий не стал вопить, а только проверил, нет

ли от дочки каких-нибудь эсэмэсок, после чего позвонил Жене. Он узнал, что несносный ребенок ей не докладывался, ни в чем не оправдывался и не просил прощения. И вообще ничего.

А может оно и к лучшему, подумал Шацкий, на сей раз не избежит карающей десницы правосудия.

Он стал названивать Хеле, и никак не мог понять, что она, несмотря на все, вчерашний вечер восприняла как освобождение от единственной домашней обязанности. Она задала прямой вопрос, он напрямую отказал, только она и так все проигнорировала. Так в чем дело? Это что, какая-то разновидность обездоленности? Или натворила чего-то такого, о чем отец не знал, и теперь подсознательно делает все, чтобы заслужить и скандал, и наказание? Или это гормоны действуют, что она теряет контроль над собой до такой степени?

Понятное дело, что Хеля не отвечала. Невероятно. Шацкий отослал ей неприятный SMS, решил приготовить лапшу, обязательный пункт меню всех тех, кто терпеть не могут готовить, но и не желают помирать голодной смертью.

Семь часов вечера.

Женя возвратилась перед самыми «Фактами», что Шацкий воспринял с облегчением, поскольку не мог справиться с нарастающим беспокойством. Перед этим, в рамках отвлекающих действий немного убрал, немного готовил.

В морозилке нашелся пучок зеленой спаржи, он отварил ее на пару, порезал и прибавил к лапше. Ко всему этому, немного старого «янтарного» сыра, который Шацкий ценил выше пармезана, из чулана была выкопана бутылка испанского вина на черный день... и *voilà*, эксклюзивный ужин готов.

— Позвони ей, пускай поужинает с нами, — сказала Женя, садясь за стол.

— Здесь всего лишь две порции.

— Перестань, позвони.

— Нет.

— Тогда позвони, чтобы, по крайней мере, знать, что все в порядке.

— Я звонил, она не отвечает.

Понятное дело, тут же бровь поехала кверху, словно в мультфильме.

— Ага. И как ты думаешь, почему?

Шацкий какое-то время размышлял, перемешивая лапшу. Это было не слишком-то по-светски, но он любил, чтобы в лапше растворилось как можно больше сыра.

— погоди, попробую вспомнить несколько самых популярных отговорок. В Варшаве, как правило, она не могла ответить, так как находилась в метро, наверняка шла по туннелям пешком. Но здесь даже трамвая нет, так что штучка отпадает. Остается разряженный аккумулятор, или переключила телефон на беззвучный режим, как хорошая ученица, и забыла об этом, или же спрятала поглубже в сумочку, чтобы нехорошие олышты не напали и не украли цапку. Довольно часто еще случаются различные аварии. В последнее время довольно популярна была отговорка «из-за мороси», мол, если звонишь с улицы, так телефон «подвешивается». И всегда, когда я это слушаю, меня удивляет одно.

— Ну?

— Неужели она не знает, чем я занимаюсь? Что после двух десятков лет, в течение которых я выслушиваю различных преступников и разбойников, она, по крайней мере, из уважения к отцу должна приготовить какую-нибудь продуманную ложь? Больше всего меня обижает то, что она желает меня обмануть на «отъебись». Тогда я думаю, что она не уважает

меня как прокурора.

Лежащая рядом мобилка зазвенела. Шацкий глянул на экран.

Это не Хеля, ни кто-то другой из его адресной книжки, но и не из черного списка.

— Ну вот, пожалуйста, — сказал он, беря аппарат. — Я переключу на динамик, чтобы ты сама слышала, как она выкручивается, что ее телефон разрядился, что поначалу искала зарядку, не нашла, и вот только теперь звонит от подружки, а раньше не хотела, потому что у подружки мало средств на счету. Сама увидишь.

Он нажал кнопку приема.

— Да?

— Это пан прокурор Шацкий? — спросил женский голос. Молодой, но и не слишком молодой.

Теодор Шацкий сглотнул слюну. В голову пришла чудовищная мысль, что звонить может кто-то из полиции или скорой помощи.

— Слушаю.

— Меня зовут Наташа Кветневская, звоню из журнала «Дэбата». Во-первых, я хотела бы представиться, потому что, наверняка, мы будем долго сотрудничать...

— Я уже не работаю.

— Не понимаю.

— Уже начало восьмого. Я сижу дома и ужинаю. Не работаю.

Женя вздохнула и устроила подбородок на сомкнутых пальцах, сладко улыбаясь, явно довольная тем, что может послушать эту беседу.

— Тогда знайте, что мы работаем. В средствах массовой информации рабочее время понятие относительное. Я хотела бы вас прокомментировать сегодняшнее судебное рассмотрение дела пана Адамаса. Что вы скажете по факту того, что художника преследуют, а его работы проходят цензуру функционерами юстиции под предлогом нарушения общественного пространства.

Шацкий глянул на Женю и пожал плечами. Он понятия не имел, о чем идет речь. Та прошептала ему: «И-винь-ский». Тут что-то начало проясняться, по радио прокурор слышал, будто кто-то упоминал Ивиньскому о его прошлом в ПОРП, повесив табличку с соответствующим текстом на депутатском кабинете политика.

Вообще-то говоря, следовало бы попросить позвонить завтра. Вообще-то...

— Поймите верно, что содержание упомянутой работы здесь с делом никак не связано, поэтому наши действия трудно назвать цензурой, — очень серьезным тоном заявил Шацкий в трубку. — Речь исключительно связана с ее эстетикой. Наше учреждение было обязано, что следует из директив Сообщества, преследовать лиц, которые своими действиями делают неэстетичным общественное пространство. Произведение пана Адамаса, по нашему мнению, критериям эстетики соответствует недостаточно.

— Но как вы считаете, какими последствиями могут обладать ограничивающие применения этой директивы?

— Мы оцениваем, что в Ольштыне это будет связано с плановым разрушением около двадцати процентов городской застройки, — сказал Шацкий и отключился.

Женя постучала себя по лбу.

Восемь часов вечера.

Калории, спиртное и компания Жени, хотя все это, возможно, следовало бы выставить и в другой очередности, привели к тому, что его беспокойство несколько стихло. Шацкий не

мог вернуться к рутинному нетерпению или, как вчера замечательно выразила его дочь, к ярости. Он посчитал, что еще подождет Хелю, чтобы отругать хорошенько, и только потом отправится спать.

— Ты считаешь, я должен назначить ей какое-то наказание? — крикнул он из большой комнаты Жене, которая отогревалась в ванне.

Та не услышала, поэтому Шацкий взял бокал с вином и отправился в ванную.

— Можно?

— Нет.

— Почему? Я хотел поглядеть на тебя голенькую.

— Представь себе, что не всякий раз, когда я здесь, то обкладываю себе сиськи пеной и нетерпеливо ожидаю моего похотливого любовника.

— Так ведь туалет у нас отдельно.

— Ну что я могу поделаться, раз уж мне нравится посрать в ванну. Не глупи, я провожу косметические мероприятия, в ходе которых выгляжу ужасно непривлекательно. Сейчас никакой мужчина не может меня видеть.

Шацкий уселся на полу возле двери.

— Тебе не кажется, что я обязан назначить ей какое-то наказание?

— Не вмешивай меня в это.

— Я серьезно спрашиваю.

— А я тебе серьезно отвечаю: меня не вмешивай.

Шацкий вздохнул. Наказания никогда не были его сильной стороной. Он прекрасно понимал, как это звучит, и что, будучи прокурором, просто не имеет права иметь подобного эпитафия, вышитого на салфеточке над своим рабочим столом. Будучи прокурором, он четырежды требовал пожизненного заключения, и у него даже веко не шевельнулось. Но он понятия не имел, как наказать шестнадцатилетнюю девушку. Ну что, никуда не пускать из дому? Она над ним просто посмеется, будет сидеть у себя в комнате и, пользуясь компьютером и телефоном, зависнет в социальных сетях. Отобрав деньги, так тогда она чего-нибудь словчит, и тогда либо мать переведет, либо даст Женья.

— Выдумай чего-нибудь, в конце концов, это же ты злая мачеха.

— Женись на мне, тогда я сделаюсь злой мачехой. Пока же что я злая сожительница. Джизес, как же это звучит, словно какая-нибудь криминальная хроника.

— Попробую еще раз до нее дозвониться, — буркнул он, лишь бы поменять тему.

Девять часов вечера.

Совместно они посчитали, что это перестает быть веселым. Несмотря на позднее время, Шацкий нашел телефон классного руководителя Хели, позвонил и получил контакты родителей детей, которых назвал. Классный, который на родительских собраниях произвел на Шацкого совершенно никакое впечатление, оказался весьма компетентным, а прежде всего, помог совместить несколько прозвищ с именами и фамилиями. Еще он попросил отослать эсэмэс, когда ребенок уже найдется, вне зависимости от времени дня и ночи. В связи с чем Шацкий пообещал себе поменять мнение об этом преподавателе немецкого языка.

Десять вечера.

Они разделили знакомых Хели и обзвонили всех, разговаривая сначала с родителями, а потом и с детьми. Женю беспокоило то, что по причине подобной истерической акции ровесники потом будут издеваться над несчастной девчонкой. Как следил за ней отец-

прокурор, допрашивая ночью одноклассниц. Шацкий, в свою очередь, черпал из этого злорадное удовлетворение, считая, что наделать стыда — это тоже неплохое наказание. Ведь все подростки преувеличенно чувствительны в плане собственной любви и позиции в группе.

Во-во, размышлял он, ожидая очередного соединения, будет тебя и другое наказание. Ежедневно он станет ожидать ее возле школы. Белые носочки, сандалеты, турецкий свитерок и берет с хвостиком. А как только она появится в двери, он будет кричать: «Хеля! Хеля! Я здесь!». Три дня подобного спектакля, и она приклеит телефон к виску, чтобы уже не пропустить звонок от любимого папочки.

Разговоры со знакомыми Хели были бесплодными. Часть одноклассниц могла лишь вспомнить, что Хеля в школе была. Две другие утверждали, что после уроков втроем еще отправились на замороженный йогурт (по мнению одной из них) или на кофе (по мнению другой). Что, наверняка, означало, что они сидели где-то и курили сигареты, пили пиво или принимали наркотики каким-то модным теперь образом. Шацкий прижал обеих, но они согласно утверждали, что расстались около пяти вечера под ратушей, и что Хеля направилась в сторону почты, то есть — в сторону дома.

Эта информация Шацкому не понравилась. Она означала, что вместо чуточку более длинной, зато людной и хорошо освещенной дороги возле «Альфы», девушка выбрала более короткую — пустоватую улицу между задами торгового центра и темной, зеленой дырой. Неожиданно ему вспомнились все старые дела, которые начинались с того, что молодая привлекательная брюнетка шла ночью мимо заброшенного парка. Прокурор быстро отогнал подобные картины, так как они мешали ему четко рассуждать. Но в этот момент он впервые испытал неподдельный страх за Хелю. Несколько секунд не удавалось нормально вздохнуть.

Обеих девиц он допросил относительно наличия парня, но обе довольно откровенно это отрицали. Вопреки тому, что могло казаться, это тоже не было хорошей новостью. Гуляние с провожаниями с обожателем, одноклассником или студентом из Кортово [\[101\]](#) означало бы, что его дочка не приходит домой и не отвечает на телефонные звонки, поскольку именно сейчас, напичканная гормонами теряет девственность (если, конечно, ее еще имеет) в каком-то из студенческих общежитий. В этом оптимистическом варианте, обедневшая на девственную плеву, но обогащенная жизненным опытом, она садится потом в автобус, возможно — заказывает такси или звонит отцу.

С парнями разговоры шли труднее, у всех у них были замедленные, несколько отсутствующие голоса, как будто бы они только-только оторвали головы от подушки, и кровь еще не успела проникнуть в мозг. Хелю они вспоминали, но сегодня видели ее только в школе. Ни о каких ее поклонниках и вообще связях они понятия не имели. Но некий Марчин при этом тяжело вздохнул. Наверняка Хеля ему нравилась.

Вместе с Женей они отработали весь список, но так ничего и не узнали.

Одиннадцать вечера.

Те шестьдесят минут между десятью и одиннадцатью вечера были переполнены напряжением. Закончив со знакомыми Хели, они вместе проверяли, не случилось ли в городе чего плохого, в чем Хеля могла принимать участие. Шацкий позвонил Беруту и попросил его воспользоваться всеми полицейскими каналами, прежде всего — в дорожной полиции. Женя запустила свои старые врачебные связи и нашла знакомую на дежурстве в воеводском госпитале. Та обещала навести справки как в их SOR, [\[102\]](#) так и в остальных приемных покоях и на станциях скорой помощи.

Отец Теодор Шацкий чувствовал себя паршиво. Он заставлял себя размышлять по делу, не отвлекаясь на мелочи, но никак не мог привести к порядку суматоху мыслей и картин, производимых его возбужденным мозгом. Выброс адреналина привел к тому, что он все воспринимал излишне пластично, он не столько думал о событиях, сколько их видел. Да будет проклята профессия, по причине которой всю жизнь наблюдал он картины, которые сейчас мог спроецировать на дочку.

Хелена Шацкая, сбита одним из пьяных водителей. Валяющаяся в кустах, сапоги отдельно, поломанные ноги, согнутые под невозможными углами в местах, где никаких суставов и нет. Проваленный череп, обнаженная нижняя челюсть, пена из крови и слюны.

Хелена Шацкая в отделении скорой помощи, врачи беспомощно глядят один на другого, после удара об дерево нет грудины, на которую можно было бы нажимать, чтобы реанимировать девушку.

Хелена Шацкая в отделении интенсивной терапии, интубированная, оплетенная проводами и трубками. Он сидит рядом с дочкой, на столе рядом решение о передаче органов для трансплантации; он не может поверить в то, что именно сейчас должен принять решение об отключении аппаратуры. Пока что Хеля жива и, возможно, слышит, как он ей постоянно твердит, что она самая замечательная на свете дочка. Одна подпись отделяет его от высказывания данных слов до ее надгробия.

Хелена Шацкая и ее похороны. Он удивляется тому, что гроб такой большой и взрослый, в конце концов, его дочка еще ребенок.

Ему было легче представлять смерть Хели, чем то, что она пала жертвой насилия. Что ее затащили в какую-то квартиру, бросили на старую софу или на дизайнерский диван. И явно, что это сделал коллега, знакомый, который мило улыбался и пригласил к себе на бокал вина. Казалось бы, что это лучше соударения с разогнавшимся грузовиком, наверняка лучше, чем смерть. Только прокурор Теодор Шацкий неоднократно вел дела о насилиях, и он знал, что происходит с жертвами. После кражи автомобиля человек приходит в себя и покупает новый. Жертва нападения в темной улочке какое-то время боится гулять после наступления темноты, но жизнь, в конце концов, возвращается в свои колеи. Даже жертвы попытки убийства становились на ноги, когда им помогала ярость и желание мести.

Жертвы насилия в себя уже никогда не приходили. Теория была ему знакома. Он знал, что такое состояние было описано как синдром посттравматического стресса, что часто случалось: травма полностью исключала женщин из семейной, общественной, профессиональной жизни. Неоднократно жертвы насилия попадали в психиатрические отделения, где их лечили таким же образом, как возвратившихся из зарубежных миссий солдат, которые вдели, как мина-ловушка разрывает их коллег в клочья.

Шацкий никогда не слышал о женщинах, которым бы удалось насилие переварить в себе, которые бы потом жили нормально, которые бы забыли. Всякое преступление против жизни и здоровья оставляет свой след, только вот насилие, самое грубое вторжение в человека, нарушение всяческого уровня его приватности и свободы, сведение до состояния куска теплого мяса, в который некто способен запихнуть свой член, это было то же самое, что и выжигание тавра. Не нанесение, а постоянное выжигание. Эхо этого события возвращалось к жертвам не иногда, не временами, но непрерывно. Все время кто-то держал палку с раскаленным куском железа и прикладывал им к душе. Привыкнуть можно было, но нельзя было не чувствовать.

Первым позвонил Берут. Нет, ничего не произошло. Патруль прошел сквозь черную

зеленую дыру с камерой тепловизора, ничего найдено не было. Территория еще раз будет обследована, когда рассветет.

Потом позвонила знакомая Жени. Шацкий чутко следил за лицом своей сожительницы.

— Нигде ее нет, — сообщила та после завершения разговора. Ни ее самой, никого такого, кто мог бы, более менее, соответствовать. Баська на дежурстве до утра, пообещала, что будет регулярно проверять.

Шацкий согласно кивнул.

— И что теперь? — спросила Женя.

— Ничего, — ответил он. — Ожидаем. Еще слишком рано, чтобы заявлять о пропаже, наверняка рано и для начала поисков. Это не четырехлетняя пацанка, а практически взрослая женщина. Статистика на нашей стороне. Самое позднее, утром Хеля должна постучаться в двери, с ужасной головной болью и раскаявшаяся, как обычно и заканчиваются пропажи подростков.

— А если нет?

— А если нет, тогда начнутся лучше всего скоординированные, за всю истории Польши, поиски пропавшего человека, — спокойно ответил Теодор.

Полночь.

Они сидели за кухонным столом, не говоря ни слова. Шацкий уловил себя на том, что прислушивается к шорохам у подъезда, к тихому скрипу старых ворот, выискивает в звуках характерные шаги собственной дочери. Но снаружи царила тишина.

— А нет ли такой возможности, что она сбежала? — спросила Женя.

Шацкий пожал плечами. Он прекрасно понимал, что когда родители упираются в том, будто бы они знают своих детей, это проявление ужасной наивности с их стороны.

— Первая мысль, сомнительно, но когда мы объективно поглядим на ее ситуацию, то такие причины у нее имеются. Сейчас у нее сложный возраст, из Варшавы ее забрали вопреки ее желаниям, вырвали из привычной среды. Она вынуждена жить с новой партнершей своего отца, с нуля выстраивать контакты в школе, у ровесников, искать друзей. Нам казалось, что девочка держится, но ведь это могло быть и позой. И вдруг что-то произошло, что-то лопнуло.

— Сообщила бы она матери?

— Не знаю. Если до восьми Хеля не найдется, позвоню ей, обзвоню всех родственников, доберусь до ее варшавских знакомых.

— А почему не сейчас?

— Сейчас это еще не так важно. Если она пала жертвой преступления или несчастного случая, то никто из семьи ничего не знает. Разве что начнут истерику среди ночи. А если поехала к кому-то знакомому, тогда она в безопасности. С людьми лучше разговаривать днем, чем в данный момент.

Дальше они сидели в тишине. И потому Шацкий буквально подскочил, когда зажужжал лежащий на столе телефон. Он глянул на экран и почувствовал физическое облегчение, как будто бы некое сказочное средство расслабило все его напряженные до границ боли мышцы.

— От Хели, — сообщил он.

Женя крепко сжала его руку, было видно, что она в любой момент готова расплакаться.

— Интересно, и откуда необходимо забрать эту паршивку, — буркнул Шацкий, не имея возможности сдержать дрожь в голосе.

Он открыл сообщение. Никакого текста, только снимок. Станный, практически

монохроматический. Строго посреди квадрата фотографии находилась ржавая окружность. Пространство за пределами окружности было серым, пространство внутри — абсолютно черным. Все это выглядело словно открытка из музея современного искусства.

— Это что, какая-то шутка? — спросила Женя. — Или какой-то ваш код?

— Я должен идти на работу, — очень спокойно сообщил Шацкий.

Он спрятал телефон в карман и встал. Снял пиджак со спинки стула, надел, инстинктивно застегнул верхнюю пуговицу.

— Тео, что на этом снимке?

— Честное слово, сейчас не могу. Расскажу все потом. Буду напротив. Доверься мне.

У его любимой Жени был страх в глазах, но сейчас он никак не мог ею заняться.

Теодор Шацкий прекрасно знал, что изображено на этом нерезком, серо-буром снимке.

Это было устье чугунной трубы.

среда, 4 декабря 2013 года

Барбурка^[103]. Выпивают все Барбары, выпивают и все горняки. Возможно, что выпивают и Джей Зи с Кассандрой Уилсон^[104], поскольку сегодня у них день рождения. Празднует еще и Ярослав Говин^[105], но он, похоже, не пьет. Протесты на Украине продолжаются. Янукович уехал в Китай и рассчитывает на то, что дело рассосется само собой. В Хорватии объявляют результаты референдума, в котором большинство граждан высказалась за то, чтобы прибавить в конституцию запись, говорящую о том, что супружество — это «союз только лишь мужчины и женщины». Польская эмоциональная статистика: отец является близким лицом только лишь для 16 процентов опрошенных; секс ассоциируется с близостью для 8 процентов респондентов. Экономическая статистика: 57 процентов поляков тратит все зарабатываемы деньги. Экономические факты: правительство забирает деньги граждан из ОФБ^[106]. В Ольштыне ПКГ^[107] сражаются с чумой кражи путей (пропало уже 8 км), а в новом здании клинической больницы проходит первая операция: вставляли выпавший поясничный диск, пациент чувствует себя хорошо. Хорошо чувствует себя и учитель физкультуры из Джвержут, который выиграл плебисцит на лучшего учителя. Он получил диплом и путевку на курорт. Природа не может терпеть пустоты, поэтому сразу же объявляется плебисцит на лучший снимок в шапке святого Миколая.

Елка перед ратушей действует, все гирлянды горят. Два градуса, пахнет зимой; люди поглядывают в небо и ожидают снега. Скоро он уже посыплется, но пока что день как день: туман и замерзающая морось.

1

Час ночи.

Странно, но он, в конце концов, испытывал спокойствие. А ведь не должен был, поскольку узнал, что его дочь может погибнуть чудовищным образом, растворенная каким-то психом в чугунной трубе с помощью пары кружек «крота». Но ведь он не получил сообщение с кучей костей, плавающих в щелочном «вареве», а всего лишь с нерезким снимком трубы. Это означало приглашение в игру, а в любой игре можно выиграть. Даже если карты крапленые, и одна сторона диктует правила по своему разумению — все равно, выиграть можно. Потому у него сейчас не было никакого иного выхода, как подумать. А потом победить.

Это был логичный выбор.

Шацкий прибрал на столе, сделал себе большую кружку заварного кофе, положил перед собой материалы следствия по делу Наймана и начал думать.

Два часа ночи.

Ему было сложно преодолеть желание незамедлительно действовать. После каждой мысли возникало желание хвататься за телефон, вытаскивать из кроватей Берута, Фалька и Франкенштейна. Беседовать с ними, указывать, что делать, громким голосом отдавать

приказы. И всякий раз, чуть ли не физическим усилием он убеждал себя не делать этого, сначала необходимо все разложить в голове, составить план, пересмотреть его раза четыре и только потом внедрять. Комбинировать следовало быстро, на все про все у него было, самое большее, часа четыре, может, пять.

Прежде всего, он предположил, что следует написать собственные правила игры. Смухлевать, и, благодаря этому, победить. Как в той знаменитой сцене с Индианой Джонсом. Противник размахивает саблей, уверенный, что через миг порубит археолога на кусочки, на что тот вытаскивает пистолет и завершает дело одним выстрелом. Его ситуация была аналогичной. Противник размахивает инкрустированной саблей, крутит пируэты, хвастает всем своим добытым за многие годы фехтовальным мастерством, планирует, как он в последующих перемещениях и ударах станет унижать, показывать свое превосходство — и получает маленькую пулю прямо между глаз. Бах.

Вот какова была стратегия Шацкого: бах.

Она означала, что ему следовало действовать непредсказуемо, чуть ли не иррационально. Этот способ должен быть совершенно иным, чем предусмотрел противник. Только так сможет он вставить ему палку в колеса.

Шацкий пришел к такому выводу и понял, что если он сам желает действовать таким образом, необходимо принять самое трудное решение в жизни. Не только профессиональной, но и жизни вообще. Преступник наверняка предусматривал, что сейчас Шацкий воспользуется своим положением звезды прокуратуры, чтобы развернуть операцию, которая станет темой дня номер один не только польских, но и мировых информационных агентств. Эксперты будут анализировать фотографию трубы, информатики своими путями будут устанавливать, откуда было передано сообщение. Любая запись с камер на трассе «школа — Эбдо^[108]» будет просмотрена и проанализирована. В дело вступят проводники с собаками. Вся полиция будет брошена на то, чтобы допросить всех, кому в тот день не посчастливилось пребывать в центре, и которые чего-то там могли видеть. Самые обычные действия, реализуемые в случае похищения, только доведенные до абсурда: портреты Хели круглосуточно по всем телевизионным каналам, репортеры, в режиме реального времени ведущие передачи из-под ее школы.

У Шацкого было огромное желание начать действовать именно этим классическим образом, каждый нейрон в его голове вопил, чтобы хозяин поступил именно так. Каждый? Почти что каждый. Горстка защищалась, утверждая, будто бы преступник просто обязан был предвидеть подобные рутинные действия. Более того: он наверняка их ожидал. И как раз потому он должен был поступить наоборот. Укрыть перед всем миром факт похищения, не сообщать никому, загадку решить самостоятельно и только лишь после того наносить удар.

Он размышлял о споре Фалька и Клейноцкого. Ассессор утверждал, будто бы данную ситуацию нельзя сравнивать с аутодафе, убийства, совершенного в какой-то лесной хижине — с публичной экзекуцией, которая должна была привлекать толпы и информировать, чего делать можно, а чего — нет. Клейноцкий аргументировал, что, возможно, все дело должно стать публичным и видимым лишь тогда, когда движущая делом личность посчитает это необходимым. И, похоже на то, что он был прав. Постройку места для сожжения они преждевременно приняли за экзекуцию.

Огонь должен был вспыхнуть, когда публика будет соответствующим образом возбуждена и надлежащим образом подготовлена. Вот в этом был смысл. Костер следует поджигать тогда, когда толпа заполнит рыночную площадь, и нужно быть уверенным что

она не разойдется до тех пор, пока не получит своей доли крови и сенсаций. Разве кто-нибудь, находящийся в здравом уме, спалил бы колдунью походя, без рекламы, в связи с чем большая часть горожан оставалась бы в уверенности, что где-то в центре вспыхнул небольшой пожар, но его, похоже, тут же и погасили.

Вопрос, как поведет себя преступник, если увидит, что, вопреки его ожиданиям, безграничная истерика в связи с исчезновением дочери прокурора начата не будет.

Да, это был хороший вопрос. Шацкий встал и начал ходить вокруг своего письменного стола. А за окном царила чернейшая из всех черных ночей. В черной зеленой дыре не мигали желтые огни строительных машин, давным-давно отключили иллюминацию собора. Чернота, и ничего более.

И как он себя поведет?

Поначалу, наверняка, будет ждать. Маленькими глоточками попивать йерба матэ или чего там попивают люди с комплексами, наверняка что-то здоровое, пялиться на экран с «Полсат Ньюс», слушать «Радио Ольштын и каждую минуту обновлять главную страницу местного информационного портала. До полудня будет спокоен, после полудня начнет раздумывать, а в чем же дело, вечером же посчитает, что поведение Шацкого и органов правосудия обязано представлять собой элемент стратегии. Если у него имеются какие-то ходы (о чем подозревал Клейноцкий) в полиции или прокуратуре, он попытается выяснить, что это за стратегия. А если не выяснит, почувствует беспокойство.

И вот тогда он может посчитать, что план необходимо переорганизовать. И что лучше реализовать его с усеченной публикой, чем не реализовывать вообще.

Прокурор Теодор Шацкий пришел к этому выводу, вернулся к столу и тяжело уселся за ним.

Его внутренняя убежденность соглашалась с результатами логических рассуждений: если он желает спасти Хелю, то обязан сделать это сегодня, и обязан сделать все это сам. Посвящать кого-либо в его ситуацию и в его собственные намерения — дело слишком уж рискованное.

У него было полтора десятка часов. Может быть и меньше, но наверняка не больше.

Три часа ночи.

Выбор соответствующей деятельности казался ключевым. Шацкий мог предполагать, что наиболее очевидные решения были предусмотрены его противником, и что они никакого результата не принесут. То есть, бросаться на жену Наймана и его компаньонку просто не имеет никакого смысла. Имеется надежда, что Беругу удастся обнаружить любовницу-призрак, но сам он себе сейчас надеяться позволить не мог. Понятное дело, это поможет, если ее найти, но сейчас следует предполагать, что такого не случится.

Что он может сделать такого, чего еще не сделал, и что является настолько неочевидным, что этот вот чертов псих такого предусмотреть не мог?

Какое-то время он обдумывал вариант, что дело палача с Рувней и Наймана связаны, что мужика без голосовых складок следует приписать к списку жертв вместе с самим Найманом и владельцев ладоней и слуховых косточек. Интуиция подсказывала, что он напрасно теряет время, ведь мужика с Рувней никто не растворил, просто устроил охрнительную взбучку за издевательство над женой, случай это не первый и не последний. Наверняка это устроил кто-то из родичей жертвы, какой-то брат или шурин. Вот только взбучка эта была не обычной. Мужик был серьезно покалечен, тем не менее, были приложены старания к тому, чтобы он не умер.

Почему?

Может потому, что и его жена не умерла?

Шацкий постучал ручкой по лежащему перед ним листку бумаги.

— О'кей, — произнес он; его охрипший голос в пустом и идеально тихом кабинете прозвучал неприятно. Шацкий вздрогнул, как будто бы только обнаружил, что кто-то стоит у него за спиной. — Попробуем.

Он решил обдумать версию того, что некий фанатик правосудия карает виновных в домашнем насилии. И порядок намеревается вводить не через суд, но разжигая костры инквизиции. Химические костры, в которых языки пламени заменены гидроокисью натрия.

Но поскольку он справедливый, то не убивает их как попало, а лишь распределяет справедливую кару. Потому-то мужика с Рувней калечат, заботясь о том, чтобы он не умер. И хрен его знает, почему калечат именно таким образом; может быть преступник знает чего-то такое, чего они, следователи, не знают. Психическое насилие, словесное унижение, агрессия, крик, постоянное вдалбливание женщине, что та является ничего не стоящим ничем. У него отобрали орган речи, чтобы он уже никогда и никого не оскорбил словом.

Шацкий скривился.

Слишком натянуто.

Разве что тогда смерть Наймана должна была стать наказанием за чью-то смерть. Снова Шацкий пожал плечами. Жена Наймана жива, и живет очень даже неплохо, то же самое с ребенком и компаньонкой. Ни одна из этих женщин ни о каких странных событиях из его прошлого не упоминала, а после его смерти не было повода, чтобы страх перед мужем и партнером по бизнесу их удерживал. Найман не фигурировал в какой-либо базе данных, он не только не был осужден, но его и не обвиняли, ему не предъявляли претензий по какому-либо делу.

И вдруг в голову пришла идея. Шацкий протянул руку к полке, но оказалось, что нового варианта УПК там еще нет, но он быстро отыскал нужный документ в компьютере.

А вот этого наш безумец не ожидает.

2

Не было и речи о том, чтобы сказать об этом при нем вслух, но вот уже много лет ей не было так хорошо. И она провела рукой по буйным, буквально комическим зарослям на его грудной клетке. Черные волосы сильно вились; когда она расчесывала их пальцами, они выпрямлялись, а потом снова сворачивались будто пружинки. В те времена, когда они еще занимались танцами, грудная клетка у него была гладенькой, тщательно депилированной.

Указательным пальцем она коснулась его адамова яблока, затем провела зигзагообразную линию через заросшую грудь, вокруг пупка (он терпеть не мог, когда она там касалась), через лонный холм и вдоль до сих пор теплого и влажного от ее влаги члена.

Она так надеялась, что он поддастся ее касанию, но он, вместо того, поцеловал ее, лишь бы отцепилась, поднялся и подошел к окну. Мальчишеское телосложение, стройный, что свойственно для тех, кто в молодости интенсивно тренировался.

— Мне тебя не хватало, — сказала она.

Эдмунд Фальк, соглашаясь, несколько раз кивнул, но в ее сторону не повернулся.

— Что-нибудь сделаем с этим?

— В смысле?

— В том смысле, что, раз уж живем в одном городе, то не так уже и сложно сделать так, чтобы нам не хватало друг друга меньше.

Она поднялась с кровати и подошла к нему. Ее квартира находилась на самом верхнем этаже жилого комплекса на Яротах, с замечательным видом на город. И тем более замечательным, что дом, в котором они находились, никак этот вид не портил.

— Я думал об этом, — сказал он, а из голоса уже улетучилась мягкость, вызванная сексом. — Долго думал. И все это не имеет смысла по очень многим причинам.

— Что, в прокуратуре ввели обязательное безбрачие? — спросила она ехидно, не желая дать по себе понять, насколько обидели ее его слова.

— Понимаешь, дело не в этом. Сейчас я ассессор, когда сдам прокурорский экзамен, то, возможно, останусь здесь, но, возможно, меня вышлют на другой конец Польши. Строить жизненные планы в моем случае было бы нелогичным. Связываться с кем-то — это была бы совсем жесть. А кроме того, моя работа. У меня складывается впечатление, что она меня меняет. Гораздо сильнее, чем мне казалось. И я не хочу, чтобы это нечто меняло еще и других, особенно — тебя.

— Пиздеж.

— Логичный выбор.

Она не стала комментировать. Может быть, потому, что перед этим в его голосе звучала решительность, а в последнем предложении — печаль.

3

Четыре часа ночи.

Шацкий уставился на неоднократно зачеркнутое слово «КОСТИ» и думал над тем, можно ли каким-то образом вставить отдельные косточки в схему варминьского инквизитора (средствам массовой информации это прозвище ужасно бы понравилось), и существует ли какой-либо способ, чтобы идентифицировать останки. Ключ, который позволил бы сузить группу лиц, ДНК которых необходимо было бы сравнивать.

Две мужские ладони. Интерпретация навязывалась сама. Некий дамский боксер попал в черный список инквизитора. И очень быстро утратил свои любимые орудия. Только лишь это, или же еще и жизнь? Неизвестно. До сих пор они предполагали, что жизнь. Что безрукий умер таким же образом, что и Найман, живьем растворенный в щелочи, на это указывали следы железа на пальцах, доказательства того, что тот любой ценой пытался выбраться из чугунной трубы.

Эта мысль заставила его застыть. До сих пор ему удавалось отодвигать от себя мысли про Хелю. О том, в какой ситуации та сейчас находится. Он боялся того, что истерика захватит его, и тогда он будет тратить время напрасно. Но сейчас, когда пришла мысль о чугунной трубе, он вдруг представил себе свою дочь, которую он сопровождал с момента рождения, замкнутую в подобного рода месте, и тут же не смог дышать, слезы навернулись на глаза.

Чтобы успокоиться, понадобилось какое-то время.

Истерикой ей не помочь, повторял он сам себе, истерикой ей не помочь.

Шацкий посчитал, что если владелец ладони погиб, определение его личности становится практически невозможным. Но если его только лишь лишили ладони, возможно, предварительно удерживая в трубе какое-то время — это бы объясняло, что в пароксизме страха тот пытался из нее выбраться, из-за чего довел собственные пальцы до подобного состояния. Такая версия еще дарила надежду. Как в хирургических отделениях, так и у поставщиков протезов должны были бы помнить мужика, который вдруг утратил обе ладони.

И слуховые косточки. Вот это была загадка. Комплект женский и комплект мужской. Шацкий не понимал, каким образом орган слуха может стать элементом насилия. Кто-то слушал недостаточно активно? Был глух к эмоциональным проблемам собственной супруги? Нет, это уже какая-то чушь, тем более, что один комплект был дамским. Или речь идет о детях? Родители, которые не слушали своих детей, потому что предпочитали жарить мясо на гриле. Шацкий не мог заставить себя пойти по этому следу.

Наверняка суть здесь в чем-то другом.

Он поднялся из-за стола, встал у окна. Идеальная чернота все так же была черной, но город постепенно пробуждался к жизни, Шацкий давно уже заметил, что здесь люди вставали раньше, правда, и работу заканчивали тоже раньше. Он выругал себя за то, что мысли отвлекаются на маловажные дела.

Кто-то гибнет. Потому что довел до чьей-то смерти.

Кто-то теряет голос, потому что унижал другого.

Кто-то теряет ладони, потому что бил.

Все ясно.

Кто-то теряет слух, потому что?

Прокурор отвернулся от окна, начал ходить по кабинету, сделал несколько кругов вокруг стола, уселся, нервно поправил вытащенные из папок протоколы, чтобы те лежали ровно.

И вот его осенило.

Он ведь сам говорил об этом по радио. Сам, буквально только что, апеллировал к свидетелям насилия, чтобы те оставались бдительными, чтобы не рассчитывали на то, что проблема рассосется сама собой. Что от их отношения может зависеть, пускай и не счастье, но здоровье и жизнь.

Похоже, владельцы слуховых косточек не отреагировали вовремя. Молоко сбежало, а варминьский инквизитор посчитал, что за это их следует наказать. Наказание жестокое, хотя и не совсем, ведь слух они утратили только в одном ухе.

Шацкий уловил себя на мысли, что если его предположения верны, то он, похоже, мог бы понять мотивы безумного преступника. Ба, какая-то небольшая часть его самого с этими мотивами даже была солидарна. Свидетели насилия, которые стояли и колупались в носы, вместо того, чтобы донести в полицию, что происходит нечто нехорошее, в свете права были совершенно безнаказанными, лежащая на них обязанность донести куда следует была обязанностью моральной, а такие обязанности всем, как правило, до лампочки. Сам Шацкий, естественно, охотно включил бы в кодекс хотя бы штраф за нежелание реагировать, но, раз этих штрафов пока что нет, то да, подобного рода искалечение может показаться экстремальным, но если чья-то пассивность привела к смерти...

Честное слово, в какой-то степени он даже готов был с этим согласиться.

Только вот как найти кого-то, кто был лишен слуха? Поручить кому-нибудь обзвонить все отоларингологические отделения в округе?

— Курва, — сказал он сам себе.

Ну как же я мог этого не заметить, — подумал он. Наверное старею.

Пять утра.

Шацкий согласился с тем, что нуждается в союзнике, даже если этот союзник и не будет посвящен абсолютно во все. А самому проверить план, который сложился в голове, ему не удастся.

Несколько секунд он еще колебался, крутя в руке телефон. Наконец принял решение и позвонил Яну Павлу Беруту.

Убежденность в собственной смертности — это вещь не врожденная, но приобретенная; появляется она лет около тридцати, иногда и ранее, если у нас рождаются дети, и неожиданно мы начинаем бояться, что не всегда сможем быть с ними вместе. Бездетная девица шестнадцати лет, естественно, интеллектуально понимает и принимает тот факт, что раньше или позднее, но умереть придется, но вот в эмоциональном плане она просто не может быть этим тронута. Возможно, на какую-то малость, на том же самом принципе, на котором нас трогает война в Сирии, когда мы смотрим телевизионные новости. Ну да, все это ужасно и вообще, все эти убитые дети и беженцы, но необходимо проверить лазанью в духовке, ведь через пару минут придут гости. Поэтому дочка прокурора Хелена Шацкая на начальном этапе дезориентации и испуга с аппетитом поглощала завтрак, привезенный похитителями из Макдональдса. Как правило, подобного рода еды она сторонилась, но посчитала, что на этот раз все грехи ей прощаются на все сто. Поэтому съела какие-то совершенно чудаческие булочки, которые в фастфудах появляются в предложении для завтрака, запила громадным шоколадным шейком, после чего завалилась на кровать с большой кружкой кофе на молоке.

Размышлять она пыталась логично. В течение всей жизни она только и слышала от папы: «Сначала думаем, потом делаем». Как правило, она сама об этом либо не думала, либо ей было на это наплевать, но теперь посчитала, что если чьи-либо советы и могут пригодиться в жизни, то это советы опытного прокурора.

Момента похищения она не помнила. Она возвращалась домой мимо парка над Лыной, и наверняка каким-то образом ее лишили сознания, поскольку следующее, что помнила, это пробуждение среди ночи в этом вот помещении. С похмельным синдромом и неприятным привкусом во рту, что наверняка указывало на то, что было применено какое-то химическое средство. На ней не было каких-либо ран, следов грубого обращения, синяков или отпечатков от веревок. К счастью, никто не покушался на ее честь, а это была первая паническая мысль, переполнившая ее после пробуждения.

Короче, принимая во внимание, что она была жертвой похищения, баланс был даже положительным.

Часов она не носила, мобилку у нее отобрали, но от пробуждения до рассвета должно было пройти часа три. А это означало, что от момента похищения до пробуждения прошло около восьми-девяти часов. А это означало, что находиться она может где угодно. Под Ольштыном, под Острудой^[109] или под Вроцлавом. Но, скорее всего, в Польше, поскольку все оснащение ее камеры было родом из родимой страны или произведено популярными в

Польше фирмами.

Помещение находилось на первом этаже дома для одной семьи, не старого, но и не слишком нового. Запах был нежилой. За зарешеченным окном девушка видела кусок неухоженного газона и стену смешанного леса. Место должно было находиться на выселках, ведь она могла открыть окно, а ей этого не позволили бы, если бы криком можно было привлечь соседей.

Потому Хеля и не кричала. И сил жалко, опять же, кто-нибудь мог и начать нервничать.

Никого из похитителей она не видела. И она понятия не имела, то ли это один человек, то ли целая шайка. Еду она получила таким вот образом: светодиод замка на двери сменил цвет с красного на зеленый. Какое-то время Хеля пялилась на огонек, потом потянула круглую ручку. За дверью находилось небольшое помещение, что-то вроде маленькой прихожей. Массивная дверь, на сей раз без ручек и без светодиодов отделяла ее пространство от остальной части дома. Девушка догадывалась, что обе пары дверей управляются с другой стороны, создавая из прихожей нечто вроде шлюза, в результате чего у нее не было никакого контакта с похитителями. По крайней мере, пока те сами того не желали.

Несмотря на все эти средства предосторожности и полнейшее отсутствие контакта с похитителями, Хеля подозревала, что похитила ее женщина, или же, что в шайке женщина имелась. Об этом свидетельствовало оснащение туалетной комнаты. Мыло, зубная паста, зубная щетка — о таком подумал бы каждый. Тампоны и прокладки требовали уже мужчину с большей степенью понимания. А папа всегда повторял, что преступники — это дебилы. В конце концов, всегда имеется причина, из-за которой они сделались преступниками, а не председателями наблюдательных советов. Но Хеле сложно было представить, чтобы мужчина был способен подумать о жидкости для снятия макияжа. Нужно быть женщиной, чтобы знать, что это наиболее важный, помимо гигиенических прокладок и зубной щетки составной элемент косметички.

Помещение было уютным и убранным, обстановка — самая скромненькая. Она заставляла подумать, скорее, о монастырской келье, чем о гостиничном номере. Кровать, матрас и постельное белье из Икеи, все самого дешевого сорта; постельное белье совершенно новое, с квадратными заломками от хранения в упаковке. Небольшой столик и стул, и то, и другое, бывшее в употреблении, с распродажи. На столике стояла небольшая лампа, из разряда тех, которые в Кастораме покупают возле кассы за десять злотых. Хеля подумала, что, возможно, здесь кого-то заставляли работать, чего-то писать.

Совершенно удивительным было наличие телевизора: прикрепленного к стенке небольшого «самсунга». Пульта управления нигде не было видно.

В микроскопической туалетной комнате унитаз, умывалка и вмурованное в стену зеркало. Никакой тебе ванны или душевой кабины. Какое-то время Хеля размышляла над тем: хороший это знак или плохой. С одной стороны — хороший, некто, помнящий о жидкости для снятия макияжа, скорее, не держал бы ее неделями в помещении без душа. Но обязательно ли это хороший знак? А вдруг это какое-то временное место, прежде чем она сама попадет на хирургический стол или в турецкий бордель.

Что-то сегодня ее собственные шутки никак не смешили.

Более тщательный осмотр подтвердил, что она не является первой обитательницей камеры. Отодвинув кровать, над самым плинтусом Хеля увидела процарапанную в штукатурке надпись: «ПОМОГИТЕ!».

Вроде бы, это должно было ее тронуть, но Хелена только тяжело вздохнула, признав, что перед этим здесь держали в плену идиота. Царапать подобные истерические глупости не имело никакого смысла. Разве что, если кому-то это приносило облегчение. Девушка пару секунд подумала про инструмент, в конце конов, оборвала язычок молнии на джинсах и процарапала рядом следующее: «ХЕЛЯ 4.12.13 г., 6:00 + 1».

Если кто-то найдет это место, когда ее саму уже отсюда заберут, он узнает, что здесь она была около семи утра. Она собиралась прибавлять по черточке после плюс-минус каждого полного часа, таким образом отмечая течение времени. Эта информация может быть ключевой для того, кто станет определять рамки поисков.

Потому что у Хели не было никаких сомнений, что кто-то ее искать станет, и что этим «кем-то» будет ее отец. Именно эта мысль успокаивала больше всего — мысль, что мало у кого из жертв похищений в несчастье имеется столько счастья быть дочерью Шерлок Холмса прокуратуры. Как иногда в своих шутках она называла отца.

Она любила его, но еще очень гордилась им. Из-за того, что он стоит по нашу сторону баррикады, что его работа заключается в том, чтобы справедливость восторжествовала. А еще тем, что у него по-настоящему случаются приключения детектива из книжки, что он умеет решать необычные загадки и прийти до истины даже тогда, когда никто другой этого не может. Сама она об этом с отцом не разговаривала, сам он о своей работе, скорее, не рассказывал, дочь прокурора Хелена Шацкая отрывочно знала все сообщения прессы относительно своего папы.

И тут же она подумала о том, что, несмотря ни на что, существует шанс, и даже серьезный, что она никогда его уже не увидит.

И в первый раз с момента похищения ей сделалось по-настоящему кисло.

5

Прокурор Теодор Шацкий подумал, что его пропавшая дочка была, похоже, чрезмерно вежливой, когда называла его «яростным». Слово ярость звучало благородно и достойно, сам же он, похоже, попросту очень легко заводился. Наверное, это не звучало столь красиво, зато более верно передавало состояние эмоций Шацкого, например, сейчас.

Прямо сейчас прокурор был на таком взводе, что ему хотелось схватить за голову сидящего перед ним Витольда Кивита и бить ею в разделявший их дубовый стол, пока кровь не начнет капать на пол. Прокурор чувствовал, что только лишь такой вид принес бы ему облегчение.

Поэтому, исключительно на всякий случай, он откинулся на спинку стула.

— Честное слово, мне очень жалко, что я не могу вам помочь, — в ...надцатый раз повторил Кивит.

Шацкий покачал головой, словно ксёндз в исповедальне, готовящий детишек к первому причастию. Он глянул на висящие над камином украшенные часы. Половина десятого. Вот уже полчаса сидел он в оставшемся от немцев домике в Рыбаках^[110] и пытался вытянуть из Витольда Кивита, кто же частично лишил того слуха. Безрезультатно. Хотя направляясь сюда, прокурор был свято уверен, что все это будет лишь формальностью.

За четыре часа перед прибытием Шацкого, Витольд Кивит, пятьдесят два года, как раз чистил зубы, когда к нему в двери постучал Ян Павел Берут. Печальный полицейский с

довоенными усами разговаривать не желал. Он представился, пошел в ванную комнату, в которой все еще горел свет, и текла вода. Там, не обращая внимания на протесты Кивита, он приказал тому хорошенько прополоскать рот, а затем ваткой на длинной палочке — которая Кивиту крайне неприятно ассоциировалась с сованием чего-то в ухо — покопался у хозяина во рту. И, не говоря ни слова, вышел.

Через двадцать минут образец ДНК уже был у профессора Франкенштейна на Варшавской. Через полтора часа, около восьми, ученый позвонил Шацкому и сообщил, что ДНК Витольда Кивита соответствует ДНК мужского комплекта слуховых косточек принадлежавших их скелету.

Таким вот образом прокурор Шацкий одержал первую в этот день победу. Он подтвердил, что дело Кивита, одно из мелких, несущественных делишек, которые велись прокуратурой, теперь связывается с его следствием. Чистая случайность, что дело лишившегося слуха предпринимателя вел именно Фальк, который обязан был сообщать патрону о всех своих начинаниях. В противном случае, он бы не имел о ней понятия, и никак не связал бы то, что таинственное искалечение связано со столь же таинственным появлением слуховых косточек в скелете Наймана.

У него появилась зацепка. И у него имелся свидетель, которого нужно было прижать. После чего, можно было начать действовать.

Во-первых, он договорился о беседе с Кивитом, угрожая уголовной ответственностью, когда тот начал протестовать. Во-вторых, он снабдил Берута необходимыми бумагами и выслал его в суд и в Ставгуду, чтобы организовать процессуальный эксперимент. Эксперимент, который должен был дать новую победу и очередную зацепку. В-третьих, через Эву Шарейну потребовал в свое распоряжение полицейский патрульный автомобиль. У него не было ни времени, ни сил на управление машиной, ни на стояние в пробках. Когда та выразила удивление, он умилил ее, расточая планы своих выступлений в роли пресс-атташе, говоря о том, как он продумал все дело и понял, что коммуникация иногда может стать важнейшим элементом следствия. Ведь удовлетворенное общество — это общество, всегда готовое предоставить помощь. Каким-то образом, Шацкому удалось сдержать рвоту вместе с этой ложью, и этой маленькой победой он тоже был ужасно доволен.

И, наконец, пользуясь своим положением патрона Фалька, он затребовал материалы дела Кивита. Дело он вспомнил довольно быстро: две недели назад скорая помощь привезла в больницу Витольда Кивита — пятьдесят два года, жена, двое сыновей, владелец фирмы, производящей брезентовые тенты, адрес проживания: Розовая аллея. Серьезное повреждение органа слуха указывало на участие посторонних лиц, потому больница известила полицию, в прокуратуре же дело поручили Фальку. Пострадавший, вопреки какому-либо здравому смыслу, утверждал, что увечье нанес себе сам, и не желал показывать на ответственных за случившееся. Из протокола допроса ничего не следовало, Кивит упрямо талдычил свою версию.

Направляясь в деревню Рыбаки на заднем сидении полицейской машины, прокурор Теодор Шацкий был уверен, что, будучи опытным следователем, к тому же снабженный доказательствами в виде анализа ДНК, он без труда склонит Кивита к тому, чтобы тот сказал правду.

Через полчаса беседы у него сложилось впечатление, что еще никогда он так не ошибался. Легче было вытащить себе кишки через нос, чем извлечь что-либо из Кивита.

— Я думаю, что вы ошибаетесь, и что вы наверняка способны помочь, — спокойно

произнес Шацкий, — только вы этого еще сами не осознаете.

За Кивитом стоял мящанский буфет с хрусталем, стекло в котором было настолько чистым, словно его мыли трижды в день. Шацкий присмотрелся к собственному отражению и поправил слегка съехавший в сторону галстук.

— Ну, я понимаю, но и вы поймите, это была травма. Было скользко, а я шел...

— Да, конечно, — перебил хозяина Шацкий. — Это я уже слышал. Вы не желаете говорить правду, о'кей. Гражданская ответственность вам до лампочки, тоже о'кей. А теперь послушайте о последствиях. Я найду людей, которые вам это сделал. Раньше или позднее. У этих людей на совести гораздо больше, чем ваше ухо... — По лицу Кивита промелькнула тень ужаса. Очень похожий на тот, который днем ранее Шацкий видел в глазах палача с Рувнэй. — ...потому это будет громкое дело, о нем будут много говорить, приговоры высокие. И в ходе подобного рода следствий всегда появляются, как это определяют военные, побочные потери. Так я обещаю, что вы станете такой потерей. Вы официально замешаны в это дело, вы находитесь в круге интересов органов правосудия, я же обвиню вас в утаивании информации о преступлении плюс еще несколько параграфов поменьше. Понятное дело, скорее всего все закончится на условном, только вы же знаете, как оно бывает с осужденными. Банк отказывается выдать кредит, налоговая начинает интенсивно интересоваться, контрагент бежит... Не пройдет и года, как вы окажетесь без фирмы, без перспектив, возможно — и без семьи, весь в долгах, как в шелках, поглощая сердечные препараты горстями... И, возможно, тогда вы подумаете, что хуже уже быть не может. И это будет ваша огромная ошибка. Потому что я только начну раскрутку. Вы же читаете газеты, безнаказанные чиновники, способные уничтожить честного человека и так далее... Читаете же?

Кивит кивнул.

— Так вот — я как раз из таких чиновников.

Кивит пожал плечами. Он огляделся по гостинной, не крутится ли где-нибудь жена, склонился над столом и еле заметно кивнул, чтобы Шацкий приблизился к нему. Прокурор сдвинулся вперед, от лица допрашиваемого его отделяло десятка полтора сантиметров. Это было самое обыкновенное лицо поляка пятидесяти с лишним лет, которому не всегда удается справиться с излишним весом. Лицо бледное, слегка одутловатое, блестящее от пота и в оспинках. Лицо свежесвыбритое; в нескольких местах, под носом и на подбородке, где щетина самая жесткая, Шацкий видел бордовые точки — следы от микроскопических повреждений кожи электробритвой. Шацкий глядел в светлые глаза Кивита и ждал.

— А мне на это насрать, — тихо сказал предприниматель, — одарив прокурора запахом переваренного мяса и зубной пасты. — Все это мне похую, потому что вы мне хуй что можете сделать. Скорее уж возьму вас сейчас за руку, поведу в ванную и на ваших глазах ссать буду, чем скажу хотя бы словечко. Вам понятно?

Шацкий уже открывал рот, чтобы дать достойный ответ, как их перебила супруга Кивита:

— Перестаньте уже придирааться к моему мужу! Он свое уже прошел. Или хотите, чтобы у него инфаркт случился?

— Охотно перестану, — спокойно ответил на это Шацкий, выпрямляясь на стуле. — Охотно перестану, если он, наконец, перестанет лгать и скажет правду. Обещаю, что тут же исчезну, и больше вы меня не увидите.

Жена Кивита, худощавая пятидесятилетняя женщина с внешностью и прической

супруги Леха Валенсы, Дануты, глянула на своего мужа. Правды, скорее всего, она не ожидала, но надеялась на то, что супруг избавится от чужака.

— Я подам официальную жалобу, — строго заявил Кивит.

— Послушайте меня, — обратился Шацкий к супружеской паре. — Вы, хозяин, наверняка это знаете, но вот для хозяйки эта информация, возможно, будет в новинку. На вашего мужа напали и искалечили, потому что он что-то слышал. Из полученных в ходе следствия сведений следует, что он, наверняка, был свидетелем домашнего насилия. Он не отреагировал, с кем-то произошло несчастье, в связи с чем какой-то сумасшедший решил вашего супруга наказать. И сумасшедший этот не первый встречный. — Шацкий поднял палец вверх. — Стопроцентный, самый настоящий псих, способный на самые чудовищны преступления. Который находится на свободе, потому что ваш муж — долбаный трус. Который мало, что не донес, что кому-то делают плохо, так сейчас еще и затрудняет следствие, и вот за это как раз отправится за решетку. Рекомендую сразу же выяснить, как ходят автобусы на Барцево. Потому что ваш автомобиль пойдет на штрафы и на адвокатов.

Шацкий поднялся с места и застегнул пиджак. Он не давал по себе видеть, в каком отчаянном положении очутился. Нет, ну ведь не может же это быть глухим тупиком, никак невозможно.

Краем глаза он заметил движение, тень. Чутко огляделся и увидел в отражении в стекле буфета, что в двери, ведущей на кухню, стоит худой подросток, из тех, о которых учителя в учительской говорят, что хлопец, возможно, и умница, но с этой его сверхчувствительностью в жизни ему будет ой как трудно. Худой, высокий — даже выше Шацкого — блондин с очень светлыми волосами. Из глаз его лучилась доброта, прокурор не имел бы ничего против, если бы у Хели был такой парень.

И он почувствовал, как неожиданно напряглись все мышцы, когда перед глазами промелькнуло, что может случиться с дочкой. Наркотики, которыми ее могут пичкать, вонючий матрас, очередь бойцов мафии, чтобы усмирить новенькую; успокоиться незнанием Шацкий не мог, потому что вел несколько дел, связанных с торговлей живым товаром.

И он не мог выйти отсюда с ничем. Несмотря на то, до какой еще границы придется продвинуться.

— Будьте добры, оставьте нас на минутку одних. Обещаю, что всего на минуту. Потом я уйду.

Жена Кивита глянула удивленно, но вышла, сын направился за ней.

Хлопнула дверь.

— Каким-то образом, я вас понимаю, — мягким голосом произнес Шацкий. — Они доказали, что способны на ужасные вещи. Лично я — всего лишь чиновник, вооруженный печатями и параграфами. Я могу устроить вам немало хлопот, но давайте договоримся так, что вам придется написать всего парочку аннуляций, в конце концов, все станет на место.

Кивит глядел на прокурора чутким взглядом человека, понятия не имеющего, к чему ведет противник.

— Но помимо того, что я чиновник, я еще и очень плохой человек. Плохой человек, который не остановится ни перед чем, поскольку у меня имеется личная мотивация. Если вы мне не поможете, я отомщу. Вас я оставлю в покое. Жену тоже, ведь она вам, наверняка, до лампочки, все же знают, жена — не семья. Но вот сыновьям — не прощу.

— Вы им ничего не можете сделать.

— Я — не могу. Но вот другие — могут.

— Наймете мафию, чтобы их избили? Не будьте смешным!

— Можно было бы и так. Но я знаю лучшие способы.

Он склонился к Кивиту и с мельчайшими подробностями описал ужасную судьбу, которая может стать уделом его сыновей.

Предприниматель глянул на Шацкого с омерзением.

— Ну вы, блин, и перец, — сказал он. — Ну да ладно. У меня имеется предприятие, изготавливающее тенты, но еще и баннеры, впрочем, вы наверняка знаете. На подъезде к Барщеву. Там с одной стороны такая рощица с небольшими сосенками, а с другой стороны — дом на большом участке. Самый обычный, односемейный, с маленькими колоннами спереди. Семья самая нормальная.

Всегда это выглядит одинаково, подумал Шацкий, чувствуя усталость и скуку. Все сами себя считают исключительными, единственными в своем роде, а как только необходимо исключительность у других, вечно: «на первый взгляд, самая нормальная семья».

— И? — глянул прокурор на часы. К сожалению, время не стояло на месте, наоборот, стрелки, казалось, перемещались с заметной скоростью.

— Полгода назад весной случилось несчастье. Он отправился на работу, она осталась с ребенком, маленьким. Сломалась печка, окись углерода. Трагедия, в газетах постоянно об этом пишут, что это тихий убийца. А потом люди говорили, что это не несчастный случай, что там вообще нехорошее происходило.

— И она искала у вас помощи, правда?

Кивит замолчал, долго глядел в окно, как будто бы в сером тумане прятались ответы.

— Я был с сыном, старшим. — Хозяин кивнул в сторону холла, давая понять, что речь идет о пареньке, которого Шацкий только что видел. — Вот он принял это близко к сердцу, а я приказал ему не вмешиваться, потому что там все семейные дела, на кой ляд ему полиция, прокуратура, сплошные тебе неприятности. Сын не послушал, пошел туда к ним переговорить с тем типом. А тот над ним посмеялся, а потом как раз тот несчастный случай с печкой, странное такое стечение обстоятельств. — Кивит откашлялся. — Самые обычные люди, никакой патологии. На дворе горка для малого, прыгалка, небольшой бассейн. Нормальный дом. Несколько раз я беседовал с мужиком через ограду, нормально все, то ли про машины, то ли про то, как косить траву, не помню. Абсолютно нормальный мужик. Вы понимаете?

Шацкому не хотелось согласно кивать. Он ждал информации, которая бы ему помогла, а все трагедии всего мира ему были до лампочки.

— И вот кто бы по верил, что в подобной ситуации женщина просто не заберет детей и не хлопнет дверью. Прошу прощения, но я всегда, как слышу подобные истории, то вы же сами понимаете, значит — сама была виновата. В подвале е засов он же ее не закрывал. Ну да, иногда я слышал крики, когда до ночи сидел с бухгалтерией, но вы сами скажите, а кто дома не ссорится? Вот какая семья не ссорится?

— Вам известно, что с ним случилось?

— Вроде как у него суд в Сувалках, он там теперь у матери проживает, — сообщил Кивит. — Мать взяла над ним опеку после несчастного случая, пьяный водитель его сбил, теперь сидит в коляске и до конца жизни ссать будет в мешочек.

Он сообщил об этом совершенно естественным тоном, «ну, вы же знаете, разное бывает», а Шацкий понял, что даже нет смысла спрашивать, задержали ли водителя. Он

вопросительно глянул.

— Пан прокурор, — продолжал Кивит, неожиданно сделавшийся старше лет на пятнадцать. — Я понятия не имею, кто это был, и где они меня держали. Недолго, неполный день. Я сам ни с кем не разговаривал, да и мне никто слова не сказал.

— Где?

— Дом на лесной опушке. В Польше таких миллионы. Не новый, не старый — просто дом. Я даже не мог бы сказать, здесь это или где-то под Мальборком или Остролэнкой. Мне весьма жаль.

— Особые приметы?

— Телевизор на стене, — произнес Кивит настолько тихо, что Шацкий не был даже уверен, правильно ли расслышал.

— Что на стене?

— Телевизор. И операционная.

Кивит инстинктивно коснулся правого уха.

6

Она лежала навзничь, положив руки под голову, но вдруг в голову пришла мысль, что, возможно, за ней следят посредством камер, после чего села в позе жертвы похищения. Коленки подтянуты под подбородок, ноги охвачены руками, голова опущена. Ей не хотелось, чтобы какой-то псих увидел ее лежащей на кровати, из-за чего у него могли появиться дурацкие мысли. Больше всего Хеля боялась, что ее изнасилуют.

Она настолько боялась этого, что даже не могла об этом думать; мысли о насилии совершенно не клеились, не вели к придуманным образам и звукам, они просто шастали в голове, отражаясь от черепа, иногда какая-то из них цеплялась за нейроны, и тогда Хелю словно парализовало, она не была способной что-либо сделать или подумать о чем-то другом.

Она читала газеты, смотрела телепередачи. Она понимала, что может означать изнасилование, что в течение долгого времени многие люди будут считать ее просто куском живого мяса. Что они сделают ей ужасную неприятность, что никогда уже она не будет такой же, какой была. С изумлением она открыла в себе мысль, что легче представить свою смерть. Смерть была чем-то вроде перехода в неизвестное, да, она вне всякого сомнения означала конец, но могла быть и неожиданностью. А вот в изнасиловании неожиданности не было. Попросту, ей придется жить дальше, может быть, коротко, может — очень долго, и всю эту жизнь она проживет как женщина, которая свое взрослое существование начала с того, что была куском живого мяса.

И она решила, что если что, она попробует еще немного выдержать, а потом спровоцирует их к тому, чтобы ее убили.

7

Ошибся он ненамного. Шацкий был уверен, что Моника Найман будет ожидать его в холле, женщина же нервно мерила шагами подъездную дорожку. Когда он неуклюже

выбрался из патрульной машины марки «киа», женщина уже стояла рядом. Она подождала, пока прокурор захлопнет дверь и выпалила:

— Пан еще об этом пожалеет.

Дуновение холодного ветра, но другого, чем до сих пор, теперь сухого, морозного. Это был ветер, который обещает начало зимы. Шацкий застегнул пальто, глянул на Монику Найман, глянул на стоящий за ней серый дом, немного неухоженный, в самый раз для центра общественной помощи и центра терапии зависимостей. И действительно, оба центра размещались именно здесь, вместе несколькими иными учреждениями, которых здоровые, счастливые и богатые люди никогда не посещают.

Шацкий понимал бешенство пани Найман. Он не оставил ей выбора, когда послал к ней Берута с информацией, что либо та согласится на срочный допрос своего пятилетнего сына, либо прокурор перестанет принимать ее признания за достоверные. Прокуратура потребует принятия превентивных мер, передаст дело в суд по вопросам семьи, и ей придется объясняться перед кураторами, может ли она, будучи особой, подлежащей полицейскому надзору, обеспечить ребенку соответствующие условия. Все это Шацкий написал Беруту на листочке, чтобы тот прочитал женщине, он опасался того, что полицейский окажется мягким, чтобы эффективно шантажировать мать привлечением государственной машины, с целью отобрать у нее ребенка.

Женщину он понимал, но на нее ему было наплевать. Необходимо было действовать не так, как обычно, это был единственный его шанс. А раз от супруги Наймана не удавалось ничего вытянуть, он вытянет это из ее ребенка. Дошкольникам гораздо труднее удастся скрывать правду, чем их мамашам.

— У вас был шанс. Нужно было говорить правду, — заявил прокурор.

Какое-то время он еще глядел на нее, надеясь, что та передумает и расскажет ему все, что знает. Он чувствовал, что та раздумывает. Наверняка думает о том, а знает ли ребенок что-то такое, что бы могло стать для нее опасным. В конце концов, женщина отодвинулась, позволяя Шацкому войти в здание.

Тот прошел по темному коридору, украшенному мрачными плакатами, предостерегающими от зависимостей, прежде всего — от алкоголя («Самогон — причина слепоты»), поскольку в здании размещался терапевтический центр по работе с алкоголиками и наркоманами, думая, что дорога к дружественной комнате допросов должна выглядеть все же по-другому. Или это было сделано сознательно. Когда ребенок уже сойдет с глаз жертвы самогоноварения, допрос для него будет, словно любимые занятия в детском садике.

В конце коридора ожидала очередная женщина, не менее взбешенная, чем предыдущая.

— Если бы не Женья, — она в обвинительном жесте нацелила палец в Шацкого. — Если бы не то, что провела с ней в общежитии несколько лет, зубря анатомию...

— Я тоже рад видеть тебя, дорогая Аделя, — произнес Шацкий, неуклюже изображая радость от чистого сердца. Та у него никогда не выходила хорошо.

— Ладно, по крайней мере, окажи уж мне такую услугу: не старайся, — процедила та. — Мне нужно две недели для подготовки такого допроса, а не пару часов. Если бы не Женья, я только бы рассмеялась тебе в лицо, а может даже донесла о том, что тебе подобная мысль вообще пришла в голову.

Но ты согласилась, потому что в голосе старой подруги услышала нечто такое, что тебя убедило, подумал прокурор.

— Ты даже понятия не имеешь... — начал было он ее благодарить, но та его перебила.

— Не надо уже. У тебя имеются какие-то вопросы помимо тех, что передал мне твой мрачный типус?

Вопросы у него были.

Дружественная комната для допросов состояла из двух помещений. Первое представляло собой место для расспросов, устроено оно было словно небольшая детская комната. Пастельные цвета, детская мебель, плюшевые животные, игрушки, карандаши. Все камеры и микрофоны для тщательной регистрации прослушивания были спрятаны. Не было кровати, не было и шкафа, зато дополнительным, необычным элементом оснащения комнаты было зеркало на полстены.

За зеркалом находилось другое помещение, называемое техническим. Там следили за регистрацией допроса, там за беседой психолога с ребенком следили участники дела. В данном случае это были: подкомиссар Ян Павел Берут, Моника Найман, прокурор Теодор Шацкий и судья Юстына Грабовская. Судья была обязана присутствовать, поскольку, в соответствии с новейшими процедурами, ребенка можно было допросить всего лишь раз, а речь шла о том, чтобы допрос обладал доказательной силой в суде.

Шацкий, на первый взгляд, с безразличием прислушивался к необязательной беседе (она касалась героев мультиков) с маленьким Петром Найианом. Одним ухом он слушал какую-то чушь про слона в клеточку, не спуская глаз с монитора, на который техник переключал виды с разных камер. Общий план, оба собеседника в профиль, приближение на Аделю, крупный план маленького Петра. Над монитором электронные часы отмеряли время с точностью до сотых долей секунд, две последние цифры менялись быстро, сливаясь в пульсирующую точку, напоминая Шацкому о том, что каждая вспышка приближает смерть Хели.

11:23:42:пульсации.

Тем временем слон в клеточку ходил в гости к тете, история, похоже, была веселой, потому что из динамиков зазвучал громкий смех мальчишки и Адели. Шацкому очень хотелось зайти вовнутрь и усмирить компанию. Понятное дело, что он знал теорию допроса ребенка. Что необходимо применить техники собеседования, по мере возможности ребенка расслабить и выяснить ситуацию, объяснив, что он и не должен знать все ответы на вопросы, и что все это в порядке, просто нужно поиграть во взрослого, который совсем ничего не знает, и вот ему объяснить нужно. Да, теорию он знал, только сейчас его доводило до белого каления то, что все это тянется так долго.

— А ведь я так и не знаю, как же выглядит твой дом. — Аделя комично разложила руки, и малыш рассмеялся. — Расскажи, как выглядит то место, в котором ты играешься.

— Играюсь я в своей комнате. Там у меня и игрушки, и книжки, и паззлы. А еще такой ковер, как улица, чтобы можно было гоняться на машинках. А еще у меня есть лампа, в которой плавают пузыри.

— Цветные?

— Желтые, то есть *yellow*.

— Вот это да! Ты знаешь английский язык. А какие-нибудь другие цвета знаешь?

— *Orange*. Это будет оранжевый.

Аделя задохнулась от впечатления, а мальчонка покраснел от гордости. Тем временем Шацкий согласился с тем, что малолетний наследник туристического бизнеса более похож на отца, чем на мать. Физически. Это настолько, насколько мог оценить, помня фотографии

Наймана: широкое лицо, темные глаза, темные волосы, четко очерченные брови. А вот какого-либо подобия с матерью видно не было. Разве что только вырез губ. Если бы та сказала, что мальчик приемный, ни у кого не было бы сомнений.

— А ты где больше любишь играть игрушками: в детском саду или дома?

— В детском саду.

— А почему? Ты мне расскажешь?

Все вопросы должны были быть открытыми, нельзя было задавать вопросов, на которые ребенок мог ответить «да» или «нет». Это не гарантировало, что маленький свидетель понял вопрос; кроме того, в стрессовых ситуациях у детей наблюдалась тенденция соглашаться со взрослыми, если они не понимали вопроса. Или же не соглашаться, если у них спрашивали про неприятные вещи.

— В детский сад мы можем приносить свою игрушку, но это только в понедельник. А я тогда ссорюсь с Игорем, потому что мы хотим играть своими игрушками, а когда мы кричим, то получаем тучку.

Как и большинство малолетних детей, Петр Найман не мог поддерживать рассказа больше, чем в двух-трех предложениях.

— Ага, выходит, тучку получаешь в наказание. А что получают в награду?

— Солнышко.

— А дома какие-нибудь наказания и награды имеются?

— Я не люблю, когда мама на меня кричит. Тогда я даю ей тучку.

Супруга Наймана в глубине темного помещения откашлялась.

— А папа?

— Папа мой уехал, а когда вернется — никто не знает.

Супруга Наймана снова откашлялась, но на сей раз продолжила словесно:

— Пока что я не говорила ему, что отца нет в живых, подготавливаю постепенно. Неизвестно ведь даже, когда похороны, когда отдадите мне останки мужа. С этим вообще скандал, я хотела сказать, что подам жалобу.

Эти ее слова никто комментировать не стал.

— А вот скажи мне, часто бывает, что ты даешь папе и маме солнышки и тучки?

— Чаще всего — тучки.

— Я понимаю, это тогда, когда они ведут себя нехорошо. А что делают папа с мамой, когда ведут себя нехорошо?

— Кричат.

— А как тогда чувствуешь себя ты?

— Я злюсь.

— И что ты делаешь?

— Я не кричу, потому что кричать нельзя. Я должен быть вежливым и вести себя тихо.

— А что случается, когда ты все же не выдерживаешь и ве ведешь себя тихо?

— Тогда меня наказывают.

Мальчишка посмурнел. Он опустил голову, сполз со стульчика на ковер и начал рисовать.

— Мне можно сесть рядом с тобой? — мягким тоном спросила Аделя.

Мальчик кивнул, и психолог уселась рядом с ним.

— Тебе нужно сделать ноги в бантик, — маленький Петр показал взрослой тете, как садятся по-турецки.

Аделя села в соответствии с его указаниями.

— Очень хорошо, — похвалил ее парнишка.

— Никто ведь не любит, когда его наказывают, правда?

Мальчик согласно кивнул.

— А вот скажи мне, какие наказания ты не любишь более всего?

В техническом помещении все затаили дыхание.

Маленький Петр взял лист бумаги и начал что-то рисовать на нем карандашами. Аделя взяла желтый карандаш и пририсовала на его рисунке солнце.

— Я не люблю быть самому, — в конце концов буркнул малыш.

— А что это означает, что ты сам?

— Я должен быть в своей комнате, и мама, и я не могу выходить. Это когда меня наказали.

— Я не поняла. Ты хочешь мне сказать, что когда тебя наказывают, ты должен сидеть в комнате вместе с мамой?

Мальчишка недовольно засопел из-за того, что взрослая тетя не понимает его слов.

— Ты ничего не понимаешь. Когда наказывают, я должен сидеть в комнате сам.

Шацкий стиснул кулаки. Умоляю, просил он про себя, пускай эта ниточка хоть к чему-нибудь приведет. Пускай даст мне какой-нибудь рычаг, чтобы я мог прижать жену Наймана и выдавить из нее правду.

— Я затем и спрашиваю, чтобы понять. Мне просто было интересно, а где была тогда мама.

— Дома, — пацан пожал плечами, продолжая увлеченно рисовать.

Шацкий подумал, что все дети, похоже, одинаковы. Маленькая Хеля тоже всегда называла их большую комнату «домом».

— Но если ее наказали, она тоже сидит в своей комнате. Но в ее комнате есть телевизор, а в моей — нет. И я не могу смотреть сказки про то, как Франклин боится темноты. [\[111\]](#)

— А почему мама наказана?

— Это когда папа дает ей тучку.

— И что тогда происходит?

— Она должна сидеть у себя в комнате, я же говорю.

— А что тогда делаешь ты?

— Играюсь с папой.

— А как вы играетесь?

— Тебе нравится? — малыш показал Аделе рисунок: обычный детский рисунок, никаких черных дыр или багровых туч, никаких тебе мужчин с огромными членами или страшными рожами, которых обычно рисовали жертвы педофилии и домашнего насилия — семейство на фоне дома, оранжевые облачка, желтое солнце.

— Красиво! Мне очень нравятся облака цвета *orange*.

— Так это же по-английски! — мальчик весело рассмеялся.

— Ну, я ведь тоже знаю английский язык. Могу даже сказать: *blue*.

— Это синий! А в кино есть такой попугай блю, так он тоже весь синий.

Шацкий вознес глаза к потолку. Боже, дай мне силы не разорвать этого болтливого короэда.

11:47:18:пульсация.

— Я знаю это кино. Это ведь «Рио», правда?

— Ну да, «Рио». Я с папой в кино ходил.

Потому что мама получила тучку, подумал Шацкий и глянул на вдову Наймана.

Та, казалось, расспросами ребенка совершенно не была обеспокоена.

— А ты мне расскажешь, как еще играешься с папой?

— Мы читаем книжечки про Элмера.

— Про слова в клеточку?

— И про Вимбура. [\[112\]](#) Вимбур тоже в клеточку, только не цветную.

— А что вы еще делаете?

— Человечков из пластилина. Или сказки смотрим. Только когда идут новости, сказки я смотреть не могу.

— А что ты любишь больше всего?

— Когда еду с папой в бассейн на велосипеде, а папа шутит, включает ускорители и устраивает быстрый рейд.

— А есть какие-нибудь игры с папой, которые тебе не нравятся?

— Папа классный, — убежденно заявил маленький Петр.

Аделя глянула в сторону зеркала. В ее взгляде было: мы понапрасну теряем время.

Нормальный мальчишка, нормальная семья. Конечно, родители как-то странно общаются, но это еще не патология, опять же, может пацан неправильно воспринимает их ссоры. И говорит, что маму наказали, когда разъяренная женщина закрывается у себя в комнате.

— А мама ходит с вами в бассейн?

— Мама не любит мочиться.

Техник у компьютера тихо фыркнул и тут же глянул на них, извиняясь.

— А часто ее наказывают, что ей нужно сидеть в своей комнате?

— Не знаю.

Рисовал он все более размашисто. Шацкий помнил, как оно бывает с маленькими детьми, и знал, что это все не признак стресса. Просто малыш не может сконцентрироваться на чем-то, удержать внимания, его несет.

— Будем уже заканчивать, хорошо? — Аделя безошибочно разгадала язык тела мальчика. Еще только три вопроса про маму и папу, и можешь бежать. Договорились?

— Согласен, — очень серьезно ответил тот.

— А получает ли мама какие-нибудь другие наказания, кроме сидения в комнате, как ты?

— Когда она ведет себя совсем нехорошо, ей надо идти на чердак. Там телевизора нет.

Шацкий с Берутом обменялись взглядами. Как можно быстрее провести обыск.

— А как там, на чердаке?

— Там воняет и пыль.

Нехорошо, подумал Шацкий. Если бы там было по-настоящему паршиво, пацану не разрешили бы туда пойти.

— А тебя не посылают в наказание на чердак?

— Я туда ходить не могу. Потому что от пыли делаюсь больной.

— А ты не знаешь случайно, почему мама получает от папы тучку?

— Наверное, плохо себя ведет. А нужно вести себя хорошо.

Прокурор Теодор Шацкий повернулся так, чтобы видеть одновременно и сцену за

полупрозрачным стеклом, так и стоящую за ними Монику Найман. Женщина была совершенно расслаблена, она даже слегка улыбалась. И Шацкий, к своему испугу, понял, что Аделя задает неправильные вопросы. Поначалу, женщина была зажатой, поскольку понимала, что-то может стать явным. А теперь она спокойна, раз никто неудобной темы не затронул.

Чертово обновление УПК. И ведь второй раз допросить пацана будет нельзя. Никогда. Шацкий взвыл про себя.

— А если мама плохо себя ведет, что случается тогда?

— Я не люблю крика.

— А не происходит ли что-то еще, когда папа с мамой нервничают? Такое, что тебе не нравится.

— Мне не нравится, когда кричат.

— А что еще тебе не нравится?

— Когда кусаются и толкаются. Мориц меня всегда толкает в садике.

— А дома тебя кто-нибудь толкает?

— Если я толкаю папу, тогда папа говорит, что толкаться нельзя.

— А папа с мамой толкаются?

— Ну ты чего? — мальчик рассмеялся. — Они же взрослые.

Аделя снова поглядела в сторону зеркала. Допросу конец.

Шацкий гадко выругался про себя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Могу ли я уже забрать ребенка, пан прокурор? — обратилась к нему Моника Найман сильным, уверенным голосом, таким не похожим на тот, который он слышал в ходе их первой встречи. — Или вы собираетесь посадить Петруся в КПЗ на три месяца, чтоб выдавить из пятилетнего ребенка ценные показания?

11:59:48:пульсации.

Техник остановил запись через несколько секунд, ровно с наступлением полудня, и зажег свет. Судья потянулась за своей сумочкой в знак того, что действие считает законченным. Шацкий не сделал ничего. Говоря откровенно, он понятия не имел, что мог бы сделать. И он чувствовал, что в окружающем воздухе маловато кислорода.

— И правда, — вдова Наймана никак не могла сдержаться, — я от всего сердца надеюсь на то, что у вас имеются какие-то другие способы схватить убийцу моего мужа, чем преследование пятилетнего сироты. Что вы на это?

Появление Адели защитило того от необходимости отвечать. Не говоря ни слова, прокурор повернулся в сторону дружелюбной комнаты, где маленький Найман безуспешно пытался починить сломанный карандаш. Какое-то время он боролся с точилкой, та поддалась, и мальчик вернулся к рисованию.

Когда мать забрала мальчишку, Шацкий в поисках кислорода очутился в коридоре, а поскольку никакой более существенной идеи не было, зашел в дружелюбную комнату. Внутри было душно, пахло пыльным напольным покрытием, потом пятилетнего ребенка и тонкими цветочными духами Адели, слишком даже тонкими для ее решительной личности и для этого времени года.

И Шацкому сделалось нехорошо, по-настоящему нехорошо, словно бы еще немного, и он потеряет сознание. Прокурор присел на голубой стульчик и инстинктивно стал просматривать рисунки пацана, которые Аделя собрала с пола и положила на столик.

Домик, тучки, солнышко, счастливое семейство. Какой же провал!

Счастливое семейство. Нечто такое, чего у него, возможно, уже никогда не будет.

Голова сделалась ужасно тяжелой, Шацкий положил локти на столик, лоб опустил на скрещенные пальцы. Крупный мужик в сером костюме и черном пальто, сгорбившийся так, что чуть ли не переломавшийся наполовину, втиснутый в пластиковый предмет мебели, предназначенный для дошкольников. Шацкий прекрасно отдавал себе отчет в том, как все это выглядит, но силы, чтобы подняться, просто не было.

Перед самым носом был рисунок маленького Петра Наймана, даже довольно радостный в своих пастельных цветах. Нарисованное Аделей солнце было красивым и симметричным, остальные элементы несли черты дошкольного рисования. Оранжевые тучки больше походили на лужи, чем на облака. Деревья состояли в одинаковой степени из коричневого ствола и зеленой кроны: двухцветные прямоугольники. Домик, широкий и приземистый, до боли походил на недвижимосты Найманов в Ставигодах. А перед домом вся семья: мама, папа, сынок.

И еще одна женщина, держащая сынка за руку.

Шацкий резко выпрямился.

Пятилетний Найман уже мог ухватить важнейшие черты фигуры. У него самого были коричневые волосы и коричневые глаза. И какая-то синенькая одежда, может быть, любимая рубашечка. Рядом стояли родители. Покойного Наймана можно было распознать по лысине, черным бровям и по тому, что на руке не хватало двух пальцев. Для ребенка это должно было представлять важную отличительную черту. Найман держал на поводке удивительного, угловатого пса без головы и красного цвета, Шацкий какое-то время всматривался в монстра, пока до него не дошло, что это чемодан на колесиках. Папа-путешественник, все понятно. Мамаша Найман была худенькая, волосы коричневые, на ней было зеленое платье, в руке она держала букет цветов. Может быть она любит цветы? Или копать в земле в их садике? Мальчонка ухватил даже то, что мама чуточку выше папы.

Папа и мама Найманы не держались за руки, хотя стояли рядом друг с другом. Мама и папа. Отец не держал за руку стоящего рядом мальчика, впрочем, от сына его отделал красный чемодан. Маленький Петр стоял по другую сторону от чемодана и держал за руку женщину, взрослую, хотя и не такую высокую, как его мать. У женщины черным карандашом были нарисованы длинные волосы, темно-синие глаза, карикатурно громадные, глаза, собственно, занимали все ее лицо. Это производило довольно жуткое впечатление. На ней было длинное платье того же цвета.

Шацкий разложил рисунки маленького Петра Наймана на столе. Не на каждом из них были мама с папой. Зато на каждом маленький мальчик стоял и держал за руку черноволосую женщину с громадными синими глазами.

Прокурор захватил все рисунки со стола и бегом бросился к выходу.

Моника Найман как раз пыталась включиться в дорожное движение по Аллее Войска Польского в сторону центра, когда Шацкий встал перед капотом и загородил ей дорогу.

Женщина опустила стекло.

— А вы не перегибаете палку? — рывкнула вдова Наймана. — Это вам не Советский Союз, где людей можно было безнаказанно преследовать.

— Кто эта женщина? — спросил тот в ответ, показывая ей рисунки.

Маленький Найман уже спал в детском кресле, утомленный приключениями в мире права и справедливости.

— А мне откуда знать?

— Ваш сын ее нарисовал. Это какая-то его тетка? Няня? Бабушка?

Шацкий специально говорил очень громко, надеясь на то, что разбудит пацана, но тот спал крепко.

— Во-первых, нечего орать. Во-вторых, понятия не имею. В-третьих, мне на это насрать. И последнее, отойдите, а не то я вас перееду.

— Она имеется на каждом рисунке. И она единственная, кто держит его за руку. Это должно что-то означать. Скажите мне, кто она такая!

Женщина улыбнулась ему, в этой улыбке одновременно присутствовал сахарный сироп и лед.

— У вас был шанс, — заявила она. — Нужно было задавать соответствующие вопросы.

И вдова Наймана резко тронула с места, забрызгивая Шацкого черной холодной грязью, собравшейся на неровном паркинге, выложенном старой тротуарной плиткой. Еще перед глазами мелькнули стоп-огни шкоды, и водительница энергично протиснулась перед автобусом, а через пару секунд машину уже не было видно.

Прокурор стоял в ходящей волнами луже, с ног до головы покрытый черными каплями грязи, сжима в руке детские рисунки. Разноцветные пятна выглядели сюрреалистично на фоне Шацкого, тротуара, грязи, дома, в котором только что происходил допрос мальчишки, и декабрьского Олыштына вообще.

Он понятия не имел, что же теперь делать. И решил, что можно позволить себе заплакать. И тут кто-то положил ему руку на плечо.

Ян Павел Беруг. Как всегда смурной. Сообщение просто не могло быть добрым.

— Мы нашли мужика без ладони, — сообщил полицейский.

8

Огонек у двери сменил свой цвет на красный. Девушка сидела тихо, но звуков с другой стороны не слышала, сложно было сказать, забрал кто-то мусор после завтрака или нет. Быть может, этот «кто-то» делал все тихо, а может, это двери были звукоизолирующими. Хкля вздрогнула, ей совсем не хотелось представлять, для чего похитителям могла бы понадобиться звукоизолированная комната.

Прошло полчаса с момента процарапывания черточки, означавшей двенадцать, и Хеля решила вздремнуть, как вдруг впервые с момента подачи завтрака что-то изменилось.

Включился телевизор.

Интересно, подумала девушка, следя за черно-белыми помехами.

Кто-то по другой стороне, похоже, нажал на соответствующие кнопки, потому что помехи пропали, их заменила картинка помещения. Выглядело оно как незавершенный первый этаж домика на одну семью без следов отделки. Стены из бетонных блоков, цементный пол, на потолке видны балки. Помещение было освещено несколькими яркими лампами.

Посредине стояла какая-то труба, толстая, похоже — металлическая. Может быть, для канализации. Или это была какая-то колонна? Цветом и толщиной она напоминала колонну Зыгмунта в Варшаве.^[113]

К трубе была приставлена лестница как для маляров, с площадкой.

Общий план изменился, теперь Хеля могла заглянуть вовнутрь трубы.

Она тут же вздрогнула от неприятного чувства.

Внутри трубы находился голый тип. Может быть спящий, может — без сознания, а может и вообще мертвый. Голова слегка опала на плечо, так что видно было ухо, фрагмент щеки с темной щетиной и блестящая лысина.

Девушка какой-то момент глядела на эту необычную, беспокоящую картинку. Но ничего не происходило. Ей захотелось писать, но она посчитала, что будет лучше не двигаться, чтобы чего-нибудь не пропустить. Но ничего не происходило, а она не могла выдержать, поэтому быстро сбегала в туалет и вернулась, не помыв рук.

На экране все так же ничего не происходило.

Хеля уже начала было подозревать, что какой-то безумец сделал видеозапись разлагающегося трупа, и теперь он заставит глядеть на это в течение пары недель, чтобы она знала, что ее ждет. Она не могла сдержать настырной мысли, что если все эти две недели будет торчать здесь в помещении два на два и лопать нездоровую пищу из Макдональдса, то нет ни малейшего шанса, чтобы не потолстеть.

Вдруг к видео присоединился еще и звук. Ничего особенного. Шум фона. Шаги, сигнал поступившей эсэмэски, кто-то что-то поставил, кто-то чего-то передвинул, кто-то громко хлопнул дверью.

Кадр еще раз сменился на общий план: бетонные блоки, труба, лампы. Тень, как будто бы кто-то прошелся за камерой. И снова наезд на труп.

Картинка была очень высококачественная. В хорошо освещенном помещении девушка прекрасно видела, что ухо покойника было слегка деформировано. Поначалу ей показалось, что это признак разложения, но быстро пришла к выводу, что это шрам, как будто после ожога.

И в тот самый момент, когда она почти что сунула нос в телевизор, чтобы получше присмотреться к шраму, труп пошевелился.

Хеля вскрикнула и отскочила от экрана.

— Как в фильме ужасов, бли-ин, нормально, — произнесла она вслух, чтобы прибавить себе смелости, и инстинктивно вернулась на свое место на кровати.

Приход в себя занял у «трупа» несколько секунд. Он покашлял, огляделся, увидел, что ничего интересного в трубе нет, после чего задрал голову, глядя в камеру, то есть, прямо в глаза Хеле.

Взрослый мужчина с самым обыкновенным лицом, ни уродливым, ни особо красивым. Лицо квадратное, мужское самым пещерным образом, который в Хеле всегда будил отвращение, ей казалось, что подобные мужчины гораздо сильнее потеют, и от них больше воняет. Брови у него были толстые, черные, как будто в чем-то искусственные.

Глаза мужчины какое-то время двигались во все стороны, наверняка он оглядывался, где находится, но с точки зрения Хели выглядело все это комично, как будто бы он осматривал ее камеру. Начальное изумление быстро сменилось бешенством, лицо мужчины искривилось в гримасе злости.

— Ты чего, совсем поехала?! — крикнул он. — Что это за идиотский театр!

Ему никто не отвечал, но никто и не прерывал работу. На фоне все время были слышны отзвуки чего-то, о чем Хеля впервые подумала как о приготовлениях к казни. По телу вновь пробежала дрожь.

Мужчина резко дернулся, как будто желая заставить свою тюрьму упасть. Руки у него

были связаны спереди, пальцами он мог коснуться стенки. Тогда он положил ладони плоско и попытался раскачать трубу. Безрезультатно, та даже не дрогнула.

Хеля заметила, что на одной руке мужчины нет двух пальцев.

— Ты еще пожалеешь об этом! — заорал плененный.

Он устал дергаться. Мужчина затих и попытался успокоить дыхание, на лбу выступили капли пота.

— Пизда ёбаная, ты пожалеешь, можешь быть уверена, — бурчал мужчина. — Вот это я тебе, блядь, гарантирую.

На лице мужчины появилась тень. Явно кто-то встал на лестнице и заслонил свет.

Мужчина криво усмехнулся.

— И что это тебе даст? Чего ты хочешь этим добиться? Что? Утопишь меня тут? Убьешь? Каким-то образом избавишься? Что это поменяет?

В середину трубы широким потоком посыпались белые гранулы. На вид — подавленный пенополистирол. Хеля удивленно подняла брови. Странно, очень странно.

Маленькие гранулы очень быстро поднялись до колен мужчины.

— Что, засыплешь меня пенополистиролом? Правда?

Он потянул носом, как будто почувствовал неприятный запах. Глянул на шарики, в быстром темпе покрывающие его тело. Глаза его говорили о том, что что-то здесь не так. Он скривился и дернулся, словно человек, которого укусил комар, или у которого засвербело в месте, какое ну никак невозможно почесать.

Он глянул в камеру, и впервые агрессия на его лице сменилась поначалу беспокойством, а потом просто страхом.

Белые гранулы доставали ему уж до пояса.

— Эй, мы же занимались любовью, — мягко произнес он. — И еще можем заниматься. Seriously, мир ведь создан для любви. У нас всего одна жизнь, зачем же тратить ее на ненависть?

— Ты — уже нет, — тихо ответил женский голос. Настолько тихо, что Хеля едва услышала, а может это микрофон плохо собирал звук. Сыплющиеся пластиковые шарики заглушали почти что все, за исключением низкого голоса мужчины.

— Что — я уже нет? — спросил тот, кривясь и дергаясь, как будто бы к комарам присоединились еще и оводы.

— У тебя уже нет жизни, — ответил голос. Тихо, спокойно, без какой-либо ненависти и печали. Просто, как будто бы предоставлял очевидную информацию: который час, или что автобус со стоянки уже отошел.

Хеля вздрогнула. Голос показался ей знакомым.

Гранулы засыпали мужчину уже по шею.

— Ну ладно, я понял, — произнес тот с трудом. — Болит, щиплет, свой урок страданий я уже получил. В этом дело?

Лицо его сделалось багровым, капли пота собрались на носу и скапывали на гранулы. Хеля заметила, что пот вел себя так, будто падал на горячую сковороду, из места падения поднимался легкий дымок.

Девушка инстинктивно сжалась. До нее дошло: что бы ни приготовлено для мужчины, это должно быть ужасным. Теоретически она понимала, что это «что-то» не выскочит из телевизора, но страх перехватывал над ней контроль. Мужчина в первый раз вскрикнул. Не от ярости, а от боли, это был крик раненого зверя. Хеля заткнула уши, чтобы не слышать

этого. Но глаз от экрана оторвать не могла.

А потом произошло нечто неожиданное. Пленник начал бросаться во все стороны, отчаянно размахивая головой; выглядело это так, словно бы он, вопреки логике, пытался выползти из своей шкуры. В ходе этих попыток, тяжело дыша и крича, он совершил громадную ошибку: погрузил лицо в таинственные гранулы. Похоже, он захлебнулся ними, потому что неожиданно начал давиться и плевать и орать изо всех сил. В пароксизме боли он откинул голову назад, с грохотом колотя ею о металлическую трубу, а Хеля увидела, что рот его превратился с кровавую яму, в которой дымится и пенятся белые гранулы, какая-то химическая реакция приводит к тому, что, в соединении с водой они превращаются в едкую субстанцию.

Неожиданно крик умолк. В первый момент Хеля подумала, что это просто отказал звук, но нет. Она слышала шипение реакции, шелест гранул, в которых бился мужчина, глухие удары, когда он валил головой о трубу. Глядя на его широко раскрытый рот, она поняла, что тот все время вопит. Вот только та кислота — или что там было — уже разъела голосовые связки.

Его крик сделался немым.

Никогда еще девушка не видела чего-либо в такой степени пугающего. Это было даже хуже, чем яма вместо рта. Хуже, чем кровавый ошейник, появившийся на шее там, куда доходили маленькие белые гранулы, где они медленно растворяли тело несчастного. Хуже, чем глаз, в который, похоже, попал химический шарик, и который теперь помутнел, начал кровоточить и западать, как будто втекать, в глубину черепа.

Картинка изменилась, Хеля увидела другой план трубы и помещения. На площадке лестницы все время стояла женщина, с которой разговаривал мужчина. Низко наклонившаяся, с головой чуть ли не в трубе, словно она не хотела пропустить ни мгновения из страданий несчастного.

Длинные черные волосы закрывали ее лицо.

Часы на панели патрульного автомобиля показывали почти час дня, когда водитель остановился перед пекарней на Мицкевича.

— Это тут? — спросил Шацкий у Беруга.

— Напротив, — ответил полицейский, указывая на угловое здание по другой стороне улицы.

Вне всякого сомнения, когда-то этот дом был гордостью Ольштына. Давным-давно, когда польское и католическое население страдало под германским ярмом, о чем, к сожалению, на девяносто процентов позабыло во время плебисцита, когда в 1920 году нужно было выбирать себе родину. Шацкий даже был способен их понять. Сам бы он выбрал ту цивилизацию, которая была способна украшать свои города такими необычными домами, но не ту, что построила для себя Млаву^[114] и Остроленку.^[115] Цивилизацию, которая, наверняка, могла позаботиться о такой жемчужине архитектуры сецессиона.^[116] Пять десятков лет польского управления привело к тому, что красивый городской дворец превратился в коммунальную трущобу. Штукатурка отпадала от здания, словно кожа с прокаженного, водосточные трубы по непонятным причинам располагались поперек

фасадов. Три лоджии с левой стороны были застроены каждая по-своему. Картина нищеты и отчаяния, реклама надвислянской эстетики.

— Я ходил сюда в детскую библиотеку, — сообщил Берут, когда они переходили через улицу.

— Куда?

— Сейчас там депутатское представительство Платформы,^[117] — указал Берут на висящую на доме вывеску.

— О времена, о нравы,^[118] — прокомментировал Шацкий, на что полицейский покивал головой со свойственной себе печалью.

— Красивый дом, правда? — полицейский понимающе вздохнул, останавливаясь перед дверью и обводя взглядом украшенный, богатый фасад.

— Был, — буркнул Шацкий и толкнул входную дверь. Старую, оригинальную, украшенную мягким сецессионным орнаментом, заметным, несмотря на лущащиеся слои краски. Он вошел вовнутрь, в сырую, подвальную духоту, в запах, который невозможно спутать с каким-либо другим — запах гниющего дерева. Он щелкнул выключателем и не смог сдержать тяжелого вздоха.

Был когда-то анекдот о том, как черт схватил поляка, русака и немца, дал каждому по два металлических шарика. И неделю, чтобы те разучили с ними какие-нибудь необычные фокусы. Кто покажет лучший, того черт отпустит, еще и наградит. Через неделю, немец удерживал пирамиду из шариков на носу, русак ими жонглировал, а поляк один шарик сломал, а второй потерял.

То же самое случилось и в этом доме. Фасад поляк испортил и поломал, а интерьер — потерял. Определение лестничной клетки «запущенная» не передавало масштаба разрушений, тем более досадного, что из-под эффектов польского хозяйствования, из-под гадости, грязи, отбитой штукатурки и очередных слоев краски самого отвратительного желтого и коричневого оттенка еще проявлялась давняя красота: столярная работа поручней и дверей, потолочные украшения, орнаменты карнизов, расписные стекла с мягкими линиями *art déco*. В середине коридора стена над слегка сводчатой дверной нишей была украшена деликатным, невысоким барельефом, изображавшим лицо малолетнего мальчонки в обрамлении растительных элементов. Шацкий вздрогнул: мало того, что бледное алебастровое лицо в этом интерьере вызывало жутковатое впечатление, так еще и робко улыбающийся пацан очень напоминал ему маленького Петра Наймана. Та же самая пухлая, квадратная рожица, те же самые волнистые, густые волосы.

— Какой этаж? — хрипло спросил он, чтобы перебить свои мысли.

— Четвертый, к сожалению, — ответил Берут.

После подъема по нескольким десяткам скрипящих деревянных ступеней оба мужчины остановились перед коричневой дверью, надеясь, что им кто-то откроет. Шацкий размышлял над тем, как могут выглядеть замки в доме человека без рук. Или, возможно, кто-то производит специальные устройства, благодаря которым можно открыть засов зубами?

— Кто там? — спросил женский голос.

— Полиция, — гробовым тоном ответил Берут, прикладывая свой значок к дверному глазку. — Ничего серьезного, просто мы хотим задать пару вопросов.

Шацкий знал, что так говорят даже тогда, когда собираются забросить вовнутрь гранату со слезоточивым газом, а за стучащим стоит очередь амбалов из специализированного подразделения.

Засов щелкнул. Дверь открылась и стоявшая за ними женщина лет пятидесяти пригласила их жестом войти. Опрятная, худенькая, однотонная. Седеющие волосы до плеч, старая водолазка, черные брюки. Она была похожа на преподавательницу в университете. Причем, скорее уже из Сорбонны, чем из Варминьско-Мазурского, который злорадные языки называли «сельско-городским».

Шацкий не торопился войти, поскольку все сейчас было не так. Он ожидал увидеть мужика без рук, хозяйничающего на малине в серой от грязи майке. А застал элегантную женщину с полным набором конечностей, хозяйку жилища интеллигентного человека. Уже из коридора было видно, что если в этом доме чего и не хватает, то, скорее, места для книг, чем книг как таковых.

— Прокурор Теодор Шацкий, — представился он. — А это подкомиссар Ян Павел Берут. Мы ищем пана Артура Гандерского.

— То есть, моего бывшего мужа, — спокойно ответила женщина.

— Быть может вам известно, где он в настоящее время пребывает?

— Ну конечно. Поперечная 9Б, квартира 21.

— Благодарим.

Шацкий отвесил поклон и повернулся, чтобы сбежать по лестнице, как Берут схватил его за плечо.

— Это адрес коммунального кладбища, — сообщил тот.

Женщина улыбнулась и сделала книксен.

— Надеюсь, господа меня простят. Мужа нет и, по счастью, не будет, но если я могу в чем-нибудь помочь, то приглашаю на чай. Тем более, если вы разыскиваете его, к примеру, в связи с неожиданным наследством. Так я его с удовольствием приму.

Мужчины вывели ее из приятного заблуждения, но приглашение приняли.

Чай был просто превосходным, приготовленным по-восточному, заваренный вместе сахаром и свежей мятой в бронзовом чайничке. Наверное, это был самый лучший чай, который Шацкий когда-либо пил. Ядвига Корфель же сразу же рассказала им историю о том, как ее муж полтора года назад потерял ладони в результате несчастного случая на охоте, и его настолько потряс тот факт, что никогда он уже самостоятельно не подотрет задницу и никогда уже не потянет спусковой крючок, что решил покончить с собой. По вполне очевидным причинам пальнуть себе в голову он не мог, в связи с чем по пьянке утопился в Лыне.

Прокурор Теодор Шацкий спросил у хозяйки прямо, потому что у него не было времени на предварительные игры, бывала ли та жертвой домашнего насилия. Та, не колеблясь, ответила, что была, потерянные на охоте руки избивали ее столь часто, что за пятнадцать лет она потеряла счет. После более тщательных расспросов хозяйка рассказала настолько классическую историю, что ее можно было помещать в учебник. Цикл всегда выглядел одинаково. Сначала нарастало напряжение. Со дня на день все больше в ней было страха, а в нем — агрессии, злобы, раздражения. Наконец первый предохранитель перегорал, и женщина становилась жертвой вербальной агрессии, ругани и угроз. Потом перегорал второй предохранитель, и женщина получала головомойку с избиением. Головомойку с

мордобоем мастерскую, с неким уважением заявила она, утверждая, что ее не святой памяти супруг, даже если и не был чемпионом Польши в данной дисциплине, то уж воеводства — наверняка. Ему случалось выпить, случалось по пьянке ее оскорбить, но когда в течение нескольких дней он избегал даже конфет со спиртным, она знала: этот день приближается. Бил он ее отдохнувши, на трезвую голову, в нужные места, как будто принимал участие в соревнованиях: как доставить как можно больше боли и оставить как можно меньше следов. Потом исчезал на пару дней и возвращался с букетами, золотыми украшениями, билетами на заграничную экскурсию и обещаниями, что это было уже в последний раз. Она верила, принимала цветы, ехала на экскурсию, радовалась новому счастью, а потом возвращалась домой и чувствовала, что атмосфера накалена сильнее обычного.

— А как он потерял ладони на охоте? — задал вопрос Шацкий.

— Несчастный случай. Споткнулся и упал так неудачно, что руками попал в поставленный браконьерами капкан. Лето, на нем была только тонкая рубашка. Сам он был худощавый, да что там — просто худой. Трах-бах, капкан, и ручкам хана.

Берут с Шацким обменялись взглядами.

— А почему не удалось ладоней пришить? — спросил Шацкий из любопытства.

— А звери забрали. Вы же знаете, варминьские леса могут быть очень даже дикими.

Женщина сделала небольшой глоток чая из маленькой чашечки.

Прокурор Теодор Шацкий огляделся по помещению. Книги, повсюду книги. Много беллетристики, но прежде всего — научные труды: история, археология, искусство. Большая часть по-немецки, остальное по-польски и по-английски. На одной стене, без полок с книгами, висела старая политическая карта Ближнего Востока.

— Вы занимаетесь археологией? — спросил прокурор.

— Это когда была красивой и молодой. Училась еще у профессора Михаловского, [\[119\]](#) ездила с ним на раскопки. Теперь же сама преподаю историю и историю искусств.

— Где?

— Прежде всего, в Кортове, но еще случается по школам подхалтурить.

Шацкий почувствовал голод. Он быстро забросил в рот несколько печенюшек.

— Мы ведем следствие при страшном недостатке времени, поэтому позволю себе быть более откровенным. Все мы знаем, что история с охотой — это не требующая каких-либо комментариев чушь. Еще все мы знаем, что вашего мужа наказали за то, что он был дамским боксером. Но только мы знаем, что безумие сделавшего это вышло из под контроля. Поначалу из фазы нанесения увечий он плавно перешел к фазе убийств, после чего, из фазы убийства дамских боксеров — на более высокий уровень убийства всех тех, кто подвернется ему под руку. Мы обязаны найти его.

Ядвига Корфель отпила чаю, сама съела печенюшку, несколько раз обвела взглядом комнату, как будто бы очутилась здесь впервые.

— Понимаю. И, прошу мне поверить, я бы с радостью помогла. Только я понятия не имею, кем мой добродетель является. И еще скажу сразу же: ну не надо при мне строить из себя злого и доброго полицейского. Независимо от того, что я рада тому, что случилось с моим мужем, я нормальный человек и нормальная гражданка. Я понимаю, что самосуд — это нехорошо, и что действия за пределами закона — это путь в преисподнюю. А я бы рассказала вам все, самое большее, позднее, в суде я бы очень тепло высказалась о преступнике, чтобы он получил несколькими годами меньше. Я понятно говорю?

Шацкий кивнул.

— Ну а перед тем несчастным случаем, вы не говорили кому-нибудь о своих неприятностях? Может быть, вас кто-то пытал? Посещал?

Женщина несколько минут раздумывала. Потом отрицательно покачала головой.

— Хорошо, а теперь прошу вас хорошенько подумать. Не посещали ли вы тогда врача? Мужчину или женщину, которые могли бы догадаться о том, что вы являетесь жертвой насилия? Быть может, кто-то оказывал вам первую помощь. Особенно, в городской больнице.

На сей раз отказ случился еще быстрее.

— Артур был профессионалом. Больно было ужасно, но никогда настолько, чтобы нужно было обрабатывать раны или складывать кости. Редко случалось, чтобы у меня даже синяки были. К примеру, он бил по пяткам. Я потом целую неделю плакала, когда приходилось ходить, но не было даже покраснения. Кулаком в живот, ноль следов. Куском резины под коленки — то же самое. А болело так, словно я связки себе на лыжах порвала. Вы не поверите, сколько удивительного способны наделать удары по голове через подушку, и вообще, избиение через подушку... Иногда он меня так хуярил, что приходилось брать отгулы, потому что не могла отличить верха от низа, пола от потолка. А на вид: словно после визита у косметички — милая, здоровая, порозовевшая. *Pardon le mot*, ^[120] но он всегда именно хуярил, другим словом это не опишешь.

Похоже, она заметила изумленные взгляды своих гостей, потому что прибавила:

— Только не примите меня за сумасшедшую. Психотерапевт рекомендовала мне все выкладывать, рассказывать об этом стало для меня естественным состоянием. Причем, настолько, что у меня, неожиданно, не осталось приятелей.

— Хороший врач должен был бы что-то заметить. — Шацкий решил не комментировать последнего высказывания хозяйки. — Подумайте, пожалуйста. Может, периодическое обследование или обычный визит.

Женщина вздохнула.

— Возьму ежедневник за прошлый год и проверю.

Она поднялась, подошла к письменному столу с секретером, очень красивому предмету мебели, он очень соответствовал этому обывательскому интерьеру. Женщина элегантная, спокойная, уверенная в себе, не скрывающая возраста, тем не менее — по своему привлекательная. Если чего Шацкий и не мог представить, то того, что она лежит на диване с головой, накрытой подушкой, и какой-то троглодит хуярит в эту подушку табуретом.

— За три месяца, — откашлялась хозяйка, — перед несчастным случаем на охоте я была у дантиста, а больше нигде. И сразу же предупрежу ваш вопрос: к дантисту я езжу в Млаву, потому что там принимает моя старая подруга. И это был как раз период медового месяца, так что хотелось поправить побаливающую левую нижнюю шестерку перед выездом в Прагу на выходные.

Часы в прихожей проббили дважды, заявив, что уже четырнадцать ноль-ноль. Шацкий закрыл глаза и медленно повел головой, чтобы хоть немного попустить напряженные до боли мышцы шеи. Он подумал, что провидение в чем-то на него разозлилось. Всякий раз, когда ему казалось, что до чего-то добираться, когда разгонялся, чтобы выйти на последнюю прямую, оказывалось, что за поворотом никакой прямой нет, а только лишь железобетонная стена, о которую он с разгону шмякается.

— А вам не известна женщина с черными длинными волосами и ярко-синими глазами? — неожиданно спросил он.

— Пан прокурор, я работаю в учебном заведении. Половина моих студентов выглядит именно так. Это те, которые были блондинками и перекрасились в цвет черного дерева. А вторая половина, это те, которых Господь покарал темными волосами, в связи с чем они перекрасились в блондинок. Ну а цветные контактные линзы сейчас настолько модны, что чуть ли не у каждой девицы глаза словно у героини японского мультфильма.

— А нет ли среди этих студенток кого-нибудь, кто был бы вам ближе? Может, потому что она более способна? Может, вы даже подружились? Быть может, она заскакивала сюда на чай?

Женщина беспомощно разложила руки. Она и вправду хотела помочь.

— Понятно, что некоторые из них более способные, таких я ценю, люблю с ними разговаривать. Но такие знакомства я не перевожу в состояние дружбы.

Неожиданно в ее глазах мелькнула тень, на мгновение она отвлеклась, словно бы какая-то мысль плеснула в ее нейронах, словно рыбина поздним вечером на спокойной поверхности озера.

— Да? — безошибочно воспринял сигнал Шацкий.

— Это была странная такая ситуация, — на мгновение Ядвига Корфель снизила голос. — Зазвонил телефон, стационарный, я подняла трубку. И какая-то женщина спросила, нуждаюсь ли я в помощи. Я ответила, что нет, нового телефона мне тоже не нужно, и вообще ничего нового, уверенная, что это такая идиотская попытка продаж. Женщина же ответила мне, что ничего не продает, а только беспокоится обо мне и хочет знать: не нужна ли мне помощь. Я на это отвечаю, что тут, похоже, ошибка. А она: чтобы я четко сказала «нет», если в помощи не нуждаюсь.

Хозяйка квартиры замолчала. Шацкий, уверенный в том, что это просто пауза, не подгонял. Но женщина просто сидела и молчала.

— И что вы сделали?

— Положила трубку.

— Сразу?

И снова та отключилась. Прикусила губу и глядела на прокурора взглядом мудрой, опытной женщины.

— Нет. Через какое-то время.

— И кого вам этот голос напомнил? Пожилую женщину? Молодую? С дефектом дикции? Взволнованную? Может, она применяла характерные обороты речи?

Та отрицательно покачал головой.

— Обычная женщина, говорящая на самом обычном польском языке. Мне жаль. Но не старушка, это я сказать могу.

Все трое молчали. Ядвига Корфель, потому что сказала все то, что было у нее сказать. Ян Павел Берут — потому что такова уж была его натура. Прокурор Теодор Шацкий — поскольку интенсивно размышлял. Женщина, ему нужно было найти женщину с длинными черными волосами и синими глазами. Возможно, с черными волосами и синими глазами, поскольку сегодня подобного рода признаки можно сменить за пару часов. Одним надежным фактом в ее жизнеописании было то, что она не была старушкой. «Полиция разыскивает женщину в возрасте до семидесяти лет». Плакать хочется. У него не было ни единой зацепки, даже самой малой. Но у него имелась похищенная дочка, которая, либо через минуту погибнет, либо уже мертва, а все следы вели в никуда. Всякий раз, когда Шацкий думал об этом, у него начиналась истерика, всякий раз все более сильная. Мысли

рассыпались, он не мог вернуться к процессу логического размышления, в связи с чем паниковал еще сильнее.

— Прошу прощения, но я вот гляжу на вас и должен спросить, — неожиданно прервал молчание Берут. — Почему вы позволяли все это делать с собой?

— Ведь я такая образованная, интеллигентная, начитанная, не сторонящаяся общества, правда? — усмехнулась та.

Берут сделал рукой жест, говорящий, что именно это он и имел в виду.

— Лично я называю это вирусом. Злобным, неизлечимым вирусом. Вы знаете, из исследований можно сделать такое заключение: не каждое лицо, познавшее насилие в детстве, во взрослой жизни должно стать жертвой или палачом. Но все, кто во взрослой жизни начинает обижать или позволяет себя обижать, в детстве были жертвами или свидетелями насилия. На сто процентов. А это означает, что мы являемся носителями вируса. Который не обязательно должен активизироваться, но в способствующих обстоятельствах охотно это сделает. У меня случилось как раз так.

Шацкий пытался строить озабоченную мину, только ему все это было совершенно до лампочки. Он злился на Берута за то, что тот вызвал откровения у женщины.

— И имеется еще кое-что. О чем я редко говорю, потому что мне стыдно. Знаете, господа, каждому хочется иногда почувствовать себя исключительным, особенным, единственным в своем роде. И я как раз испытывала это во время медового месяца. Как правило, в браке так не бывает. Люди сначала ухаживают, стараются что-то сделать один для другого, а потом приходят будни, обыденность и рутина. А вот меня регулярно заново добывали, меня соблазняли, обласкивали и засыпал хорошо продуманными подарками. Я шла по улице и знала, что вот он все время размышляет над тем, ну как бы устроить мне неожиданность, как доставить удовольствие, что сделать такого, чтобы сделать меня счастливой.

— Или, возможно, забежать в Икею и сменить модель подушки на такую, чтобы можно было, ради исключения, хуярить металлической трубой, — перебил ее Шацкий тем же экзальтированным тоном.

У женщины сперло дыхание, какое-то время она глядела на прокурора широко раскрытыми глазами, а потом расхохоталась.

— Это вы здорово. Черный юмор — самый мой любимый. Так или иначе, какая-то часть меня радовалась, когда он меня избивал, ведь это значило, что вскоре все будет просто шикарно. Глупые, типичные нелепости для созависимых лиц. Теперь психотерапия это исправляет. Я знаю, что испортила себе жизнь, что где-нибудь в Германии у меня уже была бы профессура, возможно, я бы уже работала в Штатах, меня всегда притягивала археология коренных народов Северной Америки. Теперь же мне осталось лишь достойно дожить до пенсии и залечить синдром посттравматического стресса.

— А по-моему, вы функционируете даже замечательно, — сказал Берут.

— Результат хорошо подобранных лекарств. Очень хорошо подобранных лекарств. Вообще-то говоря, мне следовало лежать в больнице в общем отделении. Но, благодарю, ваши слова я расцениваю в качестве комплимента.

Шацкий поднялся. Все эти извержения откровенности стояли у него поперек горла.

— Пошли, — сказал он, хотя у него не было ни малейшего понятия, куда следовало бы идти.

Берут допил чай, потом хозяйка провела их до дверей.

— А вас и вправду зовут Ян Павел Берут, или это такой сценический псевдоним?

— Я что, похож на такого, кто бы выступал на сцене? — буркнул полицейский.

— Ага, в комедии дель арте. [\[121\]](#)

Берут глянул на Шацкого, но тот пожал плечами в знак того, что ему совершенно безразлично, станет Берут сейчас откровенничать или не станет, лишь значительно постучал по циферблату часов. Значительно и совершенно без смысла. Даже если время куда-то и уходило, прокурор все равно понятия не имел, что делать.

— Фамилию не выбирают, а отец сменить не желал, потому что семейство с давними традициями. Понятное дело, мы никак не родственники. Родители подумали, что удельный вес можно как-то уравновесить, отсюда и Ян Павел. Я родился в тот самый день, когда наш папа римский проводил знаменитую мессу на площади Победы. [\[122\]](#) Еще у меня имеется сестра, Фаустына Луция. [\[123\]](#)

— Так может, вы сами смените? Лично я, в рамках терапии, вернулась к девичьей фамилии. Один-единственный визит в ЗАГС, и все устроено. Я и сам не думала, что это так просто.

Шацкий положил руку на дверную ручку. Он и хотел выйти, и в то же время не хотел, его охватило безразличие, больше всего ему хотелось поддаться, отключиться. Лечь где-нибудь, заснуть, и проснуться в каком-нибудь другом мире или ином времени. Хели и так уже наверняка нет в живых, так что никакого смысла нет. Впервые у него в голове появилась мысль о самоубийстве. Закончить, проверить, и что там дальше. Чтобы не нужно было жить без нее, чтобы не нужно было заниматься поисками трупа, чтобы не нужно было идти на похороны, чтобы не нужно было что-либо рассказывать Веронике. Не ждать очередного заката. Чтобы не нужно было засыпать с кошмарной уверенностью, что вот сейчас он проснется. Чтобы не нужно было продолжать эту работу, в которой он не предотвращал зла, не исправлял содеянной несправедливости, а только лишь убирал разбитые черепки.

И вообще ничего и никому быть должным. Ни-че-го.

— Пан прокурор, вы еще о чем-то желаете спросить? — услышал он Берута.

Шацкий очнулся. Похоже, что он уже долго стоял так, держась за дверную ручку, потому что остальные ожидающе глядели на него.

— Нет. Просто мне неприятно выходить в коридор, — буркнул он в ответ.

После ухода из труппы на Мицкевича в акте отчаяния Шацкий отослал Берута с приказом обыскать дом Наймана, особое внимание уделив чердаку, хотя особых результатов и не ожидал. Собственно говоря, он вообще ни на что не надеялся. Поговорил по телефону с Женей только затем, чтобы узнать, что Хеля не подала никакого знака жизни, и что ее ни в одной больнице не было. Потом он позвонил Веронике, чтобы рассказать обо всем. Та начала истерить, обвинила бывшего мужа во всем и помчалась в аэропорт, чтобы как можно скорее вернуться в Польшу. Еще Шацкий принял звонок от классного руководителя Хели, к сожалению, у них друг для друга никаких сведений не было. Он не отзвонился начальнице, не отзвонился и на несколько вызовов Фалька. Шацкий не верил, будто бы ассессор способен ему помочь, не хотелось еще и объясняться, почему это он неожиданно выбрался допрашивать Кивита.

Прокурор не знал, что ему делать. Лишенный автомобиля, на котором уехал Берут, он без толку крутился по городу. Таким образом он дошел до улицы Пилсудского, являющейся позвоночным хребтом Ольштына. Ратуша, торговый центр, КПЗ, власти воеводства, спортивный зал, планетарий, новый аквапарк, стадион — и все это на одной, длинной улице. Шацкий остановился, раздумывая над тем, то ли идти в сторону ратуши, то ли планетария, но после раздумий свернул к ратуше. Он собирался дойти до Старого Города, возможно, засесть в «Старомейской», что бы там ни было, нужно было что-то поесть. Проходя через перекресток с улицей Эмилии Плятер, он глянул налево, всего две сотни метров отделяло его от дома и от прокуратуры. Но Шацкий не свернул, даже не притормозил.

Он прошел мимо торгового центра, и тут ему сделалось так плохо, что пришлось схватиться за фонарь, чтобы не свалиться. В ушах пульсировала кровь, ноги подгибались, под грудиной колело, ладони онемели. Жадно, короткими всхлипами он втягивал воздух, ему казалось, будто бы легкие неожиданно съезжились, как будто бы места в них перестало хватать. Шацкий оперся лбом о холодный металл столба, чтобы не потерять сознания, не упасть в лужу перед торговым центром.

Шацкому удалось взять себя в руки настолько, что покачиваясь, преодолевая путь от фонаря к фонарю, от газона до газона, он доволочся до шумного в это время KFC.^[124] Он заказал кофе, которого не собирался пить, присел возле окна, выслал эсэмэску Жене и положил голову на столешницу.

Похоже, что-то он прошляпил. Нечто очевидное. Где-то в этом деле имеется хотя бы одна информация, может и больше, которой он не посвятил надлежащего внимания.

Женщина с черными волосами.

Шацкий поднял голову. За столиком рядом, точно напротив него, сидела в одиночестве женщина с большим стаканом колы. Молодая, похоже, студентка. Ну, понятное дело, длинные черные волосы; естественно, огромные синие глаза. Прокурор пялился на свою соседку настолько настырно, что та, в конце концов, кокетливо улыбнулась ему. Шацкий не усмехнулся в ответ, быстро перенес взгляд в окно.

Пара подростков держала друг друга за руку.

Женщина с черными волосами держит ребенка за руку. Малышу это нравится. Он хочет рисовать, что держит ее за руку. Это очень близкий человек.

Хлопнула дверь, за столик уселась запыхавшаяся Женья. Образ скучающей черноволосой соседки сменился перед его глазами образом уж слишком взволнованной невесты. Тоже, впрочем, черноволосой. Невеста озабоченно глянула на него и вытащила из сумочки аппарат для измерения давления. Классический, с резиновой грушкой, не какая-то там электронная дешевка.

— Ты что, с ума сошла, не станешь же обследовать меня в KFC.

Женья склонилась. Бровь она подняла столь высоко, что это выглядело так, как будто бы кто-то сбрил старую, а новую нарисовал на лбу в самом невероятном месте.

— Не стану? Естественно — стану, — прошептала она. — Тебе сорок четыре года, живешь в неустанном напряжении, сейчас в невероятном стрессе, да и чувствуешь себя паршиво. Естественно, что буду обследовать тебя здесь, раз ты не хочешь прийти домой.

Шацкий хотел спорить, но Женья была права. Если сдохнет здесь, это никому ничего не даст. Самое большее, ему одному станет легче. Он снял пиджак и вытянул руку. Врачебное оборудование вызвало небольшое замешательство в закуской, руководитель смены чутко глядел из-за стойки, наверняка подозревая, что это какой-то хеппенинг любителей здорового

питания.

— У тебя ведь даже нет диплома, — буркнул Шацкий.

— Зато получила абсолюториум. [\[125\]](#) Поверь мне, чтобы измерить давление этого достаточно.

Женя говорила, не спуская глаз с манометра.

— Еще не бешенство, — процитировала она книгу, которую недавно читали, — но и стыдиться тоже нечего. [\[126\]](#)

Она спрятала аппарат и вопросительно глянула на Теодора.

— Ничего не известно. Совершенно ничего.

— А почему так тихо в средствах массовой информации? — спросила женщина вполголоса. — Разве Хеля не должна была бы стать наиболее разыскиваемым в мире подростком?

Шацкий сделал рукой неопределенный жест. Он и не хотел, и не мог отвечать.

Женю это удивило.

— Видишь ли, это не обычное похищение, — сказал ей Шацкий. — Тут завязано следствие, которое я как раз сейчас веду. Кто-то захватил Хелю, чтобы вести со мной игру.

Похоже, Женю это еще сильнее напугало.

— Но как это? Зачем? Чего-то потребовали? Выкуп? Прекращения следствия? Или чтобы ты подал в отставку?

Тот отрицательно покачал головой.

— Может, следовало бы все это сделать достоянием общественности?

— Я хотел быть хитрее. Но, похоже, вскоре так и сделаю. Все остальные варианты у меня кончились.

— Я могу тебе как-нибудь помочь?

— Кто может быть близким для пятилетнего ребенка. Настолько близким, что этот ребенок предпочитает нарисовать себя с этим «некто», а не с родителями.

Женя поглядела на него так, как глядят люди, уверенные, что близкие им люди как раз сходят с ума.

— Я серьезно спрашиваю. Кто? Кто-то из родственников?

Он огляделся по закускойной в поисках семейств. Дети. Кого они держат за руку. Но в это время жареного цыпленка лопали, похоже, сплошные гимназисты, слишком молодые и глупые, чтобы думать о пищеварительном тракте и о влиянии канцерогенных веществ на организм.

В одном углу сидел отец с дочкой, на глаз — лет восьми. Возле кассы стоял следующий, с двумя сыновьями-близнецами. Один пацан пытался сбить шапку с головы другого, назревал скандал.

В дверях появилась мамаша с тремя детьми. Она, довольно полная, явно не сторонящаяся от жареного в глубоком жиру цыпленка. Детей она, похоже, от этого зла защищала, или же они унаследовали метаболизм от отца, который вошел сразу же за ними. Низенький, худой как щепка, замученный. Ни ее нельзя было назвать красавицей, и он не красавчик, а вот дети удачные. Парень и две девочки, на глаз — от пяти до десяти лет.

— Я в туалет, — замученным голосом сообщил мужчина. — Держитесь мамы, хорошо?

Худой тип исчез, женщина же уставилась в меню, как будто видела его впервые в жизни.

Женя стала отвечать на вопрос Шацкого:

— Тео, так ведь это же совершенно просто. Ты и вправду неисправимый холостяк, раз спрашиваешь об этом. Это брат или сестра.

Шацкий застыл на месте. Он глядел на пару малышей, стоявших возле матери, и увидел тот прекрасный жест, сопровождающий человека с древнейших времен. Жест доверия, привязанности, безопасности. Исполняемый автоматически, без раздумий, единственный в своем роде символ дружбы и любви — жест, когда рука ребенка тянется к ладони старшего родного человека.

Невероятно, подумал он. Это невозможно, чтобы я совершил такую ошибку.

Единственная официальная база данных, которую он не проверил. Единственная, но в данном деле с самого начала наиважнейшая, вполне понятным образом ключевая.

Семья. Брат. Сестра. Мечь.

Он глянул на часы и выскочил из-за стола, перевернув стакан с кофе, и выбежал из бара.

Близилась половина четвертого. [\[127\]](#) Солнце зашло пятью минутами ранее.

12

За окном сделалось совершенно темно, внутри было точно так же.

Следовательно, время где-то между тремя и четырьмя вечера. Нужно подняться и процарапать очередную черточку, но ей не хотелось. Можно было встать и включить свет, но и этого не хотелось. Темнота казалась безопасной, темнота ее окутывала, чем больше девушка об этом размышляла, тем сильнее воспринимала отсутствие света словно мягкую ткань, в которую можно завернуться, словно в одеяло.

К сожалению, оказалось, что не она одна могла зажечь свет. Комната неожиданно заполнилась яркостью, Хеля крепко стиснула веки, чтобы закрыть глаза, и так она лежала, не двигаясь, вглядываясь в фантомы под веками, бродячие пятна различных оттенков серости.

Щелкнул замок. Хеля застыла в испуге, дыхание остановлено, все мышцы напряжены.

Но никто не вошел, просто замок щелкнул.

Хеля подождала еще несколько секунд — никто не вошел.

Девушка подняла голову. Светодиод у двери светил зеленым цветом, а не красным.

Хеля еще чуточку переждала, поднялась, подошла к двери и обнаружила за ней большую сумку всяких вкусовостей из Макдональдса.

Пленница задумалась. Наверняка она умрет. Это сообщение плохое. Наверняка умрет в мучениях. Это было ужасным известием. Но (похоже) ее не изнасилуют. Вот это (вроде как) сообщение хорошее.

Все вместе звучало не самым замечательным образом, но она не видела причин, чтобы ее замучили и не изнасиловали на голодный желудок. Она забрала сумку в комнату, вынула обед, затем огляделась по помещению и громко произнесла:

— Но если вы кому-нибудь скажете, что в свой самый последний обед Хелена Шацкая съела фишмак, то вернусь и всех вас тут переобашу, вкуса у вас ни на грош.

Она почувствовала себя несколько лучше, в конце концов, а что ей осталось еще, кроме врожденного черного юмора. Начала она с шейки, пока тот был холодным, и подумала, что жертвы преступлений имеют право начинать обед с десерта.

Четвертого декабря, в тот же самый день, что и он сам, родилось пару известных личностей. Например, Райнер Мария Рильке. Особых восторгов поэт у него не вызывал, мал того, что умер от белокровия, так еще и Гитлер был его психованным фаном. Если уже говорить о диктаторах, то в этот же день родился генерал Франко. Вот этот, по крайней мере, пожил себе чуть ли не до девяноста лет. А ровнехонько за двадцать лет до его рождением мир почтил своим появлением Ярослав Крет.^[128] Вот кому он завидовал: это же надо, столько путешествовать. Через год после Ярослава родилась Мариса Томей,^[129] и вот именно ее, по-настоящему, Мышлимир Щонхор считал своей родственной душой, прежде всего потому, что она была невообразимо сексуальной. Честное слово, он считал ее самой сексуальной женщиной в мире и всегда защищался, когда над ним смеялись, что это ведь пятидесятилетняя тетка. Ведь это никак не было правдой: сегодня Марисе исполнилось всего лишь сорок девять лет.

Он тяжело вздохнул, вынул телефон из сумки, положил рядом с клавиатурой компьютера. Тот зазвонил ровно в 15:24. Как обычно.

Щонхор принял звонок.

— Всего самого доброго, сынок! — одновременно завопили в трубку родители. Тебе уже тридцать лет. Сто лет! Сто лет!

— Спасибо, я вас люблю, — пробормотал именинник, их энтузиазм всегда заставлял его испытывать какое-то чувство стыда.

Деньрожденные мешчанские мечтания он придумал, не отходя от трубки. Что хотел бы мамочкин шварцвальдский торт (это чтобы удовлетворить мать) и киндл (это уже чтобы отец знал, что ему купить), а еще познакомиться с девушкой, обладающей добрым сердцем (это чтобы у родителей появилась надежда на свадьбу и внуков). А то едь они не поняли бы, если бы признался, что величайшей мечтой Мышлимира Щонхора всегда было то, чтобы к нему постучалось самое настоящее приключение. Приключение с большой буквы. Приключение, которому нужны большой симфонический оркестр и хор, чтобы придать ему соответствующее музыкальное обрамление.

Мышлимир Щонхор верил, что, в конце концов, все именно так и случится. Пока же он был самым обычным чиновником ЗАГС, а не путешественником, археологом или ученым, разыскивающим вакцину против рака в амазонских джунглях. Разве не об этом рассказывают все книги и фильмы? Поначалу все эти простые люди отбиваются руками и ногами, не хотят, умоляют, чтобы их оставили в покое — но, в конце концов, их втягивает водоворот перипетий, поворотов действия, любви, дружбы и сражений, ставка в которых самая высокая.

Часы на компьютере показывали, что через две минуты наступит ровно половина четвертого, а это означало, что сегодня, похоже, услугами его конторы уже никто не воспользуется. Это же означало, что можно собирать манатки и возвращаться домой. Или нет, сходить в кино. День рождения у него или нет.

И пойдет сам. Не сильно уж это деньрожденное мероприятие, только мало бы какая женщина поняла, что тридцатилетний мужик празднует под диснеевский мультик. Щонхор усмехнулся под нос. Глядел он практически все, за исключением польских фильмов, от которых на него наседали черные мысли. И давно уже ничто не зацепило его так сильно, как

мультипликационная сказка о проклятой по причине собственного дара Снежной Королеве. Он сам не знал, почему. Быть может, это был замечательный крик о свободе? А может потому, что речь в сказке шла не о простой любви, но о могуществе любви между родственниками. Он смотрел, глотал проступившие от эмоций слезы, и вроде как должен был стыдиться, но, Боже ж ты мой, какое это было приключение.

Он начал собирать сумку, одновременно запустил в компьютере на всю катушку песню из «Страны льда», [\[130\]](#) чтобы заранее проникнуться настроением.

Лирическая баллада заполнила всю приемную:

— ...и вылететь из клетки, словно птица вольная...

Мышлимир, напевая под нос, влез под стол, чтобы отключить зарядное устройство телефона.

— ...есть сила у меня, есть сила выйти и захлопнуть эту дверь!

Дверь в учреждение неожиданно хлопнула, но закопавшийся в проводах Мышлимир Щонхор этого даже не заметил.

Ведь он так любил выдумку. Ведь он так любил приключения. Ну почему выдумка не приходит ко мне, — подумал он. — Ну почему?

— А вот и я, встану в солнце дня! — завывала вокалистка. — Что гнев тревожит мой!

Во время растянутого «о-о-о» в последнем слове Мышлимир вылез из-под письменного стола и увидел перед собой упыря. Упырь был высоким, худым, смертельно бледным, чуть ли не синим от усталости и декабрьского холода, его лицо сливалось в одно белесое пятно со снежно-белыми, неестественно седыми для его возраста волосами. Пятно же контрастировало с черным длинным пальто, темно-графитового цвета костюмом и серой, застегнутой на последнюю пуговку сорочкой. Простой галстук, идеально завязанный, украшенный тонким серебряным узором, тоже идеально вписывался в оттенки серости. Он был на тон темнее сорочки и на тон светлее пиджака.

— Уж много лет в объятья льда не знаю что влечет меня, — завершила вокалистка.

— Прием граждан окончен, — сказал Мышлимир, слегка перепуганный видимым в глазах незнакомца безумием.

— Это вопрос жизни и смерти, — прохрипел незнакомец металлическим голосом.

— Вы не понимаете, из-за вас я могу потерять работу, — сообщил Мышлимир, с трудом скрывая возбуждение, вызванное фактом, что у него появилась возможность провозглашать такие киношные банальности.

Прокурор постучал пальцами по краю столешницы. Было видно, что он пытается взять себя в руки, только гневное нетерпение било от него словно жар от пожара.

— Потерять не сможете, поскольку закон обязует ЗАГС предоставлять сведения прокуратуре. Потом вы получите от меня все квитанции.

— Ну ведь есть же процедуры, закон о защите персональных данных, у меня могут быть серьезные неприятности.

Седой прокурор в течение нескольких секунд выглядел так, словно бы готовил угрозы, которые должны были склонить чиную к сотрудничеству, но вдруг его напряженное лицо расслабилось, глаза стали матовыми.

— Я скажу вам правду, — тихо сказал Шацкий, — потому что в жизни я дошел до такого этапа, что у меня нет желания врать. Ночью у меня похитили дочку, и все следы, по которым, в истерике, я шел с утра, оказались тупиком. Я бьюсь головой в стенку, а где-то там моя девочка, возможно, уже мертва. Я мог бы искать сейчас предписания, которые

формально заставили бы вас сотрудничать. Я мог бы угрожать самыми изысканными способами, в конце концов, уж кто — кто, как не мы можем сделать жизнь неприятной. Но сейчас я прошу вас, как человека: закиньте мне эти фамилии, и мы посмотрим, что из этого выйдет. Хорошо?

Тот, не говоря ни слова, включил компьютер, ввел пароль для входа в базу данных.

— Что за фамилия?

— Петр Найман.

Тот вбил, программа целую секунду размышляла и выплюнула список из несколько десятков лиц.

— Дату рождения вы знаете?

— Начало шестидесятых годов.

— Имеется один такой: дата рождения девятнадцатого ноября шестьдесят третьего года.

— Этот. Какие у вас имеются связанные с ним акты?

— Свидетельство о рождении и два свидетельства о браке.

Услышав это, седоволосый прокурор глубоко втянул воздух, поднял голову и, уставив глаза в потолок, выпустил воздух, улыбаясь Провидению.

— Отлично. Только что вы помогли мне раскрыть очень грозную и лишенную угрызений совести преступницу. Вы можете выписать мне данные невесты из первого свидетельства пана Наймана?

Щелчок.

— Да, конечно. Беата, девичья фамилия Вертель, родилась в Решле.

— Мне нужен PESEL. [\[131\]](#)

— Шесть — восемь — ноль — два — ноль — два — ноль — ноль — один — восемь — пять.

— А когда состоялась свадьба?

— Сентябрь девяностого.

— А развод?

— Брак был расторгнут в ноябре две тысячи третьего.

Он подождал, когда прокурор закончит записывать, затем добавил:

— Но не по причине развода.

— Не понял...

— Брак был расторгнут не по причине развода, а по причине смерти супруги.

Эта вот, достаточно банальная с точки зрения чиновника ЗАГС информация — что ни говори, но ведь браки и смерти, то смысл их работы — вызвала на прокурора впечатление удара грома. Он пошатнулся, словно бы собираясь потерять равновесие и упасть со стула.

— Это невозможно, — сказал он. — Она должна существовать. Женщина с черными волосами просто обязана жить. Иначе все это не имеет смысла.

— Мне весьма жаль.

Мышлямиру Щонхору только сейчас сделалось страшно. Перед этим его сопровождало легкое беспокойство, заглушенное возбуждением, вызванным необычной ситуацией. Но сейчас он перепугался. Конечно, незнакомец располагал удостоверением прокурора, но ведь среди прокуроров тоже могут случаться психи, возможно — даже опасные. Курьёзное упоминание о женщине с черными волосами могло свидетельствовать о том, что седой серьезно разошелся с реальностью.

— Проверьте, пожалуйста, еще раз. Наверное, это какая-то опечатка. Какая-нибудь

ошибка. Должно быть, вы глянули не в тот столбец. Вообще, это достойная наказания некомпетентность!

В голосе прокурора появились истеричные нотки, но на сей раз Мышлимир не почувствовал страха, нет, он почувствовал себя оскорбленным. Он никому не позволит обвинять себя в некомпетентности.

— Послушайте, акты записей гражданского состояния — это, возможно, и не квантовая физика, но и не лепка ленивых вареников. Ведь тут, в каком-то смысле, фундамент государства, контроль за тем, сколько граждан у нас прибавляется, а сколько убывает. Все это мы делаем очень тщательно, а уж насчет того, можем ли мы эту информацию читать, прошу не сомневаться.

Прокурор, хотя раньше такое могло показаться совершенно невозможным, побледнел еще сильнее.

— Покажите мне, пожалуйста, ее свидетельство о смерти.

Чиновник вывел документ на экран и передвинул монитор, сам с любопытством всматриваясь в рубрики. Он подумал, что раз является сотрудником ЗАГС, то все тайны этих рубрик ему знакомы. И в этой сцене главный герой — это прокурор, ну а он сам — чудаковатый, слегка поехавший специалист, которого наука вызвала для решения загадки.

— Что-то не похоже это на свидетельство о смерти.

— Не похоже на то, что вы получаете на руки. Ведь в конторе вы получаете копию свидетельства о смерти, в большинстве случаев — сокращенную. А то, что вы сейчас видите, это и есть настоящее свидетельство о смерти, официальный государственный документ.

— Хорошо, понятно. Вы его расшифруете для меня?

Щонхор подумал, что прокурор — это такая фабрика нетерпения, свои избытки он мог бы продавать в баночках и неплохо на этом зарабатывать. И это не потому, что кто-то в Польше страдает от недостатка нетерпения, только ведь, черт его знает, спрос существует и на более дурацкие вещи.

— Да, конечно. — Начал он спокойно, прекрасно зная, что вначале беседа будет самой обыкновенной, ничего шокирующего, лишь потом небольшие сенсации, ну а откровение снизойдет на главного героя уже потом и совершенно неожиданно. У выдумки были свои законы. — Вот здесь официальные сигнатуры, наименование учреждения, номер акта, все это вас не интересует. Затем данные покойной. Беата Найман, девичья фамилия Вертель, родившаяся в шестьдесят восьмом году в Решле, последнее место проживания — Нагляды.

— Где это?

— Деревня под Гержвальдом. Там, где показывалась Божья Матерь. [\[132\]](#)

Прокурор глянул как-то странно, но не прокомментировал.

— Скончалась она в тех же Наглядах.

— Когда?

Мышлимор Щонхор испытал дрожь эмоции.

— Точно неизвестно. Поскольку умерла она не в постели. Вот, поглядите, вот здесь должны быть отмечены дата и время смерти, эти сведения мы получаем из больниц или врачей, констатировавших смерть. В другом случае вписывают место, дату и время обнаружения тела.

— И?

— И в этом случае останки пани Найман были обнаружены третьего ноября две тысячи третьего года в половине седьмого утра.

— Дальше.

— Данные супруга: Петр Найман. И данные родителей покойницы: Павел Вертель и Алиция, девичья фамилия Хертель. Под конец данные заявляющего учреждения, как правило, это больницы, в данном же случае мы получили информацию от городской полицейской комендатуры.

— Какие-нибудь обстоятельства или причина смерти имеются?

Чиновник отрицательно покачал головой. Прокурор поднялся и начал энергично прохаживаться по помещению, полы пальто трепетали, словно плащ за супергероем. Было видно, что он интенсивно размышляет.

— Раньше я спрашивал, какие имеются у вас акты, связанные с Петром Найманом. Вы сообщили, что свидетельство о рождении и два свидетельства о браке. Найман мертв, но, насколько я понимаю, полиция пока что не присылала вам документов. Сколько времени у них есть официально?

— Две недели с момента идентификации.

— Именно. Но у Петра Наймана имеется пятилетний сын. Почему его акты не связаны с ребенком?

— Ребенок, с точки зрения государства, является отдельным гражданином. У него имеется собственное свидетельство о рождении, в котором будут записаны ссылки на свидетельство о браке или браках, равно как и о смерти.

— Выходит, что в актах родителей, рождения детей не отмечаются? — Борви прокурора высоко поднялись от изумления. — Пан здесь что, бля, шуточки шутит? Что, в этой стране и вправду нет базы данных, где кто-то прослеживает, что же происходит с этими чертовыми согражданами?

Мышлимир пожал плечами.

— Говоря по правде, я думал, что это вы имеете нечто подобное.

— Мы?

— Ну, полиция, прокуратура. Вводите фамилию, и вам все высвечивается.

Прокурор тяжело сел на стул.

— Высвечивается. Иы можем проверить уголовный реестр, где имеются только лишь наказанные законным образом. В реестре транспортных средств можем проверить, является ли интересующая нас личность владельцем автомобиля. У дорожной полиции имеется своя система, потому что им необходимо суммировать баллы.

— А PESEL?

— А как же, имеется, там я могу проверить адрес прописки. И номер удостоверения личности. Средневековье долбаное.

Прокурор интенсивно думал. Щонхор ожидал перелома.

— Это общепольская база?

— Нет, воеводская. Общепольской нет, вроде как должна быть, но уже много лет о ней только слухи, а толку нет. Если у нас умирает некто, родившийся в другой гмине, информацию мы высылаем по почте. А такое ведь случается. Несчастные случаи, утопленники — понятно, отпускной регион. Летом мы постоянно привлекаем человека для помощи при смертях.

— А можете ли вы показать мне лиц с фамилией Найман, родившихся между восемьдесят восьмым и две тысячи третьим годами?

— Вы разыскиваете детей из этого брака?

Прокурор кивнул.

Мышлимир ввел требуемые переменные. Высветились три записи.

— Сначала этот. — прокурор указал на записи Павла Наймана. — Имя от деда.

Щонхор кликнул мышкой.

— Есть, — сказал он. — Павел Найман, сын Петра и Беаты, урожденной Вертель родился второго апреля тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

Несколько мгновений он радовался тому, что удалось обнаружить нечто важное, но пробежался взглядом по позициям документа и сглотнул слюну. Он терпеть не мог быть вестником злых сообщений, еще в детстве над ним смеялись из-за того, что он прятался и убегал, когда ему поручали сообщить любую весть, только не совсем хорошую.

— К сожалению, его тоже нет в живых.

На лице прокурора ничего даже не дрогнуло.

— Я покажу вам свидетельство о смерти, хорошо?

Не дождавшись ответа, он открыл соответствующий документ.

— Умер он семнадцатого ноября две тысячи третьего года.

— Какого? — глаза прокурора расширились от удивления.

— Семнадцатого ноября.

— Десять лет. Ровно десять лет, — прошептал мужчина. — Так, выходит. Тоже погиб?

— Нет, скончался в больнице. Хмм, а вот это любопытно.

— Что?

— Обычно, дети умирают в детском отделении.

— А здесь?

— О кончине заявила доктор Тереза Земста из Воеводской Группы Психиатрического Врачевания.

Она наслаждалась тем, что сейчас одна. Очень часто люди пользуются этим, чтобы слушать музыку на всю катушку, танцевать, смотреть телевизор на всю громкость. Она же в таких случаях отключала все, что только можно было отключить. Радиоприемники, телефоны, телевизор, даже котел центрального отопления, лишь бы не слышать шипения и бульканья в трубах, когда термостат пытался поддерживать в доме постоянную температуру.

Никакой стиральной машины, никакой посудомоечной, никаких компьютеров с жужжащими вентиляторами и винчестерами. Вилку шнура холодильника из розетки. Когда она первый раз это делала, то надивиться не могла, это же сколько предметов домашнего оборудования издает какие-либо звуки. Даже ее лампочка на работе. Похоже, что-то с ней было не так: включенная, она просто светила, а вот выключенная — издавала странный низкий гул.

Теперь уже, естественно, все было давным-давно освоено и оформлено в рутину: избавление от всех звуков дома занимало пять минут. Потом она всегда какое-то время сидела неподвижно, слушая собственное дыхание, пульсацию крови, бульканья в желудке — все отзвуки людской фабрики.

После этого она ходила по дому, отмечая все те звуки, о существовании которых мы понятия не имеем, поскольку те заглушаются сотнями другими звуками, более настырными.

Например, трущиеся друг о друга бедра во время хождения. Этот звук в брюках или колготах быстро показался ей неестественным, с тех пор свое таинство тишины она осуществляла нагой. В зависимости от времени года, трущиеся одно о другое бедра шелестели тихонько, словно перелистываемые страницы книжки, или же издавали слегка влажные звуки, похожие на облизывание губ.

Все это было весьма чувственно.

Сейчас она стояла голой перед огромным зеркалом в спальне и расчесывала свои длинные, черные волосы с синим оттенком воронова крыла. Звук расчесывания густой щеткой свежесмытых волос напоминал о пiske, когда мокрым пальцем проводишь по краю хрустального бокала.

Когда-то волосы у нее были еще более длинными, пришлось подрезать, лето было жарким. Сейчас она об этом жалела.

Женщина отложила щетку, руками собрала волосы с обеих сторон, ровненько разделенные пробором, и выпрямила спину.

Волосы походили на вороновы крылья.

Она ослабила хватку. Волосы с шелестом опали, прильнули к обнаженному телу.

Жалко было этих волос. Жалко этого тела. Всего жалко.

Чиновник из ЗАГС раздражал его не на шутку, но прокурор Теодор Шацкий делал все возможное, чтобы по нему этого не было видно. Круглолицый мужчина, в энергии которого было что-то от ребенка, хотя ему наверняка уже было лет тридцать, все время или таинственно улыбался, или же строил заговорщические мины и шурил глаза словно актер в провинциальном театре, понятия не имеющий, как сыграть драматическое напряжение.

Понятное дело, что Шацкий и не мог ожидать слишком многого от кого-то, кто слушает детские песенки в конторе Записи Актов Гражданского Состояния, тем не менее, он понимал, что является должником Мышлимира.

Вот только все эти его мины ужасно раздражали.

Визит в ЗАГС представлял собой такую эмоциональную скачку, что Шацкий чувствовал каждый удар собственного сердца и совершенно серьезно опасался, что его может хватить инфаркт, так что никаких шансов воспользоваться полученной информацией у него уже не будет.

Он чуть не подскочил, когда оказалось, что у Наймана была жена. Он сразу же увидел женщину сорока пяти лет с черными волосами, которая мстит своему бывшему благоверному за старые обиды. Теория держалась крепко и сплоченно целые десять секунд, когда стало известно, что первая супруга Наймана мертва еще даже сильнее, чем ее муж.

Шацкий воспринял это словно удар ниже пояса. И физическую боль.

А потом оказалось, что у Наймана был сын. Сын, который, возможно, был свидетелем смерти собственной матери — превосходный материал для мстителя. Да, несколько молод, но мотивация творит чудеса. К сожалению, сын не сильно пережил мать. Снова лажа. Но на сей раз ему досталась утешительная награда — оказалось, что он находился под опекой уже известной Шацкому докторши Земсты. Какая ни есть, но зацепка.

Прокурор поглядывал на Мышлимира, глядел на его монитор, и впервые за этот день

почувствовал: а ведь что-то может и удался.

Он размышлял о сценке в КФС. Думал о маленьком мальнике, который увидел, как его папа уходит в сторону туалета, и, не раздумывая, вытянул руку, даже не глядя, а не стоит ли кто-то рядом. Потому что малыш знал, что его лапку схватит кто-то из старших братьев или сестер. Так это всегда срабатывало, срабатывает и будет срабатывать. Ведь связь между братьями и сестрами — одна из наиболее сильных и неразрывных. Супруги — это чужие друг другу люди, решившие прожить жизнь вместе. Это важно, но не настолько. Дети естественным образом должны оторваться от собственных родителей, чтобы получить возможность стать настоящими людьми. А родители обязаны позволить им порвать эту связь, которая когда-то казалась им фундаментом существования.

А вот связь между братьями и сестрами не обязательно должна рваться. Понятное дело, что она может быть более или менее сильной. Но проведение плечом к плечу того периода времени, когда весь мир для тебя нов, приводит к тому, что нет на свете людей более близких один к другому, чем братья и сестры.

Потому-то маленький мальчик столь доверчиво протянул руку, и потому ее тут же схватили. Инстинкт. Безусловный инстинкт любви.

— Проверьте, пожалуйста, и остальные две записи, — сказал Шацкий.

— Вам кажется, что это родные братья и сестры? — спросил чиновник.

— Мне не кажется, я уверен, — ответил прокурор, которому не терпелось узнать PESEI убийцы мужского или женского пола. — Могу поспорить на все свое имущество.

Правда, имущество это не было таким уж большим, и нельзя сказать, чтобы Шацкого это как-то волновало, но если бы Мышлимир пари принял, прокурор потерял бы все, нажитое в своей жизни.

Ни Паулина Найман, родившаяся в 1990 году, ни Альберт Найман, родившийся четырьмя годами позднее, не имели ничего общего с Петром Найманом и его женой. Они даже не были братом и сестрой, родом они были из Житкеймов в гмине Дубеники, что, судя по названиям, должно было находиться на границе с Литвой.

— Это невозможно, — совершенно без толку произнес он. — Проверьте, пожалуйста, за пару лет раньше, быть может, ребенок у них имелся до брака.

Мышлимир проверил. Нашлась Мария Найман (родившаяся в Гетржвальде в восемьдесят втором году), но она ни с какой стороны не могла быть родней. Выстрел был сделан весьма далеко, первой супруге Наймана тогда было всего семнадцать. Да, достаточно, но Польша восьмидесятых годов, это вам не Англия двадцать первого века, чтобы подростки размножились в массовом масштабе.

— Нет, это невозможно, — повторил Шацкий, чтобы заколдовать действительность. — Я не могу вам этого объяснить, но брат или сестра быть должны, иначе все это теряет всяческий смысл. Иначе все это не согласовывается. А возможно такое, чтобы ребенок родился где-нибудь иначе, в другом воеводстве?

— Такое возможно, — ответил на это Мышлимир. — Больница всегда сообщает в ЗАГС, приписанный к этой больнице. Даже если родители впоследствии заявят о рождении ребенка в своем ЗАГС, где они проживают, то заявление все равно будет передано туда, где находится больница, и именно там свидетельство о рождении будет храниться.

Шацкий выругался, сочно и долго. Мышлимир этого не прокомментировал, его глаза возбужденно горели.

— Имеется еще одна возможность, — медленно произнес он.

Слыша это, Шацкий сконцентрировался на губах говорящего.

— Ребенок был приемным.

— И что тогда?

— Тогда, в случае полного усыновления или удочерения, составляется новое свидетельство о рождении. Дата и место остаются те же самые, но ребенок получает новую фамилию, иногда даже имя, новый номер PESEL. Приемные родители вписываются в свидетельство как биологические родители.

— А что происходит со старым актом о рождении?

— Его засекречивают. В базах данных такой не проявляется, доступ к нему имеет только начальник.

Шацкий подумал, стоит ли такой внимании.

— Сомневаюсь, — произнес он вслух. — Приемные дети — они же, как правило, очень маленькие.

— Вы бы удивились, — ответил на это Мышлимир. — Из того, что мне известно, конечно же, людям хотелось бы иметь приемных детей всего лишь час назад извлеченных из матки, но такое возможно очень редко. Ведь детей отбирают у родителей в самом разном возрасте, потом, как правило, проходит несколько лет, пока родителей лишат родительских прав, пока приговор не вступит в законную силу. И люди, желающие усыновить или удочерить ребенка, имеют выбор: то ли взять ребенка, которому несколько лет, то ли куковать одним. Опять же, вы бы удивились, узнав, сколько людей усыновляет или удочеряет детей практически взрослых, подростков. Довольно часто, это уже взрослые пары, своих они уже воспитали, и теперь они желают уже не столько воспитывать с малого, сколько помочь вступить во взрослую жизнь. Начальница как-то оформляла новое свидетельство о рождении для одной девушки, которой через неделю исполнялось восемнадцать лет.

Шацкий размышлял. Найманы были в супружестве, начиная с восьмидесят восьмого года. Если предположить, что женщина родила где-то в это же время, тогда ребенок был уже подростком, когда он пережил смерть матери и брата. Сегодня такому человеку было бы, самое больше, двадцать с лишним лет. Так что? А ведь вся его группа подозреваемых — люди до тридцати? Что, снова врезался головой о стенку?

— А кто может ознакомиться с оригинальным свидетельством о рождении? — спросил прокурор.

— Практически никто, — ответил Мышлимир. — Ознакомления с документом может потребовать суд, но только лишь в весьма исключительных, обоснованных случаях. Если в ходатайстве он докажет, что это и вправду необходимо для дела. Понятное дело, что ни биологические, ни приемные родители к этому документу и приблизиться не могут. Собственно говоря, единственным человеком, кто это свидетельство может увидеть, это ребенок, к которому данный документ имеет отношение. Такое право он получает по достижению восемнадцати лет жизни.

И вдруг все неожиданно встало на свое место.

Шацкому было нужно лишь одно.

Прокурор наклонился к Мышлимиру и заговорщически улыбнулся. Он понимал то, как паршиво выглядит, и что у его собеседника прошел мороз по коже от гримасы, которая, по намерению прокурора должна была быть улыбкой.

— Так как, только начальник может ознакомиться с такими актами?

— Ну да. По самым различным причинам, это должны быть наиболее тщательно

охраняемые персональные данные.

— Понял. Но давай договоримся так. Я чиновник, и вы тоже чиновник. Мы же прекрасно понимаем, как оно бывает на самом деле, что только начальник имеет доступ к чему-то. Ведь правда?

— Что только начальник имеет к чему-то доступ?...

— Теоретически. По закону. Но практически ведь нет ключика к тайной канцелярии, закрепленного наручниками к запястью. Роль начальника заключается в выдаче заданий. И ключик он вешает где-то в шкафчике, а когда выясняется, что он вновь не может заняться своими делами, потому что закон требует, что «только он один может», он делает вывод, что доверенный сотрудник так же хорош, как и он сам.

Эти слова Мышлимир не прокомментировал.

— И я думаю, что вы являетесь именно таким доверенным сотрудником. И что у вас имеется доступ к засекреченным актам.

Мышлимир опять не прокомментировал. Но вздохнул. Шацкий не понимал, почему в глазах чиновника неуверенность смешивается с гордостью.

Наконец Мышлимир поднялся с места.

— Так вы говорите, это вопрос жизни и смерти?

16

Вот уже два часа Хелена Шацкая не отметила хода времени над плитусом, поскольку глубоко спала. Она не выглядела запуганной до границ озверения жертвой похищения, не спала с полуоткрытыми глазами, не срывалась ежеминутно, не вертелась, не свернула в клубок, поскуливая сквозь сон.

Всего лишь спящий подросток. Выгнутая в странной позе, но в принципе — на животе, одна рука под телом, вторая свисает с кровати. Она тихо похрапывала, как человек, которого сморил сон после целого дня тяжелой физической активности. Только этот здоровый сон на сто процентов был искусственным, он был инициирован химикалиями, которыми щедро был приправлен шейк. Похитители правильно просчитали, что не бывает такой ситуации, при которой шестнадцатилетняя девчонка не вылакала бы шоколадный десерт.

Доза была подобрана под ее вес и рассчитана таким образом, чтобы девушка обрела сознание через пару часов.

Это давало достаточно много времени для тщательной подготовки, чтобы прокурор Теодор Шацкий в нужный момент и со всеми подробностями мог осмотреть смерть собственной дочери.

17

Четвертью часа ранее пробило пять вечера, и доктор Тереза Земста уже несколько минут должна быть в пути в свой собственный дом под Йонково, [\[133\]](#) где, накормив кота, она ожидала бы мужа, чтобы тот приготовил ей желтое карри со шпинатом, ждущее ее с понедельника. Пан Земста, по профессии нотариус, в отличие от супруги, прекрасно готовил, и та, когда только могла склоняла его к занятиям любимым хобби. Лучше всего

срабатывала лесть или обращения к жалости, особенно после дежурств. В этой штучке она никогда бы супругу не призналась, но она всегда смывала макияж перед выходом из больницы, чтобы дома выглядеть словно зомби. Тогда он сразу же спрашивал, а не хотела бы она съесть чего-нибудь вкусенького. Ну что же, как правило, она соглашалась. Совесть ее грызла, но тут она сама себе объясняла, что манипулирование людьми — это такое искусство, в котором хороший психиатр должен постоянно тренироваться, чтобы не выйти из навыка.

Она выслала мужу эсэмэску, что будет позднее, выключила телефон, закрыла дверь кабинета, вернулась за стол и глянула в стальные глаза своего посетителя. Яркая картинка нищеты и отчаяния, мужчина был настолько обессилен и опустошен, что ее Марчин сделал бы ему ужин из трех блюд и сабайон^[134] на десерт.

— Большинство взрослых понятия не имеет, что существует нечто подобное, как детские отделения в психиатрических больницах, — сказала женщина. — Совершенно естественным образом всяческие заболевания ассоциируются у нас исключительно с взрослыми. Женщина не может встать с кровати. Мужчина ходит вокруг дома, потому что боится возвратиться вовнутрь и умереть в одиночестве. Другой, находясь в фазе мании, дает авансы на покупку всякий раз другой недвижимости. Кто-то считает себя Христом, кто-то другой целыми днями пересчитывает плитки в ванной. Понятное дело, психи. Когда я иногда спрашиваю у людей, так они считают, будто бы детское психиатрическое отделение — на самом деле какое-то место для временного содержания подростков, которые пережили несчастную любовь и порезали себе вены в ванной, либо же начали блевать сразу после еды.

Прокурор не молчал. Просто он выглядел словно человек, у которого нет сил на беседу.

— Тем временем, детские мозги тоже не свободны от ошибок. Депрессии, неврозы, биполярные расстройства, психозы...^[135] Это может встретить человека в любом возрасте. Вы можете представить себе ребенка четырех лет, которого необходимо совать в смирительную рубашку и привязывать к кровати, поскольку он занимается изысканными членовредительствами?

Ее собеседник даже не дрогнул.

— А я такое видела. Это и другие вещи... Когда я выбирала специализацию, мне казалось, что тем самым помогу детям с их различными проблемами... ах, позитивистские бредни. Я сделалась надзирателем в преисподней. Мне еще не было тридцати, когда узнала о том, что пятилетняя девочка способна возбуждать панический страх. Я входила к ней с двумя санитарями, чтобы эта малявка ничего со мной не сделала. Вы фильм «Экзорцист»^[136] видели? Бывали такие дни, когда я мечтала, чтобы мои дни на работе выглядели столь же спокойно, как у священника Меррина.

— Сожалею, — отозвался, наконец-то, прокурор, только лишь затем, чтобы что-то сказать. — И как это лечится?

— Я должна была бы сказать, что мы применяем комбинации различных современных техник, в зависимости от конкретного случая, но на самом же деле мы фаршируем детей антипсихотическими препаратами словно откармливаемых гусей, чтобы они ничего не сделали себе плохого. И надеемся, что с возрастом это у них пройдет.

— А проходит?

— Иногда. Иногда — нет.

— И это как раз был случай юного Наймана?

Женщина глубоко вздохнула. И с удовлетворением поняла, что ее лекарство уже

подействовало. Когда она узнала, с чем прибыл к ней прокурор, она тут же помчалась в сортир, чтобы принять двойную дозу ксанакса.

— Случай Павелка Наймана разрушил меня как специалиста. Я бросила психиатрию, в течение нескольких лет сделалась семейным врачом. Ведь я была его ведущим врачом, чувствовала себя ответственной.

Мужчина и вправду производил впечатление, словно бы речь представляла для него усилие, явно превышающее его нынешнее состояние. Он лишь вопросительно глянул.

— Помню, как будто бы все это было только вчера. Дежурство мое длилось уже двадцать второй час, близился четвертый час ночи, самая паршивая, собачья вахта. Мне позвонил полицейский, что привезет мне пятилетнего ребенка, оставшегося в живых после трагедии. Пожар где-то в провинции, мать умерла, отец ранен, ребенок впал в ступор. Минут через десять они уже были у меня в отделении. От мальчишки несло гарью, не дымом, а такой именно гарью от пожара, точно такой же запах, когда люди сжигают в печи мусор. В пижаме, завернутый в бурое одеяло, ножки в грязи. Мальчишка просто замечательный, есть такие дети, что все мамы на них на улице оглядываются и жалеют, что это не их. Очень красивый, стройный, с тонкими чертами личика. Черные волосы с прической под пажа и все понимающие, очень смышленные глаза. Глаза мудрого, доброго человека. Такого, у кого есть сила изменять мир. Можете смеяться, но такое сразу видно.

Прокурор не засмеялся. Даже не моргнул. Он слушал.

— Случаются иногда такие исключительные дети, и исключительным ехидством судьбы я считаю, что они попадают в случайные семьи. То есть теория, гены — это я знаю. Но наука не затрагивает вопросы души. Я и сама никогда не затрагиваю проблем души, я атеистка. Только я насмотрелась на людей, отличающихся от нормы. И иногда мне кажется, что когда слепок генов собственных родителей уже готов, происходит некая магия, и каждый из нас получает нечто дополнительное. Это «что-то» может быть обыденным, может быть гадким, но может быть и очень-очень красивым. Этот мальчик получил нечто прекрасное, по-настоящему исключительное. Ему было всего пять лет, но если бы вдруг он начал объединять вокруг себя учеников, то наверняка бы нашел их очень и очень много. Я увидела это в нем и посчитала, что обязана ему помочь. В конце концов, именно ради таких мгновений я выбрала именно эту специализацию, чтобы помогать невинным существам с прекрасными душами. Но тогда я еще находилась на этапе позитивистских бредней, старая история...

— Насколько я понял, вам не удалось, — сказал прокурор. Тон голоса не холодный, не злорадный.

— Нет, не удалось, — подтвердила Земста. — Хотя я и делала все, что только было в моих силах. В течение двух недель я не вышла из больницы. В буквальном смысле, не в переносном. Здесь я ела, здесь мылась, здесь спала. Муж ежедневно привозил мне сменную одежду. Я хотела все время проводить рядом с Павлом или хотя бы поблизости, чтобы уловить тот момент, когда удастся к нему пробиться. Когда вдруг появится маленькая щелочка, в которую мне можно будет вставить ногу, пока проход не захлопнется. Или замечу что-то, что позволит мне найти ключ к нему. Чтобы каким-то образом открыть его.

— И каким был официальный диагноз?

— Реактивный психоз. Только, знаете ли, в психиатрии названия мало что значат. Почечный камень — это почечный камень, воспаление горла — это воспаление горла, физические заболевания в сумме очень похожи одно на другое. В случае же психических

заболеваний определенный набор признаков, идентифицирующих расстройство, позволяет нам его назвать, только это бывает весьма условным, шизофренией на самом деле столько же, сколько и больных.

— Ну а как бы вы назвали то, что приключилось с парнишкой? Я не спрашиваю о медицинском термине. Как описали бы все это собственными словами?

Врач на мгновение задумалась. Столько раз она об этом думала, переживала по кругу одно и то же, анализировала под новым углом, прибавляла различные контексты. Но вот вопрос прокурора сбил ее с толку. Вот просто так что-то назвать? Разве не об этом писал Камю, что именно это бывает в жизни наибольшим, труднейшим вызовом. Чтобы называть вещи по имени.

— Он отключился, — ответила женщина наконец.

— В каком смысле? Покончил с собой?

— Скорее уже: перестал жить.

— Не понимаю.

— Человек — это очень сложный механизм. Даже, скорее, завод, работающий в три смены, без малейшего отдыха. В нем осуществляются химические, физические, энергетические, электрические процессы. На уровне систем, органов и отдельных клеток все время что-то происходит. Потому-то мы так быстро расходуемся. Это и так чудо, что нам удается дотянуть до восьмидесяти, вы только представьте себе какой-нибудь механизм, функционирующий несколько десятилетий непрерывно. Мы уже неплохо понимаем действие отдельных подсистем, но вот управляющий орган... — постучала она себе по лбу, — ...для нас все так же остается загадкой. И не верьте, когда какие-нибудь шарлатаны будут говорить вам иначе. Нам известно лишь то, что это управляющая единица, и что с точки зрения физиологии остальной части тела она обладает неограниченной властью. Маленький Павел Найман нажал соответствующие кнопки на собственной распределительной панели, воспользовался этой неограниченной властью и отключил собственный организм. Он перестал жить.

— В том смысле, что голодом довел себя до смерти?

— Вы меня не слушаете. Он не сделал ничего такого, что исчерпывает определение самоубийства. Он просто перестал жить. Отключая очередные подсистемы собственного тела. Мы были беспомощны. Понятное дело, что мы вводили ему различные психотропные лекарства, ставили капельницы, которые должны были выручить отказывающийся организм, под конец занялись реанимацией. Безрезультатно, вся наша наука не могла победить решившийся мозг пятилетнего ребенка. Мне было стыдно за то, что мы делали. В его глазах я видела, что своими действиями мы доставляем ему боль. Нет, он не злился, но ему было за нас неприятно.

Ксанакс был хорош, но не настолько хорош. Руки у женщины сделались влажными, в горле стало сухо, срочно нужно было в туалет. Земста чувствовала, что начинает рассыпаться. Еще мгновение, и ее начнет трясти, этапы собственного невроза были известны ей даже слишком хорошо. Женщине хотелось как можно быстрее завершить эту беседу и вернуться домой.

— Но хоть какой-то контакт вы с ним установили?

— Вербальный? Нет. Под самый конец я сорвалась. Мы были одни, я стала плакать. Очень непрофессионально я умоляла его не делать этого, подождать еще хоть чуточку. Ведь у него еще может быть замечательная жизнь, что папа его выздоровеет, что такого мира

было бы жалко. И тогда он произнес одно предложение. У меня сложилось впечатление, я и до сих пор так считаю, что он сделал это ради меня, что это мне было так неприятно, что это я нахожусь в таком вот состоянии, и ему хотелось как-то мне помочь.

— Что же он сказал?

— Он сказал, цитирую: «Я все понимаю, только я не хочу жить без маны». Пятилетний ребенок в чем-то похож на иностранца, который учит язык, разве нет? Не было такого дня, чтобы я хоть раз не слышала этой его смешной оговорки. «Мань» вместо «мамы».

Тело Земсты не справлялось с эмоциями. Ей срочно нужно было в туалет.

— Прошу прощения, но мне нужно выйти в туалет. Вы подождете?

Шацкий отрицательно покачал головой.

— Я тут уже договорился, рядом, по другой стороне парка. Буду бежать. Спасибо за все то, что вы мне рассказали. Должен признать, что я понимаю вашу боль, но... — снизил он голос.

Женщине не нравилось, что при этом мина у него была такая, которая как бы сомневалась: пощадить врача или нет.

— Что но? — начала допытывать Земста, даже вопреки самой себе.

— Но при всем моем сочувствии к пани, вам еще раз удалось доказать, что вся ваша психология и психиатрия — это далекая от действительности псевдонаука. Вы верили, что вам удастся все решить вот здесь, в стерильных помещениях, между козеткой и шкафчиком с лекарствами. Тем временем, как ответы, так и размышления, ждут снаружи, в реальной жизни.

— Что вы хотите мне этим сказать?

— Маленький Павел говорил не о маме. Когда он говорил, что не желает жить «без маны», он не сделал ошибку в польском языке, на самом деле он имел в виду Ману или же Марианну, свою старшую сестру.

Только что Земста говорила о мозге, как о всемогущем управляющем центре. ее собственный мозг, явно, был исключением, подтверждающим правило, поскольку он очень долго переваривал полученную от седоволосого прокурора информацию. Когда же мозг ее уже усвоил, когда до доктора Терезы Земсты дошел ее смысл — перед ее глазами начали свой полет черные и белые пятна. Она слышала голос аварийных сирен и голос из мегафона: потерять, потерять, потерять сознание, не думать обо всем этом!

— Но не хотите же вы сказать, что...

— Именно это я и хочу сказать. Что если бы вы вышли в реальный мир и нашли сестру маленького Павла, то вы спасли бы не только этого чудного мальчика, но и многие другие человеческие жизни, в том числе — мою дочь.

Он поднялся, надел черное пальто и старательно застегнул его.

— Надеюсь, что теперь вы станете думать об этом ежедневно, — устало сказал он и вышел.

В подобные минуты знаменитая ольштынская нейрохирург Агнешка Зюлко-Сендровская была благодарна своей покойной родительнице за то, что та все время повторяла: каждый приличный дом должен быть всегда готов к приему неожиданного гостя.

Сейчас она могла поставить на подносе кофейные чашки, порезанную на кусочки бабку, поломанный на кусочки новый шоколад Веделя^[137] со вкусом конфет «Сказочные» и обычный горький. Хозяйка еще глянула в кухонное окно, хорошо ли она выглядит при этом неожиданном визите. Очень даже ничего. Снова помогало мещанское воспитание, которое не позволяло шастать посреди дня в пижаме, растрепанной и без макияжа. Даже когда ей не нужно было идти на работу, и нечего было делать.

Она еще поправила длинные черные волосы, обтянула простое, синее платье, чтобы оно не морщило между бюстом и тонким пояском, и направилась в салон.

После встречи в больнице, когда она случайно столкнулась с прокурором Теодором Шацким, Зюлко-Сендровская не могла простить себя за то, что не пригласила того к ним на чай и даже не представилась. Женщину беспокоило, что тот мог принять ее за какую-нибудь психованную особу, которая цепляется к незнакомым. А она попросту столько слышала о нем, столько читала, что чувствовала, как будто встретила знакомого. Даже просмотрела на Ютубе ролики с его участием, где он выступал на различных пресс-конференциях.

И все это по той причине, что у ее ребенка был бзик в отношении права и справедливости. Женщина улыбнулась собственным мыслям, это прозвучало политически двусмысленно. Как нечто такое, чего Мала, скорее всего, никогда бы не написала на своей футболке: «У меня бзик на пункте права и справедливости^[138]».

Хозяйка поставила поднос на низеньком столике возле углового дивана, где уже стояли чайничек и кофейник.

Она улыбнулась прокурору, думая про себя, что тот выглядит не самым лучшим образом. Если цена сражения со злом и преступлением должна быть такой уж большой, она предпочла бы, чтобы Виктория подобной карьеры для себя не выбирала.

— Большое спасибо за то, что вы позвонили да еще позволили пригласить себя на полдник, — сказала она. — Не знаю, известно ли это вам, но для Виктории было весьма важно, чтобы диплом в школе вручал ей именно вы.

— Действительно? — изобразил вежливое удивление Шацкий, вкладывая в рот кусочек шоколада.

— Боже, надеюсь, что я не выгляжу какой-нибудь психованной поклонницей, — Виктория покраснела, нервно хихикнула, а ее мать испытала родительскую гордость.

Сколько же девичьего обаяния было в этой девушке, сколько привлекательности!

— Просто я интересуюсь правом, мне бы хотелось изучать юриспруденцию, вот я и проверяю для себя кое-чего... Господи, что-то все у меня путается. Да, в свою очередь, я ведь познакомилась с вами задолго до того, как вы начали здесь работать. Я читала про KSSIP,^[139] про прокурорскую практику, потом, просто так, закинула в Ютуб запрос «прокурор», и тут вы и выскочили.

— И что? Как я вам показался?

— Откровенно? — Виктория скорчила смешную мину, щуря глаза. Ребенок, еще не уверенный в собственной взрослости, как будто бы этого немного стыдящийся.

— Понятное дело, что откровенно. Будущая пани прокурор не может лгать.

— Меня убило то, как вы выглядел. Этот ваш костюм!

— Вика! — Мать решила вмешаться, у нее не было желания разбирать дамско-мужские подтексты.

— Мама, успокойся, — Девушка произнесла это таким фарсовым тоном, что все рассмеялись. — В том смысле, что на вас этот костюм выглядел словно мундир. Даже

больше скажу: словно костюм супергероя. Ведь у каждого супергероя есть свой костюм, правда? То ли трико, то ли плащ или что-то там.

— Вика, через мгновение мне станет стыдно за тебя.

— Ой, мама, я же ничего плохого не говорю. Я только хочу сказать, что вы не выглядели государственным чиновником. Кем-то большим... Кем-то таким, находящимся на стороне добра.

— Думаю, вам следует поговорить с моим ассессором, — обратился прокурор Шацкий к Вике; Сендровская заметила, что ее дочери льстит эта взрослая беседа, когда к ней обращаются на «вы». Он недавно закончил краковскую школу, и, чего уж там, вам понравится. Он даже более супергероический, чем я. Вечно в костюме, всегда натянутый, всегда в роли. Иногда у меня складывается впечатление, что вместо совести у него уголовно-процессуальный кодекс. Его не интересуют мотивации, смягчающие обстоятельства, личные связи или травматические переживания из детства. Он не успокоится, если кто-то рядом нарушил закон.

— Звучит несколько прохладно, — вмешалась девушка.

— Мне кажется, что холод помогает справедливости, — заметил Шацкий. — Эмоции затемняют дело, они не позволяют объективно оценить ситуацию.

— А вы работаете парами, как полицейские? — заинтересовалась Виктория.

— Официально — нет, но мы сидим в одной конторе, помогаем друг другу. К примеру, с Эдмундом Фальком, так зовут моего ассессора, мы сотрудничаем очень плотно. Обо всем друг другу рассказываем, и иногда у меня складывается впечатление, что он не только знает точно, над чем я работаю, но и всегда знает, где я нахожусь, и он знает все мои мысли. — Прокурор засмеялся, словно стыдился близости со своим коллегой. — Иногда я ловлю себя на том, что отношусь к нему не как к ассессору или приятелю, но словно к младшему брату. А у вас, пани Виктория, брат или сестра есть?

Та застыла на месте. В доме никогда об этом не говорили. Эти слова настолько сильно застали ее врасплох, что она не знала, как поменять тему, быстро отставила чашку на блюдце, разлив кофе-латте, сильно разведенный молоком. Пустота, полнейшая пустота в голове, а ведь ей необходимо что-то сказать, тишина делалась все более заметной.

— А над чем вы работаете сейчас? — спросила в конце концов Виктория.

— Над делом похищения.

— О, это интересно. Трудное дело?

— Похищения всегда сложны. Нам не известно, ведем ли мы дело еще о похищении или уже убийства.

— Такая неопределенность может быть ужасной. У вас нет никакого влияния на то, что сделают похитители. Наверняка вы представляете, что где-то там похищенный человек находится во власти неизвестно кого. Тем более, если похищенный человек — это женщина, в игру входят самые мрачные сценарии. А еще, осознание того, что одно неосторожное движение с вашей стороны может все изменить.

Прокурор Теодор Шацкий задумчиво покачал головой, со всей серьезностью он был вовлечен в эту теоретическую беседу. Агнешка Зюлко-Сендровская была горда тем, что ее дочка, которая совсем недавно получила удостоверение личности, умеет так зрело вести разговор с опытным юристом. Может быть, и вправду, право — ее будущее? Даже если и так, она предпочла бы должность советника или нотариат, ведь сколько говорят о насилии в отношении к женщинам прокурорам. Нападения, обливания едкими веществами — ей даже

не хотелось о подобном думать.

— Пани права. Наша цель, более чем для полиции в данном случае, является обнаружение и освобождение похищенного. Но если зло уже свершилось, тогда мы будем стремиться к тому, чтобы со всей силой применить справедливость.

— И удастся?

— Практически всегда. Преступники нас неверно оценивают. Они смотрят слишком много кинофильмов, и они думают, что очень легко кого-нибудь шантажировать, оказать давление. А потом исчезнуть, раствориться в тумане. Что достаточно иметь немного хитрости и здравого смысла. Тем временем, мы не прощаем. В особенности, в случаях похищений. Ищем до получения результата. И находим. Тем более эффективно, чем более важным для нас является дело.

— Месть?

— В величии закона.

— А вас никогда не искушало действовать вне рамок закона?

Мать решила отреагировать.

— Виктория! Дитя мое! Да, напоминаю, что сегодня ты хотела выйти к Луизе!

Девушка испуганно дернулась, она мотнула головой так резко, что ее конский хвост чудом не хлестнул гостя по лицу.

— Мама, мы же не в суде. Просто разговариваем под сладкое.

— Дитя мое дорогое... — она на мгновение повернулась к Шацкому, — Прошу прощения, это на момент... — и вновь обратилась к дочери. — Пан прокурор у нас впервые, и, из того, что мне известно, его работа не заключается в действиях за рамками закона, совсем наоборот. Так что, если бы ты могла бы...

— Так что, если бы ты не одергивала меня при госте, я была бы тебе весьма благодарна, — гордо выпрямилась та.

Пани Агнешка закусила губу, но ничего не сказала. Она стыдилась того, что именно сейчас подумала о том, что гены не обманешь. Что она сама никогда бы не поступила так в отношении собственной матери. Никогда. Что, к сожалению, случаются моменты, когда гены Виктории и первые годы ее воспитания, прежде чем она к ним попала, отзываются.

— Не ссорьтесь, пожалуйста, дорогие мои дамы, — попытался смягчить ситуацию прокурор. — Я не верю в слишком сложные или неподходящие вопросы. Самое большее, не отвечу, но если в чем-то могу обратить внимание, то прошу вас прекратить сражение с любопытством этой юной женщины. Любопытство и жажда познания истины — это две ноги хорошего следователя. Без них он далеко не зайдет.

Мамаша посчитала сравнение не самым удачным, но покачала головой, как будто бы то были самые мудрые слова, слышанные ею за много лет.

— Я охотно отвечу, — сказал гость. — Поскольку пани Виктория коснулась крупнейшей этической дилеммы, сопровождающей нашу работу. Действительно, довольно часто мы бессильны. Мы ведем следствие, собираем неопровержимое доказательство, и из-за какой-то мелочи, весьма часто, формальной, все наши усилия делаются напрасными. Мало того, что нам приходится отпустить человека, в вине которого мы уверены, ба, у нас все доказательства этому имелись, так мы еще должны терпеть удары, наносимые обществом.

Пользуясь длительной речью прокурора, который, как ей казалось, выражался каким-то весьма претенциозным и цветистым образом, Виктория незаметно вытерла салфеткой

залитое кофе блюдце. Ей хотелось вновь вылить эти несколько капель назад в чашку, но опасалась того, что тогда мать вернется из эмпирей и отругает при всех.

— И тогда появляется фантазия, чтобы, главное, исполнилась справедливость. Чтобы сделать хоть что-нибудь. Наказать, повредить... мы же понимаем, что у государственных органов имеется масса способов сделать гражданину нехорошо. И ни один из этих органов не откажет прокуратуре помочь в правом деле. Проблемы с налогами, с паспортами, визами, разрешениями, лицензиями, выполнением собственных профессиональных обязанностей, допросы, необходимость давать объяснения, вечное отвлечение от дел... Иногда, должен сказать, пани Виктория, подобное всевластие смущает. Если бы я уперся рогом, то мог бы навредить не только вам лично, но и всему вашему семейству до пятой степени родства так, что вы не могли бы и подняться.

Хозяйка дома громко кашлянула. Прокурор прервал выступление и поглядел на нее, в глазах у него была странная тень, а она впервые подумала, что Теодор Шацкий не обязан быть человеком добрым. Он носил в себе нечто такое, что она пыталась оформить словами. Не ненависть, не фрустрация, не агрессия — это уже было на кончике языка. Ярость, гнев — вот именно. Смешное, забытое слово, звучащее как-то по-библейски. Но гостю оно очень даже соответствовало.

— Вы сказали «вы»...

— Простите?...

— Вы оговорились. — Зюлко-Сендовская делано рассмеялась. — Вы сказали, что можете навредить моей дочери.

— Правда? В таком случае, прошу прощения, уже поздно, а день сегодня был тяжелый. Понятное дело, что это никак не объяснение, но еще раз извиняюсь. Похоже это знак, что мне следует бежать.

Виктория сорвалась резко, как-то по-детски, и взяла свой телефон, который, как обычно, подключенный к зарядному устройству лежал вместе с яблоками на буфете. Хороший телефон, подарок на восемнадцатый день рождения. Мать радовалась тому, что Виктория о нем заботится, все время держит в собственноручно связанном из пряжи футляре в бело-розовые полосы.

— Я вышлю вам эсэмэску, хорошо? Что угодно, лишь бы у вас был мой номер. С удовольствием встречусь с вами еще раз.

Мамаша улыбнулась про себя. Ее дочь может быть взрослой, может быть совершеннолетней, может высказываться словно взрослая женщина.

Но на самой деле, ее любимая доченька — это такой еще ребенок...

Шацкий вынул из кармана телефон, ожидая прихода сообщения. При этом он размышлял над тем: а что же дальше. Играть, как до сих пор, по правилам хитроумной лицеистки Виктории Сендровской, или перейти в наступление. Даже хотя он сам и не был в наилучшей форме, ненависть придавала ему достаточно сил, чтобы расхуярить башки одной и другой либо о мещанский дубовый буфет, либо о старинные, керамические радиаторы. Собственно говоря, было бы достаточно, разорвать на клочья уважаемую пани Агнешку Сендровскую на глазах ее приемной доченьки. Чтобы малолетка знала, как оно бывает,

когда кто-то близкий страдает. А потом он бы задумался над тем, что дальше.

Он представил себе череп, бьющийся о радиатор. Представил себе трескающуюся кожу, вдавливающуюся в мозги кость. Из разбитой головы брызжет кровь, из разбитого калорифера шурует горячая вода и пар. Пани Агнешка еще в сознании, слишком неожиданно все случилось для нее, чтобы отреагировать, она даже понятия не имеет, что происходит. А он покрепче хватает ее за черные волосы, обкручивает прядь вокруг запястья и вновь херячит в радиатор. Еще больше пара, больше крови, кусочки костей на полу мало чем отличаются от кусков фаянсовых нагревателей. На их фоне хорошо заметно серое, желеобразное содержимое мозга. Сейчас доченька может видеть, как выглядит всемогущий аппарат управления ее мамочки. Временно находящийся в состоянии ликвидации.

Агнешка Сендровская улыбается ему над краем чашки. Шацкий улыбается в ответ.

Ярость заполняет его на все сто процентов. По ее причине любое действие превращалось в сверхчеловеческое усилие. Он пытался вести нормальную беседу, но чувствовал себя словно парализованный. Но прятался за словами, лишь бы не сотворить какой-нибудь глупости. Потому болтал словно слабоумный, словно провозглашал некий доклад по праву, сам понимая из сказанного, хорошо, если третье слово. Но это цезение слов, их подбор, концентрация на их грамматическом изменении, как будто он говорил на иностранном языке — это помогало ему сохранить относительное спокойствие.

Он получил сообщение с содержанием: «tel no one».

Именно так, как она и сказала: вышлю вам что угодно. «*Tel no one*» — это вроде как телефон номер раз, сами понимаете, шуточка от шустрой лицеистки. Набила, что пришло в голову, лишь бы у него был ее номер.

В действительности же сообщение было очень даже понятным. *Tell no one*. То есть: никому не говори, а не то твоя дочка сгорит на химическом костре, устроенном испытанной варминьской инквизицией.

Шацкий поднялся, вежливо попрощался, позволил пани Агнешке провести себя до прихожей. По пути он вежливо восхищался мещанским жилищем. Совершенно откровенно. Та часть его сознания, которую удалось заставить вести светскую беседу, по-настоящему восхищалась усилиями, которые семейство Сендровских вложило в то, чтобы оставшаяся после немцев вилла обрела свое великолепие, удачно соединяя элементы оригинальной архитектуры с современным, скандинавским дизайном.

Прокурор надел пальто и вышел, не подавая никому руки. Он боялся того, что если почувствует прикосновение Виктории, то не сдержит своей ярости и прибьет ее прямо на месте.

Он прошел через небольшой палисадник, открыл калитку, вышел на тротуар улицы Радио и глубоко вздохнул. Воздух был не таким, как до того. Он сделался холодным, свежим, пахнувшим снегом. Мороз прогнал сырой запах, разогнал туман, Ольштын казался более резким, чем обычно. У Шацкого здесь, в этом городе, частенько появлялось впечатление, что он рассматривает мир через покрытый паром объектив, что все здесь деликатно размыто. Теперь же, как бы для различия, чтобы было по-другому, казалось, словно бы картинку пропустили через фильтр увеличения резкости.

Нет, он не мог ее убить. Пока что он ничего иного не желал, но не мог. Ведь наравне с яростью его переполняла безрассудная надежда на то, что Хеля жива, и что ее еще удастся спасти. Если ценой является игра по правилам Виктории Сендровской, он был на это готов. Если ценой должна стать его собственная смерть, он был готов и к этому. Шацкий был готов

на все. Он получил новое сообщение от Виктории: «о h».

И все сразу же ясно. Он должен быть там в ноль часов.

И у него не было ни малейших сомнений — где.

Уже очень долго она шла по горной тропе и реально сильно вспотела, прежде чем заметила, что матрица портится. Во-первых, в Татрах никогда не бывает такой погоды. То есть, наверняка она бывает, но сама она никогда в ходе какой-либо из своих поездок туда таковой не видела. То ли с мамой, на лыжах, то ли с отцом — во время пеших походов, то ли со школьными экскурсиями на скучных переходах — всегда в Татрах она видела лишь мокрые скалы, туман и дождевую или снежную тучи на высоте глаз.

На сей раз она шла по каменистой тропе по горному склону, и виды с каждой стороны были такими, как будто бы кто-то весь воздух откачал, чтобы тот не мешал наслаждаться окружающим миром. Она понятия не имела, что в этих мокрых Татрах существует столько гор вообще, она никогда не видела их больше, чем на сотню метров вперед. Опыт шикарный.

Неожиданно она дошла до отвесной стены с выбитыми ступенями. Особенно безопасным это не выглядело, но, все равно, походило больше на туристскую тропу, чем на альпинистский маршрут. Тем более, что рядом со ступенями к камню была прикреплена массивная, заржавевшая стальная цепь.

Она потянула за нее. Цепь держала.

Она схватилась за холодное железо и с трудом начала карабкаться вверх. Поначалу она чувствовала себя превосходно, но чем больше дециметров воздуха разделяло ее попку от тропы, тем больше в ее в ее мысли вкрадывалось беспокойство, опять же, воображение подсовывало картины беспомощного тела, падающего вниз, бьющегося о выступающие из стены валуны, пока наконец не разобьется о камни внизу.

Нервничая, она сильнее стиснула цепь. Которая, неожиданно, согнулась под ее рукой, словно была сделана из резины. Изумленная, она глянула на цепное звено. Стиснула его еще раз. Действительно, оно вело себя словно резиновая игрушка.

Она понюхала цепь. От той интенсивно несло ржавым металлом.

Тогда она резко тряхнула цепью. Вместо того, чтобы зазвенеть о гранит, та издала звук каучукового мячика, отбивающегося от стены.

И тут до нее дошло, что это все во сне. И решила использовать осознание этого факта, прежде чем проснуться. Она поглядела на окружающий ее мир, трижды повторила, что все это только в ее голове, сильно оттолкнулась ногами от каменной стенки и полетела. Быстро, решительно, не так, как Мэри Поппинс, но словно Роберт Дауни Младший. [\[140\]](#)

— Йу-ху-ххуууу! — крикнула девушка, глядя на удалявшиеся в быстром темпе горы, гранитный пик между двумя долинами с этой перспективы выглядел словно шипы, вырастающие из позвоночника гигантского зеленого динозавра.

Она собиралась долететь до Кракова, когда вновь почувствовала интенсивный запах заржавевшего железа. Она поглядела на свои ладони и с изумлением заметила, что до сих пор держит резиновую цепь, которая раньше помогала ей в подъеме. Эта цепь, где-то там, вдали, прикрепленная к горам, растянулась до последнего. Ее звенья, которые раньше были толщиной с палец, сейчас были тонюсенькие, словно рыбацкая леска.

Сам вид был бы даже забавным, если бы не то, что растянутая цепь с огромной силой начала тянуть ее назад. Она не могла отпустить цепь, так что, если раньше мчала вверх, сейчас летела вниз, все быстрее и быстрее, с сумасшедшей скоростью и свистом в ушах, а горы молнией близились к ней. Она уже видела выбитые в стенке ступени, съежилась и стиснула веки перед ударом.

И тогда она проснулась. Мышцы были напряжены и болели, глаза сильно сжаты, и все время она чувствовала запах ржавчины.

Девушка сделала глубокий вдох, захихикала, вспомнив сон, открыла глаза, и смех застрял у нее в горле.

Даже на мгновение у нее не было сомнений относительно того, где она находится. Света в помещении было достаточно много, чтобы ей была прекрасно видна структура заржавевшего металла. Она глянула под ноги. На счастье, там не было никаких останков, чего страшно боялась: каких-нибудь плавающих в густой мази зубов и ногтей.

Внутренняя часть трубы была чистой и сухой, что даже хотелось сказать: ухоженной. Девушка с изумлением заметила, что все время она была обута в сапоги, и вообще — все барахло на ней. В отличие от мужика из фильма, который умирал голым.

— Да, я умру, но меня, по крайней мере, не изнасиловали, подумала она. Спасибо и за это.

На высоте ее грудной клетки ржавчина была исцарапана, рассечена вертикальными линиями. Хеля задрожала, когда до нее дошло, каким образом те появились. Кто-то сходил с ума от боли так, что пытался выкарабкаться из металлической трубы. А она тоже будет пробовать?

Она поглядела на свои руки, связанные спереди тонким шпагатом.

Наверняка — так. Как только шпагат растворится в той кислоте, которой ее засыплют, она тоже будет пытаться прорваться сквозь чугун, как и все перед ней.

Девушка заставила себя оторвать глаза от этих царапин и поглядела вверх.

Прямоком в объектив видеокамеры.

Прокурор Теодор Шацкий открыл до упора окно ситроена, запуская вовнутрь морозный воздух, интенсивно пахнувший соснами. Дорога на Оструду мягко лавировала между покрытыми лесом холмами. Дорога широкая, ровная, относительно новая, в нормальных обстоятельствах ему очень нравилось ездить здесь.

Дорожного движения практически не было. Шацкий встретил лишь три направляющихся в сторону Ольштына грузовика, в сторону Оструды его опередило белое «субару» с эльблогнгскими номерами. Если же не считать все го этого, оставались только он, лес и висящая в воздухе зима.

Лес закончился через несколько километров, превращаясь в сморщенный луг. Чуть дальше, справа, были видны огни Гетржвальда. Слева, между возвышенностями, устроилась деревня Нагляды. Ближе к дороге — старые застройки, поближе к лесу — виллы нуворишей. И поселок даже ничего.

Он притормозил, но на перекрестке не свернул в сторону деревни, но в противоположную, где не было видно никаких огней, а только луг и черная стена леса.

Дорога, поначалу асфальтовая, быстро превратилась в грунтовую, подсыпанную гравием просеку. Но и она вскоре закончилась, когда он проехал недавно выстроенный поселок. Дальше была уже только обычная варминьская дорога, дыры и колеи, разделенные холмиком увядшей травы, о которую он терся картером.

Шацкий остановился на отрезке, выглядящем более-менее сухим, и, пользуясь милостями гидропневматической подвески, поднял своего дракона на несколько сантиметров.

Хоть раз в жизни эта чертова штуковина хоть на что-то пригодится, подумал он.

Потом тронулся с места.

Дорога быстро затерялась в лесу. Если бы не то, что перед тем проверил номер участка в кадастровой базе, наверняка бы развернулся в уверенности, что туда никак нельзя доехать.

Через несколько сотен метров Шацкий въехал на очередную полянку, где стояли два новых барака, похожие друг на друга словно близнецы. необработанные кошмарики, живьем перенесенные из американской глубинки. Наверняка кто-то во времена процветания решил сделаться девелопером и выстроить *«шикарный лесной оазис для наиболее требовательных клиентов»*. После чего сдулся, как и все остальные.

Шацкий даже не притормозил, только включил дальний свет и увидел громадный яркий баннер с надписью «ПРОДАЕТСЯ».

Он проехал мимо баннера, мимо барачков и вновь въехал в лес. Дорога достигла очередной степени заброшенности, даже его чудище, на раз справляющееся с колдобинами, немилосердно раскачивалось во все стороны, словно желая перевернуться на бок.

Еще через две сотни метров Шацкий въехал на очередную полянку, где и остановил машину.

Зеленые цифры на панели управления показывали двадцать три часа пятьдесят две минуты. Шацкий посчитал, что появление за несколько минут до условленного срока не будет воспринято в качестве афронта, он заглушил двигатель и вышел.

Поначалу ему казалось, что вокруг совершенно темно, так что в сторону дома он направился на ощупь. Но его глаза быстро адаптировались к темноте, и оказалось, что, по сути дела, здесь на удивление даже видно. Как и всегда, когда перед рассветом висят снежные тучи, обладающие необычной способностью отражать даже самые малые количества света с земли и отсылать их обратно.

Прокурор задержался в том месте, где когда-то должен был быть въезд. Сейчас же просто дыра в остатках ограды.

Выходит, это здесь.

Он подумал о Хеле. Процесс мышления шел у него с трудом. Весь день она непрерывно присутствовала в его мыслях, но после беседы с Викторией Сосновской что-то случилось. Мозг отсек постоянный прилив картин, которые подсовывало его отцовское воображение. Точно тем же образом, когда он отсекает сознание, если физическая боль делается невыносимой. Он понимал, что внутри наверняка обнаружит ее останки. Но это понимание было глубоко скрытым, туманным, нереалистичным. Словно представление о месте, известном нам исключительно по рассказам.

Шацкий прошел в дыру в ограде.

Он теперь думал о маленьком Павле Наймане. О мальчишке, который решил перестать жить. Еще подумал о маленьком Петре Наймане и его рисунках. Подумал он и о малыше, складывающем паззл возле лежащего в кровавой луже теле собственной матери.

Он подумал о ребенке, который должен прятаться перед теми, кого он любит. Он делает все то же, что делают и другие дети. Строит башни из кубиков, сталкивает машинки, ведет беседы среди плюшевых зверей и рисует домики, стоящие под оскалившимся солнцем. Ребенок всегда ребенок. Но страх вызывает то, что все выглядит иначе. Башни никогда с грохотом не рассыпаются. Автомобильные катастрофы делаются, скорее, ласковыми касаниями, чем авариями. Плюшевые звери обращаются один к другому шепотом. А вода в стаканчике от красок быстро превращается в месиво того особенного, злобного грязного цвета. Ребенок боится пойти и сменить эту воду, и, в конце концов, все акварельные краски делаются перепачканными месивом. Каждый очередной домик, улыбающееся солнышко и дерево возле домика обретают один и тот же злой, черно-синей грязи.

Именно этим цветом этой ночью был нарисован варминьский пейзаж.

Прокурор Теодор Шацкий испытывал спокойствие, поскольку знал, что, так или иначе, в этом доме все закончится. Число возможных вариантов было конечным, и хотя логика заставляла предполагать, что практически во всех вариантах гибнет его дочь, а вместе с нею и он, все равно Шацкий судорожно хватался за мысль, что как-то все выйдет. Что он чего-нибудь придумает. Что случится что-то такое, чего он не предусмотрел. Или же, что все это окажется просто кошмарным розыгрышем.

Дурацкая надежда. Опыт прокурора учил его, что в жизни ничто и никогда не бывает розыгрышем или шуткой, как правило, все разыгрывается со смертельной серьезностью. Все еще дополнительно ухудшал факт, что безумная мстительница оказалась восемнадцатилетней девицей. Обычно, в этом возрасте люди стремятся сохранять серьезность, неизменные убеждения и к радикализм, который лет десять спустя был бы уже смешным. А это означает, что, независимо от того, насколько закрученный убийственный план родился в голове девицы — она его либо уже реализовала, либо обязательно реализует.

Разве что случиться что-нибудь особенное. Всегда ведь может случиться что-то неожиданное.

Шацкий прошел двор и встал у входной двери. Территория между оградой и домом, когда-то, возможно, это было садиком или подъездом, походил на экспериментальную ферму по разведению сорняков, сейчас уже увядших, сгнивших и отмерших, зловеще черных в этой зимней ночи.

Сам дом с близкого расстояния производил лучшее впечатление. Издалека он выглядел словно выстроенная в начале двадцатого века немецкая хижина, возможно — избышка лесника, которой, чтобы рассыпаться, потребовалось целые сто лет. Теперь же Шацкий видел по архитектуре и использованным материалам, что конструкция была родом из девяностых годов, а ее паршивое состояние было результатом пожара десятилетней давности. Можно было заметить, что огонь безумствовал в правой части дома, там не было оконных рам, вся столярка, похоже, сгорела, а крыша завалилась в середину, поскольку огонь повредил перекрытия.

Шацкого удивило то, что все окна были плотно защищены приличными, коваными решетками. Интересно, их пристроили уже после пожара и выезда, чтобы защитить недвижимость от воров и бродяг, или смонтировали раньше. Скорее, второе. Сгоревшую недвижимость не украшают художественными кузнечными изделиями, скорее уж зияющие дыры перекрывают арматурными прутами или попросту забивают наглухо досками.

Он глянул на часы. Полночь.

Прокурор нажал на дверную ручку и вошел в помещение, надеясь на то, что на останки Хелены Шацкой здесь не наткнется.

Вовсе нет. Его приветствовал слабый огонек и интенсивный запах крепкого, только что заваренного кофе. Мужчина направился вслед за запахом и очутился в пустом помещении, когда-то исполнявшем роль салона.

Практически пустом помещении. Посредине располагался столик для пикников из разряда тех, которые можно сложить в небольшой чемоданчик. На нем: туристическая газовая лампа с абажуром, термос и две термокружки. По обеим сторонам столика стояли два туристических раскладных стульчика: пара кусков зеленой ткани, растянутых на

алюминиевом каркасе. Один стул был пустым, на втором сидела Виктория Сендровская. Молодая, красивая и спокойная. На сей раз: с распущенными волосами. Длинные черные локоны спадали до пояса, в соединении с бледным лицом в мерцающем свете лампы они превращали ее в персонажа из японского фильма ужасов.

— Добрый вечер, пан прокурор, — произнесла девушка, указывая на стул.

Тот уселся, закинул ногу на ногу, поправил стрелку на брючине.

— Привет, Мана.

— Не называй меня так.

Тот пожал плечами.

— Где моя дочь?

— Через минуту узнаете. Обещаю. Кофе?

Шацкий кивнул. Он огляделся по сторонам. Лампа давала мало света, углы и стены терялись в темноте. Кто-то мог там притаиться, кто-то мог стоять за дверью. Кто-то мог целиться в него из огнестрельного оружия или сжимать пальцы на металлической трубке. Собственно говоря, все указывало на то, что это последняя беседа, которую он ведет в собственной жизни. И, тем не менее, неожиданно он почувствовал усталость, и ужасно хотелось спать.

Девушка подвинула в его сторону кружку с кофе.

— Какие-нибудь вопросы?

Шацкий отпил кофе. Черный, крепкий и просто замечательный. Такой кофе он мог бы пить каждый день. Он задумался над тем, а что его собеседница только что сказала. При всей своей исключительности Виктория Сендровская не была свободна от типичной для преступников мегаломании. Она перебирала ножками, словно дошкольница, желая того, чтобы все восхищались ее хитроумием.

— Нет, — ответил Шацкий. — Все ответы я уже знаю. Хочу лишь забрать дочку и вернуться домой.

— Ты гляди, какой способный прокурор. И что же это за ответы?

Блиин, как же ему этого не хотелось. Но он заставил себя, думая о том, что если удовлетворит эго этой сумасшедшей девицы, все дело закончится лучше, чем он предполагает.

— А можно сокращенную версию? Родилась ты Марианной Найман, проживала, — Шацкий обвел рукой помещение, — в этой прелестной избушке лесника из рассказа ужасов с родителями и младшим братом. Наверняка ты была жертвой домашнего насилия или приставаний, но, возможно, лишь свидетелем того, что происходило с матерью. Десять лет назад случился пожар. Твоя мать погибла, маленький братик умер вскоре после того в психиатрической лечебнице, у тебя же в голове что-то перещелкнуло. Способный, милый ребенок, тебя быстро удочерила семья Сендровских, которые или не заметили, или же не желали замечать твоего изъяна. Я не знаю, почему у твоего отца отобрали родительские права, до материалов дела в суде по вопросам семьи я не добрался, только до бумаг в ЗАГС. Приемному ребенку приемные родители обеспечили, из того, что я видел и слышал, прекрасные условия развития, благодаря чему ты выросла умной и красивой женщиной. Вот только эту умную и красивую женщину все время подтачивала жажда мести. В особенности, мести отцу и виновным в насилии вообще. Ты дождалась своего восемнадцатого дня рождения, ведь только тогда ты могла ознакомиться с материалами дела об удочерении, равно как и с материалами лишения твоего отца родительских прав.

— Вы меня не дооцениваете. Эти материалы у меня уже три года.

Шацкий ужасно устал, тем не менее, в его прокурорской голове прозвенел зуммер детектора лжи. Что-то здесь было не так. Он понятия не имел: что, но тогда в первый раз подумал о том, что неправильно объединил факты. К сожалению, совершенно обессиленный, он не мог проследить за этой мыслью.

— До восемнадцати лет я ожидала, потому что мне это казалось символичным, опять же, я следила за ним. Я допускала мысль, что он, все-таки, изменился, и что он обеспечит маленькому Петру то, чего не было у Павла.

— Ну да, маленький Петр. — Шацкий не позволял ей драматически развернуть мысль, поскольку желал завершить это резюме как можно скорее. — Ты подружилась с семейством Найманов, прежде всего, с маленьким Петром, возможно, даже работала в качестве няни. Что бы там не думали, очень безопасное решение. Найман все время в разъездах, его жене нужен был кто-то, чтобы помогать. С отцом ты разминалась, вполне возможно, что лицом к лицу не встречалась до самого последнего момента.

Виктория подтвердила это жестом.

— А пацан тебя полюбил. Это понятно, ведь ты относилась к нему, как к брату, которым по сути своей он и был. Я предполагаю, что однажды, то ли перед самым похищением, то ли сразу же после него, ты рассказала Монике Найман свою печальную историю. Она тебе поверила и пальцем о палец не ударила в отношении судьбы собственного супруга. С одной стороны, возможно, она и сама уже знала, что Найман за человек, ее сын во время допроса рассказал о том, как ее отсылали на чердак в рамках супружеского наказания. С другой же стороны, есть тебе нечто такое, что люди тебе верят, что желают тебя слушать. Скорее всего, это семейное. Правда, Виктория?

Та кивнула, принимая комплимент с улыбкой.

— После чего ты растворила папашу в натриевой щелочи и представила нам изящный реквизит из костей его самого и других виновных в насилии, подбрасывая его в городе. Интересно, что с самого начала я руководствовался тем, что подземный туннель ведет в больницу, мне казалось, что решение именно здесь. Знание анатомии и так далее. Тем временем, второй конец вел в общежитие.

— А что может быть более естественно, чем восемнадцатилетняя девушка в студенческом общежитии, разве нет? — дополнила с усмешкой Виктория.

— Вот именно. К сожалению, только сейчас для меня все это высветилось со всеми подробностями. И это, собственно, уже и все. Вот уже несколько дней я подозреваю, что все это было подготовкой к чему-то по-настоящему крупному. Я и моя дочка являемся частью этого плана, я, наверняка, должен быть наказан в качестве символа некомпетентного и бесчувственного аппарата справедливости. Извини, что я это говорю, понимаю, что ты действуешь в доброй вере. Но вот слышишь ли ты, насколько странным все это является? Не слишком ли ты умная для такого водевиля?

Та царственным жестом откинула волосы за спину.

— Да, именно так я и представляю себе правосудие, — сказала Виктория. — Ответы, вроде как бы и верные, только все это сухое, лишённое эмоций, никакое.

Шацкий пожал плечами. Он подумал, что если еще раз повторит этот жест, то до конца жизни это у него будет нечто вроде тика. Не то, чтобы он планировал дожить до ста лет, пока что даже сорок пятый день рождения, казался ему недостижимым. Вот только новое заболевание под самый финал? Бессмысленная ирония судьбы.

— Никто ко мне никогда не приставал, никто меня никогда не ударил. То же самое и с Павлом — это так, для протокола. Вот мать — это дело другое. Она была слабой, позволяла делать с собой все, что угодно, перепуганная селянка, не представляющая себе, что может быть как-то по-другому. Ее мне ни капельки не жалко. Природа не должна позволять слабым людям размножаться, слишком слабым, чтобы заботиться о потомстве.

Неожиданно Шацкий понял.

— Женские кости в твоём реквизите?

— А как же. Она не заслужила того, чтобы покоиться с миром. Это она позволила, чтобы весь дом был переполнен страхом. Каждодневным, неустанным страхом.

— Но ведь ты же говорила...

— Да, я говорила, что нас он никогда не тронул. Но мы были уверены, что в один прекрасный день это изменится. Все время нарастающее напряжение, чувство угрозы, от которого можно сойти с ума.

— Пожар?

— Да. Она была слишком глупа, чтобы уйти, взять детей и сбежать. Она сообщила об этом с громадной помпой, когда же он понял, что это серьезно, то закрыл ее в комнате, где обычно закрывал, а потом сжег. Вы видели решетку справа от входа?

Шацкий кивнул.

— На этой решетке она и умерла. Она выбила окно, поскольку, как я уже упоминала, была достаточно глупой и не знала, что дополнительная порция воздуха лишь усилит огонь, а не погасит его. После чего повисла на той решетке и на ней зажарилась. Мы с Павлом стояли у ворот и очень долго глядели на это. Теперь, естественно, я знаю, что не следовало бы ему этого разрешать, но тогда мне было всего восемь лет, меня просто парализовало.

Она снизила голос.

— Но за это я тоже заплачу, — тихо произнесла она, а по ее красивому лицу промелькнула тень страха и сожаления. — Знаешь, Теодор... Ты же не сердись на то, что я так говорю, правда? Супер. Моего отца все всегда обожали. Он и вправду был таким типом, с которым все хотели дружить, слушать его, быть с ним. Он умел обводить людей вокруг пальца. Тип продавца, коммивояжера. Что ни говори, он ведь зарабатывал в сфере услуг, если бы был отвращающим, скучным типом, далеко бы не зашел. Потому-то у него была куча знакомств, масса контактов. И после пожара все покатилося очень быстро. Он стал главной жертвой трагедии, меня же никто слушать не желал. Нас с Павлом разделили, меня забрали в детский дом, поскольку отец строил из себя слишком погруженного в боль, чтобы заниматься мною. Как дочка, я для него была никем, все эти уроды презирают женщин в любом возрасте, у них ментальность египетских феллахов. Когда маленький Павел умер, отец быстро меня сплавил, через знакомых устроил так, что у него отобрали родительские права, все пошло очень быстро. Ты можешь поверить, что о смерти брата я узнала только через месяц после похорон? И вот тогда я решила мстить. Сделать так, что он будет страдать сильнее матери, сильнее маленького Павла, сильнее меня.

Виктория прервалась, глянула в сторону, темноту.

— А ведь с этой щелочью идея классная, разве нет?

Шацкий согласился, а что ему оставалось делать.

— Да, я знаю, ты не согласен с самосудом, и так далее, ведь у тебя имеются твой кодекс и твой костюм, бла, бла, бла... скукота. — Глаза у нее загорелись. — Ты знаешь, что я была вот настолько от его лица, когда он помирал? — она вытянула руку перед собой. — От этих

испарений мне прямо паршиво сделалось, в горле потом несколько дней першило. только я не могла пропустить ни секунды. Я страшно боялась, что он быстро потеряет сознание, но он растворялся где-то с добрую четверть часа. Я уже видела его зубы через дыры в щеках, а он все еще дергался. К сожалению, не вопил, потому что быстро наглотался этой дряни. Но это лишь усиливало драматургию.

Шацкий понимал, что поощрять ее к воспоминаниям — это ошибка, независимо от своих невообразимых обид и утрат, она была просто сумасшедшей девицей, но одна вещь интересовала его по-настоящему.

— И сколько же вас?

Тут Виктория неуверенно глянула на прокурора. Этот ее жест необходимо было прочесть правильно. Как жест личности, которую кто-то выбивает из роли, и которая начинает теряться. Но он был настолько уставшим. И столько этим вечером сделал неправильно...

— Ну что же, конечно я не смогла бы столько сделать одна. С самого начала я знала, что мне нужны союзники. Союзники, осознающие миссию. Некоторых... — Тут она заколебалась, словно бы кое-какие вещи ей выдавать было нельзя. — ...некоторых я знала уже давно. Некоторых нашла. Ты не поверил бы, как легко можно найти людей с соответственной мотивацией. Насколько зло вошло в обыденную жизнь, насколько оно распространено, насколько привычно...

Вновь она ненадолго замолчала.

— Я быстро пришла к заключению, что месть ничего не облегчает, человек потом остается с пустотой, пан Дюма описал это со всеми подробностями. А поскольку мне были нужны люди, я решила дать им цель: исправить мир. Я всегда подозревала, что все эти пиздюки — ужасные трусы. И так оно в реальности и есть. Мне не хочется тебя, как прокурора, лишать иллюзий в отношении эффектов твоей работы, но правда такова, что хорошенько отпиздить или немного искалечить хотя бы раз стоит раз в сто больше, чем три года условно, чем штраф или даже отсидка в течение пары месяцев. Впрочем, эффекты нашей работы ты же видел. Они буквально засирали штаны. Думаю, что потом они боялись даже PESEL тебе сказать.

Тот подтвердил. Он почувствовал печаль. Что бы там ни было, ему было жалко эту обезумевшую, обиженную девушку.

— Мы тоже видели эти эффекты, и это нас удерживало в убеждении, что мы поступаем верно, что действительно меняем мир к лучшему. По сравнению с государственными органами мы реагируем быстрее, сильнее, и стараемся это сделать до того, как случится трагедия.

— Мы, это кто?

Виктория замялась.

— Разные люди.

Шацкий подумал о том, что он несколькими часами ранее узнал от счастливой вдовы на Мицкевича. Вирус. Все те, кто во взрослой жизни становятся жертвами или палачами, в детстве были знакомы с насилием. На все сто процентов. А кем же является Виктория Сендровская? Кем являются ее приятели? Явно не жертвами, это точно. Но можно ли поставить их наравне с палачами? Каким-то образом — да, ведь они позволили активизироваться вирусу, который заставляет вызывать у других страх. Только на сей раз террор не был направлен на самых слабых, а на обидчиков. Это словно как киношные

супергерои, которые обязаны выбрать, использовать собственный изъян ради добра или зла. В юридическом плане дело совершенно очевидно: эти люди являются преступниками, и их следовало бы засадить за решетку, прежде чем они станут упиваться своим могуществом и начнут отрезать ноги людям, которые ужасно согрешили тем, что переходили дорогу на красный свет.

— Ты сама собирала их?

— Во мне есть нечто такое, что люди желают меня слушать.

— Замечательный дар, — Шацкий не мог скрыть иронии. — А что во всем этом делаю я? И, прежде всего, какую роль играет моя дочь?

— Как ты наверняка догадываешься, в этой истории важную роль сыграл некий прокурор. А если точнее, пани прокурор. Первый человек, у которого моя мать решила поискать помощи. И ты наверняка уже знаешь, каким будет продолжение, о таком частенько пишут в газетах. Эта ничем особенным не отличалась. Вроде как пани прокурор была благожелательной, но вместо того, чтобы задействовать процедуры, она уговаривала мать договориться с мужем, понятно дело, за пределами судебного зала. У матери началась истерика, на что эта глупая пизда с юридическим дипломом начала ее пугать, что может назначить психиатрические исследования. Понятное дело, она имела в виду мать, а не отца. Это чтобы проверить, а не выдумывает ли та все, и вообще — нормальна она или нет. Моя мать была дурой, но не настолько, чтобы не знать, что подобного рода исследования в ходе дела о разводе будут свидетельствовать против нее. И она отступила. Выдержала год, со следами побоев она попала к той же прокурорше. Та не отослала ее снять побои, а только заставила пойти умыться и вдалбливала, что это она сама агрессивна, что не способна сдерживать эмоций, раз провоцирует дома скандалы. А потом вообще прикрыла дело, потому что отец дал показания, что да, стукнул, потому что защищался, когда мать трахнула его утюгом.

— И что же случилось с пани прокурор?

Снова колебание.

— Она погибла в дорожной аварии. Когда я узнала об этом, то чуть не поверила в высшую силу.

Старинный следовательский навык заставил Шацкого заметить про себя, что у Сендровской должны иметься ходы в органы следствия. То ли в полиции, то ли в прокуратуре.

— Но была не только она одна. Недавно, благодаря одному из моих приятелей, я просмотрела материалы дела моей матери. Еще две прокурорши, несколько полицейских. Всего помощи она искала более десятка раз, веря, что система ей поможет. А систем призала ей идти к чертовой матери.

Вдруг до Шацкого дошло, что Виктория говорит ему между строк, и не мог в это поверить.

— И что? Я должен быть какой-то жертвой- заместителем? Платить за ошибки некомпетентного и бесчувственного правосудия? Девонька, ты что, совсем чокнулась?

Та не ответила. Вообще не отреагировала. Только молча и печально глядела на него. Быть может, если бы он не был такой обессиленный и эмоционально исчерпанный, тогда, возможно, он почувствовал бы фальшь всей сцены и всей ситуации. По крайней мере, именно так он объяснил это себе впоследствии. Но он был ужасно уставшим. Инстинкт, который в обычных условиях отвесил бы ему мощного пинка, сейчас еле-еле его уколол.

Шацкий почувствовал лишь комариный укус и тут же на него плюнул.

Увы.

— На первый взгляд ты вроде как кажешься исключительной, — холодным тоном произнес прокурор. — Но, по сути своей, ты ничем не отличаешься от всех тех уекбов, которых я допрашиваю уже два десятка лет. Тебе нравятся смерть, боль и страдания, потому что в твоих мозгах что-то не контактит. И к этому всему приспособливаешь идеологию, благодаря которой в собственных глазах превращаешься в демонического гения, мстителя из фильмов класса В. А на самом деле ты гадкая, испорченная девица, которая всю оставшуюся жизнь проведет в Грудзёндзе.^[141] А там, уже через неделю ты поймешь, что никакой романтики там нет и не быть не может. А имеется теснота, вонь и паршивая еда. А прежде всего — невообразимая, бесконечная скука.

И он демонстративно зевнул.

— В отличие от тебя, я вершу правосудие, — рявкнула девица, в глазах у нее загорелись огоньки.

— Ну конечно. А есть ли здесь кто-нибудь из взрослых, с кем я мог бы поговорить.

— Жизнь твоей дочки в моих руках. Ты это понимаешь?

— Понимаю. Но как раз сейчас до меня дошло, что совершенно не влияю на то, что ты в своем безумии сделаешь. Мне очень жаль, но ты слишком далека от нормы, чтобы обычный человек мог с тобой договориться. Ладно, заканчиваем этот утренник. Мое предложение простое. Если моя дочь жива, отпусти ее свободно, вместо нее можешь задерживать меня и растворять, сколько тебе влезет. Если она мертва, хотя бы признайся в этом.

— И что тогда?

— Тогда я тебя убью.

Он удивился, насколько легко эти слова прошли у него через горло. Не потому, что лгал, но потому, что выдал свои самые глубинные эмоции. Шацкий был на сто процентов уверен, что если Хеля мертва, то задавит Сендровскую голыми руками и глазом не моргнет. Впервые в жизни он понял, что имели в виду допрашиваемые им преступники, которые по кругу повторяли, что в тот момент были уверены, что иного выхода у них нет. Сам он вечно считал, что это дурацкая ложь. Теперь же знал, что они говорили самую откровенную правду.

— Ну вот, ну совершенно, как будто бы своего папашу слушала...

— А невежливая засранка такой же невежливой засранкой и останется.

Освещение в комнате, до сих пор теплое и желтое, изменилось. Шацкий оглянулся. Справа загорелся телевизионный экран, до сих пор невидимый. Несколько секунд прокурор наблюдал помехи, затем увидел самую макушку головы собственной дочери, засунутой вовнутрь чугунной трубы. Картинка обладала настолько превосходным качеством, что на черном гольфе были видны чешуйки перхоти, с которой Хеля, несмотря на все свои старания не могла справиться, и что вызывало у нее стопроцентно-подростковое отчаяние.

Уже тогда он должен был понять все. Но ведь он был таким усталым...

Шацкий поднялся и сделал несколько шагов к экрану. Хеля задрала голову. Ее красивые глаза были расширены страхом, но в них не было ни следа слез или паники.

Зато в них было согласие с ситуацией.

К изображению прибавился звук. Шацкий слышал ускоренное дыхание дочери.

Он стиснул кулаки. Затем почувствовал за собой движение и обернулся. Виктория стояла сразу же за ним. Скульптурно прекрасная богиня мести, фарфоровое лицо с

классическими чертами, обрамленное черными волосами.

— У тебя есть последний шанс прекратить это безумие, — прохрипел мужчина.

— Целый день она сидела в одном месте, которое легко было найти, ее охранял всего один человек. Ты мог спасти дочку. Я дала тебе шанс, которым ты не воспользовался, поскольку ты некомпетентен, как и все вы. И теперь ты почувствуешь, какую боль способно доставить некомпетентное правосудие. Гляди.

Из телевизора донесся шелест.

Шацкий оглянулся, он увидел тень на лице собственной дочери, кто-то заслонил источник света. Все ее мышцы напряглись в гримасе испуга, из-за чего ее красивые черты лица на мгновение утратили человечность, превратившись в мордочку зверька, который наверняка знает, что погибнет, который знает, что ничего тут не сделаешь, и в нем уже ничего не осталось. Кроме страха. Никогда он не видел подобной гримасы на лице живого человека. Зато он помнил останки, которые находили именно с таким выражением на лице.

Нет, сознания он не потерял, но с ним случилось нечто странное, словно бы он отклеился сам от себя. Последующие несколько секунд он чувствовал себя зрителем этой сцены, но никак не ее героем. Так он это запомнил.

Он глядит со стороны. Слева столик с термосом и лампой. Затем Виктория: стройная, гордая, выпрямленная, со сложенными на груди руками и распущенными черными волосами. Потом он: пятно черного пальто на фоне черной стены, плюс по-настоящему белое пятнышко лица и волос, левитирующее в воздухе. С правой стороны огромный телевизор, искаженное лицо Хели, заполняющее весь кадр.

А потом неприятный шелест, струя белых шариков, сыплющихся в чугунную трубу и страшный, животный крик его дочери, в соединении с отзвуками глухих ударов, когда тело Хели в отчаянии, панике и в боли начинает конвульсивно защищаться.

Белые гранулы гидроокиси натрия молниеносно заполнили внутреннюю часть трубы, засыпали Хелю по шею и выше, она делает все возможное, чтобы их не проглотить, вытягивает шею и откидывает голову вверх, быстро дыша через нос; Шацкий видел, как шевелятся ноздри. Он видел и перепуганные, нечеловеческие глаза. Видел, как она, вопреки своему желанию, открывает рот, как страшный крик переходит в кашель, когда в горло попадают первые растворяющие плоть шарики.

И в этот самый миг он повернулся и стиснул пальцы на шее Виктории Сендровской.

Возле калитки он отвернулся и поглядел на злой дом.^[142] Контуры того расплывались в темноте, чудовищный ноктюрн, написанный оттенками мрака. Мрачно-черный дом с черными дырами окон, на фоне черно-серой стены леса. Вдруг что-то нарушило этот праздник тьмы, что-то мелькнуло в поле зрения. Шацкий вздрогнул, уверенный, что это пришли за ним. Что он станет уже третьим живым созданием, который в течение четверти часа пересечет границу между жизнью и смертью.

Только он ничего против этого не имел. Совсем даже наоборот. Ему не хотелось жить. И сейчас он ничего не желал столь сильно, как просто не жить.

Но за мельканием не возникла чья-то фигура, свет фонаря, вспышка выстрела или, хотя бы, блеск клинка. Через секунду в глубокой черноте появились новые и новые мелькания, и до Шацкого дошло, что это первый снег. Все большие снежинки все более смелее спадали с неба, устраиваясь на мерзлой, грязной земле, на злом доме и на черном пальто прокурора.

Он прикоснулся к крупной снежинке на воротнике, как будто желал тщательнее осмотреть ее, но та мгновенно растворилась, превратившись в каплю холодной воды.

Он глядел на эту каплю, и в голове у него появилась странная мысль. Поначалу даже тень, мираж, практически неуловимая... В нем случилось нечто странное, что эксперты-психиатры назвали бы фазой шока. Шацкий чувствовал, что он — это он, знал, где находится и что произошло, понимал, что следует сесть в машину и уезжать, но с другой стороны все его мысли и эмоции клубились за стенкой из затемненного стекла. Там что-то происходило, он слышал приглушенные голоса, крики, видел слабые, нечеткие изображения — но все это вне его пределов, на безопасном расстоянии, без доступа в его сознание.

За исключением одной, настырной мысли, которая в одном месте била в стекло и все время вопила одно и то же, требуя к себе внимания, требуя, чтобы ее выслушали.

— Это невозможно, — тихо произнес Шацкий вслух, когда смысл этой мысли наконец-то дошел до него. — Это невозможно.

Он не знал, когда это произошло, но когда поднялся над трупом девушки, телевизор был выключен. Он не помнил, когда тот выключился, но в ходе убийственной стычки его внимание ничто не отвлекло. Это раз. Два, что не имело совершенно никакого смысла, если только не считать вопросов приличия, что Хелю в трубу засунули в одежде. Чем сильнее Шацкий позволял этой мысли добраться до себя, тем больше он понимал, что в тот самый момент, когда он увидел перхоть на гольфе Хели, все должно было стать для него ясным. Вот только тогда правда была бы еще более неправдоподобной, чем все это безумие.

Но зачем все это? С какой целью? Почему?

В первый момент движение слева от себя он принял за поземку, за танцующие на ветру снежные хлопья. Но когда глянул в ту сторону, он увидел, что фрагмент темноты перемещается в его сторону, снежинки там падали на человеческую фигуру.

Шацкий пошел в ту сторону, поначалу медленно, затем все быстрее.

И через мгновение встал перед собственной дочкой. Озябшей, перепуганной, но абсолютно живой.

Шацкий схватил ее за плечи, чтобы убедиться: это не галлюцинация.

— Ау... — произнесла галлюцинация. — Молю, скажи, что ты на машине.

Тот лишь кивнул, поскольку не был в состоянии выдать хотя бы слово.

— Класс. Тогда садимся в колымагу и ваим отсюда. Ты понятия не имеешь, что со мной случилось.

Шацкий погладил дочку по волосам, рука его была мокра от снежных хлопьев. Он глянул на ладонь и увидал, что один снежный комочек не растаял, он лежал в углублении между линией жизни и линией ума, словно был термостойким. Новый вид снежинок, импортируемых из Китая, чтобы торговые центры могли легче управлять волшебством Рождества?

Он глянул на волосы своей дочери, которая постепенно обретала свое исходное, слегка искривленное выражение лица, говорящее: «Ну ладно, так в чем здесь дело?». [\[143\]](#) У нее в волосах таких искусственных снежных хлопьев было больше.

Были они и на ее черном гольфе. Шацкий взял один из них, схватил между указательным и большим пальцем, стиснул.

И понял.

— Папа? Все о'кей? Потому что лично я охотнее всего очутилась бы где-нибудь в тепле.

Маленький шарик пенополистирола.

Прокурор бросил его на землю и, уже не оглядываясь, направился с Хелей к автомобилю.

четверг, 5 декабря 2013 года

Международный День Волонтера. День рождения празднуют Юзеф Пилсудский (146) Уолт Дисней (112) и Центральный Вокзал (38). В возрасте 95 лет умирает Нельсон Мандела. Другой легендарный мировой лидер представляет собой образец здоровья. Он принимает участие в премьерe фильма о себе самом в Капитолии в Вашингтоне, а после показа дает комментарий, что не может дождаться того, как его жизнь представят другие кинематографисты. Европейская Комиссия блокирует строительство нового газопровода, который, проходя по дну Черного моря, должен обойти Украину. Ватикан созывает комиссию по борьбе с педофилией среди священнослужителей. Тем временем, в Польше становится интересно. Высший Суд отказывает в регистрации Союза Лич Силезской Национальности, поясняя в обосновании, что такого народа не существует. В Познани университетская дискуссия по гендерным вопросам закончилась скандалом и вмешательством полиции. Поморье атакует прибывший из Германии циклон «Ксаверий». Вармия и Мазуры засыпаны снегом. В Ольштыне первый день настоящей зимы. Весь город встал в пробках. Во-первых, потому что снег. Во-вторых, потому что, совершенно неожиданно, ремонт крайне невралгического пункта на площади Бема было решено перенести на часы пик. Водители теряют сознание от бешенства, а президент говорит о центре управления общественным транспортом, обещая, что когда наступит золотая эра трамвая, специальные камеры будут управлять светофорами. Радуются пассажиры, радуются и студенты, поскольку университет пообещал установить на горке своего центра отдыха подъемник для лыжников.

1

Польша уродлива. Понятное дело, что не вся, никакое место нельзя назвать абсолютно уродливым. Но если взять в среднем, то Польша является наиболее некрасивой из всех других стран Европы. Наши чудные горы вовсе не красивее чешских или словацких, не вспоминая уже про Альпы. Наши озерные края — это далекая тень скандинавских. Пляжи ледяной Балтики смешат любого, кто хоть раз побывал на пляжах Средиземноморья. Реки так не привлекают путешественников как Рейн, Сена или Луара. Все остальное — это скучная, плоская территория, частично покрытая лесами, только это никакие не пуши Средиземья, по сравнению с дикими местечками Норвегии или альпийских стран мы выглядим очень даже бледно.

Здесь нет чудес природы, которые украшали бы обложки международных альбомов для путешественников. Здесь ничьей вины нет, просто мы поселились на скучных, перспективных в сельскохозяйственном плане территориях, вот и все. Что выглядело осмысленно во времена трехполя, а вот во времена международного туризма это не столь очевидно.

Здесь нет и городов, которые были бы красивыми в целом. Нет Сиены, Брюгге, Безансона или хотя бы Пардубиц. Имеются города, в которых, если хорошо глянуть и не сильно крутить головой, и уж, Боже упаси, не идти кварталом дальше, то можно увидеть

красивый фрагмент.

И никто тут не виноват. Просто-напросто, так оно и есть, вот и все.

Но существуют мгновения, когда Польша является самым прекрасным местом на земле. Это майские дни после грозы, когда зелень уже сочная и свежая, тротуары блестят влагой, а мы все впервые за полгода сняли пальто и чувствуем, что нам передается некая магия природных сил.

Это августовские вечера, восхитительно свежие после целого дня жары, когда мы заполняем улицы и сады, чтобы подышать воздухом, уловить конец лета и ожидать падающих звезд. Но прежде всего — это первое, по-настоящему зимнее утро, когда мы поднимаемся вместе с днем после всеночной метели и видим, что мир за окном превратился в сказочную декорацию. Все меньшие недостатки скрыты, те, что побольше — прикрыты, ну а самые крупные уродства обрели благородную в своей простоте, белую, блестящую оправу.

Ян Павел Берут сидел на лавочке в детском квартале коммунального кладбища на улице Поперечной. Он глубоко вдыхал морозный воздух и наслаждался зимним утром, которое превратило мрачный некрополь в фантастический пейзаж; кресты выступали из-под непорочного белого пуха словно мачты кораблей, плывущих по облакам.

Ему не хотелось портить этой композиции, потому смел с небольшого надгробия лишь столько снега, чтобы можно было прочитать имя Ольги Дымецкой, которой не исполнилось и двух лет. Он зажег лампадку, перекрестился, прочитал молитву за умерших и прибавил пару слов от себя, прося, как обычно, небесные силы, чтобы те не забывали о детской площадке. Если эти малыши после смерти не растут, то им наверняка скучно в мире погруженных в молитву взрослых, а ведь приличная карусель и горка божественного величия уж никак не уменьшат.

Полицейский не был родственником маленькой Ольги, она вообще не была близкой для него каким-либо образом. Точно так же, как и полтора десятка других детей, к которым он регулярно приходил в годовщину их смерти.

Ему было известно, что люди либо смеялись над ним, либо же удивлялись тому, что абсолютно ничего не производило на него впечатления. Как правило, желторотые следователи блевали дальше, чем видели, при первых же вздутых утопленниках или размазанных по лежанке старичках, обнаруженных после трех недель разложения в жарком июле. Случались такие трупы, когда даже опытные сотрудники бледнели и выбегали перекурить. А Берут — нет. Он мог функционировать на месте обнаружения останков точно так же, как и на месте кражи мобильного телефона. Просто-напросто, необходимо исполнить определенные действия, и он их выполнял. Даже жуткая история о растворении живьем Петра Наймана не затронула в нем какой-либо струнки. Он понимал, что преступление это исключительно мрачное, но не переживал этого неделями, аппетита не потерял, даже пульс у него не ускорился.

Дело в том, что Ян Павел Берут десять лет проработал в дорожной полиции, и ему было известно, что никогда он уже не увидит ничего худшего, чего пришлось ему насмотреться на польских дорогах. Видел он семьи из пяти человек по дороге на отдых, перемешанные с игрушками, едой и плавательными матрасами, как будто кто-то все это забросил в гигантский блендер. Помнил он велосипедную поездку отца и пары сыновей, всех растасканных на расстоянии трехсот метров шоссе, когда останки собирали целых два дня. Видел он детские креслица, в которых остались лишь фрагменты пассажира. Ему случалось

принять оборванную плохо закрепленными ремнями безопасности детскую головку за мячик. Он видел, как смерть уравнивает пассажиров стареньких «шкод» и новехоньких «бээмвэ». Та же самая кровь, те же самые белые кости, которые тем же самым образом пробивают воздушные подушки безопасности.

Воспитанный как верующий и даже практикующий католик, после первого своего летнего сезона в дорожной полиции он полностью утратил веру. Мир, допускающий подобные происшествия, не мог иметь никакого хозяина; никакая иная истина не была для Берута столь очевидной. Без печали, без каких-либо угрызений совести он отвернулся от бога и от Церкви, с холодной убежденностью знающего человека.

А через несколько лет он неожиданно вернулся к вере. Быть может, не сколько к католицизму, скорее, поверил в существование высшей силы. Берут посчитал, что сценарии дорожных трагедий уж слишком надуманы, чтобы могли случаться просто так. Реальность несколько отличалась от картинки, созданной в средствах массовой информации: бравада плюс спиртное плюс скорость, не соответствующая условиям движения. Случались ведь совершенно странные и необъяснимые смерти.

У трупов в следственной полиции было больше смысла. Кто-то напился, кого-то удар хватил, а кто-то схватился за нож. Какой-то любовнице по пути к счастью мешала жена любовника, а какой-то жене — любовница мужа. Все эти события отличались пускай искаженной и смертельной, но логикой.

А вот на шоссе этой логики как раз и не доставало. Два автомобиля едут навстречу летом, по сухой дороге, с разумной скоростью, и сталкиваются лоб в лоб. Те, что выжили, никак не могут это объяснить, свидетели — тоже. Все трезвые, все отдохнувшие, все ответственные. Высшая сила!

Прочитано в сегодняшней газете: парочка едет на автомобиле, машина идет юзом и съезжает в придорожную канаву. Все нормально, только капот чуточку пострадал. Она выходит на обочину, чтобы вызвать техпомощь, и тут ее сбивает другая машина. Мгновенная смерть. Высшая сила.

А это прочитано несколько дней назад: водитель забирает попутчика, буквально через несколько сотен метров съезжает с шоссе, бьется в дерево. Водителю ничего, попутчик умирает на месте. Высшая сила.

А это прочитано уже давненько: водитель замечает стоящего на коленях посреди шоссе мужчину. Останавливается, включает огни аварийной стоянки, выходит, чтобы узнать, что происходит. Подъезжает другой автомобиль, пытается их объехать, сбивает озабоченного водителя. Смерть на месте. Мужик как стоял на коленях, так и продолжает стоять. Высшая сила!

В течение нескольких лет службы Яна Павла Берута в дорожной полиции этих случаев собралось столько, что он, в конце концов, поверил в высшую силу. Одним из результатов обращения стали посещения могил детей, со смертью которых он столкнулся на службе. С изумлением он выяснил, что многие были похоронены здесь, в Ольштыне. Как будто бы родители или родственники отказались от них после смерти, не желая забирать к себе, в семейные гробницы. И потому маленькие могилки проводывались только на День Всех Святых, а временами — никто к ним не приходил. Они были заброшены, иногда разве какая-нибудь жалостливая душа зажигала лампадку. Ян Павел Берут культивировал память этих маленьких жертв систематически. В календаре у него были записаны даты, днем ранее он заглядывал в заметки, вспоминал сами происшествия, представляя, как могла сложиться

судьба ребенка. И только потом отправлялся на кладбище.

Ольге Дымецкой в шестую годовщину смерти исполнилось бы почти восемь, уже четвертый месяц она ходила бы во второй класс начальной школы в Зволеню, и наверняка уже она жила бы наступающим Рождеством, пытаясь угадать, что принесет ей святой Миколай. Верят ли восьмилетние дети в Миколая? Берут понятия не имел; сам он был единственным ребенком в семье единственных детей; собственных детей у него не было, и заводить он их не собирался. Берут боялся высшей силы. Он прекрасно помнил тот день, когда отправился под Пурду, чтобы обнаружить там смявшийся о дерево «пассат» и маленькую Ольгу Дымецкую.

Потому-то ничто и не производило на него впечатления. Потому, когда на кладбище он взял телефон и услышал, что в доме под Гетржвальдом найдены останки лицеистки, он даже глазом не моргнул.

Берут поднялся с места, осенил себя знаком креста и вернулся по собственным следам к поставленному под воротами кладбища автомобилю, радуясь тому, что выпал снег, что его еще не успели сгрести на обочины, и что чертовски скользко. Все ездят осторожно, тащатся, словно черепахи, столкновения случаются частенько, но не аварии со смертельными жертвами.

По крайней мере, до тех пор, пока не вмешается высшая сила.

2

Чтобы добраться до выездной дороги на Оструду ему понадобилось три четверти часа; въезжая в лес, он притормозил, чтобы насладиться видом засыпанных снегом елочек. Сегодняшним утром Вармия была исключительно красивой.

Посредством радио он еще удостоверился, как доехать до места происшествия, и сразу же перед Гетржвальдом, видя высящуюся над деревней башню святилища девы Марии, свернул в сторону леса, за которым находилось Рентиньское озеро. По пути он еще забрал коллег-техников, у которых, к сожалению, не было «ниссана-патруль», так что они застряли в снегу и грязи, лишь только закончилась более-менее приличная дорога.

Тем не менее, кому-то перед ним проехать удалось, белое пространство пересекали черные следы. Похоже, следы были от высокого внедорожника, раз снег между колеями остался нетронутым.

Он страшно удивился, когда добрался на место, что с зимой справилась старая тачка Шацкого.

— Бляха-муха, не верю, — удивился шеф техников. — Моя внедорожная «киа» не смогла, а эта жестянка проехала?

— Наверное это потому, что твоя «киа» — такой же внедорожник, как моя «астра» — самолет, — буркнул некий Лопес, техник, ответственный за сбор биологических и запаховых следов.

Берут молчал. К счастью, его слава сумасшедшего молчуна избавляла его от необходимости участвовать в светских беседах. И сам он это свое состояние очень ценил.

Автомобиль он припарковал возле «ситроена». Все вышли и, не спеша, направились к разрушенному дому, встречаться с трупом ни у кого особого желания не было. Только Берут поспешил по паре следов, ведущих к дому, размышляя: что бы там ночью ни случилось, все

произошло до того, как напал снег. Он знал, что оставшиеся сзади коллеги обмениваются понимающими взглядами.

Он открыл дверь. Внутри царил точно такой же холод, что и снаружи. Никакой мебели в доме не было, полы выпучило, стенки начал разъедать грибок, из стен торчали куски проводов в тех местах, где воры выкрутили выключатели и розетки. Уже несколько лет здесь никто не жил.

Берут прошел через прихожую и очутился в обширном салоне с большим, выходящим в сторону леса, окном. Через него вовнутрь попадало достаточно много света, чтобы осмотреть место преступления еще до того, как техники расставят лампы.

Смотреть здесь не было на что; все, что находилось здесь, можно было переписать на салфетке: один туристический раскладной столик, два туристических стула, один труп и два прокурора.

Эдмунд Фальк присел у трупа девушки, на подходящем расстоянии, чтобы не оставить следов. Теодор Шацкий стоял спиной к ним, заложив руки за спину, и пялился в пустую стенку с таким интересом, как будто на ней демонстрировали интересную телепрограмму.

— Кто из вас ведет следствие? — бросил в пространство Берут.

— Прокурор Фальк, — спокойным тоном отметил Шацкий. — Понятное дело, под моим надзором. Комиссар, вы, случаем, техников по дороге сюда в сугробе не встречали?

Беруту даже не нужно было отвечать, поскольку в тот же миг скрипнула дверь, и команда вошла вовнутрь.

— Это что же, премьерше, [\[144\]](#) похоже, звякнули, раз вся прокуратура примчалась, — заметил Лопес, ставя на пол сумку с оборудованием. — Причем кто? Сам король темноты и принц мрака собственной особой.

Шацкий с Фальком повернулись к нему. Их неподвижные мины над идеально повязанными галстуками выражали то же самое, переполненное отстранением, неодобрение. Берут знал, что любого другого за подобные слова растерли бы по полу, но Лопес был очень хорош. Даже более высокие шишки позволяли ему большее.

Техник вопросительно глянул на Фалька.

— Приятное отличие после того, чем мы занимались в последнее время, — сказал ассессор. — То есть, девушку, естественно, жалко, но загадок на сей раз никаких. Виктория Сендровская, восемнадцать лет, ученица лицея на Мицкевича. Банально задушена, самым классическим образом. Имеется ли что-то еще, покажет осмотр.

— Я ее видел вчера, около шести вечера был в гостях у ее семьи на улице Радио. — Шацкий отвернулся от стенки, которая возбуждала в нем такое любопытство. — Признания мои таковы, если говорить коротко, все заключалось в том, что девушка выиграла в конкурсе на эссе о борьбе с преступностью, и вот в рамках награды она желала расспросить меня о работе прокурора.

— Ну вот, — Лопес засмеялся и наклонился над трупом, — первый подозреваемый у нас уже имеется.

— Из ее разговора с матерью следовало, что она собирается к своей подружке, Луизе, чтобы у нее и заночевать, — проигнорировал Шацкий зацепку.

— Это первое направление, — сказал Фальк. — Действительно ли она договаривалась с Луизой или кем-то другим. Когда вышла, добралась ли до подружки, что знает подружка, что знают родители. Плюс осмотр места, плюс осмотр трупа. К сожалению, снег лишил нас снегов снаружи.

Берут покачал головой, обводя взглядом место преступления. Что-то тут не сходилось. — Странно, — сказал он. — Даю голову на отсечение, что здесь пахнет кофе.

Кто-то из стоявших сзади техников фыркнул. Ну Берут, ну псих. Кофе ему на месте преступления пахнет.

Вскоре были расставлены лампы, снаружи заурчал небольшой генератор, и помещение залил яркий, белый свет. Неожиданно все сделалось до неудобного заметным, прежде всего: молодость и красота лежащих на полу останков. Если бы не кровоподтеки на шее, отливающие оттенками бордового и темно-синего цветов, девушка выглядела бы словно жертва болезни, а не убийства. Спокойное, фарфоровое лицо, закрытые глаза, рассыпавшиеся по полу черные волосы, элегантное коричневое пальтишко.

Лопес вынул из своего чемоданчика нечто, похожее на небольшой моделистский пистолет для красок, и начал распылять какую-то субстанцию над шеей покойницы. Неожиданно Берут почувствовал себя совершенным желторотиком. Так уже хорошо лекции о дактилоскопии он не помнил. Можно ли снять отпечатки с тела? Похоже, что так, в очень немногих случаях, кажется, именно с помощью специальной эпоксидной смолы. Спросить было стыдно.

— Второе направление, это как раз данный дом смерти, — буркнул Лопес, наклоняясь над лицом жертвы, как будто желал начать ее реанимировать. — Я был здесь десять лет назад, тоже зимой или поздней осенью. Если из коридора свернуть налево, там будет сожженное помещение. В помещении — окно с решеткой. Установленная, похоже, ради безопасности. Случился пожар, из-за этой решетки сгорела женщина, ей не было как убежать. Не забуду, как мы ее с тех прутьев отскребали, словно сожженную котлету от гриля. Я же говорю, дом злой, дом смерти.

Никто не отозвался. Все стояли в тишине, слушая шипение распылителя и урчание генератора. Они вздрогнули, когда рядом раздался громкий, пронзительный крик.

Фальк направился к двери, но Шацкий дал ему знак оставаться на месте. Кто-то должен был следить за техниками и надзирать за следствием. Он догадывался, кто кричал, и понимал, что говорить с родственниками Виктории — это его обязанность.

Он поглядел на труп, и ладони вспотели, вернулось воспоминание минувшей ночи. Он быстро сунул руки в карман, вытер их о подкладку. Бессмысленный жест, как будто бы кто-то издали мог увидеть, что у него вспотели ладони. С изумлением он отметил у себя поведение, типичное для преступников. Он всегда считал, что те люди слабые, малоинтеллигентные, чуть ли не недоделанные. Отсюда и все их истерические, нелогичные движения, которые толкали их прямоком в тюремные камеры; для обвинения они равнялись прямому признанию в вине.

И вот, пожалуйста, в конце концов, оказывается, что и он сам мало чем от них отличается.

Шацкий вышел из дома и прищурил глаза. Солнце, правда, из-за туч не вышло, но было ясно, отраженный от снега свет слепил глаза, за многие недели привыкшие к полумраку.

У ворот в снегу стояла на коленях Агнешка Сендровская, наклонившийся муж неуклюже обнимал ее, словно пытаясь поднять. Женщина глядела в сторону Шацкого не с болью, но с

упреком. Он сделал несколько шагов в ее сторону, но потом до него дошло, что ее недвижный взгляд застыл не на нем, а в разваленном доме за его спиной.

— Невозможно, — произнесла она. — Это не могло произойти здесь. Это какое-то проклятие!.. Ведь он же мертв, в этом нет никакого смысла. Это не Вика, здесь, похоже, какая-то ошибка.

— Мне весьма жаль, — произнес Шацкий.

Только теперь женщина глянула на него, и на ее лице возникла гримаса отчаяния. До нее дошло, раз прокурор был внутри, непохоже, чтобы это было ошибкой.

— Вы знаете, что произошло? — глухим голосом спросил ее муж.

Шацкий знал, что тот пытается производить впечатление более сильного мужчины, только в его глазах была беспокоящая пустота человека, готового покончить с собой. Он увидел это и понял, что Виктория вовсе не должна быть последней жертвой. Это было страшное осознание, супруг пошатнулся и чуть ли не встал на колени рядом с Сендровской. Он схватился за искривленный металлический столбик, оставшийся от ограды.

Прокурор подумал, что связь отца с приемным ребенком может быть даже сильнее, чем у матери. Материнство выковывается с нулевой даты, когда измученная сексом пара падает на подушку. И эта связь очень биологическая, древнейшая, несколько паразитическая, записанная кровью, для мужчин недоступная — и в связи с этим исключительная и таинственная. Для отца, в свою очередь, любой ребенок по-своему приемный, чужой. Независимо от того, видел ли он, как жена выпихивает из себя создание, которое, в соответствии с декларациями любимой женщины, содержит немножко и его генов, либо же вышел из детского дома, держа маленькую девочку за руку, он обязан приложить усилия, чтобы это чужое существо полюбить.

В глазах Сендровского он увидел то же самое, что сам чувствовал вчера, видя умирающую Хелену Шацкую. Мужчина потерял свою маленькую девочку и остался ни с чем. Бесцельно функционирующий организм, в котором клетки по привычке делают что-то свое, хотя от них этого уже никто и не ожидает.

— Мы не знаем, — ответил наконец Шацкий, у него было впечатление, будто бы говорит некто иной. — Следствие ведет мой коллега. Прошу прощения, я знаю, что это звучит страшно, но он должен как можно скорее поговорить с вами.

Сендровский покачал головой, после чего уставил мертвый взгляд в Шацкого. Прокурору понадобилась вся сила воли, чтобы не отступить под этим взглядом.

— Она светилась, вы знаете, — произнес он. — Трудно это определить как-то по-другому. Я знаю, что каждый родитель твердит, что его дитя единственное и неповторимое в своем роде, но, договоримся, мало к то из них такой. А вот она действительно была необыкновенной, это любой скажет. Каким же нужно быть человеком, каким дьяволом, чтобы этот свет погасить? Как такое возможно, чтобы в одном человеке накопилось столько зла?

Шацкий не отвечал.

— Поймайте его, хорошо? И не затем, чтобы справедливо наказать, справедливость в данной ситуации — это пустое слово. Но только лишь затем, чтобы я мог глянуть ему в глаза и убедиться, как выглядит зло.

Шацкий лишь покачал головой.

Ему удалось добраться до головного шоссе, там на момент поколебался и, наконец, вместо того, чтобы свернуть налево, в сторону Ольштына, повернул вправо, на Гетржвальд и Оструду. Проехал несколько сотен метров и, пользуясь практически никаким движением, нарушил правила, пересек двойную сплошную и заехал на станцию по противоположной стороне шоссе.

Припарковался он возле рекламы новых баварских хот-догов, сделал себе самый большой кофе в кофеварке «эспрессо» для самообслуживания, заплатил и вышел наружу. За зданием стояла пара деревянных столов с лавками, он смел рукавом снег и уселся. Бумажный стаканчик поставил прямо на заснеженную столешницу, снег вокруг стаканчика быстро растаял, все это выглядело словно анимация.

Шацкий все замечал как-то сильнее, любую деталь. Словно бы он желал насытиться, прежде чем попросается с миром малых, смешных вещей, которых обычно мы не замечаем, поскольку слишком увлечены чем-то другим, слишком раздражены или уж слишком откладываем все на потом.

Нет, он должен был признаться, здесь не было никаких сомнений. Решение элегантное, очевидное, освобождающее его от каких-либо растерянностей. Свою жизнь он выстроил на уважении к закону, а это требовало, чтобы он признал свою вину. Все простые вещи просты.

Он вздохнул. Не потому, что потеряет свободу. Наказание за совершенное преступление казалось ему самым нормальным на свете делом. Он вздохнул, поскольку в своей жизни вел сотни следствий, а теперь приходилось завершить карьеру в тот самый момент, когда появилось то самое, единственное следствие, ради которого он отдал бы все: следствие по делу трахнутой секты, которой удалось довести до того, что Теодор Шацкий совершит убийство.

Никогда он не испытывал известного по романам уважения или восхищения к исключительно хитроумным преступникам, но на сей раз не мог сдержать определенного рода признания в отношении лиц, ответственных за вчерашние события. Им необходимо было подготовиться, им нужно было все запланировать в мельчайших подробностях, им необходимо было позаботиться о том, чтобы эти детали не выдали театральности декораций. Тысячи вещей могли пойти не так, как следовало, тем не менее — им все удалось.

Результат? Кем бы эти люди ни были, они достигли всего, что хотели.

Заключения он сформулировал еще ночью, после того, как выслушал рассказы Хели. Как и следовало предполагать, ее похищение было нацелено в него. К ней относились, как к пленной, и ей показали фильм с растворением Найман, чтобы в ключевой момент убедительно выглядел ее страх перед чудовищной смертью. Но Хеля сказала, что этот страх длился буквально пару секунд. Когда первые гранулы попали ей в рот, и она стала их выплевывать, то чуть не умерла от перепуга, но сразу же потом до нее дошло, что это все — по причине отсутствия лучшего определения — всего лишь шутка. Шарик был слишком легкими, пахли словно пенополистирол да и шелестели как пенополистирол.

«И вдруг я стала хохотать, словно сумасшедшая. Словно истеричка. И не могла перестать минут, похоже, десять, пока не стала бояться, что от этого смеха со мной что-нибудь случится», — рассказывала Хеля по дороге домой.

А это означало, что если бы он сам выдержал несколько дополнительных секунд, если

бы сразу не сомкнул пальцев на шее Виктории Сендровской, весь их бравурный пан пошел бы псу под хвост.

Но не пошел, сработал.

Через пару минут похитители надели его дочке мешок на голову и посадили в автомобиль. Там она провела, как ей показалось, около двух часов, а это означало, что Шацкий видел не прямую трансляцию, а всего лишь приготовленную специально для него запись. Все время автомобиль двигался, но означало ли это, что место содержания Хели и убийства Наймана находилось в двух часах пути отсюда, или же похитители ездили по кругу, чтобы обмануть девушку — никто, кроме них, не знает. В конце концов, Хелю выкинули из машины, перерезали веревки и уехали. Когда она стащила мешок с головы, то сориентировалась, что находится на лесной тропе, одна, ночью. Хеля пошла по дороге вперед, потому что никакой другой идеи у нее не было.

И через пару минут обнаружила собственного отца.

В голове у Шацкого имелось несколько гипотез, объясняющих инсценировку в целом, все они в чем-то были похожи одна на другую. Похоже было на то, что они, похитители, действительно желали делать мир лучше, карать несправедливость и домашних мучителей. Виктория, стоящая у них во главе, это обычная чушь, теперь Шацкий это понимал. Только теперь это уже не имело никакого значения. Прокурор предполагал, что Клейноцкий был прав в своих рассуждениях о костре. Растворение Наймана, запись его смерти на видео, подброшенный скелет — все это должно было свестись к грандиозному финалу, к великой кульминации. К тому, чтобы всякий домашний насильник узнал, что на него ведется охота.

Но в какой момент этот план превратился в охоту на Шацкого?

Говоря по правде, момент был несущественен. Существенным был факт, что, благодаря этому, они обеспечили себе безопасность. Шацкий мог не любить преступников, но тот, кто все это придумал, должен был быть гением преступления. Просто гением.

В итоге же, все это имело ничтожное значение, точно так же, как столь любопытный, так и совершенно несущественный в данной ситуации вопрос: а замешан ли во все это кто-то из его знакомых. Нет, это не имеет никакого значения, ведь и так через какое-то время он со всеми знакомыми распрощается.

Ключевым был один-единственный факт: он, прокурор Теодор Шацкий, виновен в убийстве. Понятное дело, они сделали все, чтобы к этому спровоцировать, но, договоримся — каждый из допрашиваемых им самим убийц пел одну и ту же песню: «Пан прокурор, меня поставили под стенку, и там такая красная занавесь упала мне на глаза и... ну, правда, что я мог сделать».

И всегда он глядел на них с сожалением, точно так же, как глядел сейчас на себя самого. Человек обладает волей выбора, он тоже. Он мог взять себя в руки, позвонить Беруту, вызвать людей, объявить о ключевом переломе в следствии, арестовать Викторию, выловить остальных из психованной шайки и всех осудить. У него была свобода выбора. И он выбрал убийство.

Он не убил в рамках необходимой обороны, не убил, чтобы спасти кого-либо, здесь было сложно говорить даже о вызванном обстоятельствами аффекте. Убил, потому что хотел. В акте мести и самосуда. И в качестве убийцы он обязан понести наказание.

Кто бы за всем этим ни стоял, сейчас наверняка присматривается к тому, что Шацкий собирается делать. Воспользуется ли он своим положением следователя, чтобы повернуть все так, что если дело выйдет наружу, он все равно вывернется? Или же начнет

комбинировать, как типичный преступник, пытаюсь уйти от справедливости? Или же упорно будет пытаться собственноручно решить это дело?

Последняя версия звучала даже соблазнительно, но Шацкий знал, что это ловушка. Уже имеющееся затягивание дела достойно наказания, ну а оттягивание до бесконечности момента признания — вот этого оправдать нельзя никаким образом, разве что только трусостью. Ему следовало бы признаться как можно скорее, чтобы закончить эту чудовищную игру, ну а еще потому, что в противном случае поставит под удар всех своих близких. Хелю уже обидели, черт его знает, что эти способны придумать в следующий раз.

Он тяжело вздохнул.

Шацкому было стыдно, но он давно уже решил, что если обстоятельства позволят, он признается только в понедельник. И, ничего не подделаешь, изза этого Фальку с Берутом придется тянуть этот спектакль все выходные, в то время как он со всеми подробностями знает темы обоих преступлений и жертв, как Наймана, так и Виктории. И он чувствовал себя виноватым, а как же.

Но подобного рода решение одно гарантировало, что последние выходные он сможет провести со своей шестнадцатилетней дочкой, Хеленой Шацкой. Самые обычные выходные. Они сходят в кино, отправятся на колдуны в «Старомейскую», черт его знает, быть может удастся даже на лыжах походить, если снег подержится. Вечером посмотрят телевизор, или же она отправится к знакомым, он же приедет за ней после полуночи и будет притворяться, что принимает ее старательно выговариваемые слова за чистую монету. В воскресенье он загонит девицу за уроки, чтобы нагнала дни отсутствия в школе. Самые обычные выходные отца и дочери-подростка.

А в понедельник признается, его арестуют, потом он попадет в тюрьму на долгие годы, и его жизнь закончится. Даже если он — как Теодор Шацкий — и выдержит, то этот день будет представлять собой конец его как прокурора, а прежде всего — как отца. Он не разрешит посещать себя, не позволит думать о родителе за решеткой. Он прикажет Хеле сменить фамилию и устраивать жизнь иначе. Быть может, после выхода заедет к ней, он уже в пенсионном возрасте, она будет зрелой женщиной после тридцати. Пообедают вместе, друг другу сказать им будет мало чего — и все.

С Женей все было проще. Друг друга они знали недолго, их не объединяли никакие официальные связи, детей у них не было. Ей он тоже запретит свидания с собой. Тогда она быстрее его забудет. Он ее любил, и по-своему его радовало то, что все случилось на раннем этапе их знакомства, так что она еще могла отряхнуться и двигаться дальше.

Шацкий сделал глоток кофе. Своего любимого, с большим количеством молока и двойной порцией ванильного сиропа. Когда он выпьет такой в следующий раз, ему уже исполнится шестьдесят. Это если все пойдет хорошо. А так, наверняка больше, поскольку он не собирался применять какие-либо штучки, чтобы снизить срок. Смешно, но в нынешнем мире полторы декады — это здоровенный шмат времени. Интересно, будет ли тогда в Польше какой-нибудь «Статойл»? [\[145\]](#) Сможет ли тогда бывший прокурор самостоятельно обслужить футуристическую кофейную машину?

Мысль о заключении его не пугала. Ему были известны реалии польских пенитенциарных заведений, вопреки сложившемуся обыденному мнению, это не были тюрьмы Третьего Мира или известные по американским фильмам места для унижений и убийств, где шайки чернокожих устраиваются в очередь, чтобы насиловать новичка в устроенном в готическом стиле подвале. Всего лишь общага, из которой нельзя просто так

выйти, для воняющих потом мужиков в домашних тапках. Наверное, его лично немного помучат, как прокурора, но, что более вероятно, он сделает фурор в качестве знатока процедур. В конце концов, кто будет должен писать коллегам по камере жалобы на прокурорские решения, если не он.

Подумав об этом, Шацкий фыркнул. Э-э, еще робу не взял на проходной, а уже сценарии пишет, прямо тебе *Шоушенк*.^[146] И-эх, старый, седой нищий, так еще и мифоман.

Ладно, хотя бы с литературой поправлю; Манна, в конце концов, всего прочту, подумал он. Допил кофе до конца, наслаждаясь осевшим на дне сладким сиропом, и забросил стакан в мусорную корзину.

Робко выглянуло солнце. Снег засиял словно оперная декорация, изготовленная театральным художником из ма-а-аленленьких бриллиантов. Шацкий огляделся по сторонам, глянул на пересеченный шоссе местного значения холмистый пейзаж Вармии, на стройную башню костела в Гертржвальде, на лес на горизонте, на выступающие кое-где из-под снега красные черепицы домов в Наглядах.

А ведь и красиво даже, подумал он.

понедельник, 9 декабря 2013 года

Международный День Противодействия Коррупции. День рождения празднуют Кирк Дуглас, Джон Малкович и Йоанна Яблчиньская^[147]. После того, как в воскресенье протестующие снесли памятник Ленину в Киеве, власти начинают чего-то поговаривать о переговорах за круглым столом, но в то же самое время милиция начинает действовать все смелее. В США наиболее влиятельные интернет-медиа пишут совместное обращение к президенту, чтобы разведорганы прекратили тотальную слежку за гражданами. На Марсе открыта лужа, в которой 3,5 миллиарда лет назад могла цвести жизнь. В Польше политики всех мастей повязали белую ленточку на лацкан в знак борьбы с насилием против женщин, хотя, в то же самое время, никто из них не спешит ратифицировать европейскую конвенцию, которая вводит правовые решения, дающие возможность вести эффективную борьбу с насилием. В Щитно в арест попала женщина, которая издевалась на 93-летней матери. Один приговор за подобного рода преступление у нее уже имеется. В Ольштыне маршалек^[148] (после скандала) отказывается от размещения своего имени на новом соборном колоколе. Президент (тоже после скандала) находит больше денег на ольштынскую культуру. Помня о праздниках, все готовятся к приближающейся громадными шагами рождественской ярмарке, хотя зимняя магия долго не подействовала. Повсюду тающие сугробы оставшегося от шедшего все выходные снега. Хмуро, отвратительно, ожидание оттепели, под ногами каша, захватившая власть в городе. Плюс три градуса.

1

Прокурор Теодор Шацкий появился на работе прежде всех, еще не было шести утра. Перед тем он прошелся по спящему городу, пользуясь последними минутами свободы. Уже через три шага сапоги и брюки промокли от залегавшей все и вся грязи, но ему на это было наплевать. Шацкого радовала талая каша, паршивая погода и мокрые носки, скользящие в обуви. Он считал, что это превосходное чувство.

Ему хотелось лишь подышать свежим воздухом, но задумался, так что прогулка у него вышла очень длинной. Он дошел до площади Независимости, потом до главного перекрестка, зашел на станцию за кофе на вынос и экземпляром «Газеты Ольштыньской». Вернулся он другим маршрутом, между старым городом и неоготическим зданием Главной Почты, потом решил пройтись еще и, вместо того, чтобы пройти по краю черной зеленой дыры, выбрал прогулку вокруг ратуши и торгового центра. Возле центра он остановился и засмотрелся на здание гауптвахты по другой стороне улицы. На восемьдесят процентов сегодня он попадет именно туда, тогда его будут иметь близко, по крайней мере — поначалу; странно будет если следствие не возьмет на себя другая окружная прокуратура, скорее всего, в Гданьске.

Здание конца девятнадцатого, начала двадцатого веков, естественно, из красного кирпича, возведено практически в центре, ведь в прусские времена Ольштын был

гарнизонным городом. Тут речь шла о психологическом эффекте: чтобы шатающиеся в увольнительной солдаты видели, куда могут попасть, если какая-нибудь дурь стукнет им в голову.

И вот, пожалуйста, психологический эффект все еще действовал. Сам он стоял в сердце Ольштына, на расстоянии вытянутой руки слева была ратуша, на расстоянии броска камня — старый город, у него за спиной выпендривался символ ольштынской архитектурной безвкусицы — торговый центр, а перед собой он видел тюрьму, практически у самой улицы, отделенную от нее высокой, обклеенной плакатами стенкой. Ближайший из плакатов обещал «самую деликатную методику липосакции». Вне всякого сомнения, обращался он, скорее, к клиентам торгового центра, а никак к обитателям тюрьмы.

Гауптвахта обращала на себя внимание любопытной деталью. Окна камер были закрыты жалюзи, выставленными под углом сорок пять градусов. Выставленными таким образом, что арестанты могли глянуть на небо, на тучки и на солнце, но не могли вниз, на жизнь и на улицы..

И Шацкому сделалось неприятно. Здорово было бы глядеть, как меняются премьеры в «Гелиосе» и «Эмпике», как новые коллекции в CarrAhl предвосхищают смену модных направлений и времен года.

Прокурор печально усмехнулся и пошел на работу. Свобода свободой, но от мокрых ног его уже трясло.

В кабинете он снял обувь, носки развесил на батарее и уселся за столом, заканчивая уже сильно остывший кофе и просматривая газету. Насколько можно, он оттягивал тот момент, когда нужно будет упорядочить свои дела и оставить серьезные заметки для тех, кто его заменит. Нет смысла давать дополнительную работу коллегам. После выявления всего дела, здесь и так всех зальет рекой дерьма. Как же: сенсация, средства массовой информации, черный пи-ар. Возможно, немного поможет им факт, что этот весь Шацкий здесь чужой, а вдобавок — еще и из Варшавы.

На первой странице «Газеты Ольштыньской», естественно, царил зима — а как же иначе. В свойственном для средств массовой информации минорном тоне. Дорожников погода застала врасплох, одно столкновение за другим, снег с тротуаров не убран, и вообще — люди, бойтесь, потому что со среды мало того, что снег будет падать, так и со стынущей моросью.

Шацкий ни на что не жаловался. Для него эти первые зимние выходные были одними из самых замечательных. В пятницу он встретился с Вероникой, которая, вся на нервах, прилетела с другого конца света, желая спасти свою доченьку. Это дало ему возможность попроситься с самой важной женщиной своей жизни. Единственной он рассказал всю правду о последних событиях. Вероника просто обязана была их знать, потому что Хеля, внешне вроде как пережившая все это без травм, могла рассыпаться после того, как отец попадет в тюрьму. Но она могла расклеиться и рассыпаться в любой иной момент, когда к ней уже возвратятся эмоции. И крайне важно, чтобы рядом с ней тогда очутился кто-то такой, кто все знает и все понимает. К сожалению, этим таким он сам быть не мог. Шацкий еще смог убедить бывшую жену оставить ему дочку на выходные, поскольку он хочет с ней попроситься.

Вероника расплакалась, он сам поначалу держался, потом залился слезами. Всего лишь раз ты молод, всего лишь раз переживаешь все впервые. Влюбленность, ребенок, разочарование, склока, расставание. Для него Вероника была и останется теми первыми,

наиболее важными разами. Независимо от того, как устроилась его жизнь, даже если бы ее и не пришлось закончить за решеткой.

В общем, выходные он провел с Хелей. Они прогуливались по зимнему, как никогда волшебному, покрытому снегом Ольштыну. Конечно же, они полакомились колдунами в «Старомейской». И тортом Павловой^[149] в «SiSi».^[150] Но неожиданным гвоздем программы стали старенькие «Звездные войны». В ольштынском планетарии праздновали грядущий День святого Миколая, так что они посмотрели все шесть серий на громадном экране большого зала, в перерывах прохаживаясь в кулуарах среди имперских солдат, моделей космических кораблей (рекламируемых в качестве «самых крупных подобного типа во всей Польше») и вопящей ребятни. Удовольствие они получили на все сто. Шацкий взрогнул только раз, когда в части «Империя наносит ответный удар» Хэна Соло сбросили в нечто вроде металлической трубы и там заморозили.

Но на Хелю это никакого впечатления не произвело.

Шацкий подумал о дочке, подумал о том, как сегодня утром в последний раз вошел в ее комнату, чтобы поцеловать ее, спящую, в лоб, как это он делал с тех пор, как ей был всего один день, и на глаза навернулись слезы.

Он пролистал газету, чтобы направить мысли другим маршрутом. Скука, как и всегда в «Ольштыньской». Скука, которая ему вдруг показалась даже привлекательной. Плебисцит на звание человека года с обязательным вылизыванием задницы маршалеку и президенту, присланные в редакцию фотографии читателей в костюме Миколая, войт Дубенинок бьет тревогу, объявляя очередное нападение волков, наполненная страстью дискуссия относительно обводной дороги под названием «Узел забивается пробкой».

Ладно, по крайней мере, можно будет забыть о ваших деревенских транспортных проблемах, подумал Шацкий, и точнехонько в этот момент кто-то постучал, а потом и вошел к нему в кабинет. Прокурор быстро спрятал ноги под стол, чтобы никому не было видно, что он босиком.

Мужчина под шестьдесят, похожий на магистратского чиновника, поздоровался, представился и уселся напротив.

— Уважаемый пан, — обратился он к Шацкому. — Меня зовут Тадеуш Смачек, я заместитель директора Городского Управления Дорогами и Мостами, ответственный за транспортное сообщение в городе Ольштын. И я хотел бы подать сообщение о совершении преступления, подпадающее под статью двести двенадцать Уголовного кодекса.

Прокурор Теодор Шацкий замер. Первой его мыслью было: один черт он пойдет сидеть за убийство. Если к нему прибавить еще и второе, какая разница. Он имел его, имел перед собой, один на один — а этот гад ничего не подозревал и был совершенно беззащитным. Опять же, опыт в том, чтобы задушить человека, у него уже имелся.

— А чьи личностные ценности^[151] вы нарушили? — спросил он.

— Не понял?

— Двести двенадцатая статья уголовного кодекса определяет наказания за нарушение личностных ценностей, другими словами, за оскорбление. Так кого вы обидели?

— Вы смеетесь? Это меня оскорбили.

Прокурор Теодор Шацкий усмехнулся. Он не мог представить настолько изысканного оскорбления, чтобы оно могло и вправду обидеть директора Смачека.

— И как же? — спросил он, не умея скрыть любопытства.

Мужчина вытащил из дипломата бумажную папку, на которой большими буквами было

каллиграфически выведено слово «ПРОЦЕСС», так старательно, словно речь шла, как минимум, о рукописи романа Франца Кафки.

— Так вот, мой начальник, пан президент, ^[152] получил письмо от некоего гражданина, по счастью подписанный именем и фамилией, что должно облегчить вам работу. Письмо передаю вам целости, позволю себе лишь процитировать наиболее оскорбительные фрагменты, касающиеся моей личности.

Смачек вопросительно поглядел на Шацкого над краешком очков. Прокурор выполнил поощряющий жест рукой, хотя он никак не мог поверить в то, что все это происходит на самом деле. Так вот как оно бывает: прощаться с должностью после двух десятков лет работы, ужас...

— Цитирую: я вижу, что на этой должности, то есть, моей, — прокомментировал Смачек, — вы предоставили работу невежде, поэтому предлагаю трудоустроить человека разумного, который бы хоть немного улучшил движение на дорогах нашего города.

Шацкий находился под впечатлением.

Он в жизни не мог представить, что письмо по данной проблеме можно было бы написать столь вежливо. Сам он начал бы с оскорблений, потом перешел бы к перечню предлагаемых попыток, а закончил бы уже наказуемыми угрозами. Тем временем, автор письма к президенту являл себя варминьским Далай-ламой, мастером гражданского дзен-буддизма.

— Мне кажется, что даже в средней степени расторопный водитель, — продолжал цитировать Смачек, — если дать ему возможность проехаться по улицам города, способен так отрегулировать дорожное движение, в особенности, сигналы светофоров, которые стоят там где следует и где не следует, так что нет потребности устраивать на работу... — Лектор сделал драматическую паузу и жестом обвинителя поднял палец, после чего, уже на тон выше, продолжил: — псевдоспециалиста, который лишь создает очередные помехи, чтобы нам год от года хуже ездилось.

Тадеуш Смачек положил спрятал листок.

— Как я уже говорил, это только фрагменты.

Шацкий мог его попросту выбросить за двери, но потом вспомнил о всей своей испорченной крови, вскипающей на многочисленных ольштынских перекрестках.

— Бетонмен всегда передает вам свою корреспонденцию?

— Что? Прошу прощения, я, кажется, не понимаю.

— Бетонмен. Как Спайдермен или Бетмен. Хоть на столько вы английский язык понимаете? Человек — летучая мышь, человек — паук, человек — бетон. Похоже, ясно. В Ольштыне так называют вашего начальника.

— Вы оскорбляете президента, избранного в ходе демократических выборов.

— С чего вы взяли? Наверняка это замечательный человек, я лично желаю ему здоровья, счастья и всяческой удачи. Оскорбляю я только лишь его компетенцию и его вкус. Особляю его веру в бетонирование, цементирование, асфальтирование и плиткоукладывание. Лично я приезжий, так что мне на все это глубоко... опять же... — тут он замялся, — я и так выезжаю. Но вот остающихся здесь людей мне жаль. Этот город со времен войны последовательно уродуется, уничтожается и превращается в какой-то чудовищную, урбанистически-архитектурную сточную канаву. И это вы его приканчиваете.

Смачек чуточку съезился, но чиновный фасон держал.

— Так вы отказываетесь принять уведомление о преступлении?

— Естественно. Принятие вашего уведомления означало бы согласие с очередной ступенью вашего чиновного безумия. Это означало бы согласие на пересечение границы между властью, как правило, некомпетентной и глупой, и властью на советский манер злой, преследующей и устрашающей граждан. Что вы надумаете в следующий раз? Пожизненную каторгу на Сувальщине?

Директор положил руки на своем дипломате, но со стола его не убрал.

— Мне весьма жаль, но я этого так не оставлю. Я подам жалобу на ваше решение. К сожалению, и на ваше поведение тоже. Вижу, что меня ждут два судебных процесса.

Ну и прекрасно, подумал Шацкий. Что ни говори, какое-то развлечение от тюремных будней, когда меня станут возить на заседания.

— А я на вас рассчитывал. Опасался, что здешние прокуроры были бы необъективными. А вы же жили за пределами Ольштына, повидали побольше, кругозор у вас шире.

От необходимости отвечать Шацкого спас телефон. Он снял трубку и представился:

— День добрый, пан прокурор, — раздался в трубке женский голос. — Это Моника Фабианчик. Узнаете меня?

Шацкий наморщил брови. Низкий слегка насмешливый голос казался ему знакомым, пробудил какую-то нежность и ностальгию. Но в то же время мог голову дать на отсечение, что никогда его тропы ни с какой пани Фабианчик или паном Фабианчик никогда не пересекались.

Женщина рассмеялась, и вот тогда прокурор ее узнал. Жестом он отослал Смачека из кабинета.

— День добрый, пани редактор,^[153] — произнес он, думая, что сегодня и вправду день прощаний.

— Не смогла удержаться и не позвонить, когда прочитала, что ты стал пресс-атташе. Это все равно что Ганнибала Лектера сделали шеф-поваром в вегетарианском ресторане.

Шацкий рассмеялся, хотя шутка и была не наивысшего качества.

Он спросил об измененной фамилии — мол, следует ли поздравлять с супружеством — и слушал женское чириканье, думая о том, как же символично то, что Моника позвонила ему именно сегодня. Сколько это уже? Восемь лет. Даже чуточку больше. Он помнил тот жаркий варшавский июнь, помнил молодую журналистку из «Жечипосполитей», свою смешную сегодня вовлеченность в типичный для кризиса среднего возраста роман. По причине того романа распался его собственный брак, потому после того он уехал из Варшавы, порвав все связи со столицей, чтобы, наконец, очутиться в Ольштыне.

И вот направлялся бы он сегодня в тюрьму, если бы восемь лет назад повел себя прилично — женатый ведь — и не пошел на свиданку в кафе на углу Нового Швята и Фоксал? Он помнил, что тогда ему хотелось безе, но взял серник,^[154] потому что опасался, что безе будет крошиться во все стороны.

— Из всего этого я прослушала беседу с тобой на «Радио Ольштын», где ты признаешь ошибки. Потом я беседовала об этом с народом, так все были несколько разочарованы.

— Почему? — неподдельно удивился Шацкий.

— Я знаю, в мире журналистов, занимающихся следствиями и судебными разбирательствами, ты являешься как бы точкой отсчета; и не спрашивай, нравится это моему мужу или нет. Шерифом, символом справедливости.

— Но ведь это, наверное, хорошо, что я честен.

— Честность и справедливость — это две разные вещи. Мы не ожидаем от шерифа

откровенности и признания в ошибках. Мы ждем безопасности. Непокосимости в обеспечении порядка, нам надо, чтобы зло было наказано, а добро вознаграждено, чтобы мир становился лучшим.

Они еще поболтали минутку. А сразу же потом Шацкий позвонил Эдмунду Фальку и договорился встретиться с ним в зале для вскрытий больницы на Варшавской.

2

Как обычно, прокурор Теодор Шацкий припарковался под пивной и, кривясь на каждом шагу в промокшей и холодной обуви, преодолел десятка полтора метров снежной каши, отделявших его от анатомического корпуса. Он надеялся, что прибыл первым, но повстречал Фалька на лестнице.

Мужчины пожали друг другу руки и, плечом к плечу, вошли в середину.

Коридор был пустым и тихим, может потому, что время раннее, и холл еще не успел заполниться студентами. А может как раз сегодня у адептов анатомии был выходной.

Они вошли в зал для вскрытий, точно такой же опустевший. В воздухе, правда, держался трупный запах, но нигде не было видно ни трупов, ни Франкенштейн, вообще никого.

Ассессор Эдмунд Фальк удивленно огляделся.

— А я думал, будто бы нас кто-то ожидает.

Не говоря ни слова, Шацкий подошел к холодильнику, в котором хранились останки. Как правило, в прозекторских они занимают больше места, ведь в них необходимо сохранять всех найденных в городе покойников. Здешний же служил для учебных целей, потому в нем было только два отделения. Шацкий нажал на хромированную ручку, открыл дверку, изнутри повеяло холодом и смертью.

Он потянул за ручку, металлический поднос выдвинулся легко и бесшумно. «Хилтон для трупов», как назвал это Франкенштейн.

На пластине из нержавеющей стали лежала Виктория Сендровская. Синяя, с фиолетовой шеей. Уже после вскрытия, что можно было узнать по небрежному шву на корпусе, громадной букве Y, верхние ответвления которой начинались у ключиц, соединялись возле грудины, а ножка доходила до лонного холмика.

— Зачем вы мне это показываете? — спокойным голосом спросил Фальк. — Я присутствовал при следственных действиях, ведь я прокурор, ведущий это дело.

Шацкий отошел от холодильника, свободно присел на высоком столе для вскрытий и поглядел на Фалька, стоящего над трупом девушки.

— Я должен был оставить это другим, но не мог удержаться. Я посчитал, что после произошедшего нам следует устроить это дело между собой. Опять же, мне хотелось дать возможность попроситься со своей приятельницей и жертвой. В конце концов, много лет она должна была быть для вас кем-то вроде сестры.

Эдмунд Фальк снял пальто, огляделся, тщательно повесил его на спинке одного из стульев в аудитории. И выжидающе поглядел на Шацкого.

Прокурор Теодор Шацкий не спешил. Он подозревал, что Фальк ожидает какой-то длительной речи, в которой он сам будет излагать свой ход рассуждений, только он слишком устал. А кроме того, не было чем хвалиться. Мало блестящих рассуждений в духе Шерлока Холмса, очень много предчувствий и прокурорской интуиции. Уже раньше что-то царапало

его где-то на заднем плане, почему это службист Фальк не выполнил всех процедур по делу Кивита, почему, вопреки его личным указаниям, он не прижал членов семьи. Опять же, его бунт в отношении Клейноцкого, который угадал мотивы убийц Наймана. Но прежде всего — интуиция.

— Я мог бы задать вам сотни вопросов, — сказал он. — Но задам всего два. Вам не было ее жалко? Некжели дело было столь важным?

— Очень жалко. Но это был логический выбор, — ответил на это Фальк. — Впрочем, Виктория размышляла над этим очень долго, и к этому она была готова. Вам следует знать, что у нее было уже много попыток самоубийства. Один раз я спас ее лично. А только лишь таким образом ее... — он снизил голос, глядя на Шацкого с тонкой усмешкой, — жертва не стала напрасной. Неужели я должен пояснять, сколь огромное значение это имеет.

Шацкий, соглашаясь, кивнул. Еще в тот самый вечер, возвращаясь домой, он понял значение смерти Виктории. Девушка руководствовалась не общественной справедливостью. Ее месть имела личный мотив, из-за чего, раньше или позднее, а скорее всего — раньше, проверяя очередные базы данных, они, в конце концов, вышли бы на нее и арестовали. Что представляло собой угрозу для всего предприятия.

Ее смерть сделала практически невозможным выяснение дела Наймана. И Фальк был прав: это был логичный выбор. Наверняка он объяснял это девушке настолько тщательно, что она верила в его объяснения сильнее, чем в собственные мысли. Точно так же, как ранее он подсунил ей материалы ее семьи и умело подпитывал ненависть и жажду мести. На сколько лет вперед планирует преступный гений? Сколько комбинаций ходов на шахматной доске он в состоянии предвидеть? Наверное много.

— Почему я? — спросил Шацкий.

Фальк повел глазами, словно куда-то спешил.

— Ну вы же знаете, — ответил он. — Потому что вы могли открыть правду. Избавление от вас, признаюсь, было упражнением, требующим много умственных усилий. Убийства вы бы никогда не оправдали. Вы являетесь, вы были, одним из величайших праведников среди известных мне людей. Подкуп в игру никак не входил. Для многолетних манипуляций и обманов вы слишком умны, мы могли бы попасться по самой глупой ошибке. А так? У нас имеется видеозапись смерти Наймана, которая в течение долгих десятилетий будет выполнять свое учебное задание, если ее показывать соответствующим людям. Со смертью Виктории потерялся последний ведущий к нам след. Вы — в качестве убийцы — уничтожены как человек, с вами конец как с прокурором, вы лишены какой-либо веры в качестве свидетеля. Идеальное решение.

Шацкий кивнул.

Все это было правдой.

— Поймете ли вы, если я скажу, что целью этой инсценировки, на самом деле, вовсе не было выведение вас из игры?

Шацкий удивленно глянул на асессора.

— Это логичный выбор, — продолжал Эдмунд Фальк. — Нам нужен некто по-настоящему исключительный. Праведный, справедливый, харизматический и бескомпромиссный. И при всем этом — опытный следователь.

— Для чего нужен?

— Для того, чтобы нас повести.

Шацкий вздохнул.

— А вам не приходило в голову просто попросить?

— А что бы вы на это ответили?

— Естественно, что в первую очередь бы не согласился, потом начал следствие, разогнал бы всю вашу идиотскую шайку на все четыре стороны, а вас посадил за решетку ради предостережения всех психов со склонностью к самосуду.

— А что вы скажете сейчас?

— Сейчас я попросту не соглашусь, — солгал прокурор.

Эдмунд Фальк обошел выдвинутую из стенки полку с трупом, подошел поближе и встал напротив Шацкого.

— Давайте уже покончим с неприятной частью, хорошо? — неспешно произнес он. — Понятное дело, все то, что случилось ночью со среды на четверг мы записали со всеми подробностями. Эта запись — не орудие шантажа, но страховой полис. Мы не собираемся ею пользоваться, но если почувствуем угрозу, тут же поменяем свое мнение. Наверняка сейчас вы считаете, что все это до задницы, поскольку и так через несколько минут собираетесь признаться в содеянном. Но человек не живет в вакууме. Если все случившееся станет известным, это выжжет неизгладимое пятно на всех близких вам людях. Мне бы хотелось, чтобы вы об этом помнили, но одновременно обдумали мое предложение и согласились на него из моральных соображений.

— Сказал шантажист, — фыркнул Шацкий.

— Двадцать лет вы стоите на стороне закона, — Фальк продолжал, предыдущие слова его никак не обескуражили. — Длинный перечень побед замечательно выглядит на бумаге. Но нам известно, чего на этой бумаге нет. Дел, настолько слабых в плане доказательств, что вы их даже не возбуждали. Либо же возбудили и тут же прикрыли. Преступников, сбежавших через дыру в законодательстве. Некомпетентных коллег, по причине которых мы стали наиболее презируемым учреждением в Польше, которые своими ошибками и бездействием мало того, что не исправили мир, но еще сделали его еще худшим. А прежде всего, в этом списке нет вашего огромного сожаления относительно того, что вы собирались сражаться за лучшее завтра, тем временем, вы лишь вытираете разлитое молоко.

Шацкий глядел на истекающего красноречием асессора. Его лицо ничего не выражало.

— Можно остановить зло. Прервать цепь насилия. Спасти не только одно-единственное семейство, но и бесчисленные семьи в будущем. Сделать так, чтобы вместо того, чтобы повторять патологии, люди выстраивали добрые связи с хорошими детьми. Чтобы они не становились возбуждающими ужас отцами, начальниками или водителями. Чтобы они строили хорошее общество. А в хорошем и добром обществе зла меньше. Это так же, как и с городами. В паршивом квартале все разрисовывают стены и ссут по подъездам. Но если неожиданно там будет возведен красивый дом, то несколько дворов в каждую сторону делаются чище. Семьи тоже подчиняются подобному принципу.

Шацкий соскочил со стола для вскрытий. Он скривился, когда мокрые носки громко хлопнули.

— Вы слишком умны, чтобы верить в то, что говорите. Подобного рода эксперимент просто обязан выйти из-под контроля. Сегодня вы бьете морды плохим мужьям, завтра же праведность вас опьянит настолько, что вы начнете исправлять берущих взятки политиков, нарушающих правила дорожного движения водителей и прогуливающих уроки учащихся. А потом придет некто, кто скажет, что мягкие средства не приносят никакого результата, что следует бить сильнее и грубее. Потом некто, которому уже станет хватать анонимных

доносов, со строгой миной начнет утверждать, что нельзя сделать омлет, не разбив нескольких яиц И так далее... Вы что, и вправду этого не видите?

Фальк подошел к Виктории Сендровской, которая даже после смерти и вскрытия оставалась красивой. Настоящая Спящая Красавица.

— Только лишь и исключительно двести седьмая. Ничего более. Никогда. Только одна разновидность преступлений, только один этот параграф. Узкая специализация.

— Но вы же желали заняться преступными группировками, — не смог отказать себе в издевке Шацкий.

— Я лгал. Как это и ни неприятно, но я заявляю, что мои коллеги по высшему учебному заведению — это дебилы, которых возбуждает мысль про ОП. Долгие, кропотливые и, как правило, бесплодные следствия, цель которых заключается в наказании одного российского мафиози за то, что он оказал миру услугу, пришив в лесу другого гангстера. Жалко времени.

Шацкий снова скривился.

— Вечно мне мешало то, что прокуратура вступает в игру только тогда, когда молоко уже разлилось. Ну, вы же понимаете, о чем я говорю? Определенным образом гонка за преступниками — это наиболее горькая из профессий. Кого-то обидели, избили, изнасиловали или даже убили. Как правило, ему до лампочки, схватят виновного или нет. Зло уже было проявлено и нанесено. Мы не можем повернуть этот процесс во времени. Но имеется один вид преступлений, когда мы можем действовать превентивно. Наказать виноватого, изолировать его от уже имеющихся и потенциальных жертв, освободить кого-то от опасности. Мы можем остановить насилие, пока не случится что-то неотвратимое. Мы можем прервать наследие зла. — Фальк замолчал, как бы подыскивая подходящие слова. — Двести седьмая, это единственный фрагмент законодательства, когда мы по-настоящему можем изменить мир к лучшему, а не только лишь стереть тряпкой кровь с пола и притворяться, будто бы ничего не произошло. Заниматься этим — это логичный выбор. И меня и вправду удивляет, когда кто-то желает заниматься другими вещами.

Шацкий печально усмехнулся про себя, он не мог оторвать взгляда от трупа Виктории Сендровской. С революционерами так вечно и бывает. Граница между обезумевшими святыми и обычными сумасшедшими крайне тонка.

— Я говорил с Франкенштейном, — заговорил прокурор. — Он мне сказал, что это выглядит так, словно бы она договорилась с кем-то, что тот ее задушит. Что на ее теле нет никаких следов борьбы. Она не царапалась, не кусалась, не сражалась за собственную жизнь. Как будто бы желала умереть.

Фальк эти слова не прокомментировал.

— Вы знаете, когда-то я вел одно дело, в котором важную роль играла специфическая психотерапия.

— Дело Теляка. [\[155\]](#) Я писал по нему курсовую.

— Создатель этой терапии верил, будто бы семейные связи сильнее, чем смерть. Что, даже если люди гибнут, то их связи переходят на близких, что из поколения в поколение переносятся эмоции, переносятся обиды и вина. Если верить этой теории, Виктория сделала то, что она сделала, чтобы присоединиться к брату и матери. Поскольку не могла простить себя за то, что те погибли.

— Психология — это псевдонаука, — сказал Фальк. — Человек живет, потому что свершает выборы. И за эти выборы он обязан нести ответственность.

Шацкий усмехнулся. Решительным жестом он задвинул полку с трупом в холодильник и

закрыл его.

— Я рад, что вы это сказали. Поскольку, независимо от того, что сделала Виктория, и что сделали все вы, лично я сделал определенный выбор, и я обязан за это заплатить. Так что сделаем так: я отправлюсь в тюрьму, а вы здесь сражайтесь, с чем хотите. Понятное дело, что эта забава закончится паршиво, но в общем итоге, если по пути пара домашних мучителей получит по роже, плакать не стану. Это я говорю честно.

Для него стоило огромного труда произнести эту ложь с каменным лицом. Но он знал, что обязан не выходить из роли, если желает реализовать план, который начал формироваться у него в голове уже тогда, когда он обнимал собственную дочку перед домом, тем самым, со стынувшим трупом Виктории внутри.

Эдмунд Фальк сжал кулаки.

— То, что предлагаю вам я, это вспомогательное действие. На переходной период. И не думайте как прокурор о наказании и правосудии. Я прошу вас думать о предупреждении, о спасении, о действиях, благодаря которым никакая месть не будет нужна. Подумайте, пожалуйста, о, назовем это так: системе раннего предупреждения, снабженной еще и боевыми функциями.

Шацкий молчал.

— А кроме того: кто, кроме вас, лучше знает, с чем мы сражаемся.

Прокурор молча глянул на молодого юриста.

— Вы считаете, что это какой-то другой ген принял решение о том, что вы стиснули пальцы на тонкой девичьей шее? Некий более благородный, чем тот, заставляющий швырнуть жену на кровать? Мать отпихнули, дочка получила кулаком? Боюсь, что нет. Это мужской ген готовности к насилию по отношению к более слабым.

Прокурор Теодор Шацкий застегнул пальто. Ему сделалось ужасно холодно, наверняка он простудился по причине этой чертовой погоды, по причине промокшей обуви. И ему все уже осточертело.

— Я обязан отбыть наказание, — тихо произнес он.

Эдмунд Фальк подошел к нему, встал настолько близко, что их носы наверняка бы сталкивались, если бы ассессор был ниже сантиметров на пятнадцать.

— Это будет ваше наказание. Ваша компенсация. Пятнадцать лет. Ведь вы столько получите, правда? Уже сегодня можете пойти и заявить и начать проводить это наказание в тюрьме. Все теряют, никто ничего не получает. Но вы же можете все денонсировать и провести эти пятнадцать, ежедневно заботитесь о том, чтобы как можно меньше Найманов творило как можно меньше Викторий.

— Вы говорите так, словно у меня есть какой-то выбор.

— У нас всегда имеется выбор.

среда, 1 января 2014 года

Новый Год. День рождения отмечают Зыгмунт Старый, Степан Бандера и Эв Каспишк^[156]. Латвия вступает в зону евро. Пять регионов в Польше получают городские права, но ни один из этих новых городов не находится в варминьско-мазурском воеводстве. Совершенно ничего не происходит, в мире грегорианского календаря все спят, потом они принимают на себя новогодние обязательства, которые, в большинстве своем, нарушают еще вечером, с первой же рюмкой. На киевском Майдане в полночь полмиллиона человек спело гимн Украины, ожидая нового, переломного года. В Гармиш-Партенкирхен Камиль Стох^[157] занимает седьмое место и теряет виды на призовое место в Турнире Четырех Трамплинов. В Варшаве Дональд Туск дает новогоднее интервью посредством Твиттера. В Илаве участник новогодней вечеринки вышел на балкон покурить и упал с четвертого этажа без малейшего ущерба для здоровья. В Ольштыне все спокойно, единственная стоящая внимания информация — это присутствие обвиняемого в приставаниях к бывшему президенту города (ныне городскому советнику) в верхней части рейтинга на звание Человека 2013 года. Ясновидящий Яцковский не видит светлого будущего для для Вармии и Мазур. «Этот год будет тяжелым», — говорит он. В качестве утешения сообщаем, что зима будет недолгой. Пока что облачно, температура около нуля. Туман и мерзнущая морось.

1

Ян Павел Берут никогда особо не любил спиртного, всепольский обычай отравлять организм он считал ненужным и скучным, ну а цену целодневного похмелья за несколько мгновений пьяной эйфории — слишком высокой. Потому-то без особенных проблем он позволил будильнику вырвать его из объятий Морфея еще перед восемью часами.

Он встал и открыл окно настежь, с удовольствием запуская в дом тишину, которую в городах можно встретить только лишь первого января в восемь утра..

Затем он потянулся и направился на кухню, чтобы сделать себе завтрак и бутерброды на работу.

Любой другой бы ругался бы, на чем свет стоит, если бы ему нужно было идти на работу в Новый Год. Но Ян Павел Берут был просто счастлив. Если в течение всей ночи его не разбудил никакой телефон, это означат, что никто никого не пристукнул в ходе веселого застолья, и если бы это был для него обычный рабочий день, он мог бы спокойно прохлаждаться до того момента, когда люди начнут просыпаться, и вот тут-то некоторые заметят, что их партнеры или партнерши очутились в чужих постелях.

2

Теодор Шацкий осторожно вылез из постели, чтобы не разбудить Женю. Минутку

он глядел на свою спящую невесту, которая пользовалась отсутствием Хели, чтобы шествовать голяком практически непрерывно. Именно так она и сейчас спала, поперек кровати, похрапывая, разбросав руки и ноги в стороны. Никогда, ни в какой романтической комедии Шацкий не видел, чтобы какая-нибудь женщина спала подобным образом.

Он чмокнул ее в губы, чмокнул в сосок на груди и пошел одеваться.

Впервые с беспамятных времен вопрос «что мне сегодня надеть» имел для него значение. Для этого, дни между Рождеством и новогодними праздниками он провел в пустых магазинах, подбирая одежду вместе с Хелей и Женей. Те вырывали у него из рук все темно-серого и черного цвета, объясняя, что двадцать лет мрачности это и так больше, чем кто-либо способен вынести. И что на новой работе он просто обязан начать в новом стиле в качестве нового себя: бежевым, пастельным, спортивным, уверенным в себе.

Так что он надел толстые светлые джинсы, коричневые сапоги до щиколотки, рубашку в тонкую цветную полоску и кремовый пуловер с красным рантом вокруг шеи. Понятное дело, что рубашку инстинктивно застегнул на последнюю пуговицу, и из-за этого сейчас выглядел будто какой-то педофил. Тогда он расстегнул пуговку и послабил воротник.

Затем критично оглядел себя в зеркале. Вот теперь он выглядел словно педофил, который ни за что на свете не хочет походить на педофила. Шацкий подумал, что все это из-за пуловера, в связи с чем сменил его на синюю блузу с капюшоном.

Ужас! Седой дед, который желает выглядеть молодежно на конференции, чтобы трахнуть по пьянке главную бухгалтершу.

Тогда он сменил блузу на спортивный коричневый пиджак из какого-то материала, который даже не мог назвать.

Уже лучше. Теперь он выглядел словно автор одной-единственной книжки, который ездит по авторским встречам в гминных библиотеках, рассказывая в своем пиджаке о муках творчества после сорока лет.

Ни одна из подобных стилизаций ему не нравилась, хотя раньше, в магазинных раздевалках он раздавал охи ахи во все стороны, лишь бы его девицы были удовлетворены и позволили — наконец-то — покинуть это чудовищное место. Он понял, почему ни одна из этих стилизаций ему не нравилась. В них он выглядел обычным человеком. Среднеухоженный тип под пятьдесят лет, преждевременно поседевший, но ужасно уставший в свои почти что пять десятилетий, с заметными морщинами, с темными кругами под глазами и слегка опущенными книзу узкими губами.

Тогда он сбросил все это, подошел к шкафу и оделся нормально.

Шацкий проехался по пустым улицам Ольштына, направляясь в сторону Ольштынека.^[158] Выключив радио и открыв окно, он полной грудью вдыхал запах варминьской зимы. Он проехал Кротово и выехал из города, чтобы через несколько сотен метров свернуть влево, к деревне Руш.

Дорога была чудовищная, узкая, дерганая и в ямах, наверняка на ее счету было больше жертв, чем у вампира из Заглембя.^[159] Шацкий снизил скорость до тридцати и каким-то чудом доехал до селения на конце тупиковой дороги, живописно растянувшегося вдоль Лыны. Часть деревни расположилась над рекой, другая часть — на высоком склоне, именно туда он и поехал. Какое-то время блуждал, только лишь вчера вечером получил эсэмэску от Фалька с адресом, наконец-то обнаружил нужное место и остановился у ворот, где уже стояло несколько машин.

Шацкий усмехнулся. Подсознательно он ожидал чего-то исключительного, тайной

штаб-квартиры секретной организации. Современной виллы, скрытой посреди леса за семью оградями. Возможно — неогитического замка с башенками и террасами, расположенного на врезающемся в глубину озера мысу. Тем временем, это был самый банальный дом, приличный, довольно-таки новый, своей архитектурой и кирпичными стенами связанный с местной традицией.

Никакого стыда Шацкий не испытывал.

Он выслал SMS, погасил двигатель и вышел из автомобиля, следя за тем, чтобы грязной дверью не коснуться черного пальто или брюк от любимого, темно-графитового костюма. Он понимал, что не может проявить каких-либо сомнений, потому громко хлопнул дверью, выпрямился, словно струна и уверенным шагом направился к входной двери.

Пятнадцать лет. Точно так же, как герой сказки, он выбрал пятнадцатилетнюю службу, чтобы расплатиться за все свои нехорошие поступки. От того, что он сейчас сделает и что сейчас скажет, зависят последующие полторы декады. Он не отказался от своего идеально скроенного мундира, но что дальше?

У него имелся неповторимый шанс отбросить свою форму, заученную сухость, холодность и отстраненность. Начать новую жизнь в качестве теплого человека, которым он по сути своей и был, наполненного эмпатией, скорого к шутке и дружбе. Челоека, строящего отношения на плоскости партнерства и понимания, но никак не эпатирующего превосходством и недоступностью.

Шацкий подумал, что это было бы приятной переменой. Подумал, что люди за зеленой дверью этого ожидают. Благодаря Фальку, он знал о них все. Кто они такие, зачем все это делают, каковы их сильные и слабые стороны. Все это произело на него впечатление. Люди различных профессий, с различными историями, все вместе — приличная следственная группа, которая быстро собирала инфорацию, быстро ее проверяла, быстро действовала. Сегодня он должен был встретиться со всеми ними впервые. Без стука Шацкий вошел вовнутрь, его приветствовал домашний запах свежесваренного кофе и выпечки из дрожжевого теста.

Он повесил пальто, слегка протер обувь извлеченным из кармана платочком, чтобы поверхность была безупречной. Он чувствовал себя слегка зажатым, в конце концов, через мгновение закончится его предыдущая жизнь, и для него начнется совершенно новый, неведомый этап. Этап, длину которого он будет отсчитывать не в днях или месяцах, но годами.

Эдмунд Фальк вошел в прихожую, на нем были джинсы и серая блуза с капюшоном, выглядел он словно подросток. Ассессор подошел к Шацкому.

— Выпьешь чего-нибудь, шеф? — спросил он.

Теодор Шацкий глянул на него и поправил манжеты с запонками. Запонки, заколка для галстука и глаза имел тот же цвет нержавеющей стали, применяемой в операционных.

Прокурор улыбнулся. Фальк ответил тем же самым.

Теодор Шацкий прислушивался, ожидая, когда его визави и сам услышит, после чего дружеская гримаса исчезнет с лица Фалька. И услышал. Нарастающий звук едущих на сирене полицейских машин. Не одной патрульной машины, но целой полицейской кавалькады, проводящей облаву в кавалерийском стиле.

Только тогда он усмехнулся, и улыбка его говорила: «игра закончена», после чего отвернул полу пиджака, показывая Фальку внутренний карман. Из него выступал кончик до смешного цветной зубной щетки. Он не мог сдержаться от этой шуточки под самый конец.

Что-то ведь следовало ему за то, что весь декабрь он делал хорошую мину и заботился о каждой мелочи, чтобы Фальк поверил, будто бы он действительно собирается стать главным праведником в шайке праведников.

— Пан шеф, — поправил он Фалька и застегнул пиджак. — Я предпочел, чтобы мы были на «вы».

— Как хотите, пан Тео. — Фальк выглядел как никогда веселым.

А Шацкий почувствовал, что здесь что-то не так. Снаружи стояли пять автомобилей, но ни говора голосов, ни звона чашек и вилок для пирожных внутри слышно не было. Шацкий огляделся.

На шкафчике для обуви в абсурдно ровном рядочке лежало пять автомобильных ключей. К каждому был прикореплен брелок с эмблемой Херца.^[160]

И он понял. Слишком поздно, естественно, но понял. Клейноцкий ошибался. Виктория лгала. Никогда не было никакой шайки мстителей. Никогда не было логи, которая решила исправлять мир, справедливо наказывая домашних мучителей. Никогда таинственная организация не встречалась в пригородных виллах, чтобы пить кофе и планировать, а кому теперь отмерить жестокое, но справедливое наказание.

По-своему, Шацкий даже не испытывал неожиданности. Скорее уже, спокойствие прокурора. Гипотеза со странной организацией праведных и справедливых всегда казалась ему слишком натянутой и надуманной, это была одна из тех версий, которые частенько мусолят некомпетентные следователи, поскольку у них нет желания кропотливо проверять другие версии.

Так что никаких «других» никогда и не было. Имелся всего лишь один-единственный рыцарь справедливости. Безумец справедливости. И в то же самое время — гений преступлений.

— Неужто вы и вправду считали, будто бы я совершу столь школьный промах?

Казалось, Эдмунд Фальк совершенно не был обеспокоен все более громким воем полицейских сирен.

— Вы всегда совершаете промахи.

— Я не совершаю. Это логичный выбор.

Ян Павел Берут ехал во второй в колонне машине; во всей же колонне было пять автомобилей. В качестве шефа операции он должен был бы сидеть в первой, но всегда в подобных случаях он настаивал на том, что будет сидеть во второй. Статистика была на его стороне — если колонна автомобилей принимала участие в аварии, практически всегда пострадавшей была или первая, или последняя машина.

Понятное дело, что всегда где-то там свои планы строила и высшая сила, но Берут считал, что вот ей как раз необходимо давать как можно меньше места для маневра.

Вся операция очень подробно и довольно давно была запланирована Шацким; Берута он посвятил только перед самыми праздниками. В деле он принимал участие в качестве единственного полицейского из Ольштына, остальных прокурор вызвал из Варшавы. Это были доверенные люди его старинного дружка с русской фамилией.^[161]

Поначалу Берут не понимал параноидальной подозрительности Шацкого, но когда —

наконец — познакомился с деталями дела, согласился с прокурором на все сто процентов. По крайней мере, в отношении способа осуществления ареста. Ведь если говорить о самом факте задержания вообще — ну что же, он стыдился признаться в этом даже перед самим собой, эти «преступники» делали довольно-таки нужную работу.

Он объяснил это себе, что, возможно, именно в этом и заключается разница между полицейскими и прокурорами.

Первого января он позавтракал, поехал на условленное место встречи и стал ожидать сигнала от Шацкого. Сигнала, означавшего, что все удалось, что прокурор добился их доверия, что все находится в одном месте, и что всех их можно задержать и закончить дело. Сигналом было сообщение, сгенерированное специальной программой в телефоне Шацкого, которая высылала еще и координаты GPS.

Через пять минут все въездные дороги в деревню Руш были заблокированы. Через семь минут машина Берута без специальных знаков остановилась рядом с вишневым «ситроеном ХМ», самым характерным автомобилем ольштынского правосудия.

Припаркованным настолько хитроумно, что ни у одной из стоявших во дворе машин не имелось шансов выехать.

Ян Павел Берут подошел к входной двери и постучал.

Никто не отозвался.

— Полиция! — крикнул он. — Мы только хотим задать несколько вопросов.

— Тишина.

А в это время люди из антитеррористической бригады окружили дом.

— Откройте, пожалуйста!

Тишина.

Берут дал знак и отодвинулся в сторону. Невидимые из-под шлемов, балаклав и защитных очков темно-синие спецы встали у двери.

Прежде чем воспользоваться тараном, они решили повернуть дверную ручку — дверь открылась.

Спецы обменялись какими-то своими тайными знаками и вскочили в дом.

Берут вошел за ними.

Через минуту низкий голос доложил ему, что во всем дворе чисто. Он понял это как информацию, что, несмотря на стоящие автомобили, несмотря на все договоренности с Шацким, вопреки всем известиям от него и вопреки элементарной логике — здесь никого нет.

Подкомиссар Ян Павел Берут стоял неподвижно, глядя на стоящий в прихожей шкафчик. На нем лежало пять ключей с брелками от Херца.

А рядом с ними — удивительно цветастая зубная щетка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От всего сердца благодарю всех тех, кто посвятил мне собственное время, кто терпеливо отвечал на самые различные вопросы в ходе работы над этой книгой. Прежде всего, ольштынским прокурорам и судьям, фамилий которых я не называю по причине исполняемой ими работы. Особые благодарности следует выразить Йоанне Пётровской из Феминотеки, которая одной беседой и двумя превосходными публикациями (Й. Катц *Парадокс мачо. Почему некоторые мужчины ненавидят женщин, и что все мужчины могут с этим сделать*; Й. Пётровская и А. Сынакевич *Хватит молчать! Сексуальное насилие в отношении женщин и проблема изнасилований в Польше*) открыла мне глаза на распространенность и обыденность проблемы насилия в отношении женщин и сексизма вообще. Профессору Мариушу Маевскому я приношу благодарности за то, что он предоставил мне щепотку своих медицинских знаний, и за удивительно живое криминальное воображение.

Ужасно извиняюсь за то, что иногда Ваши слова и сведения я перекрутил, переиначил и отразил в кривом зеркале криминального романа. Надеюсь, что вы меня простите. Читателей же я заверяю, что если в книге что-то не играет, то все претензии следует направлять в адрес автора.

Неизменно проявляю невыразимую словами благодарность Филипу Моджеевскому, который является не только наилучшим, но и самым терпеливым среди всех редакторов. Выношу благодарности и своей постоянной, уже много лет неизменной групп первых читателей: Марте, Марчину Масталеру и Войтеку Милошевскому. Я знаю, что все споры только улучшили книгу, хотя — честное слово — для меня эти мгновения были тяжкими. Марте, Майе и Каролу — как обычно — следует вручить медали за то, что они терпели закрытого у себя в кабинете психа. Майе я подвешу еще одну медаль, чтобы подлизаться, и чтобы она не подумала, что я изобразил ее портрет в роли дочки Шацкого. Просто-напросто, любая шестнадцатилетняя девица бронзово бескомпромиссна, и у нее имеется масса на все сто процентов достоверных отговорок, только бы не ответить на телефон отца.

Хотелось бы воспользоваться случаем и отдельно поблагодарить фантастических людей и превосходных врачей из Ольштына, которые в описанной на страницах романа больнице на Варшавской профессионально и с огромной заботой вернули здоровье моему отцу. В этом месте я до земли кланяюсь доктору Монике Барчевской и профессору Войчеху Максимовичу.

Прошу прощения у всех ольштынских местных патриотов, если они почувствовали, что любовь к городу и его одиннадцати озерам была в чем-то оскорблена. Ну ничего я не могу поделать с тем, что Теодор Шацкий — такой вот несносный варшавский брюзга. Уверяю вас, что сам я в родной город своей супруги от всего сердца влюблен, хотя признаю, что, тем не менее — а может, благодаря именно этому — все его несовершенства действуют мне на нервы как-то сильнее.

Приключения прокурора Теодора Шацкого добрались до конца. Благодарю всех тех, кто добрался до этого места.

Варшава-Радзейовице, 2013–2014 гг.

Я же благодарю Люду за терпеливое и во многих случаях справедливое и адекватное редактирование.

Переводчик

26.04.2017

notes

Вармия (прусск. *Warmia*, лат. *Varmia*, нем. *Ermland*, польск. *Warmia*) — историческая область на южном побережье Балтийского моря. Занимала территорию от реки Эльбинг до берега Вислинского залива. По окончании Второй мировой войны Вармия в числе других восточно-пруссских земель была присоединена к Польше и СССР (РСФСР). Административно входит в Варминско-Мазурское воеводство Польши и Калининградскую область России. — из Википедии

«Секс-миссия» (польск. *Seksmisja*) — фантастическая кинокомедия (1983) польского режиссёра Юлиуша Махульского. В советском прокате несколько урезанная (на 25 минут) версия выходила под названием «Новые амазонки», позднее демонстрировался и полный вариант с авторским названием.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BA%D1%81-%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F>

Pendolino/Пендолино — торговая марка, объединяющая серию скоростных и высокоскоростных электропоездов, производимых компанией Alstom на заводах в городе Савильяно в Италии и Уошвуд-Хите (Великобритания). Термин «*Pendolino*» происходит от итальянского слова «*pendolo*» — маятник. Данное прозвище получено поездами *Евростар* за применённую в них систему, позволяющую вагонам наклоняться в повороте относительно вертикальной оси. Технология *Pendolino* позволяет наклонять кузов до 8 градусов, что позволяет во время прохождения поездом поворотов не снижать скорость (как это происходит с обычными поездами) и нивелировать действие центробежной силы. Электропоезда используются в Италии (оператор Eurostar Italia), Испании, Португалии, Словении, Финляндии (оператор Suomen Valtion Rautatiet (VR)), России, Чехии, Словакии, Великобритании, Швейцарии, Китае, Польше. Планируется введение в эксплуатацию в Румынии и на Украине.

«Жолнерска» = «Солдатская», а вот «Дворцова» это не то, что вы подумали, а «Вокзальная» (dworzec = вокзал).

По-польски «*kiermasz skór*», то есть — «ярмарка шкур». Но в переводе игра слов теряется.

Явно довоенного...

Скорее всего, имеются в виду бойцы интернациональной бригады им. Ярослава Домбровского (Испания 1936–1939 гг.)..

Говоря по-русски: Сапожной с Котельной...

В архитектуре: круглое отверстие в вершине купола (опейон), но еще и круглые смотровые окошки

Скорая психологическая помощь для жертв семейного насилия «Голубая Линия», которую предоставляют члены товарищества Института психологии здоровья Польского психологического общества по телефону 0 801 12 00 02. <http://www.niebieskalinia.pl/>

Ассессор — чиновник суда, прокуратуры или нотариата, который уже прошел требуемую практику и сдал соответствующие экзамены, но еще не получил назначения. — Словарь Польского Языка SJP <http://sjp.pl/asesor>

Щітно (польск. *Szczytno* [ˈʂtʂɨtnɔ] (инф.), нем. *Ortelsburg*) — город в Польше, входит в Варминьско-Мазурское воеводство, Щитненский повят. Имеет статус городской гмины. Занимает площадь 9,96 км². Население — 25 207 человек (на 2009 год). Город Щитно расположен на границе двух озёрных краёв — Ольштынского и Мронговского. В 1975–1998 годах город административно принадлежал к Ольштынскому воеводству.

Барчево (польск. *Barczewo*, нем. *Wartenburg in Ostpreussen*) — город в Польше, входит в Варминьско-Мазурское воеводство, Ольштынский повят. Имеет статус городско-сельской гмины. Занимает площадь 4,58 км². Население 7427 человек (на 2004 год). В местной тюрьме 12 октября 1986 года умер нацистский преступник, бывший гауляйтер и обер-президент Восточной Пруссии Эрих Кох, отбывавший там пожизненное тюремное заключение. В этой же тюрьме в 1980-х годах содержались польские диссиденты, в том числе Владислав Фрасынюк и Адам Михник. — Википедия

Исполнитель роли Джеймса Бонда в фильмах «Казино «Рояль» (2006), «Квант милосердия» (2008) и «007: Координаты «Скайфолл» (2012).

Моббинг (от англ. mob — толпа) — форма психологического насилия в виде травли сотрудника в коллективе, как правило, с целью его последующего увольнения.

Лына это самая длинная река Вармии и Мазур и наибольшая из трех рек, которые плывут через Ольштын. В конечном итоге две другие являются ее притоками. Большая ее часть, начиная с источников на склонах Любавской возвышенности в окрестностях Нидзици (заповедник «Источник реки Лыны»), пробегает по территории варминско-мазурского воеводства (около 200 км). Конечный отрезок Лыны (64 км) бежит российской территории (Калининградская область). Там река, названная Лавой, вблизи Знаменска впадает в Преголю.

Лына разделяет Ольштын на две почти равные части, начиная с южной, и вытекая с северной стороны города.

Болэ́слав Бе́рут (польск. *Bolesław Bierut*, псевдонимы Яно́вский, Ива́но́к, То́маш, Беньковский, Рутко́вский; 18 апреля 1892, Руры Иезуитске — 12 марта 1956, Москва) — польский партийный и государственный деятель, первый президент Польской Народной Республики.

Modliszka — самка богомола (пол.)

Юстына Ковальчик (польск. *Justyna Kowalczyk*; 19 января 1983, Лиманова, Малопольское воеводство) — польская лыжница, двукратная олимпийская чемпионка (2010 и 2014), двукратная чемпионка мира 2009 года, четырёхкратная обладательница Кубка мира в общем зачёте. Пять раз подряд (2009–2013) признавалась лучшим спортсменом года в Польше (как среди женщин, так и мужчин). Кавалер командорского креста со звездой ордена Возрождения Польши.

Мáрит Бьёрген (норв. *Marit Bjørgen*; 21 марта 1980, Тронхейм) — норвежская лыжница, шестикратная олимпийская чемпионка, 14-кратная чемпионка мира, многократная чемпионка Норвегии. Четырёхкратная обладательница Кубка мира (2004/05, 2005/06, 2011/12, 2014/15). Лидирует по количеству побед на этапах Кубка мира за карьеру как среди женщин, так и мужчин. Самая титулованная спортсменка в истории женских лыжных гонок на Олимпийских играх.

Александр Вольщан (Aleksander Wolszczan) — Астроном, закончил Университет Николая Коперника в Торуни в 1969 году, там же в 1975 году защитил диссертацию. В 1983 году переехал в США, где работал в Корнелльском университете, Принстоне и Университете штата Пенсильвания (по сей день). Вместе с Дейлом Фрейлом открыл первую планету, обращающуюся около пульсара, что по совместительству стало первым подтвержденным открытием экзопланеты в принципе.

Мария Янион (Maria Janion) — род. 24 декабря 1926 г. в Моньках — историк литературы, идей и представлений, профессор гуманитарных наук; исследовательница польской культуры XIX и XX века, преподаватель.

Цит.

по

<http://slawomirkonopa.ru/%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D1%82%D1%8B%D0%BD%D0%B0/>: Одним отличительных символов Ольштына являются Высокие Ворота (Высока Брама) — элемент оборонительных стен города. Первоначально ворот было три, но до настоящего дня сохранился только парадный въезд в город — Высокие Ворота, что расположены в северо-восточной части Старого города и построены в 1378 году. Ворота в готическом стиле имеют основание в форме квадрата и высоту 23 м. В 1858–1895 гг. в здании находилась тюрьма, сейчас же оно служит туристическим целям. В 2003 году Ворота были отреставрированы, на их фасаде поместили мозаику Богоматери, подаренную папой римским Иоанном-Павлом II.

Материалов о «секретных тюрьмах ЦРУ» в Польше очень много. Например, <http://earth-chronicles.ru/news/2013-01-11-37686>

Голубая карта (также *синяя карта*) — удостоверение личности, подтверждающее наличие вида на жительство и права на трудоустройство на территории большинства стран ЕС у граждан других стран. Проект был представлен Президентом Европейской Комиссии Мануэлем Баррозу 23 октября 2007 г. Директива 2009/50/ЕС о введении голубой карты была окончательно принята Евросоюзом 25 мая 2009 года. Срок трансформации (включения в законные и подзаконные акты) данной директивы странами-членами ЕС истёк 19 июня 2011 года. — Википедия. То есть, имеются в виду люди, приехавшие из других стран ЕС.

Сам я давненько читал «Франкенштейн» Мэри Шелли, но, как мне кажется, в отличие от монстра, сшитого из фрагментов трупов, сам Виктор Франкенштейн был на вид вроде как даже нормальным. — Прим. перевод.

Владіслав Станіслав Рэймонт (польск. *Władysław Stanisław Reymont*, настоящая фамилия Реймент; 7 мая 1867, село Кобеле Вельке близ Радомска — 5 декабря 1925, Варшава) — польский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1924 года. — Википедия. Ага, бородка: нечто среднее между бородками Троцкого и Луначарского...

Збигнев Релига (Zbigniew Religa) родился 16 декабря 1938 года в местечке Медневице, умер в 2009 году. В 1963 году окончил медицинскую академию в Варшаве. 14 лет проработал в больнице столичного района Воля. В 1984 году возглавил институт сердца в шахтерском городе Забже, директором которого служит до сих пор. Под руководством Религи была осуществлена первая в Польше операция по пересадке сердца. Им же разработаны несколько моделей искусственного сердца. В 1993 году решил заняться большой политикой — был избран в Сенат. — http://www.peoples.ru/state/minister/zbignev_religa/ Рекомендую пройти по ссылке: <http://www.qwrt.ru/news/2527>

Если сильно упрощать, Вармия — это земли, ранее принадлежавшие Германии, с сильно онемеченным населением, а Мазуры — исконно польские земли.

То есть, признал свое германское происхождение.

Гаргамель представляет собой достаточно злого и завистливого неудачника. Ему трудно смириться с тем, что кто-то может быть счастлив и просто радоваться жизни, за это он ненавидит смурфов. — Википедия. (В мультсериале он живет в доме под готический замок, так что, в контексте, это подделки под рыцарские или готические замки).

Аристотелис «Телли» Савалас (1922–1994). Американский актёр и певец, наиболее известный своей главной ролью в криминальной драме 1970-х «Коджак». Приходился старшим братом актёру Джорджу Саваласу, который также снимался в «Коджаке». Был членом Американско-греческого прогрессивного просветительского союза. Советские зрители помнят его по фильмам «Золото Маккены», «Козерог Один», «Герои Келли», «Мыс страха».

Ольштын, ул. Эмилии Плятер 1. Здание было построено в 1908–1911 годах для потребностей тамошних органов власти Ольштынского регентства (*Regierungsbezirk Allenstein*). Во время Второй Мировой войны в здании размещалось гестапо. Сейчас в нем располагается Учреждение Маршалка Варминско-Мазурского воеводства и воеводский Административный Суд в Ольштыне.

В настоящее время, Памятник Освобождения Варминской и Мазурской земли (на бывшей площади Красной Армии). Памятник состоит из двух серых характерных пилонов, которые должны символизировать не замкнутую Триумфальную Арку (в народе памятник называют не только «виселицы», но и «ванька-встанька»). Шли разговоры о сносе, в августе 2016 года памятник облили красной краской. Сделано предложение о превращении памятника в Комплекс памяти Чуда на Висле (Варшавской битвы 1920 г.).

«Кроль», польский фильм 1991 года. «Первый американский фильм польского производства» — так его называли критики. Главный герой фильма, солдат срочной службы Марчин Кроль, узнав о том, что его жена спуталась с его же лучшим другом Кубой Бергером, дезертирует из армии накануне учений. Так случилось, что побег Кроля совпал по времени с самоубийством солдата, не выдержавшего издевательств со стороны подофицеров (сержантского состава). Два серьезнейших происшествия для одной части — за это могут и погоны снять. Командование принимает решение любой ценой вернуть Кроля до того, как о его дезертирстве узнает военная прокуратура. Для чего в погоню за Марчином отправляются поручик Арек и капрал Вядерный. Им удастся схватить Кроля. Но не все так просто... Музыка для фильма написал Михал Лёренц.

«Biedronka» — «Божья коровка», сеть польских магазинов для малообеспеченных, типа украинской сети АТБ.

Предменструальный синдром (ПМС) — это комплекс симптомов, возникающих в предменструальном периоде, вызванных патологическим течением второй фазы менструального цикла.

Пьер Леметр (Pierre Lemaitre) (р. 19 апреля 1951 г. в Париже). Триллеры французского романиста и сценариста Пьера Леметра, отмеченные тонким психологизмом, вызвали восторженный прием читателей и критиков. Они удостоены читательских премий *Confidentielles* и *Goutte de Sang d'Encre*, награды за первый роман фестиваля в Коньяке, призов *Sang d'Encre des Lyce'ens*, *Polar francophone*, *Le Point du Polar europe'en*, переведены на 13 языков. Три из четырех его романов экранизируются.

Фильм американского режиссера Дэвида Финчера 1997 года (The Game) с Майклом Дугласом и Шоном Пенном.

Небольшой город в Варминско-Мазурском воеводстве, на восток от Ольштына.

Морские песни шант́и (англ. *sea shanty*, также *chantey*, от фр. *chanter* — «петь») — поджанр народной английской музыки, песни, которые пели британские моряки. По некоторым предположениям, ведут своё начало еще с 15-го века, но так как эта версия не имеет доказательств, скорее всего, возникли позднее. Были распространены до XX века, в настоящее время сохраняются собирателями и любителями фольклорной музыки.

Совершенно изумительное слово: *pijalnia*. «Пивной» назвать нельзя. «Место, где пьют...» — неуклюже. А вот «бювет» — другой коленкор: место, где не напиваются, а лечат... душу...

Ферма трупов (или «Трупная ферма») — это ферма, на которой ученые производят исследование стадий разложения человеческих тел. Эксперименты проходят при различных условиях. Тела помещают в воду, в муравейники, частично закапывают, обливают бензином, вспарывают желудки, имитируют последствия преступлений. Действия повторяют с телами людей, различного веса и возраста. Иногда для экспериментов используются разные виды одежды, разные ткани. Основная задача ферм, это помощь криминалистам в установлении времени с момента смерти и отделение травм насильственного происхождения, от полученных во время разложения. Ученые ежедневно обходят трупы, фиксируют стадии разложения. Для этого они берут образцы тканей, делают фотоснимки. Единственная страна в мире, где существуют фермы трупов — это США. Самая большая трупная ферма «Фримэн Рэнч» находится в Техасе. Умерших для трупных ферм поставляют больницы. Это тела добровольцев, которые перед смертью, дали согласие на использование тел в медицинских целях.

Любопытно, что во Франции слово гурман означает, прежде всего, любителя обильно и вкусно поесть, в то время как знаток, разбирающийся в тонкостях изысканной пищи, называется гурмэ (фр. *gourmet*).

Польская «черная комедия» 2009 года (реж. Борис Ланкош): <http://drugoe-kino.livejournal.com/3225472.html> Кстати: Фильм Года! В ролях: Кристина Янда, Марчин Дорочиньский и др.

Читатели, жившие в СССР, прекрасно помнят и тот аспирин, который НЕ пенится при растворении. Впрочем, он даже плохо растворялся в воде. — Прим. перевод.

PGR (państwowe gospodarstwo rolniczne) = государственное сельскохозяйственное хозяйство, госсельхоз; колхоз по-польски.

Вообще-то, христианство знает семь смертных грехов: гордыня, зависть, чревоугодие, блуд, гнев, алчность и уныние (имеются разночтения), так что здесь к смертным грехам причисляется еще и оскорбление чужой родины; но встречаются и другие списки смертных грехов (десять и более). В Сети нашлось и такое вот сообщение, что Ватикан расширил список смертных грехов (<http://supersolnishco.net/7521-posledstviya-smertnyx-grexov.html>). Так что теперь смертными грехами считаются: «биоэтические» нарушения (контроль рождаемости); «сомнительные с моральной точки зрения» эксперименты (например, изучение и применение стволовых клеток); употребление наркотиков; загрязнение окружающей среды; увеличение имущественного расслоения; избыточное богатство; действия, приводящие к увеличению количества бедных. Короче, нашим депутатам из преисподней не вырваться! — Прим. перевод.

Разделы Речи Посполитой (польск. *Rozbiory Rzeczypospolitej*) — раздел территории польско-литовского государства (Речи Посполитой) между Прусским королевством, Российской империей и Австрийской монархией в конце XVIII века (1772–1795). Первый раздел произошёл в 1772 году, второй — 23 января 1793 года, третий — 24 октября 1795 года.

http://www.peoples.ru/state/criminal/killer/andras_pandy/

Ца́рство По́льское (польск. *Królestwo Polskie*, также Конгрессовая Польша или *Конгрессовка*, от польск. *Królestwo Kongresowe*, *Kongresówka*) — территория в Центральной Европе, находившаяся в составе Российской империи по решению Венского конгресса с 1815 по 1917 год. Летом 1915 года, во время Первой мировой войны, оккупирована немецкими и австро-венгерскими войсками. В ноябре 1918 года стала независимым государством.

Исключительно для тех, кто не в теме (или, как переводчик, темой интересуется крайне слабо): Ганнибáл Лэ́ктер (англ. *Hannibal Lecter*) — вымышленный персонаж, созданный Томасом Харрисом. Фигурирует в романах «Красный дракон», «Молчание ягнят», «Ганнибал» и «Ганнибал: Восхождение». Впервые появляется в романе «Красный дракон» как блестящий судебный психиатр, серийный убийца и каннибал. Он проявляет черты психопата, но обладает выдающимся интеллектом. Интеллект приносит ему известность в медицинских кругах, а каннибализм — среди простых людей. Первым актёром, сыгравшим эту роль, был Брайан Кокс в фильме «Охотник на людей», основанном на романе «Красный дракон», но именно в сэре Энтони Хопкинсе большинство кинозрителей узнают доктора Лектера. Энтони Хопкинс выступил в этой роли в фильмах «Красный дракон», «Молчание ягнят» и «Ганнибал». В 1992 году Энтони Хопкинс получил за исполнение роли Лектера в фильме «Молчание ягнят» премию «Оскар». Роль молодого Лектера в картине 2007 года «Ганнибал: Восхождение» исполнил французский актёр Гаспар Ульель. В 2003 году Американский институт киноискусства назвал доктора Ганнибала Лектера в исполнении Энтони Хопкинса кинозлодеем номер один всех времён.

Шацкий ожидал, что Фальк произнесет «pezety» от PZ = przestępczość zorganizowana «организованная преступность». Пришлось перевести: ОПГ = организованная преступная группа — Прим. перевод.

НПО = неправительственные организации.

Вновь немного офф-топ. В Польше полицейских называют «глинами» (gliny), на русский язык, как правило, переводят «мусора». Но тут попалась свежая книга Анджея В. Савицкого «Добрый глина» (Dobry glina), посвященная началам полицейской службы в Польше в 1807 году. Полицейскими тогда командовал генерал Августин Феликс Глинский; который вкладывал всю душу в службу, и вот в честь него полицейских стали называть «глинами» или «глиняжами» (gliniarz). Ладно, проверим в других источниках, но пока что оставим термин «мусора» — Прим. перевод.

PESEL — идентификационный номер личности, для проживающих в Польше. Состоит из 11 цифр (в которые включена дата рождения).

http://pikabu.ru/story/priem_geymlikha_yeto_nado_znat_kazhdomu_166864

Хипстер, хипстеры (инди-киды) — появившийся в США в 1940-х годах термин, образованный от жаргонного «to be hip», что переводится приблизительно как «быть в теме» (отсюда же и «хиппи»). Слово это первоначально означало представителя особой субкультуры, сформировавшейся в среде поклонников джазовой музыки. В России идейно близкими предшественниками первой волны хипстеров были стилиаги. В современном смысле хипстеры появились после 2008 года. Пика своего развития субкультура хипстеров (англ. *Hipster culture*) достигла в 2011 году. Под хипстерами часто понимают молодых (приблизительно 16–25 лет) представителей среднего класса, увлекающиеся инди-роком, артхаусным кино, современным искусством. Считается, что в среде хипстеров распространён культ всего винтажного. Дэн Флетчер в журнале Time пишет: «Свитер, перешедший к вам от бабушки, очки в стиле Боба Дилана плюс бриджи из джинсовой ткани, кеды «Converse! и банка «Pabst» — бам, вот вам и хипстер. — Из Википедии

Внимательный читатель уже догадался, что мы вновь имеем дело с игрой слов. Фамилия Игоря: Poniewasz. В польском языке существует слово Ponieważ — поскольку. Произносятся эти слова практически одинаково.

Влодово (Włodowo) известно по самосуду, случившемуся 1 июля 2005 года, и осуществленному на рецидивисте, который терроризировал жителей. Кшиштоф Олевник (Krzysztof Olewnik) (03.06.1976 — 05.09.2003) — сын плоцкого предпринимателя был похищен ночью с 26 на 27 октября 2001 года, после чего убит 5 сентября 2003 года, несмотря на то, что похитителям передали выкуп. Виновными в убийстве были признаны: Роберт Пазик (1969 — 19.01.2009) и Славомир Кошцюк (1956 — 04.04.2008). Оба убийцы, а так же осужденный на этапе прокурорского расследования (формально же подозреваемый, а не осужденный) глава преступной группировки, Войчех Франевский, умерли затем в пенитенциарных заведениях, официально, в результате самоубийств. Это дело стала косвенной причиной отставки министра юстиции, Збигнева Чьвенкальского (20 января 2009) — польская Википедия

Саска Кемпа (Saska Kępa) — эксклюзивный район в Варшаве с преобладанием довоенных вилл.

Все это отсылки к предыдущему роману из серии о прокуроре Теодоре Шацком: «Толика правды» (*Ziaro prawdy*). На Флибусте имеется под названием «Доля правды», пер. Ольги Лободзинской. Ну и еще на кое-какие малоизвестные произведения мировой детективной литературы и кино. — Прим. перевод.

Обжинки, или Дожинки — по-польски «dożynki» — старинный славянский праздник, приуроченный к завершению жатвы. Он и по сей день отмечается в разных видах в славянских странах. В Польше с обжинками связаны красочные празднества, которые каждый год проходят в городах и деревнях по всей стране. Точной даты у Дожинок нет. Обычно это какой-либо выходной день в августе или сентябре. Весьма любопытная информация (<http://4esnok.by/analitika/dozhinki-po-belorusski-ot-rituala-k-karnavalu/>): В Польше общенародный праздник-ярмарка «Дожинки» были инициированы ещё в 1927 году тогдашним президентом Игнатием Мосцицким. «Президентские Дожинки» праздновались до 1938 года ежегодно в сентябре в Спале под Лодзем, где тогда располагалась летняя резиденция польских президентов. С 1946 года по 1980 год в Польской Народной Республике регулярно проходили «Центральные Дожинки» с идеологическим уклоном. После 1980 года акценты праздника изменились в сторону народных и религиозных традиций. В 2000 году президентом Александром Квасневским были возрождены «Президентские Дожинки». Кстати, в Белоруссии этот праздник тоже отмечают на государственном уровне.

Имеется масса ссылок на эту песенку в современном исполнении (например, группа Black Lace), пишут, что эта песня сегодня проела всем уши в турецких отелях, но мы то ее слушали еще в 80-е годы в исполнении интернациональной банды «Сарагосса Бэнд».

Сеть супермаркетов со строительными материалами, товарами для ремонта, отделочных работ, для садов и огородов.

Стоит отметить, что на правую руку обручальные кольца надевают жители Венесуэлы, Израиля, Австрии, Норвегии, Грузии, Польши, Греции, Германии и Индии. Турки, японцы, шведы, французы, канадцы, кубинцы, мексиканцы и американцы носят кольца на левой руке. Такие традиции появились еще в глубокой древности. У некоторых существует поверье, что кольцо должно быть на левой руке, так как она находится ближе к сердцу. При помощи колец люди выражают своим вторым половинкам свою верность и любовь. С другой стороны, издревле считали, что правой рукой человек творит правые, т. е. правильные дела.

<http://www.rosjanie.pl/forum/viewtopic.php?t=2928>

Маршалек (здесь) — председатель воеводского сейма; раньше — дворецкий.

Внимательный читатель наверняка уже догадался о том, что ул. Рувна (Równa) = ул. Ровная.

Немного оффтоп, но будет любопытно всем, кто любит переводную фэнтези. У поляков нет понятия «гномы», в XIX веке писательница Мария Конопницкая написала сказку «Сиротке Марысе и семи краснолюдках»; так вот «краснолюдки» здесь не адекватны гномам из германских сказок. Когда появились польские переводы книг Толкина, хоббитов хотели назвать краснолюдками, но в результате длительных споров у поляков появилось три расы «малого народца»: гномы, краснолюдки (у того же А. Сапковского) и хоббиты. Ростовые соотношения между ними мне не известны. Но у Автора конская сбруя предназначалась краснолюдку. Сопоставьте стремечко людского уха с обычным стремящем... Кстати, а существовали ли «краснолюдские лошадки»? — Прим. перевод.

См. сноску 29.

Песня «На мгновенье» в исполнении Гжегожа Хызы (Grzegorz Hyza — Na chwile).

Ярослав Клейноцкий, полицейский профилировщик из Кракова, выступавший в предыдущей книге о прокуроре Шацком — «Ziarno prawdy».

Поозерье (pojezierze) — северо-восточная часть Польши, различают Мазурское и Варминское поезеже. А почему так называется? Сколько там озер в городской черте Ольштына? Но точно так же — Поозерье (Поезеже) — называется один из районов Ольштына. А существуют и другие поозерья: Краенское, Бродницкое, Сувальское...

1 ноября. Вспомните наши времена, когда новогодние украшения начинали появляться сразу после 7 ноября. Сейчас, впрочем, почти что так же.

Колдуны — блюдо традиционной белорусской, литовской и польской кухонь. Существуют две разновидности колдунов, белорусско-литовские колдуны из муки, и более позднее блюдо, подобное драникам с мясной начинкой. Мучные колдуны (в литовской кухне называемые koldūnai) — по сути, мелкие или среднего размера пельмени, которое делается на воде (по другой теории — на луковом соке), как правило, с добавлением яиц, растительного масла, иногда соды. Такие колдуны могут быть и главным блюдом, и десертом, с начинкой из творога, мяса, рыбы, фруктов (вишни, сливы, черники). В зависимости от начинки отличают колдуны «полесские» — с начинкой из вареной рыбы и крутых яиц, «виленские» — с ветчиной и грибами, «русские» — с творогом или вареным картофелем и т. д.

Да, да, уважаемые мои (и внимательные) читатели. В польском языке «gniew, gniewny» — это и гнев (гневный), сердитый, но еще и ярость (яростный). Причем, это, скорее всего, та самая ярость, о которой поется в известной песне: «Пусть ярость благородная...»

«Друзья» (англ. *Friends*) — американский комедийный телесериал, повествующий о жизни шестерых друзей. Признан одним из лучших комедийных сериалов в истории американского телевидения и стал одним из наиболее знаменитых проектов 1990-х годов. Сама постановка и творческая группа получили множество наград, в том числе шесть премий «Эмми» и премию «Золотой глобус». С 1994 по 2004 год было снято 10 сезонов сериала — в общей сложности 236 эпизодов. Он с большим успехом демонстрировался в различных странах мира и приобрёл множество поклонников.

«Потому-то никто и не сказал тебе, что жизнь пойдет именно так», — слова из песни группы The Rembrands «I'll be there for you» (1995) для сериала.

Главный редактор польского журнала (великолепного!) для «самоделкиных» «Горизонты техники для детей».

А́дам Ма́лыш (польск. Adam Małysz; род. 3 декабря 1977, Висла, Польша) — польский прыгун с трамплина, четырёхкратный чемпион мира, четырёхкратный обладатель Кубка мира и четырёхкратный призёр Олимпийских игр.

Имеется в виду не столица Чехии, но Прага (польск. *Praga*) — исторический район польской столицы — предместье Варшавы, расположенный на правом берегу Вислы. Статус города предместье получило 10 февраля 1648 года указом короля Владислава IV Вазы. 18 апреля 1791 года город Прага был упразднён, став одним из исторических районов Варшавы. Ныне его территория разделена на дзельницы Прага Северная и Прага Южная. Этимология означает «место прежде занятое лесом, который сожгли, чтобы подготовить землю для посева» (ср.: прах). На территории исторического района находятся Ружицкий рынок и корпус бывшего водочного завода «Конесер» («Гурман»). Так что, сами понимаете, район населяли разнообразнейшие... элементы («непарадная» Варшава). Тем не менее, варшавяне в чем-то даже гордятся своими «пражаками» и многочисленными легендами о собственных пражских «братках».

Lukasz Zagrobelny — Ja tu zostaje (<https://www.youtube.com/watch?v=znjhUOjzccM&list=PL1kn6S25kPDbaS7qAsEtvCFTgzi2veXi3>) — ну что сказать? переводчик с романским радиоведущим ну никак согласиться не может. Но... на вкус и цвет...

Наверное, это нехорошо представлять матерные ругательства еще и на иностранных языках, но Теодор Шацкий произнес следующее: *Ożeż kurwa ja perdołę*. Прошу прощения у всех пуристов, желающих, чтобы матов в моих переводах было поменьше. Только ведь из песни слов не выкинешь...

«Zemsta» по-польски «мечь».

Лекарственное средство (коммерческие названия: Алзолам, Алпразолам, Алпралид, Золдак, Золомакс, Ксанакс (Xanax), Кассадан (Cassadan), Ламоз, Неурол (Neurol), Фронтин Хелекс), анксиолитик, производное бензодиазепина средней продолжительности действия, которое используется для лечения панических расстройств, тревожных неврозов, таких как тревожное расстройство или социофобия. Инструкция по применению сообщает, что он устраняет депрессии, бессонницу, старческий тремор.

Супервизор — Специально подготовленный психотерапевт, осуществляющий супервизию. Основная функция С. заключается в консультировании обучающегося психотерапевта, предоставлении ему возможности рефлексировать свои профессиональные действия и свое профессиональное поведение. Содержание работы С. определяется пониманием супервизии как формы консультирования и соответственно позиции С. как позиции консультанта, отличающейся от позиции учителя, контролера. Важной проблемой для С. является проблема соблюдения дистанции с супервизируемым, которая должна определяться исходя из задач супервизии. В ряде стран существует система подготовки С. в специальных школах, а также система подготовки С. второго порядка (С. для С.) — *Психотерапевтическая энциклопедия.* — С.-Пб.: Питер. Б. Д. Карвасарский. 2000.

Русский перевод песни: <http://teksty-pesenok.ru/tracy-chapman-luciano-pavarotti/tekst-pesni-baby-can-i-hold-you-tonight/1607208/> Посмотреть (на дуэт Трейси Чепмен с Лучано Павариотти (!)) можно здесь: https://www.youtube.com/watch?v=juFYnmaI_Ns

Мутизм (лат. *mutus* — немой, безгласный) — в психиатрии и неврологии состояние, когда больной не отвечает на вопросы и даже не даёт понять знаками, что он согласен вступить с окружающими в контакт, при этом в принципе способность разговаривать и понимать речь окружающих у него сохранна. При мутизме отсутствует как ответная, так и спонтанная речь. Следует отличать мутизм от афазии, при которой также утрачивается способность говорить, обычно из-за какого-либо повреждения мозга. Если больной может писать, но при этом не разговаривает, у него вероятен мутизм, но не афазия.

В польской полиции вернулись к системе званий, принятых в польской государственной полиции довоенного периода (1936–1939 гг.).

- Инспектор — соответствовало армейскому званию полковник.
- Подинспектор — соответствовало армейскому званию майор.
- Надкомиссар — соответствующего звания в армии не было (иногда соответствовало коменданту, начальнику komędy полиции)
- Комиссар — соответствовало армейскому званию капитан.
- Подкомиссар — соответствовало армейскому званию поручик.

Для тех, кому будет интересно: <http://freebooks.site/uchebnik-teoriya-politiki/bihevoristskiy-analiz-23401.html> или <http://www.vash-psiolog.info/freidjer/teolich/12093-prakticheskoe-primenenie-bixevioralnogo-analiza.html>

Польский предсказатель Кшиштоф Яцковский (01.06.1963), предсказывает вся и все на ТВ и в Интернете.

paździerz — деревянистые части сухих стеблей льна или конопли, отделившиеся от волокон; от волокон отпадает после трепания. На русский язык переводится как «костра». В словарях присутствуют еще два перевода «лыко» и «мочало», но, похоже, это из другой оперы. От этого слова произошло название месяца октября в польском языке: październik. Автоматический переводчик дает значение «холодный туман», что, согласитесь, с октябрем тоже вяжется. Но далее по тексту мы убеждаемся, что Клейноцкий имеет в виду все же «костру» (хотя ДСП из костры? Это же сколько льна или конопли перетрепать нужно!?).

Эндемический — свойственный определенной географической местности, местный; еще: отличающийся эндемиками — редкими, уникальными, только данной местности присущими растениями, животными (а по мнению Клейноцкого — еще и звуками, словами).

Реймонт (Reumont) Владислав Станислав (7.5.1867, с. Кобеле-Вельке, — 5.12.1925, Варшава), польский писатель. Странствовал с бродячей труппой, был учеником портного, ж.-д. служащим. В литературе выступил в 1893. Творчество Р. сочетает традиции критического реализма с элементами натурализма и символистскими тенденциями. В сборниках «Встреча» (1897), «Перед рассветом» (1902), в повести «Справедливо» (1899) натуралистически показан быт деревни. В романах «Комедиантка» (1896) и «Брожение» (1897) изображены нравы провинциального чиновничества и актёрской среды; в многосюжетном романе «Земля обетованная» 1–2 (1899) воссоздаёт быт и «дела» лодзинских текстильных магнатов. Вершина творчества Р. — роман «Мужики» (т. 1–4, 1904 — 09; Нобелевская премия, 1924; рус. пер., 1954), в котором дана картина сельской жизни с её резкими классовыми столкновениями, общественными и психологическими конфликтами. Автор исторической трилогии «1794 год» (1913 — 18) — о внутриполитическом положении Польши конца 18 в. и патриотическом движении Тадеуша Костюшко. — БСЭ

В оригинале: płyta paździerzowa

Церковное определение Польши: Najjaśniejsza.

Совершенно непонятно, что у Автора ассоциируется в Кракове с британской блевотиной???

См. сноску 92.

Вот это и есть «вернуться к нашим баранам», только по латыни.

Само выражение «князь разума» (*książe rozumu*) встречается в «Истории народа польского» Адама Нарушевича и у Длугоша. Относится оно к литовскому князю Кейстуту, брату Гедимина, изображаемый как «рыцарь без страха и упрека». Вполне возможно, что где-нибудь в польской литературе оно обрело и иронический смысл.

«Семь» (англ. Seven, стилизованная запись: Se7en) — американский триллер 1995 года, режиссер Дэвид Финчер. Рассказ об убийце, который убивает тех, которые, по его мнению, совершили один из семи смертных грехов.

Варминско-Мазурский плебисцит (польск. *Plebiscyt na Warmii, Mazurach i Powiślu*, нем. *Abstimmungsgebiet Allenstein*) — плебисцит, проведённый согласно решениям мирного Версальского договора 11 июля 1920 года на территории Вармии, Мазуры и Повислья при образовании Польского государства. Согласно Версальскому договору Польша помимо Великой Польши получила большую часть Гданьского Поморья. Гданьск получил статус вольного города под контролем Лиги наций. Вопрос о принадлежности Вармии, Мазур и Повислья должен был решаться путём плебисцита. Аргументом присоединения данных территорий к Польше было проживание здесь многочисленного польского население. Население, проживавшее на территориях, принадлежавших Восточной Пруссии, должно было проголосовать о присоединении данных территорий к вновь образованной Польше либо остаться в пределах Восточной Пруссии. Плебисцит проходил под наблюдением Лиги наций. Результаты плебисцита показали, что польское население не спешило объединяться с Польшей. В районе Ольштына в пользу Германии отдали свои голоса 363 209 человек, за присоединение к Польше — 7980. В районе Квидзына в пользу Германии проголосовали 96 894 человека, за присоединение к Польше — 7947 человек. — Википедия

В ольштынском районе Кортово находится Варминско-Мазурский университет.

Szpitalny Oddział Ratunkowy — больничное отделение скорой помощи

Cassandra Wilson — одна из лучших в истории джаза вокалисток. Джей-3и (Джей-Зет Шон Кори Картер) — американский рэппер, один из самых влиятельных и состоятельных деятелей современной хип-хоп музыки, имел собственный капитал более \$450 млн по состоянию на 2010 год. 12 его альбомов отметились на вершине Billboard Top 200. Это рекорд среди всех сольных исполнителей и второе место в истории после Beatles, у которых 19 альбомов поднимались на первое место в США. А еще 4 декабря 1944 года родился Деннис Уилсон — вокалист и ударник, один из основателей легендарной американской рок-группы The Beach Boys.

Польский государственный и политический деятель, министр юстиции в правительстве Дональда Туска, вице-премьер и министр науки и высшего образования в правительстве Беаты Шидло.

OFE — Otwarty Fundusz Emerytalny = Открытый Пенсионный Фонд.

Здесь РКР: Polskie Koleje Państwowe = Польские государственные железные дороги.

Какая-то непонятная ассоциация с французским сатирическим журналом (Charlie Hebdo)? В самом Ольштыне ничего похожего по звучанию не нашлось. Или это как-то связано с ольштынской прессой?

Оструда (польск. *Ostróda*, нем. *Osterode in Ostpreußen*) — город в Польше, входит в Варминьско-Мазурское воеводство, Острудский повят. Имеет статус городской гмины. Занимает площадь 14,15 км². Население 33 603 человек (на 2004 год).

Деревня в 20 км к югу от Олыштына.

11 серия канадского мультипликационного сериала (2011) «Фрэнклин и его друзья» (Franklin and friends») по мотивам знаменитых детских книжек Полетт Буржуа и Брендис Кларк.

Элмер, слон в клеточку — серия детских книжек-картинок английского иллюстратора Дэвида Макки. В 2006 году он как детский иллюстратор был номинирован на премию им. Х. К. Андерсена от Британии. Впервые «Элмер» был опубликован в 1968 году. Обновлённая, она вышла в 1989 году. В Великобритании его выпускает издательство Andersen Press, а в России — издательский дом «Самокат» (с 2013 года). С 1989 года вышло 27 книг про Элмера, а продано более 5 млн экз. по всему миру. Книги про слона Элмера переведены на 40 языков. По книге сняли сериал, а также образ Элмера использовали для многих дополнительных детских продуктов: мягкие игрушки, раскраски и проч. Но приятеля Элмера зовут не Вимбур, а Уилбур (хотя, может так слона в черно-белую клетку зовут у поляков?).

Прошу прощения за офф-топ, но, согласитесь, материал очень даже любопытный:

Колонна Сигизмунда III (польск. *Kolumna Zygmunta III Wazy, Kolumna Zygmuntowska*) — памятник королю Сигизмунду III на площади перед Королевским дворцом в Варшаве.

Столп установлен в 1643–1644 годах в качестве дара короля Владислава IV в честь его отца, по проекту Августина Лоччи и Константино Тенкалла. Прообразом послужила Марианская колонна перед базиликой Санта-Мария-Маджоре (проект Карло Мадерна).

История колонны началась раньше, чем она появилась на Замковой площади. Памятник был замыслом самого Сигизмунда (Зыгмунта) III, который хотел таким образом увековечить свою победу над мятежниками Николая Зебжидобского. Вокруг этого шляхтича объединились недовольные политикой Сигизмунда. Они требовали удалить от двора иностранцев и иезуитов, а вместо них учредить выборный совет, который поддерживал бы согласие между властью и народом. Но оказалось, что королю легче подавить бунт, чем изменить политику. Та колонна была вдвое выше нынешней и не выдержала приготовлений к перевозке. Треснув посередине, она до 1644 г. лежала в каменоломне, пока скульптор Клемент Молли вместе с архитекторами не сделал этот единственный в своем роде памятник, поместив короля на вершину колонны. Сигизмунд, который при жизни был ревностным католиком, держит в руках крест.

Король прожил 66 лет, 45 из которых носил корону. Подданные не любили его, даже варшавяне, хотя он и перенес сюда столицу. Сигизмунд был плохим политиком и втянул страну в долгую и изнурительную войну со Швецией. В результате шведы взяли Варшаву, причем одна из самых жестоких битв случилась уже под колонной Сигизмунда. Впрочем, несмотря на профессиональные изъяны, король многим нравился. Он был человеком просвещенным, любил искусство, сам занимался скульптурой и живописью. Знал толк в часовом деле, и из его рук выходили уникальные вещи. Например, вместе с другими мастерами сделал хронометр, который разыгрывал настоящие представления. Часы имели форму костела, внутри которого восседал сам папа римский. Каждый час играли трубы, полчасы отмечал звон литавр, а каждые четверть часа голоса труб звали на войну. Король подарил часы папскому легату, и не исключено, что и по сей день их можно увидеть в Ватикане. Кроме того, король любил музыку, театр, литературу, интересовался спортом и даже, к огорчению двора, пробовал играть в футбол. Колонна его имени, как и сирена, стала символом Варшавы и всегда восхищала людей. В 1711 г. в Варшаву приехал российский царь Петр. Увидев колонну, онемел от восторга, после чего мечтал лишь об одном — забрать это чудо в Петербург. Тем более что «александрийского столпа» там еще не было, и колонна вполне соответствовала бы архитектуре «Северной Пальмиры». Август II Саксонский который тогда правил Польшей, не дорожил ни страной, ни ее богатствами и охотно подарил колонну Петру. Да вот незадача: по всей тогдашней Варшаве не нашлось никого, кто справился бы с перевозкой такой махины. Царь уехал с той же ручной кладью, с какой и приехал.

Памятник простоял до Варшавского восстания, разделив судьбу города, но в 1949 г. снова поднялся над площадью. История колонны, поставленной в честь короля «небольших заслуг и славы», продолжается. (<http://www.warszawa.ru/sigizmunda.html>)

Млава (польск. *Mława*) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство, Млавский повят. Имеет статус городской гмины. Занимает площадь 34,86 км². Население 30 817 человек (на 2004 год). Город расположен на реке Млавке, притоке реки Вкры. Впервые город Млава упоминается как место встречи 2 июля 1426 года трех князей Мазовии, куда они приехали на заседание местного суда. Неизвестно, была ли Млава к тому времени городским центром, но три года спустя, в 1429 году, Млава уже имела статус города. В 1521 году, во время польско-тевтонской войны, город был захвачен и разграблен крестоносцами. В 1659 году город был сожжен шведскими войсками, и в 1795 году, после раздела Польши, Млава стал частью Пруссии.

После наполеоновских войн Млава была включена в состав Российской империи, где и оставалась до Первой мировой войны. Поскольку в 1914 году город был расположен в непосредственной близости от предварительной русско-немецкой границы, в районе Млавы шли тяжелые бои и город переходил из рук в руки четырнадцать раз. В межвоенный период правительство Второй Польской Республики построило здесь несколько укреплений, и на начальных этапах Второй мировой войны продвижение германского вермахта в районе Млавы встретило сильное сопротивление польской армии. Во время оккупации еврейское кладбище Млавы подверглось полному разрушению. Ненависть к евреям была настолько сильной, что после войны памятник жертвам холокоста в Млаве неоднократно повреждался поляками.

В 1991 году город стал местом крупного погрома, направленного против цыган. (Может именно это вызвало иронию автора?).

Остроленка (польск. *Ostrołęka*) — город в Польше на реке Нарев, входит в Мазовецкое воеводство. Занимает площадь 29,00 км². Население 53 758 человек (на 2006 год).

В честь этого города в России, в Нагайбакском районе Челябинской области, назван посёлок Остроленский.

После событий сентября 1939 года приграничный город Германии с Белорусской ССР

В сентябре 1944 года за мужество и отвагу, проявленные при овладении городом и крепостью Остроленка, приказом Верховного Главнокомандующего СССР 878-й стрелковый полк 290-й стрелковой дивизии получил наименование Остроленковский.

Сецессион (*нем. Sezession, от лат. secessio — отход, отделение, обособление*) — название ряда немецких и австрийских художественных обществ конца 19 — начала 20 вв., представлявших новые течения в искусстве и возникших на почве оппозиции официально признанному академизму. Наиболее известны «Мюнхенский С.», «Берлинский С.» и «Венский С.».

«Мюнхенский С.», основанный в 1892 Ф. фон Штуком и руководимый с 1899 Ф. фон Уде, объединял преимущественно представителей немецкого варианта стиля «Модерн» — югендстиля. Одним из ведущих мастеров «Мюнхенского С.» с 1893 стал архитектор, график и дизайнер П. Беренс.

«Берлинский С.», созданный в 1899, объединял в основном художников немецкого Импрессионизма (первый президент общества — М. Либерман). В 1906 общество распалось на «Новый Берлинский С.», руководимый Л. Коринтом, и «Свободный С.» во главе с Либерманом.

«Венский С.», возникший в 1897, сгруппировал представителей австрийского «модерна», который получил название «сецессионстиль» («стиль С.», *Sezessionsstil*). Ядром «Венского С.» стал журнал «Вер сакрум» («*Ver Sacrum*», основан в 1898), бывший также органом австрийского литературного Символизма (эссе Г. фон Гофмансталя, стихи Р. М. Рильке); главой и ведущим мастером в области живописи являлся Г. Климт. Характерные черты «сецессионстиля»: для живописи — мозаичная многоцветность и изощрённая орнаментальность (Климт); для графики — геометрическая ясность рисунка при его общей свободной декоративности (Климт, К. Мозер, И. М. Ольбрих, И. Хофман); для архитектуры — чёткость объёмов, ритмическая упорядоченность членений, лаконичность декора, рациональность композиционных и конструктивных решений (О. Вагнер, Ольбрих, Хофман). Отличительной особенностью «сецессионстиля» в целом (включая и декоративно-прикладное искусство) являлось тяготение его мастеров к прямолинейной орнаментике, сохранявшей геометрическую жёсткость даже в самых сложных комбинациях; отсюда «сецессионстиль» иногда называют «стилем квадрата» (*Quadratstil*). Деятельность «Венского С.» во многом способствовала распространению и утверждению как позитивных принципов «модерна» (в архитектуре, в книжной графике), так и его упаднических тенденций (в изобразительном искусстве — склонность к претенциозной символической, болезненной эротике, произвольное искажение форм предметного мира). — БСЭ.

Гражданская платформа Республики Польша (польск. *Platforma Obywatelska Rzeczypospolitej Polskiej*) — польская либерально-консервативная политическая партия, основана 19 января 2001 года тремя политиками: Анджеем Олеховским, Мацеєм Плажиньским и Дональдом Туском. Кем стал Туск сейчас, сами знаете.

Для тех, кто не в танке: Выражение «О, времена! О, нравы!» было заимствовано из латинского языка «*O tempora! O mores!*». Согласно историческим сведениям этот фразеологизм принадлежит Марку Туллию Цицерону, который был известным древнеримским государственным и политическим деятелем, писателем, оратором, мыслителем и юристом. Эти слова были впервые произнесены в созванном им (Цицероном) на заседании Сената города Рима в своей первой речи против заговора Катилины 8 ноября 63 года до Р.Х. в храме Юпитера Статора.

Казимеж Михаловский (польск. *Kazimierz Michałowski*; 14 декабря 1901, Тернополь, ныне Украина — 1 января 1981, Варшава) — польский археолог, египтолог, историк искусств, член ПАН, ординарный профессор Варшавского университета. Основатель польской школы средиземноморской археологии и основоположник нубиологии.

Прошу прощения за слово (фр.).

Для тех, кто чего-то где-то слышал: Комедия дель арте (итал. *commedia dell'arte*), или комедия масок — вид итальянского народного (площадного) театра, спектакли которого создавались методом импровизации, на основе сценария, содержащего краткую сюжетную схему представления, с участием актёров, одетых в маски. Принцип *tipi fissi*, в котором одни и те же персонажи (маски) участвуют в различных по содержанию сценариях, сегодня широко используется в создании комедийных телесериалов, а искусство импровизации — в *stand-up comedy*.

Визит Иоанна Павла II в Польшу в июне 1979 года (<http://www.katyn-books.ru/library/polskiy-dialog67.html>) Выступление в Варшаве, на площади Победы — 2 июня 1979 года. Так что наш Ян Павел еще относительно молод.

Раз уж имена в этой семье давали со смыслом, то, возможно, любопытному читателю может помочь вот это: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1340901>

KFC = Kentucky Fried Chicken (Жареный Цыпленок из Кентакки), международная сеть ресторанов быстрого питания.

В данном случае, это говорит о том, что Женя закончила медицинское высшее учебное заведение без защиты диплома. В общем случае: окончание учебы в ВУЗе без защиты диплома.

«Szału nie ma, ale wstydu też nie». Вы будете смеяться, но это цитата из книги Зыгмунта Милошевского «Бесценный» (2013).

В Польше практически все официальные учреждения работают до 15:30.

Польский тележурналист (4.12.1963), автор многочисленных программ и книг о путешествиях. Больше всего прославился тем, что представлял прогноз погоды (и даже получил за это профессиональную награду «Телекамера» (2012)). Автор множества книжек на тему экзотической кухни.

Мариса Томей (англ. *Marisa Tomei*; род. 4 декабря 1964, Бруклин, Нью-Йорк, США) — американская актриса театра и кино. Слава пришла к Томей в 1992 году после фильма «Мой кузен Винни», за роль Моны Лизы Вито, в котором она получила «Оскар» за лучшую женскую роль второго плана.

Читатели, гораздо чаще ходящие в кино, чем я, уже догадались, что Мышлимир собрался на фильм «Холодное сердце» (англ. *Frozen*) — американский компьютерный анимационный фильм 2013 года, пятьдесят третий полнометражный мультфильм, созданный студией «Walt Disney Animation Studios» и выпущенный компанией «Walt Disney Pictures». По сюжету храбрая принцесса Анна и простой парень Кристофф вместе с оленем Свеном и снеговиком Олафом отправляются в смертельно опасное путешествие по заснеженным горным вершинам, чтобы попытаться найти старшую сестру Анны, Эльзу, нечаянно наложившую заклятье на их королевство и тем самым обрекшую на вечную зиму его жителей. Премьера мультфильма в США состоялась 27 ноября 2013 года. Мультфильм стал обладателем двух премий «Оскар» в номинациях «лучший анимационный фильм» и «лучшая песня» — «Let it go», а также ряда других наград. После 2013 года появилось уже два продолжения.

См. сноску 54.

Эти явления имели место с 27 июня по 16 сентября 1877 года. Богоматерь видели и общались с нею тринадцатилетняя Юстына Шафрыньская и двенадцатилетняя Барбара Самулевская. Обе девочки были из бедных семей. Богоматерь обратилась к ним по-аольски, что подчеркнул ксендз Францишек Хиплер, «на языке, на котором в Польше разговаривают». (<http://sanktuariummaryjne.pl/sanktuarium/objawienia-matki-bozej/objawienia-matki-bozej-w-gietrzwaldzie/>)

Йонково (Jonkowo, (нем.) Jonkendorf) — крупная деревня (1500 человек в 2006 году) в гмине Йонково на трассе железнодорожной линии «Ольштын — Моронг — Эльблонг».

Сабайо́н (итал. *zabaglione*, *zabaione*; фр. *sabayon*) — один из самых известных десертов итальянской кухни, яичный крем с добавлением вина (обычно марсалы или просекко). Яичный желток взбивается с сахаром до образования белой пены, затем добавляется вино, для аромата ром и корица. Полученная смесь взбивается на водяной бане до образования пены. Подаётся в декорированном сахарной пудрой бокале с бисквитным печеньем или со свежим инжиром.

Депрессия (от лат. *deprimo* — «давить», «подавить») — психическое расстройство, характеризующееся «депрессивной триадой»: снижением настроения и утратой способности переживать радость (ангедония), нарушениями мышления (негативные суждения, пессимистический взгляд на происходящее и так далее), двигательной заторможенностью. При депрессии снижена самооценка, наблюдается потеря интереса к жизни и привычной деятельности. В некоторых случаях человек, страдающий ею, может начать злоупотреблять алкоголем или иными психотропными веществами.

Невроз, психоневроз, невротическое расстройство (новолат. *neurosis* от др. — греч. νῆρον — «нерв») — в клинике: собирательное название для группы функциональных психогенных обратимых расстройств, имеющих тенденцию к затяжному течению. Клиническая картина таких расстройств характеризуется астеническими, навязчивыми или истерическими проявлениями, а также временным снижением умственной и физической работоспособности. Понятие «невроз» было введено в медицину в 1776 году шотландским врачом Уильямом Калленом.

Биполярное аффективное расстройство или маниакально-депрессивный психоз — это психическое заболевание, которое характеризуется резкими перепадами настроения. Во время маниакальной стадии уровень энергичности и активности возрастает, а во время депрессивной фазы наблюдается спад всех процессов. В период таких обострений болезни пациенту часто трудно выполнять даже простую работу будничного характера.

Психоз (др. — греч. ψύχωσις — душевное расстройство; от ψυχή — душа, рассудок, и — ωσις — нарушенное состояние) — явно выраженное нарушение психической деятельности, при котором психические реакции грубо противоречат реальной ситуации (по И. П. Павлову), что отражается в расстройстве восприятия реального мира и дезорганизации поведения.

«Изгоняющий дьявола» (англ. *The Exorcist*) — классический фильм ужасов 1973, снятый режиссёром Уильямом Фридкином. Экранизация произведения Уильяма Питера Блэтти. Техническим консультантом фильма выступил священник Джон Никола — автор монографии «Одержимость дьяволом и экзорцизм». Фильм был номинирован на десять премий «Оскар», включая за лучший фильм года, и получил две из них. На протяжении многих лет фильм находился в списке 250 лучших фильмов в истории по версии *IMDb*.

Карл Ведель приехал в Польшу из Берлина и в 1851 г. открыл в Варшаве собственное дело.

В со вкусом обставленной кондитерской на ул. Мёдовой Карл Ведель вместе с супругой Каролиной подавал питьевой шоколад. Кроме сладких десертов в «Кондитерской Э. Ведель» продавалась также аптекарская продукция: солодовый сироп, лечебная карамель и мятные пастилки.

Десерты Веделя пользовались огромной популярностью среди местного люда, который толпами валил в кондитерскую, пробуя интересные, ранее неизвестные вкусовые композиции. <http://wedel.com/ru/#home>

Для нынешних поляков шоколад Веделя стал такой же легендой, как для москвичей — продукция фабрики «Красный Октябрь» или «Вдохновение», понятное дело, появилось много подделок. Конфеты «Сказочные» входили в состав «ассорти» Веделя.

Партия «Право и справедливость» (также *Закон и Справедливость*, польск. *Prawo i Sprawiedliwość, PiS*) — это национал-консервативная и католико-клерикальная политическая сила. Партия имеет тесные связи с католической церковью и неоднозначно оцениваемой евангелистской радиостанцией «Радио Мария». Первым председателем «PiS» в 2001 год стал Лех Качиньский. До 2003 года он был главой партии и до 2006 года выполнял функции почётного председателя партии.

KSSIP — Krajowa Szkoła Sądownictwa i Prokuratury = Национальная Школа Судебного дела и Прокуратуры. Располагается в Люблина.

Роберт Дауни Младший снимался в куче фильмов, но здесь, скорее всего, имеется в виду «Железный человек», положивший начало масштабной медиафраншизы под названием «Кинематографическая вселенная Marvel». В нем Дауни исполнил роль супергероя Тони Старка / Железного человека — эту же роль он вскоре повторил в фильмах «Железный человек 2» (2010), «Мстители» (2012), «Железный человек 3» (2013), «Мстители: Эра Альтрона» (2015) и «Первый мститель: Противостояние» (2016). Также известен благодаря роли Шерлока Холмса в фильмах Гая Ричи «Шерлок Холмс» (2009) и «Шерлок Холмс: Игра теней» (2011) (но тут актер уже не летал). За роль в первой части был удостоен второго «Золотого глобуса».

В Грудзёндзе (польск. Grudziądz), Грауденц (нем. Graudenz) — город в Польше, входит в Куявско-Поморское воеводство, занимает площадь 58,70 км²., население 99 578 человек (на 2006 год)) располагается известная на всю страну женская тюрьма (о ней можно почитать здесь: <http://index.org.ru/journal/18/18-alpern-2.html>)

«Злой дом» («Dom zły») — так называется фильм польского режиссера Войчеха Смажовского (Wojciech Smarzowski) (2009) (правда, в Википедии название перевели как «Темный дом», хотя, правильнее, было бы «Дом зла»), у которого Милошевский явно позаимствовал это выражение. А фильм рекомендую всем. Равно как и другие фильмы режиссера, в особенности, «Свадьба» (2004) или «Ксендз» (2017).

Похоже, Автору изменило чувство реальности. После подобного рода переживаний Хеля, скорее всего на несколько лет прописалась бы в психиатрической клинике, да и сам Шацкий должен был бы очень долго восстанавливать психику. Хотя вот дочка — а она дипломированный психотерапевт с большим опытом — говорит, что может быть всякое, в том числе и описанное автором. В общем, человеческая психология и психика, не говоря уже о женской, не говоря о подростковой, а что уж говорить о прокурорской (!) — дело ой какое темное... Главное, что они позволяют нам читать такие вот книги.

Тут, похоже, Лопес (а вместе с ним и автор) имеет в виду супругу премьер-министра Польской республики, которым с 16 ноября 2007 года по 22 сентября 2014 года был Дональд Туск, а вот потом уже премьер-министрами становились исключительно женщины: с 22.09.2014 по 16.11.2015 — Эва Копач, а с 16.1.2015 и до настоящего времени — Беата Шидло.

Statoil ASA — крупнейшая нефтегазовая компания Норвегии. Штаб-квартира — в городе Ставангер. Statoil ведёт активные операции на розничном рынке. АЗС под норвежской маркой работают в Дании, Эстонии, Ирландии, Латвии, Литве, Норвегии, Польше, России и Швеции.

«Рита Хэйуорт и спасение из Шоушенка» (англ. *Rita Hayworth and Shawshank Redemption*) — повесть американского писателя Стивена Кинга, написанная в стиле психологического реализма. Впервые была опубликована в 1982 году издательством Viking Press в авторском сборнике «Четыре сезона». Позже она вошла в книгу «Стивен Кинг идёт в кино».

Польская актриса, телеведущая (09.12.1985 г.).

См. сноску 45.

Торт-безе со свежими фруктами, особенно популярный в Новой Зеландии и Австралии. Изготавливается из безе, взбитых сливок, верхний слой — из ягод или кусочков тропических фруктов. В Новой Зеландии предпочитают киви, а в Великобритании малину. Выпекают «Павлову» в виде торта или порционно, украшая каждую порцию отдельно. Десерт назван в честь великой русской балерина — Анны Матвеевны Павловой (1881–1931 гг.). Согласно проведенным исследованиям рецепт появился в Новой Зеландии во время всемирного турне балерины. Торт был изготовлен по случаю ее день рождения и представляя новый десерт шеф-повар воскликнул: «Такой же воздушный, как и Павлова». Согласно этой версии, так за десертом и закрепилось такое название. В данное время существует более 300 видов этого десерта, но классика это безе, сливки, ягоды, фрукты и ваниль.

Кафе SiSi: Ольштын 11-041, Старе Място 28. Не знаю, связано ли название кафе с Сисси, дочерью герцога Макса Баварского. Да и где Бавария, а где Варминско-Мазурское воеводство. Но и вряд ли с маркой итальянского дамского нижнего белья...

Личностные ценности (*dobra osobiste*). Из польской Википедии: «Представители науки о праве согласны с тем, что точного и исчерпывающего определения этих ценностей сформулировать нельзя, поскольку правовая конструкция этих ценностей ссылается к моральным соотношениям, которые могут оцениваться по-разному, и которые могут подлежать изменениям. Чаще всего в судебных процессах указываемыми личностными ценностями являются доброе имя и достоинство человека, которые складываются в понятие «части». Гражданское право в понятие «личностных ценностей» включает: здоровье, свободу, честь, свободу совести, имя или псевдоним, тайну корреспонденции, неприкосновенность жилища, научное, художественное, изобретательское творчество... (...) Следует заметить, что под влиянием решений судов и доктрины права, перечень личностных ценностей расширяется. Сейчас к ним прибавились: право на приватность, право на спокойствие (свободу от страха), право на то, чтобы человека оставили в покое...»

Уважаемый читатель, вы, естественно, понимаете, что здесь имеется в виду президент города, а не государства или, не дай бог, компании. Городской президент в Польше — должность главы администрации крупных и средних городов, с населением, как правило, от 100000 (или 50000 до 1990 года) человек.

В романе «Увязнуть в паутине» Шацкий ухаживал за журналисткой Моникой Гжелкой. Кстати, по-польски к журналистам обращаются: пани редактор, пан редактор...

Я уже писал о сернике в комментариях к «Увязнуть в паутине». Нынешний материал взят вот отсюда: <http://culture.pl/ru/article/putevoditel-po-polskoy-kuhne-dlya-inostrancev>: Серник. Этот польский чизкейк готовится из творога. Творог использовался для приготовления десертов сотни лет. В отличие от восточноевропейской пасхи, серник, такой, каким мы его знаем сегодня, — недавнее изобретение: он появился в XIX веке. Существует множество способов приготовления этого лакомства. Некоторые предпочитают хрустящую основу, кто-то не признает ее вообще. В любом случае, при приготовлении серника используются желтки в большом количестве. Сегодня чаще всего встречаются серники с ванильным вкусом и шоколадной глазурью.

См. роман З. Милошевского «Увязнуть в паутине».

Сигизмунд I Стáрый (польск. *Zygmunt I Stary*; 1 января 1467, Краков, Польша — 1 апреля 1548, там же) — великий князь литовский с 20 октября 1506 (провозглашение избрания 8 декабря 1506) и король польский с 8 декабря 1506, пятый сын Казимира IV Ягеллончика и Елизаветы Габсбург, внук Ягайло.

Степа́н Андре́евич Банде́ра (укр. *Степан Андрійович Бандера*; 1 января 1909, Старый Угринов, Королевство Галиции и Лодомерии, Австро-Венгрия — 15 октября 1959, Мюнхен, ФРГ) — украинский политический деятель, идеолог и теоретик украинского национализма.

Эва Каспшик (1957) — польская актриса театра и кино.

Ка́мил Стох (польск. Kamil Stoch; род. 25 мая 1987 года в Закопане, Польша) — польский прыгун с трамплина, двукратный олимпийский чемпион 2014 года, чемпион мира 2013 года, обладатель Кубка мира 2013/14.

Ольштынек (польск. *Olsztynek*, нем. *Hohenstein*) — город в Польше, входит в Варминьско-Мазурское воеводство, Ольштынский повят. Имеет статус городско-сельской гмины. Занимает площадь 7,69 км². Население 7648 человек (на 2004 год). История города начинается с постройки тевтонскими рыцарями замка Гогенштейн в 1351 году. В 1410 г. в окрестностях города рыцари потерпели сокрушительное поражение в битве при Грюнвальде. В 1440-55 гг. в составе Прусской конфедерации, с 1525 г. — часть Пруссии. В августе 1914 г. оказался в центре битвы при Танненберге. На проведённом после Первой мировой войны плебисците было подано только два голоса за передачу города под юрисдикцию Польши. В город из Кёнигсбергского зоопарка был перемещен этнографический музей Восточной Пруссии. В 1927 г. здесь был воздвигнут мемориал в Танненберге, где через 7 лет был захоронен германский президент Пауль фон Гинденбург. После Второй мировой войны мемориал был разрушен, могила Гинденбурга с супругой ещё до начала боёв была перемещена в Марбург. Польские власти соорудили в городе памятник в честь Грюнвальдского сражения.

Здислав Мархвицкий (польск. *Zdzisław Marchwicki*; 18 октября 1927, Домброва-Гурнича — 26 апреля 1977, Катовице) — польский серийный убийца, «силезский вампир», «вампир из Заглембья», осужденный на смертную казнь за убийства 14 женщин. В 60-х годах на территории Заглембе-Домбровске и Верхней Силезии произошла целая серия зверских преступлений; начались они в 1964 году и продолжались, с небольшими перерывами, до конца 1970 года. Всего же было совершено 19 нападений на женщин, 14 из которых оказались со смертельным исходом. Своих жертв Мархвицкий грабил, убивал, а после глумился над телами.

Фирма по прокату автомобилей.

Олег Кузнецов, одно из основных действующих лиц в первой книге о прокуроре Шацком.